ФОНД ИНВЕСТИЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ТОТЕМСКОГО РАЙОНА
ТОТЕМСКОЕ МУЗЕЙНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Сборник посвящается 80-летнему юбилею мастера,
автора коллекции макетов деревянных храмов России
Валентина Петровича Поклада

РУССКИЙ СЕВЕР - 2023: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Сборник работ VII Всероссийской научной конференции

Вологда
«Полиграф-Периодика»
2023

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Р89

Печатается по решению научно-методического совета МБУК «Тотемское музейное объединение»

Издание выпущено при поддержке Президентского фонда культурных инициатив и Благотворительного фонда Владимира Потанина

Автор идеи, куратор проекта *– А. М. Новосёлов*

Составитель и редактор *– О. В. Полоцкая*

Редакционно-издательская коллегия:

Новосёлов А. М. (директор МБУК «Тотемское музейное объединение», старший преподаватель кафедры теории, истории культуры и этнологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»), Полоцкая О. В. (главный хранитель фондов МБУК «Тотемское музейное объединение»), Селебинко З. В. (директор Фонда инвестиционного развития Тотемского района), Якушева Л. А. (кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»).

Рецензенты:

Ермолин Е. А., кандидат искусствоведения, доктор педагогических наук, профессор, Ярославль – Москва
Красильников Р. Л., доктор филологических наук, профессор, Москва

Материалы выпускаются в авторской редакции.
Редколлегия может не разделять точку зрения авторов публикаций.

Р89 **Русский Север-2023:** проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия : сборник работ VII Всероссийской научной конференции / Фонд инвестиционного развития Тотемского района, Тотемское музейное объединение, Вологодский государственный университет ; редколлегия: А. М. Новосёлов [и др.] ; составитель и редактор О. В. Полоцкая. – Вологда : Полиграф-Периодика, 2023. – 414 с.: ил.

ISBN 978-5-91965-310-3

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-91965-310-3

© МБУК «Тотемское музейное объединение», 2023
© ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 2023
© Оформление. ООО ПФ «Полиграф-Периодика», 2023

Новосёлов Алексей Михайлович,
директор МБУК «Тотемское музейное объединение»,
старший преподаватель кафедры теории, истории культуры и этнологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Седьмая конференция «Русский Север. Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия» проходит в условиях сильно изменившейся внешнеполитической ситуации и неспадающей эмоциональной напряжённости. Находясь на очередном «разломе эпох», музейщики, очевидно, должны пытаться не только фиксировать текущую ситуацию применительно к той местности, в которой они находятся, но и насколько возможно продолжать развивать краеведческую деятельность, укреплять музейное и научное братство. В этой связи проведение научных конференций для кого-то становится способом эмоционального эскапизма, когда за прошлым ты пытаешься спрятаться от настоящего – и пусть настоящее всё равно догонит, всё равно есть повод на какой-то момент в позитивном смысле слова забыться и погрузиться в дружескую атмосферу. А кто-то, напротив, мучительно пытается найти в прошлом ответы на современные вопросы – и конференции, семинары, форумы иногда нас к этой цели приближают. Так или иначе, как никогда актуально звучит избитая вроде бы фраза: «Возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке!».

Прошедший год для Тотемского музейного объединения стал временем вызовов и возможностей. О вызовах всё понятно без лишних слов. Но были и возможности – когда открылись те окна, которые давно и прочно были захлопнуты без каких-либо серьёзных надежд на то, что поступит воздух. Так, впервые с середины 1950-х годов фондохранилище ТМО пополнилось большим количеством нового оборудования, предназначенного для обеспечения сохранности музейных предметов – стеллажами, драйверами, каталожными ящиками и проч. Это стало возможно благодаря участию учреждения в федеральном национальном проекте «Культура» и программе реновации муниципальных краеведческих музеев. Выбор в пользу технического оснащения фондохранилищ был сделан сознательно: если в экспозиционные залы есть возможность привлечь оборудование за счёт всевозможных грантовых источников, то закрытые от глаз посетителей помещения практически не имеют шансов обновиться благодаря

социокультурному проектированию. Таким образом, условия хранения предметов (а коллекция музея, напомню, составляет более 77 тыс. ед.) стали существенно лучше.

Прекрасным примером связки «вызов-возможность» в минувшем году для нас стала ситуация с комплексом усадьбы Холодиловых, финансирование ремонтно-реставрационных работ на котором застыло ввиду целого ряда сложностей. Это вроде бы неприятное обстоятельство дало нам возможность провести целый ряд подготовительных мероприятий, случившихся благодаря поддержке Президентского фонда культурных инициатив в рамках проекта «Дорогами Русских Колумбов». Так, была подготовлена и презентована концепция будущего музея мореходов, который планируется разместить на втором этаже главного здания усадьбы. Для разработки данной концепции мы провели по-настоящему масштабный сбор архивных документов, и они, надеюсь, позволят узнать о феномене тотемского мореходства больше стандартного набора избитых фраз, которые мы, зачастую не задумываясь, повторяли годами на экскурсиях.

Более того, нам захотелось предложить посетителю подумать над вопросами о тотемском мореходстве вместе – и так открылась, пожалуй, самая провокативная выставка за всё время существования ТМО – «Морской узел». Необычна она, во-первых, лофт-форматом: экспозиция построена прямо внутри неотремонтированного здания усадьбы – со всеми следами демонтированных временных перегородок, дырами в стенах, в некоторые из которых можно заглянуть, как в подзорную трубу, и с превращёнными в арт-объекты старыми вешалками. Во-вторых, «Морской узел» неслучайно был назван выставкой-размышлением: посетителям там задаются вопросы, ответы на которые в полной мере неизвестны даже самим авторам проекта, сотрудникам нашего музея.

Каждый из местных жителей может с гордостью сказать фразу «Тотьма – город мореходов», но мало кто задумывается над тем, что стоит за данным именованием, и как эпоха тотемских путешествий встраивается в общий контекст истории города. Почему вообще было использовано слово «мореходы», если речь идёт не только (а иногда – и не столько) о путешествиях по морю? Сколько было этих людей, отправившихся на восток из Тотьмы? Новое ли это явление или в предшествовавшие исторические периоды тотьмичи тоже имели опыт длительных походов через огромное пространство Евразии? В конце концов, ждал ли кто-нибудь этих людей дома?

В рамках выставочного проекта мы предложили посетителю поразмышлять над вопросами о мореходах вместе – и попытаться переосмыслить этот удивительно яркий пласт исторического наследия, который навсегда изменил Тотьму. Ответы на эти вопросы могут разниться – в зависимости от того, под каким углом зрения смотреть на проблему, и развязать «морской узел» противоречий можно разными способами. На некоторые вопросы однозначных ответов вовсе нет.

Авторы выставки – сотрудники ТМО Анатолий Пахнин, Ольга Егорова, Светлана Немирова и присоединившиеся к ним волонтёры сопроводили выставку целым рядом нетривиальных инсталляций: карта Алеутских островов из камней на песке; план Тотьмы, сложенный из меха пушных зверей; маяк с рассеянным лучом. Некоторые арт-объекты были созданы при участии молодёжного объединения «НеформаТ», работающего при творческом пространстве ТМО «АнтреСоль».

Выставка, помимо всего прочего, заставляет задуматься о том, почему за те 25 лет, что существует тотемский музей мореходов, никто даже не пытался поставить под сомнение транслируемые там постулаты или опровергнуть какие-то спорные суждения. Сейчас, когда мы стоим на пороге создания принципиально новой концепции музея, нам принципиально важно не заниматься мифотворчеством, а пытаться отыскать историческую правду[1].

Освоение темы продолжилось не только через изучение архивных документов и монтаж новых выставок, но и путём организации командировок в интересующие нас места Сибири и Дальнего Востока – по следам тотьмичей восемнадцатого столетия. Стоит отметить значимый факт участия сотрудников ТМО Анатолия Пахнина и Ивана Николаева в представительном форуме «Камчатка. Россия. Мир» в Петропавловске-Камчатском. Во многом благодаря связям с камчатскими исследователями нами был заказан в архиве РГО материал А. Полонского «Перечень путешествий русских промышленников в Восточном океане с 1743 по 1800 г.», текст которого ранее был нам не известен. Расшифровка документа позволила существенно конкретизировать и уточнить знакомый нам материал С. М. Зайцева о количестве и составе морских

[1] Надо сказать, что с провокативной ролью выставка «Морской узел» справилась всецело. После проведения праздника «День Русских Колумбов» в адрес Главы района пришёл сигнал о том, что тотемские музейщики в рамках своей новой выставки устроили революцию и утверждают, что Тотьма вовсе не является «городом мореходов».

экспедиций тотьмичей. Статья Анатолия Пахнина, публикуемая в настоящем сборнике, является уже достаточно серьёзным прорывом в изучении феномена местного мореходства. Является интереснейшим поводом для размышлений и материал Сергея Вахрина (Елизово, Камчатский край), ставший одним из двух текстов раздела «Книга в книге». Но для построения полноценной экспозиции нового морского музея Тотьмы требуется дальнейшее скрупулёзное изучение полученных документов и поиск новых.

Кроме основного помещения усадьбы, мы постепенно осваивали территорию бывшего конюшенного корпуса, более знакомую тотьмичам как полицейские гаражи. Там возникли два новых выставочных пространства. Чрезвычайно популярными были экскурсии по тюремному корпусу: возможность посетить его ввиду разного рода коммунальных проблем бывала нечасто, и каждый раз приходилось сдерживать толпы людей, желающих штурмовать ранее закрытый и малознакомый объект.

Следует отметить, что информация об истории усадебного комплекса, опубликованная в сборнике предыдущей конференции, подверглась некоторым корректировкам. Новые данные приводятся в публикуемой статье Ивана Николаева.

Помимо обращения к посетителям в рамках выставки «Морской узел», команда ТМО продолжила эксперименты и обратилась к ещё одной важной аудитории, с которой музеи на малых территориях работают не столь часто – к студентам. Летом 2022 года был проведён музеологический лагерь «Проектная деятельность – ресурс развития муниципального музея», в котором приняли участие ребята из трёх вузов страны. Музеологам РГГУ и СПбГИК и культурологам ВоГУ было предложено творчески переосмыслить различные помещения усадебного комплекса Холодиловых и написать проектные заявки для постепенного оживления этих пространств в условиях пока не проведённой реставрации. Об этом интересном опыте в финальном разделе данного сборника размышляют представители музея и вуза – Мария Правдина и Людмила Якушева. От себя хочется сказать, что проведение подобных мероприятий требует колоссального напряжения сил, а результат зачастую бывает сильно отложенным во времени. Но если не работать со студентами сейчас, то кто будет виноват потом в наших жалобах на кадровый голод?

Следуя традиции размещать студенческие тексты на страницах сборника «Русский Север», в этом году мы ввели новую рубрику «Первая публикация». Там представлены материалы

ребят, учащихся на отделении культурологии Вологодского государственного университета.

2022 год прошёл для нас под знаком продолжающихся ремонтно-реставрационных работ на объектах деревянного наследия Тотьмы. Важным подспорьем здесь стали гранты, полученные нашей командой от Президентского фонда культурных инициатив (проекты «Дело – в людях!» и «АРХиТотьма») и Благотворительного фонда Владимира Потанина (проекты «Агентство музейного развития "ЛОЦИЯ"» и «Волонтёрский лагерь "Заповедное посольство"»). В результате этого проведён масштабный комплекс работ на доме купцов Токаревых (ул. Горького, 14), где был поднят фундамент, перекрыта кровля, заново построено крыльцо, дом при поддержке волонтёров был покрашен; идёт работа над дизайном интерьеров[2]. Бывшему дому купцов Беловых (ул. Володарского, 21) планируется вернуть первоначальный облик, сейчас там вовсю идут внутренние работы. Ещё один деревянный дом (ул. Володарского, 25) планируется покрасить в рамках очередного сезона фестиваля «Том Сойер Фест». О результатах этих работ можно будет, надеемся, говорить на конференции «Русский Север» в будущем году.

Немаловажным кажется тот факт, что благодаря грантовому финансированию музей смог сделать то, о чём я писал в прошлом году как о необходимости – переиздать ранее выпущенный малым тиражом альбом Евгения Елисеева «Тотемская домовая резьба».

Работа с культурным наследием района не ограничивается историческими зданиями – и в прошлом году ТМО вместе с фондом развития общественных инициатив «Соль Земли» вели большую и важную работу по музеефикации ландшафтов. Так, продолжилась реконструкция Тотемского солеваренного завода в деревне Варницы; были воссозданы в уменьшенном масштабе рассолоподъёмная башня и градирня, а для проведения мероприятий приспособлено помещение соляного амбара. Результатом очередного

[2] Интересна история этого дома, который Тотемское музейное объединение получило во многом случайно. Мы просто были обеспокоены судьбой объекта, не являющегося памятником архитектуры, и хотели найти зданию нового надёжного владельца. После размещения нами поста в социальной сети о продаже данного объекта откликнулся меценат, который пожелал выкупить дом и передать в наш адрес – абсолютно безвозмездно. Мы не могли отказаться от такого подарка и воспользовались предложением. Благотворитель до сей поры желает остаться неизвестным. Интересен сам факт того, что дом, построенный известным меценатом прошлого Николаем Токаревым, устроителем в Тотьме Петровской ремесленной школы, оказался объектом будущей музеефикации благодаря меценату современному.

сезона археологических раскопок стали не только новые находки и полученные знания, но и заключённое партнёрское соглашение с Институтом археологии Академии наук Республики Татарстан, в рамках которого коллеги из Казани смогут осуществлять нам помощь по вопросам консервации мокрой археологической древесины. Увидел свет краеведческий альманах «Соль Тотемская: от Средневековья до наших дней», где под одной обложкой был собран ряд интереснейших документов об истории солеварения на Тотемской земле.

Неким продолжением работ вокруг соляной «промзоны» явилась начатая нами реновация сада купцов Кокоревых, бывших владельцев Тотемского солеваренного завода. Когда мы пришли на территорию сада, она была страшно запущена: повалился забор, бесконтрольно разрослись трава и кусты, часть сада использовалась под стихийную свалку. Пришлось немало потрудиться даже для того, чтобы расчистить территорию. Пока шла эта работа, к деятельности по проекту были привлечены студенты отделения культурологии Вологодского государственного университета, приехавшие к нам на практику. Ребята собрали и систематизировали интересные данные по истории Кокоревского сада и выслушали мнения жителей варницких деревень о дальнейших перспективах развития этой территории.

Для установления жизненного и санитарного состояния деревьев сада было проведено дендрофитопатологическое обследование специалистами Вологодской региональной лаборатории СевНИИЛХ. В ходе полевого обследования зелёных насаждений устанавливалась родовая принадлежность растений, определялись метрические показатели, оценивалось жизненное и санитарное состояние деревьев, выявлялась повреждаемость. На старовозрастные растения были заполнены паспорта, в которых отражено местонахождение дерева, высотная отметка, возраст, таксационный диаметр, высота, протяжённость и средний диаметр кроны. На основании изъятых на обследование древесных кернов построены дендрохронологические шкалы, которые позволили оценить ход реального прироста деревьев и жизненное состояние старовозрастной растительности.

Затем был составлен проект благоустройства территории, расставлены акценты по озеленению, сформирован список посадочного материала, принята концепция экологической преемственности растений. Ландшафтный дизайнер Екатерина Шиворокова скрупулёзно осуществляет надзор за ходом работ наряду с руководите-

лем проекта, заведующей отделом природы Тотемского музейного объединения Светланой Кузнецовой. Продолжается и научное изучение наследия Кокоревых: так, в рамках настоящего сборника материал о том представляет Ольга Полоцкая.

Среди важных ландшафтных работ, проводившихся без прямого участия ТМО, но к которым музейщики на подготовительном этапе имели важное отношение – открытие второй очереди отремонтированной набережной Кускова в Тотьме. Результат трудов команды, включающей в себя представителей администраций района и города, проектной команды ORCHESTRA DESIGN, общественности, музейщиков, а также участников третьей конференции «Русский Север» – новое благоустроенное пространство с великолепными видами на Сухону, тактично вписанное в природный ландшафт и не нарушающее гармонию места.

Процессы сохранения культурного наследия в Тотьме касаются и ремесленно-этнографической тематики. В результате реализации проекта «Возрождая забытое» при поддержке Президентского фонда культурных инициатив на базе музейно-выставочного центра «На Большой Садовой» начала работу гончарная мастерская, куратором которой от ТМО является Александра Гросс. Она же составила обзорную статью об истории гончарства в Тотемском уезде, публикуемую в настоящем сборнике. Важную работу по сохранению и популяризации фольклора Тотемской земли проводят Вера Галушкина и Галина Мартюкова, чьи краеведческие работы в этом году посвящены местным частушкам. Притом труд Галины Алексеевны по сбору, систематизации и классификации частушек Толшмы оказался так объёмен, что мы сочли нужным выпустить это издание отдельно от сборника материалов конференции.

Следует констатировать, что авторитет Тотемского музейного объединения в профессиональной среде постепенно растёт. 26 ноября 2022 г. на общем собрании Российского комитета Международного союза музеев (ИКОМ России) был выбран новый состав президиума данной организации. Впервые в президиум вошли два представителя муниципальных музеев – и среди них учёный секретарь Тотемского музейного объединения Мария Правдина, вошедшая в пятерку лидеров по количеству полученных голосов. Избрание Марии Борисовны в столь представительное собрание – это не только дань уважения её большому труду по сплочению музейного сообщества, но и признание успеха центра развития музеев малых городов и сёл «Лоция». Он создан на базе ТМО на средства Благотворительного фонда Владимира Потанина и успешно

действует уже в течение 5 лет. Авторские образовательные программы центра, создаваемые Марией Борисовной, пользуются большим спросом среди музейщиков со всей страны, включая Сибирь и Дальний Восток. Мы видим всё более расширяющуюся географию участников тотемских мероприятий.

О краеведческом фолианте «Николай Рубцов на Тотемской земле», выпущенном командой ТМО и ставшем «Вологодской книгой года», мы отдельно пишем в данном сборнике в разделе рецензий. Но, кроме того, в минувшем году удалось издать второй тираж первого тома книжной серии «Осколки времени» – с дореволюционными фотографиями Тотьмы и большими сопроводительными текстами. Издания в свободной продаже не было с сентября 2018 года, и в нашем городе его очень ждали. Текст был изменён и дополнен, а фотографии стали существенно лучше качеством.

Книга получилась очень своевременной – о том, как время разматывало свою ленту, подходя к трагическому финалу 1917 года, и как это движение ощущалось в российской глубинке. И, наверное, о том, *«как разумен, сложно устроен и человечен – да-да, человечен, несмотря на все неурядицы и неустройства – ещё совсем недавно был мир»* (цитата по другой книге). Чтение сколь интересное, столь и несколько *предвечернее*; но другой истории страны у нас нет. И каждому поколению, видимо, достаются свои страницы этого учебника...

Впрочем, готовя данный текст в качестве предисловия к сборнику конференции 2023 года, я желал им подтвердить тезис о том, что даже в непростые времена можно претворять в жизнь идеи, направленные на сохранение и популяризацию культурного наследия Русского Севера. Тем более что есть с кого брать пример.

Главным героем конференции 2023 года является череповчанин **Валентин Петрович Поклад**, делом жизни которого является возрождение наследия русских зодчих. Скрупулёзно, целеустремлённо, с феноменальным упорством мастер создаёт перед нами целую галерею шедевров деревянного храмового зодчества, как существующих ныне, так и утраченных. Отрадно, что эта галерея своей частью будет теперь жить в Тотемском музейном объединении – которое, оставаясь в муниципальном статусе, несомненно является одним из наиболее значимых музейных комплексов Русского Севера, достойным хранить частичку его «культурного кода».

Так сохраним.

Оришина Ирина Геннадьевна,
заведующая музеем церковной старины
МБУК «Тотемское музейное объединение»,
г. Тотьма

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ. К 80-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВИЧА ПОКЛАДА

Обратиться к исследованию вопроса о роли личности в сохранении наследия русской храмовой архитектуры меня побудило уникальное творчество череповецкого мастера Валентина Петровича Поклада, представленное на выставке макетов деревянных храмов «Наследие русских зодчих» в музее церковной старины Тотемского музейного объединения.

Современные российские архитектурные музеи в основном экспонируют макеты исторических зданий и сооружений, выполненные профессиональными архитекторами. Большим интересом и популярностью у посетителей выставок в настоящее время пользуются так называемые «Гранд Макеты», на которых можно увидеть в миниатюре целые территории России, а также города или отдельные достопримечательности.

В небольших муниципальных музеях также существует традиция экспонирования макетов. Очень часто на выставках встречаются выполненные в масштабе единичные макеты зданий и образцы храмовой архитектуры. С древних времен на Руси основным строительным материалом было дерево. Плотницкие артели мастеров деревянного зодчества возводили уникальные деревянные храмы и часовни. Недолговечность материала, многочисленные пожары, небрежное отношение к шедеврам зодчества привели к утрате огромного числа деревянных храмов. До нашего времени дошло совсем немного этих памятников культуры.

Если сделать запрос во «всемирную паутину» о современных мастерах, которые занимались макетированием храмов, получим совсем небольшой список умельцев. Как правило, это ремесленники-самоучки, увлеченные своим делом. Ими движет энтузиазм и любовь к шедеврам храмовой архитектуры, созданными русскими зодчими.

Широко известны и популярны в среде знатоков искусства макетирования культовой архитектуры имена: Игоря Васильевича Кучеренко из Сургута; Георгия Михайловича Кузьменко из Кривого

Фотографии мастера В. П. Поклада на встрече в апреле 2022 года с учащимися Тотемской Петровской ремесленной школы в музее церковной старины (автор фото И. Г. Оришина, зав. музеем церковной старины ТМО)

Рога; Вадима Ивановича Садовникова из Москвы; Александра Ивановича Агеева из Мирного Архангельской области; Юрия Евгеньевича Шевлякова, учителя технологии Курасовской средней школы из Курского района Курской области; Николая Ивановича Светачева из пос. Каменка Воронежской области, Дмитрия Анатольевича Табуркина из Екатеринбурга.

Представителями Вологодской школы мастеров, изготавливающих макеты деревянных храмов, являются: Леканов Сергей Александрович из Вытегры; Захаренко Валентин

Анатольевич из Череповца; и, наконец, герой этой статьи – череповчанин Валентин Петрович Поклад.

Для подробного анализа и углубления в тему обратимся к жизненному пути и началу творческой истории Валентина Поклада.

Родился будущий мастер в феврале 1943 года в городе Сталинске (ныне Новокузнецке) Кемеровской области в семье работника сталелитейного Запорожского завода во время военной эвакуации предприятия из Украины в Сибирь. Родители, Петр Максимович и Лидия Ивановна, мечтали вернуться на родину после войны. Но обязательным условием их перевода в Украину была пятилетняя «отработка» на заводе в Узбекистане. Возвращение на завод «Запорожсталь» не состоялось по ряду причин, и семья Покладов в 1956 году получила направление в Череповец Вологодской области на строящийся металлургический завод.

Детство Валентина Поклада прошло в строящемся молодом городе на слиянии рек Ягорбы и Шексны. Нелегкое для всей страны послевоенное время отразилось в характере Валентина Петровича трудолюбием, неприхотливостью, выносливостью и упорством. Как признается сам мастер, с детства он был чрезвычайно увлеченным и целеустремленным.

Вот, к примеру, наглядный случай: подросток Валентин Поклад решил со своими друзьями совершить 500-километровый велосипедный пробег по маршруту Череповец – Москва. Для этого были организованы приятелями-подростками длительные тренировки по пригороду Череповца. Именно на таких велосипедных прогулках произошла первая судьбоносная встреча Валентина Поклада с деревянными объектами храмовой архитектуры. Подростки, объезжая на велосипедах окрестности, оказались в селе Нелазское, расположенном в 25 километрах от Череповца. По словам мастера, до этого момента он никогда в своей жизни не видел деревянный храм. Во всех городах, где приходилось жить семье, металлургические заводы были, а церквей не было. К моменту переезда семьи в Череповец были снесены все церкви в городе, кроме Воскресенского храма – большого каменного строения с небольшим крестом. С большим интересом подросток рассматривал в селе Нелазское огромную церковь с пятью главами и крестами. Много позже он узнал, что это храм Успения Пресвятой Богородицы XVII века – крестовая церковь верхневолжского типа с четырьмя прирубами, крытыми бочками, завершенная четвериком с крещатой бочкой и пятиглавием на ней. Церковь покорила неземной красотой, ее величие и грандиозные размеры запомнились на всю жизнь.

Кстати, велосипедная поездка подростков в Москву не состоялась из-за запрета родителей некоторых ребят. Позднее Валентин Петрович все-таки совершил задуманное: в 1962 году доехал на велосипеде до Орла, а в 1964 году – до Белгорода!

Сразу после окончания школы по комсомольской путевке Валентин Поклад пошёл работать на родной Череповецкий металлургический завод, а позднее получил техническое образование в Московском институте стали и сплавов. С юношеским задором и восхищением восьмидесятилетний Валентин Поклад сегодня вспоминает молодость, которая пришлась на романтическое время «шестидесятников» – особенно туристические походы с друзьями по Русскому Северу. В одном из походов на остров Кижи удалось обойти окрестности на байдарке и побывать в деревнях Воробьи, Подъельники, Яндомозеро и Типиницы.

И снова в жизни Валентина Петровича проявляется «рука судьбы», которая на увлекательных туристических маршрутах подарит будущему мастеру встречи со старинными северными деревянными храмами. Увиденные деревянные архитектурные шедевры во время путешествия по Северу настолько покорили сердце путешественника, что он ощутил в себе необъяснимое влечение к деревянному зодчеству. Валентин Поклад до настоящего времени недоумевает и удивляется, *«как мастера-зодчие возводили неповторимые деревянные церкви, используя только бревна и топоры, не обучаясь в академиях...?!»*[3].

Отвечая на вопросы о начале и мотивации для работы по созданию макетов, Валентин Петрович признается: *«Увлечение деревянным зодчеством формировалось постепенно. В 1970 году после посещения музея-заповедника «Кижи» и города Кемь появилось желание изготовить макет деревянной церкви»*. Только спустя 30 лет, в 2001 году после повторного посещения острова Кижи в Карелии, началась работа над самым первым макетом деревянного храма.

Это была церковь Ризоположения (1485 г.) из села Бородава под Ферапонтово, которая является самым древним сохранившимся храмом в Вологодской области. Работа над макетом, изготовленным в масштабе 1:50, продолжалась девять месяцев. Все свои макеты Валентин Петрович выполняет только в этом масштабе, чтобы можно было сравнивать храмы друг с другом и четко знать их пропорции.

---

[3] Здесь и далее в статье приведены цитаты из личной беседы автора с Валентином Покладом.

Самый первый макет из коллекции В. П. Поклада, созданный в 2001–2002 гг. Церковь Ризоположения, 1485 г., с. Бородава. В настоящее время находится на территории Кирилло-Белозерского монастыря Вологодской области и является самой древней и сохранившихся деревянных церквей региона (автор фото В. П. Поклад)

Широко известны во всем мире шедевры деревянной русской архитектуры, сохранившиеся до настоящего времени и представленные в коллекции Валентина Поклада:

– из Карельского государственного историко-архитектурного заповедника «Кижи» – церковь воскрешения праведного Лазаря (1391 г.), часовня Спаса Нерукотворного (XVII–XVIII вв.); часовня Архангела Михаила (XVII в.), часовня Трех Святителей Великих Василия Великого, Иоанна Златоуста и Григория Богослова (XVIII век),

– из Новгородского музея народного деревянного зодчества «Витославлицы» – часовня Марии Магдалины (XVIII век), церковь Рождества Пресвятой Богородицы (1530), часовня Петра и Павла (1698), церковь Николая Чудотворца (1642),

– из Пермского архитектурно-этнографического музея «Хохловка» – церковь Преображения Господня (1702), церковь Богородицкая (1694),

– из Кенозерского национального парка Архангельской области – Почезерский погост: Спасская и Предтеченская церкви с колокольней (1700),

– из музея «Малые Корелы» Архангельской области – часовня Троицы Живоначальной (1728), церковь Георгия Победоносца (1672), церковь Вознесения Господня (1669).

Интересна и трагична история деревянного храма Успения Пресвятой Богородицы (1774 г.) из Кондопоги Республики Карелия. При изготовлении Валентином Петровичем этого макета, выяснилось, что на чертежах архитектора-реставратора Ополовникова ошибочно изображена другая масштабная линейка. В итоге макет Успенского храма оказался не традиционным масштабом 1:50, а бóльшим, 1:37. Он разительно отличался своими пропорциями от других экспонатов. В настоящее время этот макет как дар выпускника украшает интерьеры Московского института стали и сплавов.

Макет, созданный в 2003–2004 гг. Церковь Успения Пресвятой Богородицы, 1774 г., г. Кондопога, Карелия. «...Лебединая песня народного зодчества, что после неё любой звук кажется слабее и немощнее» (А. В. Ополовников). Храм сгорел летом 2018 года (умышленный поджог) (автор фото В. П. Поклад)

К огромному сожалению, в 2018 году произошел акт вандализма – подростком церковь была умышленно сожжена. Знаменитый архитектор Ополовников говорил, что *«нет ей равных среди шатровых церквей...»*. Сейчас можно любоваться этим удивительным храмом только на фотографиях и на выполненном уже в традиционном масштабе макете Валентина Петровича Поклада. В настоящее время этот макет экспонируется в Тотьме.

Применительно к Вологодской области, на сегодняшний день Валентином Покладом изготовлено десять макетов деревянных храмов, которые были построены в разных её уголках:

1. Ризоположения (1485) – Кирилло-Белозерский монастырь.

2. Успения Пресвятой Богородицы (1694) – с. Нелазское Череповецкого района.

3. Успения Пресвятой Богородицы (1519) – Спасо-Прилуцкий Дмитриев монастырь.

4. Покрова Пресвятой Богородицы (1708) – с. Анхимово Вытегорского района (сгорела в 1963 году).

5. Илии Пророка (1775) – село Цыпино Кирилловского района.

6. Георгия Победоносца (1700) – из с. Поцкий Погост Тарногского района, воссозданный в архитектурно-этнографическом музее «Семенково» под Вологдой.

7. Богоявления (1733) – деревня Палтога Вытегорского района.

8. Равноапостольных Константина и Елены (1750) – Тотемский уезд. В XIX веке разобрана за ветхостью.

9. Николая Чудотворца (1791) – сгорела в 1941 году во время боевых действий в Вытегорском районе.

10. Николая Чудотворца (1791) – с. Дмитриево Череповецкого района.

Подходя к своему 80-летнему юбилею, за 21 год работы над созданием миниатюрных деревянных храмов мастер изготовил более 142 макетов. Коллекция Валентина Петровича на сегодняшний день состоит из 70 великолепных макетов храмов, которые представляют деревянное зодчество 20 регионов России: Архангельской, Вологодской, Новгородской, Ленинградской, Тверской, Ярославской, Костромской, Калужской, Ивановской, Владимирской, Московской, Кировской, Нижегородской, Томской, Иркутской, Мурманской областей, Пермского края, Республик Коми, Карелии и Якутии.

Коллекция Валентина Петровича содержит все известные на Руси типы деревянных храмов: клетские, шатровые, «кубоватые», ярусные, многоглавые. Процесс создания каждого макета очень трудоемкий и занимает время от нескольких месяцев до одного года.

Удивляет своей основательностью подход мастера к изготовлению макетов: проводится серьезная исследовательская работа для поиска информации о постройке храма, его чертежах, видоизменениях и судьбе в настоящее время.

Валентин Петрович Поклад использует все доступные источники для сбора самой полной информации об объекте макетирования:

– в большой домашней библиотеке Поклада имеется огромная коллекция книг по русской архитектуре и деревянному зодчеству;

– мастер обращается с запросами в архивы для получения чертежей, составленных реставраторами (так как зодчие не составляли чертежи при строительстве);

– часто необходимую информацию находит в Интернете и на сайтах музеев;

– Валентин Петрович лично посетил многие архитектурные музеи-заповедники, такие как «Кижи», «Витославлицы», «Малые Корелы», видел сохранившиеся деревянные храмы в Костроме, Вологде, Суздале, Владимире, Истре, Мелехово;

– обменивается чертежами и информацией о храмах по личной переписке с мастерами России, изготавливающими макеты;

– получает необходимую информацию и фотографии от друзей и неравнодушных людей.

С 2016 года Валентин Поклад переписывается с сотрудником «Музея дерева» из Екатеринбурга Дмитрием Анатольевичем Табуркиным, который известен в своем городе как автор многочисленных макетов. Поклад получил от него чертежи деревянных храмов, расположенных в пермском музее «Хохловка». Дмитрий Анатольевич в одном из писем посетовал, что у Валентина Петровича в коллекции нет ни одного «тройника» – так называют деревянные храмовые ансамбли, состоящие из двух храмов (летнего, зимнего) и колокольни. Творческое озарение и азарт вдохновили мастера Поклада на создание макета Почезерского погоста из Кенозерского национального парка Архангельской области. Макеты Спасской и Предтеченской церквей с колокольней были созданы за четыре месяца в 2019 году и ещё три месяца потребовалось для изготовления ограды погоста. Уникальность этого макета заключается в том, что из 150 известных тройников, построенных на Руси, сохранилось только 6 целых ансамблей.

Специалист по изготовлению макетов и сотрудник «Музея дерева» Дмитрий Анатольевич Табуркин так отзывается о таланте мастера: *«Валентин Петрович Поклад – удивительный человек, увлеченный своим творчеством. Его поразительная работоспособность, желание созидать и дарить красоту своих творений людям вызывает восхищение. На сегодняшний день Валентин Петрович создал самую крупную коллекцию макетов русского деревянного храмового зодчества... По сути, он создал объемную энциклопедию, по которой можно ознакомиться с творениями древних строителей, созидавших красоту не по чертежу, а как «красота и мера скажут»*...

Особо стоит отметить личные поездки Валентина Петровича для снятия размеров сохранившихся церквей. Последняя поездка

мастера для обмеров храма состоялась в 2018 году в Кировскую область. Валентин Петрович приехал в город Слободской и лично снял размеры церкви Михаила Архангела (1610 г.), которая была построена в Слободском Богоявленском мужском монастыре, а после реставрации отправилась во Францию на выставку «Русская деревянная пластика» на Елисейских полях в Париже. После возвращения с выставки церковь разместили в центре г. Слободской и все горожане стали называть церковь «парижанка».

Перфекционизм мастера Поклада просто поражает: если в макете допущена ошибка (причем даже иногда без вины и умысла автора) – Валентин Петрович его переделывает заново или просто навсегда убирает с выставки.

Огромным подспорьем в работе Валентина Поклада над созданием макетов деревянных храмов является редкая книга архитекторов-реставраторов А. В. и Е. А. Ополовниковых «Бревенчатый Иерусалим». Эту двухтомную «хрестоматию деревянного зодчества», зная увлечение Валентина Петровича макетами деревянных храмов, подарили друзья-сослуживцы с завода «Северсталь».

По признанию автора, *«...все изготовленные им макеты выполняются с небольшими упрощениями, не искажающими представления об оригинале»*. Однако, обращает внимание один факт: на куполах храмов отсутствует покрытие лемехом. Отвечая на вопрос о причинах такого несоответствия оригиналу, мастер Поклад признается, что в масштабе 1:50 деревянный лемех для куполов будет очень тонкий и хрупкий. Его невозможно изготовить в точном соответствии с размерами и пропорциями. Такое отступление от оригинала, по мнению специалистов, нисколько не влияет на художественное восприятие макета деревянного храма, многие посетители выставок «Наследие русских зодчих» даже не замечают этого несоответствия оригиналу.

Человек, который участвует в создании каждого макета – это супруга В. П. Поклада. Мастерская Валентина Петровича находится в его двухкомнатной квартире. Елена Сергеевна Поклад является одновременно «творческой музой» и «помощником мастера»: все начиналось с совместных турпоходов по Русскому Северу, потом были общие поездки по архитектурно-этнографическим музеям, из семейного бюджета приобретаются необходимые книги, еще есть заботы по уборке в мастерской, а также делаются замечания «со стороны», например, *«нет вертикали...»*. Главная заслуга Елены Сергеевны, что она всегда рядом, поддерживает и заботится о Валентине Петровиче, разделяя его увлечение по созданию макетов церквей.

Через 10 лет плодотворной работы творческая энергия мастера выплеснулась за пределы мастерской, и сложились благоприятные обстоятельства для экспозиционно-выставочной деятельности. По признанию автора коллекции, он долго не решался транспортировать макеты за пределы Череповца, отказывая на предложения организовать выставки в Архангельской и Ярославской областях. С 2012 года Валентин Петрович Поклад активно занимается популяризацией деревянной храмовой архитектуры, организуя выставки «Наследие русских зодчих», пользующиеся огромным успехом не только среди вологжан, но и многочисленных гостей Вологодской области.

2012 г. – выставка в библиотеке ПАО «Северсталь» г. Череповец.

2013 г. – выставка в библиотеке им. В. В. Верещагина г. Череповец.

2015 г. – выставка в библиотеке им. Батюшковых г. Устюжна.

2015 г. – выставка в библиотеке им. В. В. Верещагина г. Череповец.

2016 г. – выставка в библиотеке им. Бабушкина г. Вологда.

2016–2023 гг. – выставка в Музее церковной старины ТМО г. Тотьма.

2019 г. – выставка в ПАО «ФосАгро» г. Череповец.

2019 г. – выставка в библиотеке им. В. В. Верещагина г. Череповец.

2020 г. – выставка в библиотеке им. Батюшковых г. Устюжна.

2020 г. – выставка в музее истории и культуры пос. Чагода.

2021–2023 гг. – выставка в краеведческом музее Сокольского района.

Одна неофициальная выставка проходила с успехом в Германии в городе Фрайберге – в офисе фирмы, где работает дочь Валентина Петровича Анна, были выставлены макеты, подаренные ей отцом.

Приведем несколько цитат из огромного количества отзывов восхищенных посетителей выставок, которые наглядно характеризуют востребованность работ мастера:

«Фантастически красиво! Ваш труд – настоящее чудо! Очень впечатлён тем, как показано все богатство нашей культуры и то, как важно это богатство беречь!»

«Испытал гордость за мастерство наших предков, их веру и понимание красоты!»

«Как хорошо, что можно увидеть частицу нашей истории!»

«Мастеру – большой поклон! Ведь многих церквей уже нет, а мы можем, как птицы, воспарить над ними – уцелевшими и ушедшими в небытие – и осмотреть всё их великолепие, духовную мощь и фантазию старых мастеров. Спасибо!!!»

«Ничего подобного не встречали! Это – и чудеса творчества, и кропотливый труд, и знакомство с историей Вологодчины и других

областей. Спасибо за подаренную красоту! На вашей выставке испытываешь огромное волнение и ответственность за судьбу своего края, его истории!»

Вот, к примеру, как отзывался о работах Поклада известный тотемский краевед, почетный гражданин Тотемского района Кузнецов Александр Васильевич (1962–2021 гг.): *«Выставка деревянных макетов церквей Русского Севера, над которыми уже много лет трудится (именно так!) череповецкий мастер Валентин Поклад, привлекает внимание. Качество его работ поражает зрителей, приятно рассматривать макеты с мельчайшими архитектурными деталями, воспроизведенными в дереве»*.

Не обращая внимания на возраст, Валентин Поклад активно продолжает работу над макетами в настоящее время, и коллекция активно пополняется. Хочется подчеркнуть, что Валентин Петрович Поклад многие из созданных макетов подарил музеям Череповца и Тотьмы. Все выставки мастер организует и проводит безвозмездно.

Широкий кругозор мастера Поклада и его увлеченность деревянным зодчеством отразились в одной фразе из «Повести о жизни» К. Г. Паустовского, которую любит цитировать Валентин Петрович: ***«Стремление сохранить в нашей памяти то, что безвозвратно исчезает,– одно из сильнейших человеческих побуждений».***

Безусловно, мастерство и творчество Валентина Петровича Поклада является крепкой нитью, связывающей прошлое с настоящим. Шедевры деревянной храмовой архитектуры, созданные в разных уголках России, собраны вместе на выставке «Наследие русского зодчества» в коллекции макетов Валентина Поклада. Не требуя регалий, званий и вознаграждения, Валентин Петрович увлеченно и кропотливо каждый день садится в мастерской за очередной макет деревянного храма, чтобы сохранить для потомков в миниатюре красоту деревянного русского зодчества.

Востребованность коллекции Валентина Петровича для экспонирования в музеях и библиотеках Вологодской области говорит о большом интересе современников к деревянной храмовой архитектуре. Об этом наглядно свидетельствуют отзывы посетителей выставок.

По признанию Валентина Петровича, если силы будут, то он мечтает собирать макеты деревянных храмов до своего 90-летнего юбилея!

Раздел I

ТОТЬМА И ТОТЕМСКИЙ КРАЙ. ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЭТНОГРАФИЯ

Пугач Иван Васильевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда

УКАЗНЫЕ ГРАМОТЫ НА ТОТЬМУ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII в.: ТЕМАТИЧЕСКИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ[4]

Грамоты, которые посылались от имени государя из Москвы в уездные города в адрес должностных лиц, в актовом источниковедении принято называть указными. Согласно классификации русских актов, предложенной С. М. Каштановым, они относятся к договорно-распорядительному виду, если предписание власти в пользу реального контрагента, или распорядительному виду, если предписание идет в адрес местной исполнительной власти [1, с. 150–151].

В XVII в., с укреплением и расширением бюрократической системы управления Российского государства, указные грамоты становятся одним из самым массовых видов государственно-правовых актов, отражающих механизм становления, развития и функционирования вертикали государственной власти: царь – центральное ведомство-приказ – должностное лицо или лица в системе местного управления.

В РГАДА, прежде всего в фонде 137 «Боярские и городовые книги» и фонде 141 «Приказные дела старых лет», сохранился значительный комплекс списков с указных грамот за первую четверть XVII в., которые были направлены из Устюжской четверти в подведомственные города, в том числе и Тотьму, должностным лицам, в первую очередь городовым воеводам и подьячим приказной избы [2, 3, 4, 5].

[4] В данной статье рассматриваются указные грамоты, посланные на Тотьму из Устюжской четверти воеводам и подьячим в 1613–1626 гг.

После пожара 3 мая 1626 г. в Москве, в ходе которого сгорело огромное количество документов московских приказов, правительство предприняло меры по спасению и учету сохранившейся документации. Одним из мероприятий по восстановлению приказного архива центральных ведомств было копирование материалов, сохранившихся на местах.

Работа по копированию указных грамот на местах, в соответствии с царским указом, была выполнена довольно быстро, в июле – августе 1626 года списки из большинства городов были присланы в Москву. В Устюжскую четверть списки из городов привозились в виде отдельных книг – сшитых вместе нескольких тетрадей. При поступлении в четверть они, как правило, фиксировались подьячими, делалась отметка о времени – день, месяц и год подачи списков, указывались должность, имя и фамилия доставившего рукопись. Из Тотьмы списки с указных грамот, согласно регистрационной записи, были доставлены «134-го августа в 28 день с тотемским розсылщиком з Гришкою Монзиным» [2, л. 1, 345].

Аналогичная работа по копированию утраченного архива Устюжской четверти была проведена и по другим аспектам ее деятельности. В фондах РГАДА сохранились два сборника указных грамот 1613–1626 гг. по таможенному и кабацкому управлению, один из которых по Тотьме [7]. Данный комплекс содержит 35 грамот и опубликован С. Н. Кистеревым [8].

Из всех указных грамот значительный интерес, как по количеству, так и по информационной насыщенности, представляют четыре комплекса указных грамот воеводам и приказным людям на Тотьму, которые насчитывают в общей сложности 293 грамоты. Все они опубликованы автором данной статьи [6, грамоты № 645–937].

Основной комплекс составляет сборник из 137 фонда РГАДА, именуемый по архивной номенклатуре дел «Устюг № 117. Ч. 2» [2, л. 1–563]. Это 265 грамоты за 1613–1624 гг. тотемским воеводам и приказным людям. В Устюжскую четверть списки поступили оформленные в две книги. Первая содержит 43 тетради, вторая – 28. Каждая тетрадь, как правило, открывает начало нового раздела (года) или новой грамоты. При этом каждый год предваряет запись с указанием календарного года, тотемского воеводы и подьячего, кому посылалась грамота, а также дьяка Устюжской четверти, при котором была прислана грамота. Например, спискам с грамот, пришедшим на Тотьму в 1616/17 г., предшествует следующая запись: «Тетрати, а в них писаны списки з государевых царевых и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси с указных грамот

слово в слово, что по государеву указу присланы на Тотьму во сто 25-м году Федору Федоровичю Старова да подьячему Исаку Парфеньеву за приписью государева думного дияка Петра Третьякова».

Начиная со второго листа рукописи идут сплошные скрепы тотемского воеводы кн. Я. М. Милославского – справа на полях, по середине листа «К сем // спис // комь // Яков // Милос // лав // ской // руку // прило // жил». Все скрепы проставлены одновременно и выполнены темно-коричневыми чернилами.

Остальные 28 грамот отложились в трех небольших по объему делах из двух фондов РГАДА: два в 141 фонде «Приказные дела старых лет» 20 указных грамот [4, л. 1–66.][5] и 2 грамоты [5, л. 25-28 об.][6], и одно в 137 фонде – шесть грамот [3, л. 486–493 об.][7]. Все они относятся к 1625 и 1626 гг.

В целом хронологическая картина количества указных грамот, присланных на Тотьму по годам за 1612/13–1625/26 гг., и их распределение внутри календарного года по месяцам отражено в таблице. Она составлена с учетом календарного стиля в Московской Руси, где начало нового года приходилось на 1 сентября.

Хронологический состав указных грамот за 1613–1626 гг.

Год	Сен.	Окт.	Ноя.	Дек.	Янв.	Фев.	Март	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Всего
1612/1613	–	–	–	–	–	–	1	–	2	–	2	–	**5**
1613/1614	–	–	–	–	2	5	2	2	1	–	–	1	**13**
1614/1615	4	2	5	2	6	5	–	1	–	–	–	–	**25**
1615/1616	–	–	–	–	2	2	2	–	–	1	2	2	**11**
1616/1617	–	–	2	1	–	–	4	4	3	4	3	1	**22**
1617/1618	3	4	2	2	–	1	3	2	–	2	4	1	**24**
1618/1619	–	–	–	–	–	–	1	–	1	1	2	4	**9**
1619/1620	2	3	5	2	3	2	2	1	2	1	–	2	**25**
1620/1621	4	–	2	3	1	1	–	–	3	2	–	2	**18**
1621/1622	1	2	–	1	3	1	4	4	2	–	1	1	**20**
1622/1623	2	4	3	4	4	1	4	3	3	3	3	–	**34**
1623/1624	5	3	7	1	3	3	6	3	1	3	11	2	**48**
1624/1625	2	–	–	7	5	3	–	1	2	2	3	2	**27**
1625/1626	–	5	3	–	3	–	–	1	–	–	–	–	**12**
Итого	**23**	**23**	**29**	**23**	**32**	**24**	**29**	**22**	**20**	**19**	**31**	**18**	**293**

Составлено по: Указные грамоты городовым воеводам и приказным людям 1613–1626 гг. М., 2012. Грамоты № 645–937.

[5] РГАДА. Ф. 141. 1625 г. № 34. Лл. 1–66.
[6] РГАДА. Ф. 141. 1626 г. № 27. Лл. 25–28 об.
[7] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Устюг № 116-а. Лл. 486–493 об.

Бросается в глаза значительный разброс как количественных параметров указных грамот за разные годы, так и их внутригодовое распределение. Наиболее интенсивное взаимодействие дьяков Устюжской четверти, в ведении которой на протяжении всего XVII в. находилась Тотьма с уездом, приходится на 1622/23 и 1623/24 гг., когда тотемские воеводы и подьячие получили соответственно 34 и 48 указных грамот. На эти годы приходится и наиболее равномерное распределение полученных грамот по месяцам, по крайней мере в 1622/23 г. они регулярно приходили с сентября по июль, а в 1623/24 гг. и вовсе все двенадцать месяцев.

Мотивы, определяющие частотность посылаемых из Москвы в Тотьму грамот могли быть самые разные, но в их основе всегда лежал государственный интерес. Прежде всего это было связано с тем, чтобы местное население добросовестно и в срок исполняло свои тяглые обязательства перед государем. Контроль и ответственность за это возлагались на местные административные и финансовые власти, которые должны были пристально следить за всем этим.

Основными причинами активизации бюрократической переписки центральных ведомств с местными властями были следующие.

Во-первых, грамоты о назначении нового воеводы или подьячего приказной избы, которые, как правило, менялись почти ежегодно. Так 7 марта 1613 г. на Тотьму пришла грамота о том, что вместо Ивана Яковлевича Горихвостова новым воеводой назначен Аксентий Яковлевич Дашков [6, гр. № 645]., а 23 мая 1613 г. о назначении новым подьячим Кузьмы Мошкова [6, гр. № 646].

Во-вторых, большое количество грамот касалось военной сферы – городового дела и ремонта крепости, набора ратных людей и др. В январе-феврале 1614 г. на Тотьму к воеводе А. Я. Дашкову и подьячему К. Мошкову пришло несколько распоряжений о сборе ратных пеших людей и их посылке в Вологду к воеводе Артемию Васильевичу Измайлову [6, гр. № 653, 658–660], 12 августа 1614 г. о наборе 10 пушкарей, определении им денежного и хлебного жалования, ремонте тотемской крепости и сборе осадных людей [6, гр. № 678], а 19 ноября 1614 г. воеводе Кузьме Гавриловичу Малышеву об укреплении тотемского гарнизона, утверждении стрелецким сотником Федки Андреева и выдаче стрельцам денег на приобретение пищалей [6, гр. № 684]; или грамота от 9 сентября 1623 г.. воеводе Филону Михайловичу Оничкову о проведении ремонта крепостных сооружений или составлении сметной росписи для строительства новой крепости [6, гр. № 856] и т. д.

Значительный комплекс грамот относится к функционированию административно-полицейской фискальной и судебной системы. За 1624/25 г. это грамоты о присылке в Москву для суда посадского человека Федоска Кускова за порукою или с приставом по иску посадского человека Фирска Ширшова в 150 рублях [6, гр. № 914]; и о сыске и возвращении на старые места беглых крестьян, вышедших в Важский, Устюжский уезды и Устьянские волости [6, гр. № 916]; и о наказании стрельцов, безчинствовавших на кабаке, и защите кабацкого головы и целовальников в их деятельности [6, гр. № 922], и о сыске и высылке в Москву с приставом скомороха Федк и пастуха в кандалах [6, гр. № 918]; и т. д.

Однако, основной мотив и абсолютно большая часть среди указных грамот касается административно-финансовой жизни Тотьмы и уезда. В 1623/24 г., когда на Тотьму их было прислано наибольшее количество, речь идет о сборе четвертных денежных доходов и правеже недоимок за 1617/18–1619/20 гг. [6, гр. № 859, 839]; о сборе денег московским стрельцам на хлебное жалование [6, гр. № 840]; о сборе и доимке оброчных денег с езов и рыбных ловель [6, гр. № 901]; о соблюдении государственной винной монополии и невмешательстве в таможенный и кабацкий сбор [6, гр. № 897] и многое др.

Таким образом, за первую четверть XVII в. в фондах РГАДА сохранился значительный комплекс указных грамот по Тотьме, которые отражают все многообразие повседневной жизни русского феодального города, взаимоотношений власти и общества в финансовой, судебной, административной сферах. Главным адресатом таких указных грамот становится городовой воевода, и это не случайно. Именно он с начала XVII в. является главной фигурой в решении государственных задач на местах, как в городе, так и уезде. Подвластная ему приказная (съезжая) изба становится важнейшим звеном в формировании новой системы местного управления – приказно-воеводской, которая, в конечном итоге, сохраняет и обеспечивает все государственные интересы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Каштанов С.М.* Русская дипломатика.– М.: Высшая школа, 1988. С. 150–151.
2. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Устюг № 117. Ч. 2. Лл. 1–565.
3. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Устюг № 16-а. Лл. 486–493 об.
4. РГАДА. Ф. 141. 1625 г. Д. 34. Лл. 1–66.
5. РГАДА. Ф. 141. 1626 г. Д. 27. Лл. 25–28 об.

6. Указные грамоты городовым воеводам и приказным людям 1613–1626 гг. / отв. ред. И. В. Пугач.– М.: Кругъ, 2012.
7. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Тотьма № 1-в. Лл. 1–106 об.
8. *Кистерев С. Н.* Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI – начала XVII в.– М.: Древнехранилище, 2003.

Пахнин Анатолий Владимирович,
заведующий отделами «Музей мореходов» и «Музей Ивана Кускова»
МБУК «Тотемское музейное объединение»,
г. Тотьма

УЧАСТИЕ ТОТЬМИЧЕЙ В ПРОМЫСЛОВЫХ ЭКСПЕДИЦИЯХ НА АЛЕУТСКИЕ ОСТРОВА В СЕРЕДИНЕ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Сколько промысловых экспедиций снарядили тотьмичи во второй половине XVIII века? На этот вопрос любой мало-мальски знающий историю Тотьмы с уверенностью ответит: «Двадцать!». Откуда взялась эта цифра? Конечно же, из научных работ и текстов экскурсий тотемского краеведа Станислава Михайловича Зайцева, открывшего как для туристов, так и для самих тотьмичей увлекательную и загадочную историю тотемских купцов-мореходов. В фондах краеведческого музея хранятся многочисленные рукописи Станислава Михайловича, в которых он подробно описывает историю тотемских экспедиций, суда, на которых отправлялись промысловики в Тихий океан, фамилии мореходов и купцов-компанейщиков и как итог – та самая цифра «Двадцать», ставшая в какой-то момент незыблемой.

В числе тотемских экспедиций, описанных Станиславом Зайцевым, обозначены следующие: на суднах «Св. Иоанн» (1747–1748), «Св. Иоанн» (1749–1752), «Св. Иоанн» (1752–1755), «Св. Андрей и Наталья» (1756–1759), «Св. Иулиан» (1758–1762), «Тотьма» (1762–?), «Св. Андрей и Наталья» (1760–1764), «Св. Пётр и Павел» (1764–1766), «Св. Пётр и Павел» (1767–1770), «Св. Пётр и Павел» (1772–1776), «Св. Михаил» (1772–1778), «Св. А. Невский» (1776–1777), «Св. А. Невский» (1777–1781), «Св. Климент» (1778–1785), «Св. Николай» (1779–1785), «Св. Евпл» (1780–1786), «Св. Михаил» (1780–1786), «Св. Алексей» (1781–1786), «Св. Варфоломей и Варнава» (1782–1791), «Св. Георгий» (1785–1793).

В своих работах Станислав Зайцев во многом ссылается на такие литературные источники, как «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке» под редакцией А. И. Андреева, в которой выложен ряд переведённых документов, в том числе «Сказка тотемского купца Степана Черепанова о пребывании на Алеутских островах»; Макарова Р. В. «Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века», где приведена хронологическая таблица всех известных экспедиций на Алеутские острова и Аляску; В. Берг «Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги Российского купечества с присовокуплением исторического известия о меховой торговле», ссылки на которого дают практически все, кто когда-либо занимался изучением этой темы.

Нередко в работах разных авторов есть отличия не только в годах отправки судов, но и в их названиях, местах промысла и объёмах привезённой пушнины. Почему разнятся сведения, не всегда понятно, поскольку авторы ссылаются в большинстве своём на В. Берга, как одного из первых, кто систематизировал все известные экспедиции в хронологическом порядке. Иногда разногласия возникают от банальных опечаток, неточностей в прочтении рукописей и индивидуальных умозаключений самих авторов. Например, в работах всё того же Берга тотемский Алексей Панов записан как А. Попов, Андрей Титов – Тишов, а тюменский Яков Протасов неожиданно становится тотемским. Порой возникает и фактическая путаница, когда две экспедиции объединяют в одну, если судно ушло в повторный вояж в том же году. Так, у С. М. Зайцева последняя экспедиция купцов Пановых на судне «Св. Георгий» шла с 1785 по 1793 год, хотя в 1787 году судно вернулось, но, после выгрузки товара, было выброшено на берег и повреждено. После исправлений оно было отправлено повторно весной 1788 года и вернулось в 1793-м году. По сути это были 2 полноценные экспедиции, но записаны они были как одна.

Также были нередкими случаи крушения шитиков на островах, и, при построении из обломков нового судна, ему давали другое название – отсюда выходила неразбериха в отчетах канцелярий. Так, в 1752 году тотемский мореход Лука Басалаев, управляя судном «Борис и Глеб», допустил неудачный маневр, в ходе которого случился выброс судна на берег и его разбитие. После этого в течение 2-х зим из обломков шитика и выносного леса было построено новое судно, названное «Авраам», а место Басалаева занял курский купец Дружинин.

Хорошей альтернативой Бергу являются работы А. Полонского, который описывает наиболее подробно не только время экспеди-

ций их организаторов, но и затрагивает тему взаимоотношений промысловиков с островитянами. Как В. Берг, так и А. Полонский в своих трудах указывали происхождение купцов и мореходов, что позволяет найти среди них выходцев из Тотьмы и узнать, насколько активно тотемские купцы, мещане и крестьяне участвовали в промысловых экспедициях XVIII века. Что, собственно, и сделано в этой работе.

За основу взята работа А. Полонского «Перечень путешествий русских промышленников в Восточном океане с 1743 по 1800 г.». Так же проведён анализ ранее известных работ и литературных источников по заявленной теме. В результате систематизации данных получилась сводная таблица всех известных на данный момент участников экспедиций на Алеутские острова из числа тотьмичей (таблица 1).

Ниже приведен хронологический перечень экспедиций с участием тотьмичей, в том числе организаторов, мореходов, паевщиков и промысловиков:

1. «Св. Иоанн» компании тотемского купца Ф. Холодилова (1747–1748). Эта экспедиция стала первой, которую снарядил тотемский купец Фёдор Андреевич Холодилов. Именно с неё и была начата история тотьмичей в освоении Алеутских островов. *«...Шитик Иоанн, принадлежал купцам: тотемскому Федору Холодилову, иркутским Трапезникову и Балину и ярославскому Жукову»* [7, с. 11].

Кроме Фёдора Холодилова в экспедиции принимал участие другой тотемский купец – *«...быть пищиком, избран купец Нератов»* [1, л. 14].

2. «Симеон и Анна» компании купца Московского Рыбинского (1747–1749). В работах Полонского в числе компанейщиков судна «Симеон и Анна» прописаны тотемские купцы Иван и Андрей Всевидовы [1, л. 14 об.].

В честь одного из братьев названа гавань на острове Медном *«Гавань с того времени носит название Всевидова, от имени Тотемского купца, приказчика Рыбинского, который, за отсутствием хозяина, правил его делами в Сибири и отправлял суда на промысла. Сама компания обыкновенно называлась Всевидовской»* [1, л. 15].

Об этом сказано и в работах В. Берга: *«Второе судно принадлежало какому-то Андрею Всевидову и имело 46 человек промышленников и 8 козаков»* [7, с. 13].

3. «Перкун и Занат» компании Сольвычегодского купца Жилкина (1748–1749). Одним из компанейщиков был *тотемский разночинец Лука Басалаев* [1, л. 15].

4. «Св. Иоанн» компании Фёдора Холодилова (1749–1752). Вторая экспедиция, компании тотемского купца Фёдора Холодилова. В команде промысловиков, отправлявшихся в вояж, изменений не произошло [1, л. 17 об.].

5. «Симеон и Иоанн» компании Ивана Рыбинского (1750–1752). В работе А. Полонского сказано, что *Судно снаряжали в поход приказчики Рыбинского, купцы Тотемский Андрей Всевидов и Московский Серебренников* [1, л. 18 об.].

6. «Борис и Глеб» компании Никифора Трапезникова (1752–1757). Передовщиком на судне был *тотемский разночинец Басалаев* [1, л. 19 об.].

В работе Макаровой Р. В. «Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века» Басалаев (у автора Балалаев) так же упоминается в качестве морехода и передовщика, но весьма неумелого: *«В том же 1752 г. «Борис и Глеб» в третий раз ушел на промысел. Обязанности морехода и передовщика исполнял тотемский разночинец Балалаев. Вскоре по выходе в море «Борис и Глеб» потерпел крушение у острова Беринга. Команде удалось спастись, и за две зимы ею было выстроено новое судно «Авраам». Вместо Балалаева, которого обвинили в гибели «Бориса и Глеба», промышленные люди избрали мореходом «компанейщика» курского купца Алексея Дружинина»* [4, с. 52].

7. «Св. Иеремия» компании Ивана Рыбинского (1753–1755). Ещё две новые тотемские фамилии: *«Компанию составляли: посадские – Камч. Крохалев, Сольвыч. Храмцов, Тотемские Тропин, Малевинский, Устюж. Мясных, Камч. крестьянин Ушаков»* [1, л. 20].

8. «Св. Иоанн» компании Фёдора Холодилова (1753–1755). *В один год с «Иеремией» Андрея Серебренникова был снаряжен за пушниной «Иоанн» компании тотемского купца Федора Холодилова* [4, с. 53].

Это был третий и заключительный поход «Святого Иоанна» от компании Фёдора Холодилова. Всего за 3 похода «Св. Иоанна» компания добыла пушнины на общую стоимость 228 069 рублей.

9. «Пётр и Павел» компании Ивана Рыбинского (1756–1758). Передовщиком на судне был тотемский купец Всевидов [1, л. 25].

10. «Андреян и Наталия» компании Фёдора Холодилова (1756–1759). *В том же 1756 г. компания Федора Холодилова «с товарищи», шитик которой «Иоанн» трижды ходил на острова, выстроила новое судно «Андреян и Наталья» и отправила его за пушниной* [4, с. 56].

11. «Св. Иулиан» компании Ивана Никифорова (1758–1762). Информации по отдельным экспедициям более чем предоста-

точно. В «Щукинском сборнике. Выпуск пятый» идёт подробное описание снаряженного в 1758 году судна «Св. Иулиан», в котором фигурирует множество тотемских фамилий. Сама компания была основана московским купцом Иваном Никифоровым. В числе снарядивших экспедицию значились тотемские купцы: Андрей Титов, Григорий и Пётр Пановы, а паями компании в том числе владели Семён Шергин – приказчик купцов Пановых, тотемские посадские Иван Всевидов, Михаил Холодилов, Степан Каплин, крестьянин Михаил Коровкин, купцы Пётр Казаринов, Василий Черепанов и Василий Росляков.

Иван Всевидов продал свои паи тотемскому Дмитрию Федоровичу Тропину: *«1762-го году октября 10-го дня будучи в нижнекамчатском остроге тотемской купец Иван Дмитриев Всевидов дал сие письмо тотемцу Дмитрею Федорову Тропину...»* [2, с. 171].

Первое описание Алеутских островов, с последующим их графическим изображением, выполнил тотемский купец Пётр Шишкин в 1762 году [2, с. 172].

Рукописная карта американских островов, составленная Петром Шишкиным, хранится в ЦГАДА (по реестру Библ. гл. архива МИД СПб, 1877, карты Иркутской губ., № 54).

«...А декабря 16-го числа 762-го года присланным сюда из оной же приказной избы рапортом представлено того де декабря 1-го числа по обязательным во оной приказной избе посадским города Тотьма посадского Ивана Всевидова, устюжского крестьянина Якова Клыковского о принесении ими ея императорскому величеству извинения о разделе ими и будущим судном бывшего московского купца Ивана Никифорова с товарищи компании...» [2, л. 156].

«...посланы казаки Иван Иконников с товарищем по допросам же тотемского посадского Михаила Холодилова того ж города крестьянина Михаила Коровкина, устюжского Ивана Чиркова оказалось ими в отдаче и в отвоз в Большерецк тотемским купцом Петром Казариновым двенадцать лисиц чернобурых кои отданы от Холодилова в сентябре со скарбом в малом чемоданчике от Коровкина...» [2, с. 156].

«...на отпущенных в том 762-м году на разных купецких судах в морской вояж промышленных яренского посадского Степана Глотова, тотемского посадского Степана ж Каплина...»

«...три пая на оных трое камчадал тотемский купец Василей Росляков...»

«...один пай на оном камчадал тотемской купец Иван Гурылёв...»

«...в прежних годах взят и привезён в тот Налашкин остров где и находился тот мужик Кашмак при содержании ими Холодиловым

[Михаилом] *объявлял, что по граду лежащему полуношником имеются острова на которых жительствуют люди об однех руках и ногах а рты у тех людей имеются на грудях а тот мужик Кашмак самолично видел ли тех людей и на тех островах бывал ли ему Холодилову знать неможно»* [2, с. 173].

За описание островов Умнак и Уналашка многие купцы были удостоены разного рода привилегий от Императрицы Екатерины II.

Двенадцать купцов-«компанейщиков» (тобольский купец Илья Снигирев, вологодские – Иван Буренин и Василий Куликов, яренские – Иван Томилов и Афанасий Суханов, тотемские – Андрей Титов и Григорий и Петр Пановы, московский – Егор Сабинин, тульские – Семен Красильников и Афанасий Орехов и холмский – Афанасий Чебаевский) были награждены золотыми медалями, на которых с одной стороны было изображение Екатерины II, с другой – надпись об открытии ими новых островов. Они также освобождались от уплаты с первого промысла пушнины «десятой» пошлины и от несения гражданской службы (о чем был послан особый указ в Главный магистрат) [4, с. 140].

12. «Захарий и Елисавета» компании купцов Куликовых (1759–1762). Мореходом и передовщиком на судне был выбран Степан Черепанов, который у А. Полонского обозначен как выходец из крестьян [1, л. 33].

У других авторов Черепанов посадский: *Мореходом и передовщиком был выбран тотемский посадский человек Степан Черепанов* [4, с. 60].

Мореходом и передовщиком был на оном Степан Черепанов, города Тотьмы посадский [7, с. 41].

В 1762 году в Охотский порт была предоставлена «Сказка тотемского купца Степана Черепанова об его пребывании на Алеутских островах в 1759–1762 гг.». В «Сказке» говорилось: *«1762 году августа 3 дня в канцелярии Охоцкого порта тотемский купец Стефан Яковлев сын Черепанов сею скаскою показал: В прошлом 759 году принят был он, Черепанов, в Камчатке в компанию на собственное купцов Шуйского Стефана Посникова, Тулского Семена Красильникова, Вологоцкого Семена Кулкова, Яренского Стефана Тюрина судно Захарии и Елисаветы...»* [3, с. 113].

13. «Андреян и Наталия» компании Фёдора Холодилова (1760–1764). *В 1760 г. Андреян Толстых, дела которого, по-видимому, пошатнулись, отправился на промысел в качестве морехода и передовщика судна компании Ф. Холодилова «Андреян и Наталья»* [4, с. 64].

14. «Св. Троица» компании Никифора Трапезникова (1762–1763). Это судно было в числе тех, что подверглось нападению

алеутов и было сожжено. Не многие участники той экспедиции выжили. В числе тех, кто переходил с уничтоженного судна, и тех, кто погиб, тоже есть фамилии тотьмичей.

«Города Тотьмы монастырской Федор Кулешов, перешел с судна «Троицы» на судно «Иоанн» [3, с. 121].

«*Между оным в море, волею божиею, один промышленной тотемской крестьянин Иван Месников помер»* [3, с. 131].

«...я, Коровин, и со мною устюжане: крестьян Иван Коковин, Данило Мусорин, тотемских: посадской Стефан Корелин, крестьянин Дмитрей Брагин из барабары, взяв собственный свои копья, выбежали к ним, которых теми отгоняли, и из оных дву человек до смерти закололи» [3, с. 132].

«При означенном произсхождении из упромышленных тотемской посадской Алексей Батов от цынготной болезни и от ран, волею божиею, помре» [3, с. 134].

15. «Св. Николай» компании Никифора Трапезникова (1763). Это судно так же было разбито во время алеутского восстания. В ходе нападения был убит тотемский купец Пётр Шишкин – автор первой карты Алеутских островов. *Шишкин в 1763 г. отправился на острова на «Николае» Трапезникова и на о. Унимаке убит туземцами* [3, с. 28].

16. «Пётр и Павел» компании купцов Пановых (1764–1766). В 1764 году начинают свою деятельность наиболее успешные тотемские купцы – Григорий и Пётр Пановы. Начало промысловой деятельности компании тотемских купцов Григория и Петра Пановых связано с покупкой судна «Петр и Павел» у иркутских купцов Уледникова и Тропина. Они были должниками Пановых и оказались не в состоянии снарядить на пушной промысел выстроенное ими судно [1, л. 55].

Илья Мальцов, приказчик одного из «компанейщиков» П. Панова, писал об этом: *«За недостатком у них, Уледникова и товарища его Тропина, прежде отданного от них на строение и отправление того судна в морской вояж... капитала... мы, компанейщики, то судно всеми принадлежностями без всякого недостатка... исправя... 25 августа 1764 г. отправили в вояж». Судно стало называться пановским* [4, с. 67].

17. «Авраам» / «Пётр и Павел» компании Никифора Трапезникова (1765–1768). В числе компаньонов состоял Ф. Холодилов [1, л. 57].

Из 45 паёв в судне, Трапезникова 3 пая, Московского купца Журавлева 6..., Тотемского купца Холодилова и разных других лиц по одному паю [11, л. 71 об.].

18. «Св. Владимир» компании Красильникова (1765–1769). Мореходами на судне были сразу два тотьмича. Один из которых был переназначен ввиду смерти другого.

«Избранный в мореходы Тотемский купец Андрей Казаринов 21 сент. умер и чтобы судно не осталось опять зимовать в Камчатке компания предоставила мореходство Тотемскому посадскому М. Холодилову, который и вышел в море 6 октября» [1, л. 58 об.].

В числе компанейщиков тоже были тотемские купцы: *«чтобы заплатить в казну долги, Красильников продал в 1766 г. все свои паи Тотемскому купцу Петру Панову (приказчику его Мальцову)»* [1, л. 58 об.].

В компании тульского купца Семена Красильникова, созданной 23 сентября 1765 г. и снарядившей на промысел судно «Владимир», 40 основных паев распределялись следующим образом: Семён Красильников – 13, Илья Мальцов, приказчик тотемского купца Петра Панова – 8... Григорий Елагин, тотемский крестьянин – 2... Осип Фоминский, тотемский крестьянин – 1 [4, с. 100].

19. «Андреян и Наталия» компании Попова и Лапина (1767–1772). В компании состояли тотемские купцы Арсений Кузнецов и Алексей Холодилов [1, л. 62].

20. «Пётр и Павел» компании Пановых (1767–1770).

В 1767 году тотемские купцы Григорий и Петр Пановы отправили опять свое судно «Пётр и Павел» [7, л. 82].

Помимо Пановых, в компании состояли купцы: Арсений Кузнецов и Холодилов (Алексей).

Судно Уледникова, перешедшее к Панову, снарядил приказчик его Арсений Кузнецов для следования на Андриановские и Лисьи острова [1, л. 61 об.].

Участники: И. Попов, Холодилов, Буренин, Плотников, Шапошников, Ар. Кузнецов, Корнильцев, грек Деларов [1, л. 61 об.].

21. «Николай» компании Мухина и Засыпкина (1768–1773).

По валовому контракту Черепанову принадлежало 5 паёв компании, но на судне следовало быть работником самому. По этой причине Черепанов был избран передовщиком и мореходом [1, л. 64].

Очень удачной была экспедиция компании тобольского купца Ивана Мухина и тульского – Ивана Засыпкина, снарядивших на Алеутские острова судно «Николай» под командой морехода, тотемского купца Степана Черепанова [4, с. 70].

22. «Пётр и Павел» компании Пановых (1772–1776) [1, л. 71 об.].

В 1772 году судно «Пётр и Павел» купцов Пановых отправилось в повторную экспедицию [7, с. 96].

23. «Михаил» компании Алексея Холодилова (1772–1778).

Судно «Михаил» было снаряжено на пушной промысел компанией тотемского купца Алексея Холодилова. Ещё в 1768 году купец Федор Холодилов (дядя Алексея Холодилова) готовил это судно к отправке на острова, но бегство морехода купца Алексея Чулошникова с венгром Беньевским и смерть Федора Холодилова задержали его отправку. Командование «Михаилом» было поручено штурманскому ученику Дмитрию Полутову и передовщику, тотемскому крестьянину Дмитрию Брагину [4, с. 74].

Подробное описание экспедиции судна «Св. Михаил» опубликовано в Собрании сочинений, выбранных из месяцесловов 1790-го года [6, с. 304].

Мореход компании, приказчик Фёдора Холодилова, тотемский купец Чулошников, занял из казны 5 тыс. рублей и на них направил бот, чтобы следовать на нем в 1770 г. на острова [1, л. 66 об.].

Промышленные бота, подвергнутые следствию в скоропостижной смерти Холодилова и расхищении компанейского имущества, в том числе и Чулошников, в 1771 г. бежали с Камчатки с Беневским, а бот в том же году возвратился в Охотск с другим приказчиком Холодилова купцом Торговкиным и поступил во владение тотемского купца Алексея Холодилова [1, л. 66 об.].

О побеге Беневского существует множество исследований и версий. Сам Беневский описал своё «героическое» путешествие в книге «Voyages et memories de Maurice Auguste Comte de Benjowski, a Paris, 1791», переведённой на английский, немецкий и другие языки. Одно из ранних исследований на эту тему было опубликовано в литературном журнале «Сыны Отечества» [8, с. 4].

В ходе восстания промышленники с судна Фёдора Холодилова хотели лишить жизни своего приказчика Арсения Кузнецова*, но Беньевский доставил ему случай спастись бегством и укротил силы неистовых людей* [8, с. 20].

Изначально бунтовщики хотели угнать «Св. Михаил» Алексея Холодилова, а после того, как узнали, что судно к вояжу негодно – угнали судно «Святой Пётр» [8, с. 8].

24. «Святой Евпл» компании Буреииных (1773–1779).

В контракте компании московского купца Василия Серебренникова от 15 сентября 1773 года среди компанейщиков обозначен *города Тотмы купец Иван Григорьев Корелин* [4, с. 164].

2 пая принадлежали тотемскому купцу Кузнецову: *В содержании по сему валовому контракту двух паев имею содержать тотемского купца Алексея Холодилова прикащик ево того ж города купец*

Висарион Дмитреев Кузнецов, на которых следуют двое работников камчадала [4, с. 164].

25. «Александр Невский» компании Пановых (1776–1778).

Все паи, принадлежавшие якутскому купцу Лебедеву и московскому Серебренникову перешли тотемским купцам Пановым: *Лебедев, отвлеченный в это время японской экспедицией, в 1776 г. передал свои паи и права главного компаньона тотемским купцам Григорию и Петру Пановым, которые и снаряжали бот в вояж, определив в нем быть 58 паям* [1, л. 74].

Судно «Александр Невский» отправили тотемские купцы Пановы, недавно приобретшие его у московского купца Василия Серебренникова. Мореходом назначили Шейна, передовщиком – Соснина [4, л. 76].

26. «Варфоломей и Варнава» компании Савельева и Шелихова (1777–1781). Приказчики купцов Пановых – В. Попов и Сумароков состояли в числе компанейщиков [1, л. 75 об.].

Компания купцов рыльского Григория Шелехова, московского Ивана Соловьева и тотемских Григория и Петра Пановых, снарядив в сем году судно, названное ими Варфоломеем и Варнавою, отправила оное из Нижнекамчатска на Алеутские острова [7, л. 101].

27. «Климент» компании Пановых (1778–1785).

В 1777 году тотемские купцы Пановы и Арсений Кузнецов построили на р. Ураке два бота – «Климент» и «Николай» [1, л. 78 об.].

В 1778 г. компания уже известных купцов братьев Петра и Григория Пановых выстроила два новых судна – «Климент» и «Николай» – и отправила их на Алеутские острова. «Климентом» командовал штурман Афанасий Очередин. Для сбора ясака на оба судна были выделены подпрапорщик Кокарев и сержант Буйлов [4, с. 78].

В сем [1778] *году отправлено было еще судно Климент, принадлежавшее тем же Пановым и Кузнецову* [7, с. 104].

28. «Николай» компании Пановых (1778–1785).

На «Николае» находился приказчик Пановых Павлов, кузнец дворянин Васютинский и сборщики сержант Буилов и подпрапорщик Кокерев [1, л. 79].

Судно компании Пановых – «Николай», которым командовал Дмитрий Полутов, осенью 1779 г. тоже прибыло на Уналашку. Оттуда летом следующего года Дм. Полутов направился к берегам Америки [4, с. 78].

29. «Святой Евпл» компании Пановых (1780–1786) [1, л. 83 об.].

В 1779 г. тот же купец Вас. Серебренников и его компаньоны по судну «Евпл» – Никифор Трапезников и Федор Буренин – перепро-

дали свои паи приказчикам Пановых – сольвычегодскому Василию Посельскому и тотемскому Ивану Рыбникову, таким образом, Пановы стали хозяевами и этого судна [4, с. 116].

30. «Св. Михаил» компании Алексея Холодилова (1780–1786) [1, л. 85 об.].

Компания Алексея Холодилова отправила в 1780 г. на Алеутские острова во второй раз судно «Михаил» под командой морехода, штурманского ученика Мухоплёва, передовщиком был назначен камчатский купец Л. Нагаев [4, с. 80].

31. «Георгий» компании Лебедева-Ласточкина (1781–1789).

10 паёв на судне «Георгий» принадлежали тотемскому купцу Алексею Холодилову: *...Ласточкин снарядил галиот на промысла, определив в нем 70 паев: 30 его самого, 10 Холодилова* [Алексея], *а остальные разных лиц* [1, л. 86].

32. «Алексей» компании Алексея Панова (1781–1791) [1, л. 87 об.].

У В. Берга в описании экспедиции записан тотемский купец Алексей Попов, в других источниках – он обозначен как Панов [7, с. 108].

Примечательно, что основной промысловой деятельностью прославились братья Григорий и Пётр. Кем является Алексей Панов, ещё предстоит выяснить при изучении генеалогии династии Пановых.

33. «Варфоломей и Варнава» компании Пановых (1782–1791).

Передовщиком на судне тотемских купцов Пановых был избран также тотемский мещанин Степан Черепанов, а мореходом камчатский мещанин Степан Корелин [1, л. 88 об.].

34. «Павел» компании Лебедева-Ласточкина (1783–1790).

В числе паёвщиков и хозяев судна встречаются 3 тотемские фамилии: Михаил Губинский – 1 пай, Федор Никулинский – 2 пая, Арсений Кузнецов – 1 пай [7, с. 109].

35. «Георгий» компании Пановых (1785–1787) [1, л. 90].

Две подряд идущие экспедиции галиота «Георгий» Станиславом Зайцевым были посчитаны за одну, длившуюся 8 лет. Хотя есть чёткое разделение между вояжами, случившимися в 1787–1788 годах. *В сем* [1785] *году отправлен был из Нижнекамчатска тотемским купцом Пановым галиот, именовавшийся Св. Георгием* [7, с. 114].

36. «Георгий» компании Пановых (1788–1793) [1, с. 90].

В сем году отправлен был вышеупомянутый гальот Георгий, который, пробыв на островах до 1793 года, возвратился опять с небогатым грузом. Вряд ли вывезенные на оном меха окупили

издержки двоекратного отправления и осьмилетнего содержания судна сего... [7, с. 114].

37. «Георгий» компании Лебедева-Ласточкина (1790–1797). В числе паёвщиков компании были следующие тотемские купцы: Василий Рохлецов – 11 паёв, Иван Кузнецов – 1 пай, Федор Протопопов – 3 пая [7, с. 116].

38? «Николай» компании В. Кузнецова (1796–1799) [1, л. 92].

К 38-й, завершающей историю, тотемской экспедиции можно отнести экспедицию тотемского купца Виссариона Кузнецова, но она не состоялась по причине образования Российско-американской компании в 1799 году.

Тотемский купец В. Кузнецов, поселившийся в Камчатке, укомплектовал судно необходимыми потребностями и провизией и опять отправил его на Атту для промыслов и возвращения тоена с родниками. Следуя туда, бот «Николай», остановившийся по пути у Медного, был сорван с якоря и поврежден. К весне 1799 г. судно было исправлено, но по неимению якоря предводители его не решились совершить поход на Атту, а возвратились опять в Камчатку. Бот требовал больших исправлений и потому Кузнецов не мог отправить его в том же году, а оставил до следующего. Но как 19 июля 1799 г. дана была Российско-американской компании привилегия – ей одной отправлять суда за промыслами на Алеутские острова и в Америку, то Кузнецов должен был и окончательно остановить исправление в море своего судна.

Таким образом, на данном этапе научных изысканий удалось найти подтверждение 38 экспедициям, к которым тотемские купцы, мещане, а порой и крестьяне имели непосредственное отношение. Из 20-ти экспедиций, указанных С. М. Зайцевым, подтверждение получили 19.

В числе судов, упомянутых С. М. Зайцевым, обозначен галиот «Тотьма», ходивший на Алеутские острова в 1762 году. Этот галиот не обозначен ни в одной ранее изданной таблице экспедиций и сведений об этом галиоте никаких нет. Тогда откуда он взялся?

Галиот «Тотьма» был упомянут единожды в письме лекаря из Устюга Якова Фриса в Императорскую Академию наук от 19 апреля 1801 года. В докладе Академии по поводу письма говорится (вольный перевод с французского): *«...Прочитал письмо того же автора* [Фриса], *содержащее различные интересные заметки об уроженце Устюга по имени Молеф* [фамилия Молев], *который, будучи лоцманом на галиоте «Тотьма», посетил в 1762 г. остров Кадьяк на Троицкой и впоследствии женился на местной женщине. Мистер*

Фрис отзывается о нем как о человеке, разговор с которым был очень интересным, и обещает сделать все возможное, чтобы получить документы этого человека, недавно умершего от укуса своей лошади, и отправить его документы в Академию» [10, с. 893].

Поскольку подтверждений этих сведений, равно как и иных упоминаний галиота «Тотьма» ни в одном известном источнике не выявлено, то можно предположить либо об искажении информации в ходе перевода письма на французский язык, либо о ложных сведениях самого уроженца Устюга «по имени Молеф». Непонятная фраза *«посетил в 1762 г. остров Кадьяк на Троицкой»* может быть трактована как посещение острова галиотом «Троица Живоначальная», что в 1762 году находился на Алеутских островах и был сожжен алеутами. Если Молеф был в экспедиции, то вполне вероятно, что именно на этом судне, а не на упомянутом галиоте «Тотьма». К тому же все суда, отправлявшиеся в экспедиции, носят имена святых, что ещё раз подвергает сомнению существования этого судна. В связи с этим в число тотемских экспедиций данный галиот записывать пока не следует, до нахождения других подтверждений его похода.

Помимо количества экспедиций и их участников следует отдельно изучить историю дальнейшей судьбы мягкой рухляди, привозимой с островов. Есть мнение, что купцы богатели не столько от пушного промысла, сколько от перепродажи пушнины в Китай и торговли сопутствующими китайскими товарами в центральной части России.

П. И. Челищев, посетивший Тотьму в 1791 году в ходе своего путешествия по Северу России, пишет: *«...выманивши ж на железные маловажные вещи и накупивши за деньги тамошних звериных кож: черных лисиц, бобров, соболей, медведей, волков, песцов, закаменских белок и других редкой доброты зверей и птичьего гагачьего пуху, отвозили для торга с китайцами на Кяхту и на те звериные кожи выменивали самый лучший китайский товар; вывозя ж оный Москву и Санкт-Петербург, получали за его наличные деньги с неописанным уже барышом,– то, от сего в короткое время разбогатели тотемские купцы: 1) именитый по городовому положению и наличному денежному капиталу гражданин Алексей Григорьевич Холодилов, 2) именитый же второстатейный гражданин Григорий Алексеевич Панов, 3) первой гильдии купец Осип Иевлевич Нератов, 4) первой же гильдии купец Федор Иванович Протопопов, 5) первогильдийный же купец Арсений Дмитриевич Кузнецов (он при моей бытности был от городского общества головой), 6) той же гильдии купец Иван Григорьевич Лябзинов, 7) Иван Дмитриевич Кузнецов».*

Об истории тотемских перекупщиков есть ещё несколько интересных фактов. В 1787 году в «Записках Шелихова странствования его в Восточном море» сказано: *«29, 30 и 31-го принимал я от агличан сторгованныя мною товары, а 1-го сентября прием и щет окончали. Всего товару принято мною на 6 611 р., в то число я им заплатил 1000 р., а в достальных дал вексель по объявлении в два месяца заплатить в Москве с 6-ю процентами на год... В Большерецк прибыл я 8-го числа сентября, и все покупныя мною у англичан товары продал тотемских купцов Пановых прикащикам и другим; барыша от сих товаров получил по 50 коп. на рубль»* [3, с. 214].

И это не единичный случай. Самая первая экспедиция на Алеутские острова сержантом Басовым хоть и не имела в своём активе тотьмичей, но по возвращении в Охотск, тотемские купцы уже были в числе упомянутых.

Прикладные, по обещанию, 50 бобров, отданы, с общего согласия, старостою Расторгуевым тотемцу П. Е. Попову за тысячу руб. с тем, чтобы он доставил к той церкви: 7 колоколов, ризу, 2 кадила, серебряное и медное, 4 медных вызолоченных лампады, воску белого 10 п. и красного 5 п., муки пшеничной. В 1746 году церковные потребности привезены тотемцем П. Козариновым и сданы архимандриту [1, л. 5].

* * *

Настоящая научная работа – только начало пути по поиску необходимой информации обо всех экспедициях, которые способствовали развитию тотемского купечества. Чтобы она была более полной, следует изучить множество различных аспектов: от всех формальностей организации компаний до сбора необходимого в вояж такелажа, от строительства судов на верфях до бытовых моментов промысловиков на островах, и от взаимодействия русских с островитянами до переправки пушнины в Китай и центральную Россию. Естественно, всё это нужно изучать через призму личных историй тотьмичей – участников всех этих этапов, что поможет в дальнейшем сформировать наиболее точный облик нового музея мореходов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Архив РГО СПб. Р60. Оп. 1. № 2. А. Полонский. Перечень путешествий русских промышленников в Восточном океане с 1743 по 1800 г.

2. О Камчатской экспедиции 1758 года [Иулиан] (Рукопись XVIII века) // Щукинский сборник: вып. 5.– М.: тов-о типографии А. И. Мамонтова, 1906.

3. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке [Текст] / Под ред. доктора исторических наук А. И. Андреева.– М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1948.

4. *Макарова, Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. Москва: Наука, 1968.

5. О российских открытиях на морях между Азиею и Америкою // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы, часть IV.– СПб., 1790.

6. Перечень путешествия, предпринятого к островам между Азиею и Америкою находящимся на судне Св. Михаила // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы, часть V.– СПб., 1790.

7. *Берг В. Н.* Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги Российского купечества с присовокуплением исторического известия о меховой торговле.– СПб.: тип-я Н. Греча, 1823.

8. Побег Графа Беньевского из Камчатки во Францию // Сын отечества: исторический, политический и литературный журнал / под ред. А. Воейкова и Н. Греча, ч. 71. СПб.: тип-я Н. Греча, 1821.

9. *Челищев П. И.* Путешествие по Северу России в 1791 году: Дневник П. И. Челищева / Изд. под наблюдением [и с предисл.] Л. Н. Майкова.– СПб: тип-я В. С. Балашева, 1886. 315 с.

10. Протоколы заседаний Конференции императорской Академии Наук с 1725 по 1803 гг.– Т. IV– СПб., 1911. С. 893.

11. РГО. Р60. Оп. 1. № 3. А. Полонский. Промышленники на Алеутских островах (1743–1800 г.)

Таблица 1

Участие тотьмичей в промысловых компаниях на Алеутских островах 1743–1799 года

№	ГОДЫ	СУДНО	РОЛЬ ТОТЬМИЧЕЙ В ЭКСПЕДИЦИЯХ		
			владелец компании	компанейщики и пайщики	мореход / передовщик
1	1747–1748	«Св. Иоанн»	Фёдор Холодилов	Нератов	
2	1747–1749	«Симеон и Иоанн» («Св. Иоанн», «Симеон и Анна»)		Иван и Андрей Всевидовы	
3	1748–1749	«Св. Перкун и Занат»/ «Капитон»		Лука Басалаев	

№	ГОДЫ	СУДНО	РОЛЬ ТОТЬМИЧЕЙ В ЭКСПЕДИЦИЯХ		
			владелец компании	компанейщики и пайщики	мореход / передовщик
4	1749–1752	«Св. Иоанн»	Фёдор Холодилов	Нератов	
5	1750–1752	«Симеон и Иоанн» / «Иеремия»		Андрей Всевидов	
6	1752–1757	«Св. Борис и Глеб» / «Св. Авраам»			Лука Басалаев
7	1753–1755	«Св. Иеремия»/ «Св. Пётр и Павел»		Тропин, Малевинский	
8	1753–1755	«Св. Иоанн»	Фёдор Холодилов		
9	1756–1758	«Св. Пётр и Павел»			Андрей Всевидов
10	1756–1759	«Св. Андреян и Наталия»	Фёдор Холодилов	Чулошников, Степан Черепанов	
11	1758–1762	«Св. Иулиан»		Семён Шергин, Андрей Титов, Григорий и Петр Пановы, Иван Всевидов, Михаил Холодилов, Степан Каплин, Михаил Коровкин, Пётр Казаринов, Василий Черепанов, Василий Росляков, Пётр Шишкин, Иван Гурылёв	
12	1759–1762	«Св. Захарий и Елисавета»			Степан Черепанов
13	1760–1764	«Андреян и Наталия»	Фёдор Холодилов		
14	1762–1763	«Святая Живоначальная троица»		Фёдор Кулешов, Иван Месников, Степан Корелин, Дмитрий Брагин, Алексей Батов	

№	ГОДЫ	СУДНО	РОЛЬ ТОТЬМИЧЕЙ В ЭКСПЕДИЦИЯХ		
			владелец компании	компанейщики и пайщики	мореход / передовщик
15	1763	«Св. Николай»			Пётр Шишкин
16	1764–1766	«Св. Пётр и Павел»	Григорий и Пётр Пановы	Илья Мальцов, Степан Коровин	
17	1765–1768	«Св. Авраам» / «Св. Пётр и Павел»		Фёдор Холодилов	
18	1765–1769	«Св. Владимир»		Илья Мальцов, Григорий Елагин, Осип Фоминский	Андрей Казаринов, Михаил Холодилов
19	1767–1772	«Св. Андреян и Наталия»		Арсений Кузнецов, Фёдор Холодилов	
20	1767–1770	«Св. Пётр и Павел»	Григорий и Пётр Пановы	Фёдор Холодилов, Арсений Кузнецов	
21	1768–1773	«Св. Николай»		Степан Черепанов	Степан Черепанов
22	1772–1776	«Св. Пётр и Павел»	Григорий и Пётр Пановы		
23	1772–1778	«Св. Михаил»	Алексей Холодилов		Чулошников, Дмитрий Брагин
24	1773–1779	«Св. Евпл»		Иван Корелин, Алексей Холодилов, Виссарион Кузнецов	
25	1776–1781	«Александр Невский»	Григорий и Пётр Пановы		
26	1777–1781	«Св. Варфоломей и Варнава»		Приказчики Пановых – В. Попов и Сумароков	Степан Корелин
27	1778–1785	«Св. Климент»	Григорий и Пётр Пановы	Арсений Кузнецов	
28	1778–1785	«Св. Николай»	Григорий и Пётр Пановы	Арсений Кузнецов	
29	1780–1786	«Св. Евпл»	Григорий и Пётр Пановы	Иван Рыбников	
30	1780–1786	«Св. Михаил»	Алексей Холодилов		

№	ГОДЫ	СУДНО	РОЛЬ ТОТЬМИЧЕЙ В ЭКСПЕДИЦИЯХ		
			владелец компании	компанейщики и пайщики	мореход / передовщик
31	1781–1789	«Св. Георгий Победоносец»		Алексей Холодилов	
32	1781–1786	«Св. Алексей Человек Божий»	Алексей Панов	Купцы Пановы	
33	1782–1791	«Св. Варфоломей и Варнава»	Григорий и Пётр Пановы		Степан Черепанов
34	1783–1790	«Св. Павел»		Михаил Губинский, Фёдор Никулинский, Арсений Кузнецов	
35	1785–1787	«Св. Георгий»	Григорий и Пётр Пановы		
36	1788–1793	«Св. Георгий»	Григорий и Пётр Пановы		
37	1790–1797	«Св. Георгий»		Василий Рохлецов, Иван Кузнецов, Фёдор Протопопов	

Николаев Иван Романович,
научный сотрудник МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма – г. Москва

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О БЫТОВАНИИ АНСАМБЛЯ ДОМА КУПЦА ХОЛОДИЛОВА И ТЮРЕМНОГО ЗАМКА г. ТОТЬМЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

В 2021 г. после передачи Тотемскому музейному объединению комплекса Дома купца Холодилова и Тюремного замка, ранее занятых полицейским управлением, начались планомерные работы по изучению истории памятника. К конференции «Русский Север-2022: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия» был подготовлен подробный доклад, посвящённый анализу всех выявленных на тот момент источников и выстраиванию хронологии строительства и бытования ансамбля [1].

Во второй половине 2022 г. в рамках реализации проекта «Дорогами Русских Колумбов», поддержанного Президентским

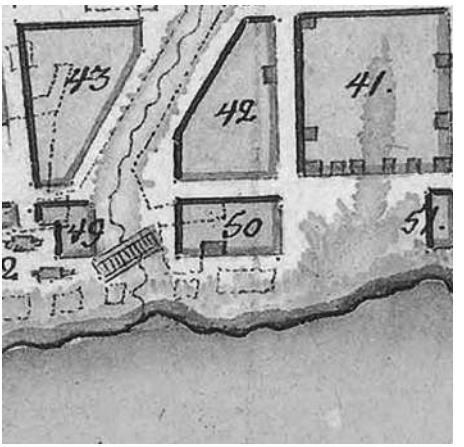
фондом культурных инициатив, были выявлены новые источники, уточняющие ряд фактов и гипотез, выдвинутых в рамках подготовки предыдущего доклада. Также это позволило частично опровергнуть отдельные ранее выдвинутые тезисы.

Целью текущего исследования стало уточнение исторической информации об истории формирования ансамбля дома купца Холодилова и тюремного замка в г. Тотьма Вологодской области в дореволюционный период. Исторический характер исследования определил применение соответствующих методов, а именно,– историко-генетического, хронологического, общетеоретических методов.

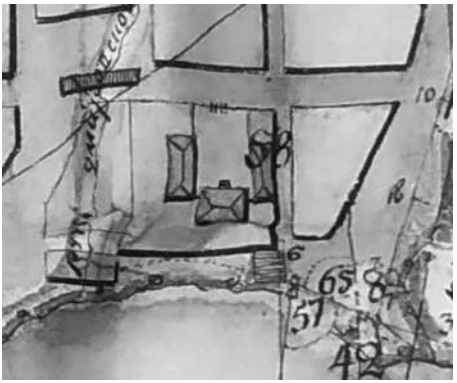
Источниковой базой исследования стали архивные материалы, часть которых ранее не была введена в научный оборот. Использованы дела Российского государственного исторического архива (далее – РГИА), Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербург (далее – ЦГИА СПБ), Государственного архива Вологодской области (далее – ГАВО), Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА).

Отмечая уточнения, внесённые в ранее выдвинутые гипотезы, стоит начать с вопроса датировки постройки купеческого дома. В купчей крепости 1837 г. указано, что под «постройку дома» был выделен 50 квартал из градской земли в 1783 г. [2, л. 112 об.], в связи с чем начальной датой становления комплекса был установлен этот год.

Выявленные сведения позволяют утверждать, что дом был построен раньше, как минимум на два года. Дом купца Холодилова отражён на Высочайше конфирмованном плане 1781 г. В предыдущем докладе данный план был ошибочно идентифицирован как план 1794 г., опираясь на датировку, указанную в использованном интернет-источнике [3]. Оригинал данного плана был найден в Атласе Вологодского наместничества, опубликованном в 1784 г. [4], его фрагмент представлен на Изображении 1.

Изображение 1.
Фрагмент плана гор. Тотьмы 1781 г. [4]

Изображение 2.
Фрагмент плана гор. Тотьмы 1782 г. [5]

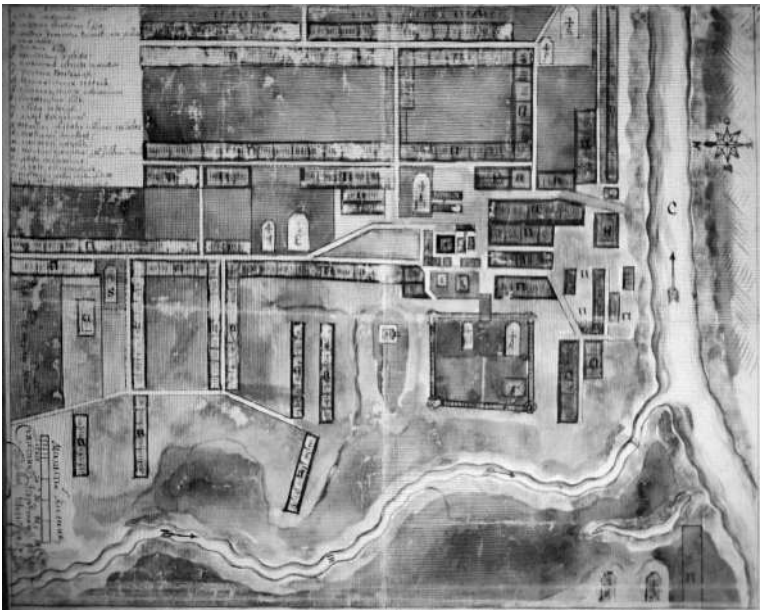
На межевом плане г. Тотьмы 1782 г., находящемся в РГАДА, здание изображено уже с двумя флигелями [5]. При подготовке данного исследования возможность ознакомления с оригиналом плана отсутствовала, но изображение с интернет-копии позволяет утверждать, что уже к 1782 г. дом с двумя каменными флигелями был построен. Фрагмент данного плана представлен на Изображении 2.

Причина данной коллизии кроется в особенности прав собственности, существовавших к концу XVIII в., где земля, на которой стоит дом, и само строение были разными объектами [6, с. 63], а следовательно, указанный 50 квартал мог быть выделен при уже построенных зданиях. Дата строительства дома, таким образом,– не позднее 1781 г., а двух флигелей – не позднее 1782 г. Вопрос изначальной даты строительства дома вновь является открытым.

В ряде публикаций в СМИ и интернет-источниках распространена позиция, согласно которой дом построен в 1760-е гг. «от избытка капитала» [7]. Источник такой датировки на момент публикации не выявлен, однако формулировка об «избытке капитала» присутствует в исследованиях краеведа Станислава Михайловича Зайцева [8, с. 19]. Вероятно, в одной из публикаций краеведа была представлена данная дата, но в данный момент не выявлено, в какой именно, и на какой источник мог ссылаться С. М. Зайцев.

Точка зрения касательно строительства дома в 1760-х гг., может быть оспорена в силу нескольких причин. В плане г. Тотьмы 1767 г. здания за Дмитриевским ручьём не нанесены на план, а в приложенной ведомости указано, что в городе присутствовало 236 купецких дворов, среди которых не было ни одного каменного [9; 10, с. 138–139]. План представлен на Изображении 3.

С учётом смерти Фёдора Андреевича Холодилова в 1768 г. на Камчатке [11, с. 130], строительство в период 1767–1768 гг. было маловероятно. Кроме того, в 1760-е гг. в России был популярен ранний классицизм, тяготевший к декоративности постепенно вытесняемого барокко, тогда как дом, имеющий, преимущественно,

Изображение 3. План города Тотьмы 1767 г. [9]

строгий геометрический декор, относится к стилю зрелого классицизма, характерного 1770–1780-м гг.

Несмотря на вновь поднятый вопрос о дате постройки, подтверждение получила гипотеза о личности строителя дома. Согласно «Записке Вологодской Дирекции училищ о разрешении на покупку каменного двухэтажного дома у московского куп. Холодилова, который находится в г. Тотьме для тамошних училищ за 10700 рублей» построил дом Алексей Григорьевич Холодилов [12, л. 8 об.], племянник Федора Андреевича, один из его наследников, продолживший организацию экспедиции на Алеутские острова. Текст «Записки» содержит описание предлагаемого к покупке имущества, подтверждает сведения о выделении земли под постройку в 1783 г. и вносит значительные уточнения в ранее сформированные тезисы об устройстве ансамбля к 1830-м гг.

В тексте описаны уже упомянутые ранее каменные флигели. Их размеры позволяют утверждать, что именно в этих флигелях разместились службы и тюремные камеры, а не в выстроенных специально для организации присутственных мест зданиях. Таким образом, более поздние документы [13; 14], свидетельствующие

о затратах на «постройку» флигелей при покупке, имеют неточности и, судя по всему, описывают приспособление уже имевшихся зданий для новых нужд.

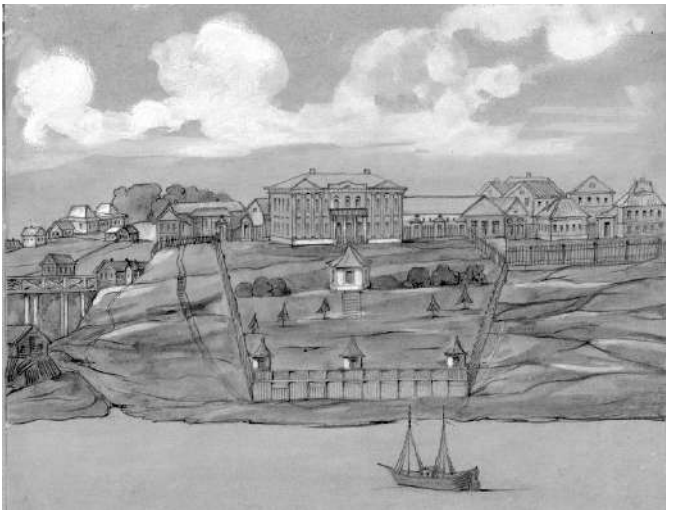
В восточном флигеле, где после продажи имения разместились службы присутственных мест, в 1835 г. размещались людская изба с кирпичной печкой, конюшня со стойлами и каретник [12, л. 7 об.]. В западном, где разместились тюремные камеры, до переустройства размещались амбар, каретник, кухня (поварня), кладовой амбар со сводчатым потолком. Флигели, как и позднее, имели двускатные деревянные крыши. Между флигелями размещалась каменная ограда с железными воротами и решетками [12, л. 8].

Значительное число вновь выявленных фактов касается главного дома и его архитектурных особенностей. Изображенный на ряде городских планов прямоугольным, дом в описи 1835 г. отмечен как выстроенный «глаголем», то есть имеющий Г-образную форму, что опровергает ранее выдвинутую точку зрения о поздней пристройке северо-западной части дома [12, л. 7]. Также опись указывает, что дом уже имел антресольные помещения, что позволяет утверждать, что они были построены с самого начала существования дома, либо пристроены в промежуток между 1780–1830-ми гг.

Среди ранее неизвестных сведений стоит отметить упоминание погреба [12, л. 7], вход в который располагался в одной из комнат, судя по описанию, расположенных в восточной части дома. Также подтверждено наличие двух балконов, не упоминаемых в других текстовых источниках. Один из данных балконов изображен на акварельном рисунке неизвестного автора «Вид города Тотьмы в XVIII веке» и, судя по всему, располагался между ризолитами на речном фасаде дома. Фрагмент данного рисунка из собрания Тотемского музейного объединения (ТМО) представлен на Изображении 4.

Расположение второго балкона в данный момент неизвестно, но, вероятно, он располагался на противоположной стороне дома, как и парадный вход.

На данном рисунке также изображена каменная беседка. Её наличие на данный момент не подтверждено документами, но опись дома 1835 г. содержит сведения о наличии со стороны реки «небольшого Английского сада» [12, л. 8]. Английский парк, также называемый пейзажным,– одна из известных форм в садово-парковом искусстве XVIII в., характеризующаяся естественными формами ландшафта, нерегулярностью, имитацией естествен-

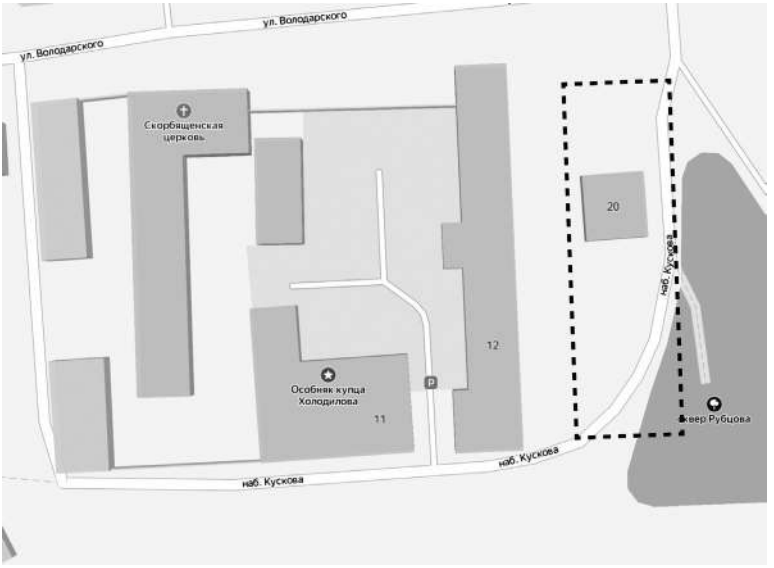

Изображение 4. Дом купца морехода-промышленника в Тихом океане Федора Холодилова в г. Тотьме, построенный во 2-й половине XVIII века. Копия с рисунка неизвестного художника 1782 г. Рисунок из собрания ТМО

ности. Подобные сады нередко сопровождались архитектурными формами, вписываемыми в ландшафт, что указывает на возможность наличия данной беседки в прошлом. Помимо беседки в саду присутствовало 6 лестниц, о необходимости починки которых упоминает текст об осмотре дома в 1836 г. [12, л. 11, 13].

На рисунке не изображен западный флигель, но справа от главного дома на рисунке, с высокой степенью вероятности, изображен восточный. В подлиннике – одноэтажное здание с двускатной крышей и тремя окнами, выходящими на реку, окрашено в жёлтый цвет с крышей, окрашенной красным цветом, что совпадает с цветовым оформлением здания, указанным в источниках второй половины XIX в.

Сразу за зданием флигеля на рисунке отражены деревянные постройки. Отталкиваясь от сведений, указанных в купчей крепости 1837 г. и описи 1835 г. предполагается, что там размещались деревянные строения, построенные вне плана на городской земле, в 1837–1841 гг. снесённые. Среди них: «деревянный ветхий амбар, крытый тесом мерою вокруг на 5 сажен с дверями деревянными на крюках железных... сарай ветхий для складки дров ... два хлева

Изображение 5.
Предполагаемое место расположения деревянных построек

ветхие мерою на 4 сажени и совершенно уже развалившиеся ... две бани ветхие и все сие деревянное строение обнесено тесовыми заплатами» [12, л. 8 об.]. Суммарно строения занимали площадь в 9 сажен (19,2 м) по фасаду и 30 сажен (64,01 м) в длину.

Опираясь на среднее расстояние между каменными зданиями ансамбля (10–11 м) и указанные размеры занимаемой площади, разработана схема, содержащая сведения о предполагаемом расположении деревянных построек, представленная на Изображении 5. Пунктиром на схеме изображена площадь предполагаемых построек. Зона получила небольшой наклон относительно оси север-юг, как у других зданий ансамбля. В дальнейшем данная схема может быть использована при подготовке проведения археологических изысканий.

Описание дома, приведенное в описи 1835 г., также несет значительные сведения об интерьерах главного дома. Полный текст [12, л. 7 – л. 7 об.] включает следующее:

«Дом каменной, состоящий в городе Тотьме в 50 квартале, выстроенной по плану близ реки Сухоны двухэтажный глаголем с северной стороны с антресолями, крытый железом, длиною по

набережной 12½ сажен, шириною 7 сажен с аршином, к западной стороне 12 сажен. С северной стороны приклад 3½ сажен, в восточной стороне ширины 4½ сажен. В нём в нижнем этаже жилых покоев четыре с 4 печами, вьюшками и заслонками чугунными, десять окон, с летними и зимними 7 стеклянными окончиками и в них с железными решетками, четыре кладовых анбара, из коих у двух двери железные; а у прочих деревянные на крюках и петлях железных, с нутряными замками и под одним из них погреб с лестницей. В глаголе в нижнем этаже жилой один покой с кирпичной печкой, 4 окошками, в них зимними и летними окончиками с железными решетками; Подле онаго кладовой анбар с деревянными дверьми на крюках и петлях железных, одни сени, в них чулан с дверьми, на крюках и петлях железных с нутряным замком; Из оных сеней в верхний этаж деревянная лестница, снаружи парадное крыльцо с лестницей в верхний этаж; В верхнем этаже жилых покоев 13 и два коридора, 6 печей из коих пять образцовых и одна кирпичная крашеная и один камин. Сорок четыре окна с летними и зимними 40 стеклянными окончиками. Стены и потолок расписанныя и под оными потолоками карнизы. В глаголе в антресолях жилых покоев один, в нем одна печь с принадлежностями, восемь окошек с летними и зимними стеклянными окончиками. Одна лестница в антресолях на западной стороне, два жилых покоя с одною печью с принадлежностями, четыре окошка с летними и зимними стеклянными окончиками, одни двери на крюках и петлях железных с замком и два балкона».

Особый интерес представляет краткое упоминание о росписях на стенах и потолках. В 2022 г. в ходе очистки стен от разновременных обоев в одном из помещений были обнаружены фрагменты сохранившихся росписей на стенах. После обнаружения красочного слоя, работы по снятию поздних обойных напластований были остановлены во избежание нанесения повреждений. На изображении 6 продемонстрирован выявленный фрагмент.

В других помещениях на данный момент подобные росписи не обнаружены. В тексте описи указано, что росписи также присутствовали на потолках над карнизами. Карнизы в помещениях второго этажа преимущественно присутствуют в помещениях, выходящих на речную сторону или близкие к ним. Кроме того, различается их декоративное убранство, что позволяет выделить несколько типов карнизов.

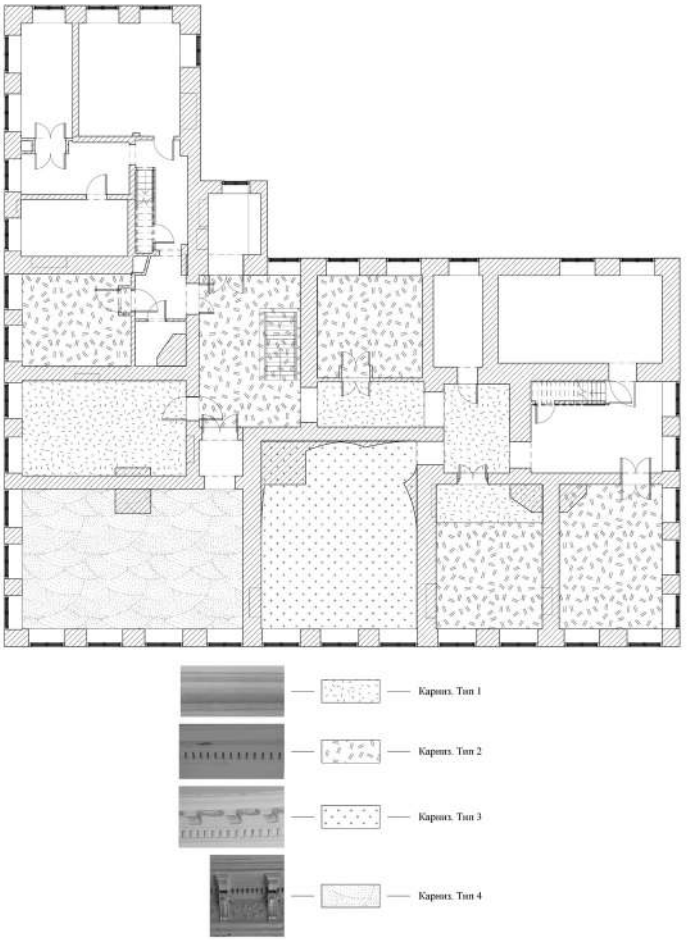

Изображение 6.
Выявленные фрагменты росписей на стене. Фото 2022 г.

На Изображении 7 представлен план помещений второго этажа с указанием наличия карнизов. Нумерация типов карнизов сортирована по мере увеличения декоративности. Росписи выявлены в помещении с карнизом типа 2. Учитывая историческую планировку помещений, есть основания полагать, что росписи могут присутствовать и в других помещениях с карнизами данного и более декоративного типов. Помещения без текстурной заливки не имеют карнизов вовсе ввиду размещения над ними антресольных этажей. В крайнем северо-восточном помещении – сводчатый потолок, единственный на втором этаже.

К моменту составления описи в 1835 г. дом находился в удручающем состоянии. По свидетельствам источника, к этому году дом находился «много лет без всякого убранства» и был частично разграблен [12, л. 6]. При повторном осмотре дома в 1836 г. была выявлена необходимость починки изразцовых печей на втором этаже. 31 стекло было разбито, в покоях «подле залы с западной стороны дома» штукатурка на потолке отвалилась из-за протекающего потолка. На первом этаже четыре печи развалились полностью, в 14 окнах были разбиты стекла и прогнили рамы. Крыша дома проржавела и, по свидетельству составителя источника, не красилась уже около 30 лет. Балконы также требовали починки и, судя по их отсутствию на поздних планах, в какой-то момент было принято решение об их сносе [12, л. 10–10 об.].

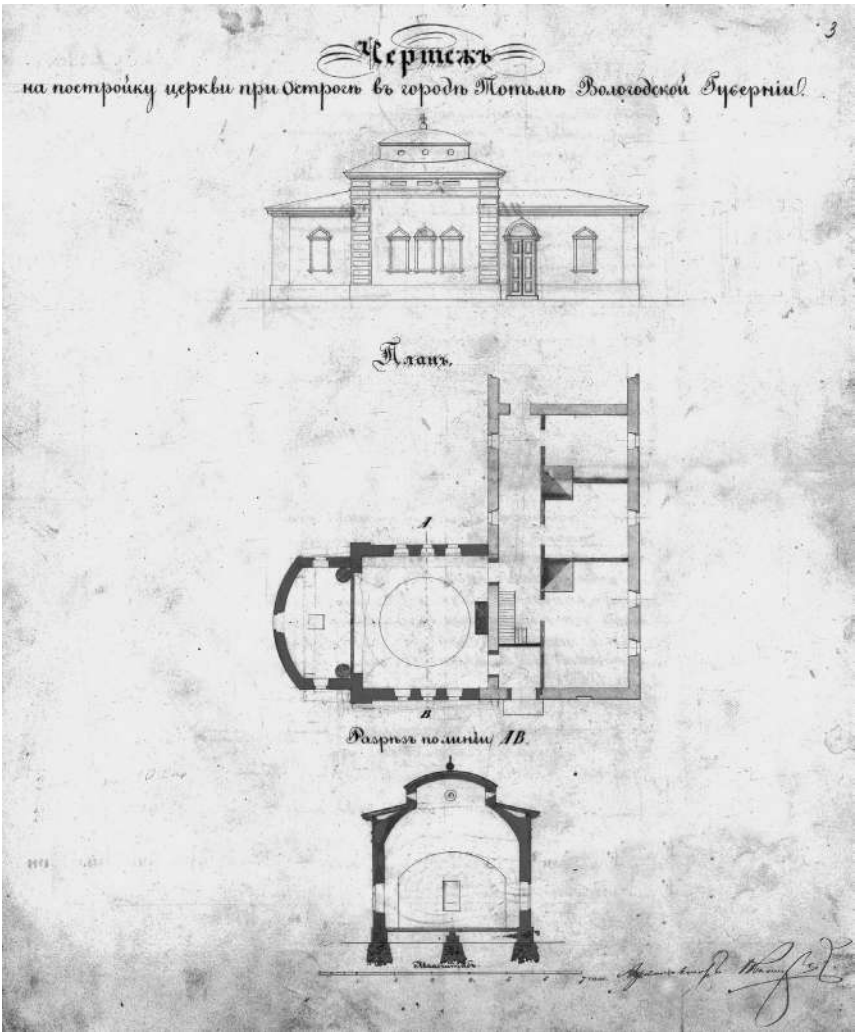
Точная дата оставления Холодиловыми дома неизвестна, но, с большей степенью вероятности, связана с переездом в Москву. В 1809 г. Илья Алексеевич Холодилов передал другой, деревянный

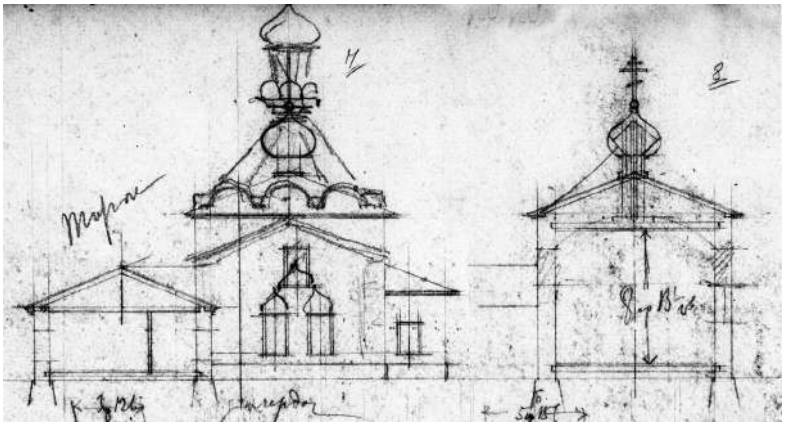

Изображение 7. План помещений второго этажа с типами карнизов

дом Тотемскому уездному училищу, в ревизии 1816 г. ещё числился тотемским купцом 1-й гильдии [11, с. 133]. В 1810 г. он стал одним из учредителей Общества любителей коммерческих знаний, с 1825 по 1831 гг. являлся членом Совета общества [11, с. 134]. В 1830 г. уже значится московским купцом [11, с. 134]. Исходя из этого, можно выдвинуть версии, что переезд семьи в Москву мог состояться в начале 1810-х гг., либо Холодиловы уезжали попеременно, окончательно переехав в 1825–1830-х гг.

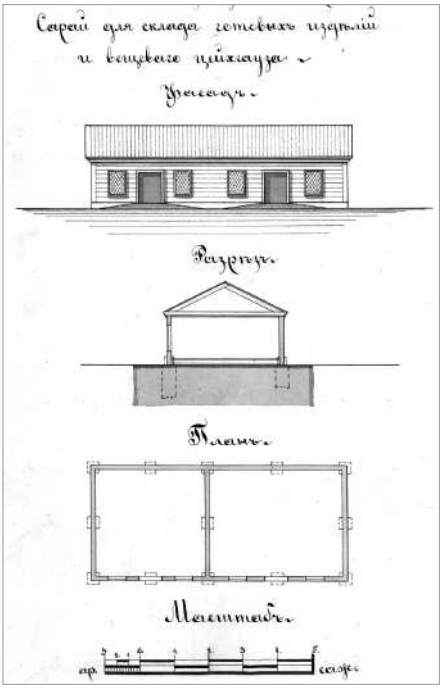
Вторая обширная группа выявленных сведений посвящена появлению пристроек в годы бытования комплекса в составе присутственных мест и тюремного острога. Один из наиболее значительных фактов посвящен архитектурному облику церкви иконы

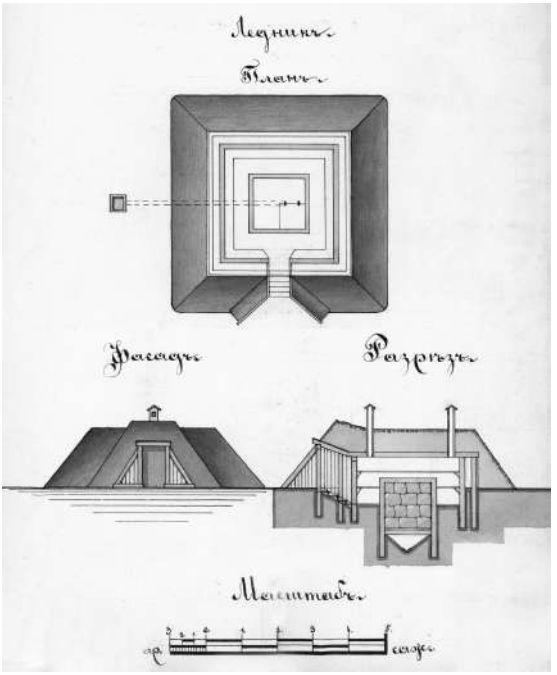

Изображение 8. Чертеж на постройку церкви при тюремном остроге в гор. Тотьма Вологодской губ. 1855 г. [16, л. 3]

Изображение 9. Схематичный рисунок перестройки церкви при тюремном остроге. 1887–1889 гг. [17, л. 5]

Изображение 10.
Чертеж склада при комплексе присутственных мест [17, л. 6]

Изображение 11.
Чертеж ледника при комплексе присутственных мест [17, л. 6]

Богоматери «Всех Скорбящих Радость». Текстовые описания начала XX в., данные Д. А. Григоровым, описывают церковь как выстроенную в «неорусском», «допетровском» стиле. Форму шатровой крыши историк называет приплюснутой и неудачной [15].

Благодаря выявленному делу о постройке церкви при тюремном остроге стало известно, что первоначальный облик церкви значительно отличался, что уточняет содержание карандашного чертежа, ранее выявленного в комплексе документов 1880-х гг. [17, л. 5]. Изначально крыша церкви не имела ни закомар, также отмеченных Григоровым как неудачных, ни шатровой крыши. Первоначальный облик церкви представлен на Изображении 8. На Изображении 9 представлен чертеж 1880-х гг., демонстрирующий схему перестройки купола.

В комплексе чертежей конца 1880-х гг. также были обнаружены чертежи на постройку дополнительных зданий в составе комплекса – ледника и склада для изделий тюремных мастерских. На фотографиях начала XX в. в центре казначейского двора располагается ранее неидентифицированная деревянная постройка. Визуальный облик позволяет предположить, что данная постройка является складской постройкой. О факте постройки ледника при комплексе неизвестно. Чертежи складского сарая и ледника представлены на Изображениях 10 и 11 соответственно.

Итоги проведенного исследования позволяют обновить ранее разработанную хронологию формирования ансамбля. Дополненная версия представлена в Таблице 1:

Таблица 1

Хронология формирования ансамбля Дома купца Холодилова и Тюремного замка

Год / Годы	Событие
От 1770–1780-х гг. – до 1782 г.	Строительство дома Холодиловых с двумя флигелями
1783 г.	Выделение земли у дома в пользование Алексея Григорьевича Холодилова
До 1835 г.	Обустройство пейзажного парка и строительство деревянных построек при доме: амбара, сарая, двух хлевов и двух бань
Ок. 1810–1830-х гг.	Переезд семьи Холодиловых в Москву, запустение дома
1837 г.	Продажа дома Главному управлению путей сообщения и публичных зданий Вологодской губернии
1837–1842 гг.	Приспособление дома под размещение присутственных мест. Снос деревянных зданий. Строительство корпуса одиночных камер
1855–1857 гг.	Строительство тюремной церкви иконы Богоматери «Всех скорбящих радость»
1867–1868 гг.	Расширение помещений тюрьмы. Строительство деревянного здания бани и прачечной
До 1868 г.	Размещение женского отделения тюрьмы на 1 этаже главного дома
1870 г.	Покраска дома в светло-желтый цвет, крыши и водосточных труб в темно-красную охру. Возможно, покраска имела временный характер
1871 г.	Возведение каменной ограды Тюремного замка
1878 г.	Установка тына у каменной ограды Тюремного замка
Ок. 1889 г.	Строительство каменной пристройки для ретирады при главном доме
Ок. 1887–1889 гг. – до 1908 г.	Строительство каменного здания бани и мастерских. Перестройка купола церкви иконы

Расширение знаний об истории усадьбы Холодилова и тюремного замка в перспективе возможно посредством археологических изысканий. Особый интерес представляет поиск места расположения зданий и сооружений, не сохранившихся в ходе существования тюремного замка – служебных деревянных построек, беседки и иных архитектурных форм парка. Также новые открытия может принести работа реставраторов и поиск живописных росписей в других помещениях главного дома.

Информация о финансовой поддержке

Данная статья подготовлена в рамках реализации грантового проекта ПФКИ-22-1-010717 «Дорогами Русских Колумбов», поддержанного Президентским фондом культурных инициатив.

Список используемых сокращений

ГАВО – Государственный архив Вологодской области
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГИА – Российский государственный исторический архив
ТМО – Тотемское музейное объединение
ЦГИА СПБ – Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербург (далее – ЦГИА СПБ)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Николаев, И.Р., Пахнин, А.В.* История формирования ансамбля дома купца Холодилова и тюремного замка г. Тотьмы в дореволюционный период // Русский Север-2022: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия. Сборник работ VI Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летнему юбилею архитектора, автора проектов реставрации храмов Тотьмы Игоря Борисовича Медведева. Редколлегия: А.М. Новосёлов [и др.], составитель и редактор О.В. Полоцкая.– Вологда: Полиграф-Периодика, 2022. С. 137–160.

2. ГАВО. Ф. 178, Оп. 8. Д. 480. № 84. Л. 112 об.–113. Купчая крепость от 30 декабря 1837 г. на каменный дом в г. Тотьме умершего должника – Московского купца Ильи Алексеевича Холодилова, приобретаемый Вологодской губернской строительной комиссией Главного управления путей сообщения и публичных зданий Российской империи.

3. Карта Тотьмы и окрестностей 1794 года // Старые карты городов России онлайн. [Электронный ресурс]. URL: http://www.etomesto.ru/map-vologda_totma-1794/ (дата обращения: 29.12.2022)

4. План города Тотьмы [Карты]: всевысочайше конфирмованный 1781 года / уездный землемер подпоручик Матвей [неразборчиво] // [Атлас Вологодского наместничества].– 1784.– План города Тотьмы.– 1 л.

5. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 75. ч. 1, Д. Т-17 «синее».

6. *Киприянова, Н. В.* Земельная собственность купцов в городе конца XVIII – середины XIX в. (к постановке проблемы) // Вестник Московского университета. Серия 8. История.– 2009.– №2. С. 59–72.

7. Дом Холодилова (г. Тотьма) // Моё наследие.– Вологда. [электронный ресурс]. URL: https://my-heritage35.ru/news/sobytiya/dom-kholodilova-g-totma (дата обращения: 29.12.2022)

8. *Зайцев, С. М.* Тотемское барокко // Русская Америка.– Вологда, 1994.– № 1. С. 18–20.

9. РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 290. Л. 1 об.– Л. 2. План города Тотьмы 1767 г. с примечаниями из альбома 1764–1775 гг.

10. *Сидорова, А. В.* Развитие дорегулярной пространственно-планировочной структуры города Тотьмы // Градостроительство и архитектура.– 2021.– Т. 11.– № 1.– С. 132–142.

11. *Пахнин, А. В., Николаев, И. Р.* Купеческая династия Холодиловых // Русский Север-2022: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия. Сборник работ VI Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летнему юбилею архитектора, автора проектов реставрации храмов Тотьмы Игоря Борисовича Медведева. Редколлегия: А. М. Новосёлов [и др.], составитель и редактор О. В. Полоцкая.– Вологда: Полиграф-Периодика, 2022.– С. 128–137.

12. ЦГИА СПБ. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4446. Записка Вологодской Дирекции училищ о разрешении на покупку каменного двухэтажного дома у московского куп. Холодилова, который находится в г. Тотьме для тамошних училищ за 10700 рублей.

13. РГИА. Ф. 1286. Оп. 35. Д. 884. Дело о ремонте тюремных казенных зданий в 1875 году по Вологодской губернии. Часть 51.

14. РГИА. Ф. 1286. Оп. 37. Д. 769. Дело о ремонте тюремных казенных зданий в 1877 году по Вологодской губернии. Часть 49.

15. *Григоров Д. А.* Тотьма и ее окрестности / Д. А. Григоров // Тотьма: краеведческий альманах: вып. 1.– Вологда: Русь, 1995.

16. РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 2513. Дело о постройке церкви при остроге в городе Тотьме Вологодской губернии.

17. ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 49. Чертежи присутственных мест и тюрьмы.

Коноплев Владимир Андреевич,
ведущий архивист КАУ ВО «Государственный архив Вологодской области»,
г. Вологда

ТОТЕМСКОЕ РЕЧНОЕ СУДОСТРОЕНИЕ В КОНЦЕ XVIII в. ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Сухонско-Двинской речной путь на протяжении XVI–XVIII вв. имел большое торговое значение. В связи с этим имелась высокая потребность в строительстве большого количества речных судов. Истории судостроения на Русском Севере в XVII в. в отечественной историографии посвящено несколько работ [1, с. 236–243, 2, с. 48–55, 3, 4]. Однако проблема речного судостроения в Вологодской губернии периода XVIII в. в исследованиях историков и краеведов освещения не получила.

Во второй половине XVIII в. купеческая торговля в Вологде, Тотьме и Великом Устюге бурно развивалась после долгого упадка, вызванного снижением торгового значения Сухонско-Двинского торгового пути из-за смещения торговых маршрутов в сторону Балтийского моря.

Несмотря на то, что Вологда являлась начальной и конечной точкой Сухонско-Двинского торгового пути, и то, что основную массу судовладельцев составляли вологодские купцы и обосновавшиеся в Вологде оптовые солеторговцы, судостроение здесь не было развито из-за отсутствия пригодного строевого леса [1, с. 237–238].

Уже с XVII в. формируется несколько центров местного судостроения: Заозерье Кубенское, село Мотыри на Верхней Сухоне (в XVII в. вотчина Спасо-Прилуцкого монастыря) и основной центр – село Шуйский городок (вотчина Ростовского митрополита). Уже в 1630–1640-х гг. в Шуйском городке насчитывалось не менее 5 артелей судостроителей, состоящих из 6–8 человек, из них 2–4 мастера и 4 подмастерья [1, с. 239]. В 1781 г. появляется «Устав купеческого водоходства по рекам, водам и морям» в двух частях, который дал правовую базу, до этого стихийному, не регулируемому судоходству. Первая часть Устава «О водоходстве» устанавливала правовые основы регистрации судов и найма экипажа, согласно ей избирался маклер, который записывал и регистрировал в специ-

альных маклерских книгах все договора и сделки по судоходству [5, с. 63–65].

В Государственном архиве Вологодской области в фонде Вологодского городового магистрата обнаружен ряд источников по истории торговой деятельности вологодского купечества, в основном за период 1780–1790-х гг.

В частности это книги записи договоров и купчих крепостей на речные суда за 1784–1789, 1792 гг. [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15]. Данные книги позволяют установить, где и у кого вологодские купцы покупали и заказывали постройку речных судов для своих нужд.

Из всех сохранившихся книг, в которых зарегистрированы купчие крепости на покупку речных судов, самая объемная книга – за 1784 г. [6]. В данной книге содержится 52 купчих крепости.

Согласно источнику Тотемский уезд по-прежнему являлся основным поставщиком судов для вологодского купечества. Из 52-х судов лишь 11 куплено за его пределами. Из них 8 – в деревне Мотыри, жители которой занимались судостроением еще с XVII в. [6, л. 2, 2 об., 4, 4 об.].

Однако в Тотемском уезде помимо Шуйского городка появилось (предположительно существовало и ранее) еще несколько центров судостроения. В частности это деревни Дороватка, Кожуховица и Халецкая. Самым крупным из них была деревня Дороватка, у её мастеров было куплено 26 судов, среди них 11 барок, 9 полубарков и 6 паузков [6, л. 3 об, 4, 6 об.– 7, 10, 10 об., 11, 12 об., 13, 13 об., 14, 14–14 об., 15 об., 16, 16 об., 17, 17 об., 18 об., 22, 23, 23 об., 28 об., 29 об., 30–30 об., 32 об.– 33, 33 об.]. В Шуйском городке было приобретено 5 каюков [6, л. 5 об.– 6, 9 об., 20 об., 21, 21 об.]. Всего в 1784 г. тотемские мастера из деревень Дороватки, Глухой, Кожуховицы, Халецкой и Шуйского городка заработали на продаже судов вологодским купцам и мещанам 2 419 рублей. Стоимость судов варьировалась от 15 до 200 рублей. В качестве материалов для постройки использовались ель и сосна, иногда береза. Только из соснового леса было построено лишь два каюка в Шуйском городке.

Таким образом, на протяжении XVIII в. тотемское речное судостроение продолжало свое развитие, наряду с Шуйским городком появляются другие центры развития данного ремесла, в частности деревня Дороватка. Мастера перешли на некоторые новые типы судов, если в XVII в. были распространены насады и дощаники, то с XVIII в. получают распространение барки и полубарки [1, с. 237]. Так, в 1784 г. тотемскими мастерами было продано 15 барок и 9 полубарок. Однако, дальнейшего развития промысла

не последовало. К середине XIX в. Шуйский городок превратился в обычный центр местной торговли, а также в промежуточную пристань судоходной линии Вологда – Тотьма [1, с. 243].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Французова, Е. Б.* Из истории северного судостроения в к. XVI – н. XVII вв. // Отечественная история, 1994.– № 4–5. С. 236–243.
2. *Смирнов, И. А.* К вопросу о судостроении на Русском севере в первой четверти XVII в. (на примере Кирилло-Белозерского монастыря) // Ферапонтовские чтения.– 2010–2011: вып. 4.– Вологда: «Мир рекламы», 2012. С. 48–55.
3. *Богославский, П.* О купеческом судостроении в России морском и прибрежном.– СПб.: тип-я морского министерства, 1859. 188 с.
4. *Гуслистова, А. Н.* Торговый речной флот вологжан в начальный период Петровских реформ // Историческое краеведение и архивы: сб. ст.: вып. 11.– Вологда, 2004. С. 92–100.
5. Устав купеческого водоходства по рекам, водам и морям.– Ч. 1–2.– М.: В Сенатской типографии у Селивановского, 1803. 136 с.
6. Государственный архив Вологодской области. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 14, 16.
7. ГАВО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4.
8. ГАВО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5.
9. ГАВО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6.
10. ГАВО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 7.
11. ГАВО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 8.
12. ГАВО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 10.
13. ГАВО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 11.
14. ГАВО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 14.
15. ГАВО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 16.

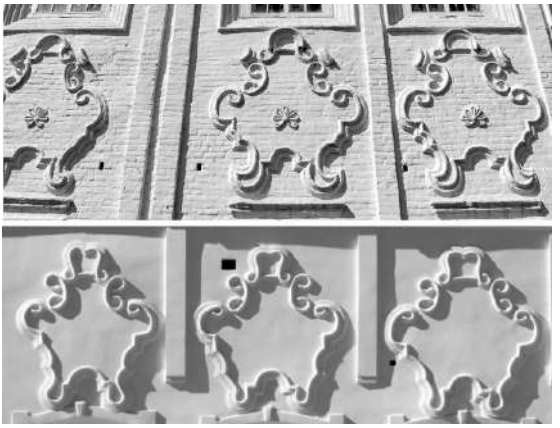
Никитина Елена Михайловна,
доцент кафедры архитектуры и градостроительства
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»,
архитектор-реставратор,
г. Вологда

ЕЩЁ РАЗ ПРО ТОТЕМСКОЕ БАРОККО

Сравнение тотемского и иркутского (сибирского) барокко стало обычным делом для историков, краеведов и искусствоведов. Мы с радостью и удивлением находим общие черты, детали на террито-

Картуши на фасаде Входоиерусалимской церкви в Тотьме 1775–1795 гг.

Картуши на фасаде Харлампиевской церкви в Иркутске 1777–1806 гг.

Картуши Входоиерусалимской церкви в Тотьме (1775–1795 гг.) и Харлампиевской церкви в Иркутске (1777–1806 гг.)

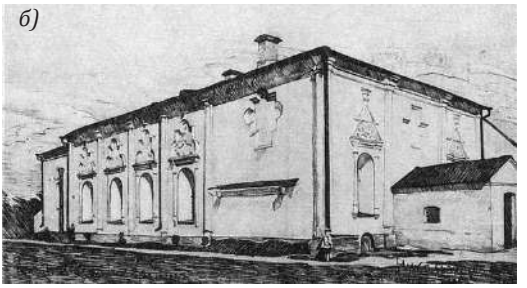
риях, расположенных за сотни вёрст друг от друга. Практически все публикации на эту тему описывают сходство декоративного убранства на фасадах храмов: эти фасадные «lacartouche» (франц.) (или клейма) историки сравнивают с картушами на мореходных картах XVIII века.

Очевидно, прав Масиель Санчес, автор учебного пособия для вузов «Архитектура Сибири XVIII века» [1], увязывая напрямую авторство Харлампиевской церкви в Иркутске с тотемскими мастерами, где прослеживается точное повторение рисунка тотемских картушей, появившихся там через несколько лет после постройки Входоиерусалимской церкви в Тотьме (рис. 1).

Как раз рассмотрение образцов сибирского, в частности, иркутского, барокко подсказало ещё одно направление в изучении тотемской архитектуры. Читаем на сайте «АРХликбез»: «Если следовать источникам, то первый памятник сибирского барокко в его наиболее популярном изводе – это церковь Захария и Елизаветы в Тобольске, построенная в 1776 г. при патриархе, прибывшем сюда с Украины. Соответственно многие исследователи находят источники сибирского барокко именно там. При этом архивы сохранили факт о том, что тобольский храм строился по проекту, присланному из Санкт-Петербурга» [2].

Естественно, следующим шагом в исследовании стало обращение к украинской и санкт-петербургской барочной архитектуре. Образцы так называемого «казацкого барокко», появившегося на

Примеры «казацкого барокко»: а) Черниговская область, г. Нежин. Кафедральный собор Николая Чудотворца. XVII в. [https://sobory.ru/photo/341222]; б) Трапезная церковь Никольского собора. Киев. XVII в. [https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/3/3b/Trapeznaja.jpg]

Украине еще в конце XVII в.– начале XVIII века при Иване Мазепе, гетмане Войска Запорожского, тоже имеют в своем архитектурном арсенале картуши на фасадах (рис. 2).

Общекультурный фон второй половины XVIII века Российской империи – это эпоха активных торговых, межкультурных связей, расширения границ, и имеются в виду не только географические границы. Это век Просвещения, совпадающий с культурными процессами, происходящими в Западной Европе.

Для понимания происхождения тотемских картушей аналогию нужно искать не только с картами, но и с архитектурным рокайлем, характерным для елизаветинского барокко в Санкт-Петербурге, в Киеве и других городах.

Картуши в западноевропейской архитектуре известны нам с конца в XVI века. В эпоху рококо (в Европе это первая половина XVIII в.) сначала художники нарисовали рокайль, который применялся, прежде всего, в печатных изданиях, в оформлении архитектурных чертежей и ведут (в России – Д. В. Ухтомский, М. И. Махаев), географических карт (рис. 3), в мебельном производстве, а затем и в архитектурном убранстве.

Бартоломео Растрелли при Елизавете Петровне в середине XVIII века удачно совместил итальянское барокко XVII века и детали модного в Европе в то время стиля рококо, украшая свои фасады «прекраснейшей архитектурою»: как барокко, так и рококо не терпят пустоты на своих фасадах, обязательными элементами являются сложносочиненные оконные обрамления с рокайльным декором, различные клейма, филенки, киоты (углубление для иконы в стене).

Фрагменты карт с картушами.
Сборник морских карт XVIII века карельских и финских берегов
[https://ic.pics.livejournal.com/clio_historia/86301992/844741/844741_original.jpg]

Растреллиевское барокко распространилось по всей империи, просуществовало до екатерининских реформ, но в архитектуре русской провинции – и на Русском Севере, и в Зауралье – модные столичные нововведения проявлялись с опозданием лет на 15–20, при этом соединяя и модные образцы, и региональные традиции, и фантазии местных зодчих. Счастливая мысль тотемских мастеров превратила ставшие традиционными клейма в подобие картушей на морских картах (рис. 3): «русский стиль морских открытий» – так назвал этот феномен Зайцев Станислав Михайлович [3].

Но поскольку фасадные картуши Тотьмы выполнены не резцом гравера, не вылеплены из алебастра, как в елизаветинском барокко, а тёсаны из кирпича, материала на самом деле очень хрупкого, то их формы получились более строгими и скупыми, упорядоченно симметричными. Тотемские клейма, как и на церкви Харлампия в Иркутске, интересны ещё и тем, что это не ниши, вместе с обрамлением их внутренняя поверхность тоже выступает над плоскостью фасада.

Кроме картушей, есть другие архитектурные особенности, делающие тотемское барокко уникальным явлением в истории русской архитектуры.

При описании храмов Тотьмы особый интерес вызывает объемно-пространственная композиция, пропорции, силуэт: именно в рассмотрении этих параметров мы попытаемся определиться со сходством и различием между нашими храмами и прототипами.

Общим элементом в композиции и тотемских, и сибирских храмов являются высокие, а в Тотьме обязательно еще и двухъярусные, как подражание расстреллиевским образцам (Смольный собор в Санкт-Петербурге, Андреевская церковь в Киеве), барабаны. Как у Растрелли, и для церквей Тотьмы, и для сибирских церквей характерно завершение фронтоном каждой грани четверика. От него же небольшие аккуратные главки «с перехватом»: изящные измельчённые формы пятиглавых венчаний создают эффект иллюзорной ускоренной перспективы, делая здания церквей ещё более вытянутыми и стройными.

А вот особенность, отличающая именно наши северные соборы от европейских: восходя к традиции деревянных храмов, практически все они стоят на высоком подклете: нижний тёплый храм и верхний – холодный. Этот приём добавляет в композиции тотемских храмов высоту и удивительно выразительные пропорции. Есть и в Сибири двухъярусные соборы.

Кроме архитектурных достоинств, ещё и природные и градостроительные факторы влияют на позитивное восприятие храмов, доминирующих в силуэте Тотьмы.

Планировка города способствует раскрытию замечательных видов на храмы. «План Вологодского наместничества городу Тотьме», высочайше конфирмованный в 1781 году Екатериной II, расчертил город прямоугольной сеткой кварталов, но сохранил на отрогах речки Песьей Деньги ещё дорегулярную структуру, которая учитывает наиболее важные направления улиц в сторону церквей. Сохранилась визуальная связь между Торговой и бывшей Предтеченской площадями с раскрытием на Входоиерусалимскую и Рождественскую церкви, к сожалению, утрачена колокольня с церковью Параскевы Пятницы, лишена верхов самая древняя церковь Иоанна Предтечи.

Церковь Входа Господня в Иерусалим, наиболее ярко воплотившая суть тотемского барокко, держит на себе шесть видовых коридоров, в том числе, со стороны въезда в город – с моста через речку Песью Деньгу.

Тотьма расположена на сложном рельефе, перепад высот составляет в разных местах до 30 м над урезом воды, реки и овраги, спускающиеся к берегу Сухоны, делают городской ландшафт пластичным и живописным. Храмы Тотьмы называют парусниками за их стройность и высоту. Действительно, как корабли на волнах, вздымаются они над всей городской застройкой. Такая же стройная Воскресенская церковь в Варницах стоит на высоте 13 м

Ретроспектива тотемской панорамы со стороны р. Сухоны на период середины XIX века. (Автор Скорюков Е. В.)

над речкой Ковда. При этом ещё утрачен шпиль колокольни, составляющий почти треть её высоты. К слову сказать, «кораблём» называется архитектурный тип, характерный для всех тотемских церквей, в котором в одну линию соединены все части композиции: паперть, колокольня, трапезная, храм и алтарь.

Панорама города амфитеатром раскрывается на высоком берегу на повороте реки Сухоны, создавая уникальную линию небесного контура (рис. 4). К сожалению, многие храмы утрачены или потеряли свои завершения, выросли деревья, но и в таком виде панорама Тотьмы с оставшимися храмами вписана в перечень ценных локаций «Ассоциацией самых красивых деревень и городков России», созданной в 2018 году [4].

Подводя итог в конце статьи, следует сказать, что история культовой архитектуры Тотьмы не ограничивается картушами, требует поиска новых архивных данных, дальнейшего подробного изучения иных архитектурных деталей, объёмно-пространственной композиции самих зданий, их связи с уникальным природным ландшафтом и, самое главное, их значения в контексте исторического поселения.

Понимание этих особенностей важно для бережного сохранения архитектурного наследия Тотьмы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Масиель Санчес, Л. К.* Архитектура Сибири XVIII века: учебное пособие для вузов / Л. К. Масиель Санчес.– Москва: Издательство Юрайт, 2022.– 244 с.– (Высшее образование).– ISBN 978-5-534-04713-4.– Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт].– URL: https://urait.ru/bcode/506928 (дата обращения: 09.11.2022).

2. Сибирское барокко // АРХликбез [сайт].– URL: https://archlikbez.ru/ (дата обращения: 09.11.2022).

3. *Зайцев, С. М.* Выдающиеся тотьмичи.– URL: https://totma-region.ru/rajon/zaicev-stanislav-mihailovich.html (дата обращения: 09.11.2022).

4. Ассоциация самых красивых деревень и городков России. – URL: http://new.xn--80aeahebatgl5b1agi6m.xn--p1ai/villages/totma/ (дата обращения: 09.11.2022).

Кузнецова Светлана Васильевна,
заведующая отделом природы, научный сотрудник
МБУК «Тотемское музейное объединение»,
г. Тотьма

ДЕЛО О ПРОДАЖЕ 22 СУДОВ, НАЗЫВАЕМЫХ КАЮКАМИ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ КРЕСТЬЯНАМ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА МАКАРОВУ, СИВКОВУ, КОРКИНУ И ЩУКИНУ. ОБЗОР ИСТОЧНИКА

Всякий архивный документ, как материальный носитель с зафиксированными в нём сведениями, является важнейшим историческим источником полезной детальной информации. В ГКУ ЯО «Государственный архив Ярославской области» хранится дело, в котором имеется ряд документов, отражающих течение одного судебного разбирательства из Рыбинского уездного суда [1]. В деле подшит и пронумерован сто один лист. В нём представлены отношения, рапорты, описи, копии постановлений и другие любопытные документы.

Рассматриваемое дело было возбуждено в марте 1850 года в отношении группы крестьян Тотемского уезда Вологодской губернии. Производство или течение судебного дела началось с официального отношения, составленного комиссионером Петром Соколовым в Рыбинский земский суд. Комиссионер Соколов, как лицо, продающее товар покупателю, действовал от своего имени, но за счёт комитента, в роли которого в данном случае выступало Нижегородское соляное правление. Нижегородское соляное правление имело серьёзную претензию *«по неисправно конченной подрядчиками Тотемского округа крестьянами Сивковым, Макаровым, Щукиным и Коркиным перевозке соли»* [1, л. 3–4].

Крестьяне были из разных населённых пунктов Тотемского уезда. Иван Сивков был из деревни Уваровицы Кожуховской волости (современный Междуреченский район Вологодской области). Сергей Макаров проживал в деревне Козловицы Великовской волости (в настоящее время – Солигаличский район Костромской области). Он работал «на паях» или в товариществе с крестьяни-

ном деревни Жидовиновой Шуйской волости Николаем Коркиным (сейчас это Междуреченский район Вологодской области). Альвиан Щукин проживал в деревне Куницыно Никольской волости (Тотемский район).

В 1848 году вышеупомянутые крестьяне Тотемского уезда Вологодской губернии с Нижегородским соляным правлением заключили контракт на перевозку 451585 пудов леденгской соли в «рыбинские запасы», «не взирая ни на какие препятствия». В срок с 1848 года по 1849 год Иван Сивков обязался с Леденгского солеваренного завода перевезти соли 150000 пудов, Альвиан Щукин с пристани города Тотьма – 150000 пудов соли, Николай Коркин – 1585 пудов соли, Сергей Макаров в товариществе с Н. Коркиным – 150000 пудов соли. В 1848 году в «Рыбинские соляные припасы» было доставлено не более 101500 пудов. Тотемские крестьяне оказались «несостоятельными подрядчиками по выполнению принятых обязанностей», которые последовали в результате образовавшегося сильнейшего мелководья на реках и свирепствовавшей особо опасной инфекции, холеры, очаги которой то и дело вспыхивали на тех территориях. Поэтому, как отмечается в материалах дела, 21 каюк с недовезённым грузом был оставлен на зимовку на Сиверском озере недалеко от города Кириллова (Кирилловский уезд, Новгородская губерния), а 22 каюка с такелажем «бывшие под солью» – находились на реке Шексне выше города Рыбинска при деревнях Башарово, Барбино, Чевская и в устье реки Нахты (Рыбинский уезд, Ярославская губерния). На основании документов дела имеем, что «речной караван» состоял из 43 каюков.

С наступлением 1849 года тотемские крестьяне, заключившие контракт с Нижегородским соляным правлением, оказались вновь «совершенно несостоятельными по выполнению перевозки, которая заканчивалась на основании контрактных условий». Вслед за несоблюдением требований подряда на тотемских поставщиков был установлен «казённый долг», размер которого исчислялся следующими суммами. Крестьянин Щукин задолжал в казну – 9150 рублей 47½ копеек, И. Сивков – 9741 рубль 56½ копеек, С. Макаров – 4892 рубля 17¾ копейки, Н. Коркин – 320 рублей 34 копейки. В конечном итоге общий платёж составлял 24155 рублей 6¼ копейки. В документах дела также отмечается, что крестьяне намеревались «заплатить беспрекословно» все средства за невыполнение условий контракта раньше, чем последует судебное разбирательство. Казалось бы, надёжной гарантией, обеспечивающей погашение долга, выступили и «одноведомственные сельские

крестьяне». И. Сивкову «обеспечивали мужское ручательство» 189 лиц, А. Щукину – 264 человека, Н. Коркину – 208 лиц, С. Макарову – 331 человек и «сверх сего 43 судна с такелажем, бывшие под солью, принадлежащие поставщикам». Но со стороны крестьян Тотемского уезда совершенно никаких действий не последовало.

12 августа 1849 года рыбинским земским исправником, инженер-майором Лукиным при казённом приказчике Павле Кузнецове в присутствии командированных из Рыбинска присяжных чиновников, купца Петра Щаплевского и мещанина Александра Пономарёва была произведена опись и оценка каюков, принадлежащих крестьянам Тотемского уезда. Описанные суда были оценены комиссией в 2048 рублей 76 копеек серебром. В материалах дела имеются описи всех каюков, которые стояли на реке Шексне.

Передача обстоятельств дела в суд и дальнейшая продажа каюков с аукционных торгов «по просьбе вышеозначенных поставщиков по случаю весьма дешёвых цен в 1849 году» были «отнесены продажею до весны 1850 года». С 17 сентября 1849 года 22 судна, находящиеся на реке Шексне, были под контролем Нижегородского соляного правления. «Для надзору» к месту зимовки «каравана из 22 каюков с такелажем» был командирован казённый приказчик Павел Кузнецов. Аукционные торги по продаже 22 каюков были назначены на 24 марта 1850 года в городе Рыбинске, а 21 каюка – на 18 марта 1850 года в городе Кириллове.

23 февраля 1850 года в Рыбинский земский суд поступило отношение комиссионера Петра Соколова, в котором отмечается *«...просил я Рыбинский земский суд произвести вновь описи по Высочайше утверждённым правилам, состоявшим в 31 день июля 1849 года... в суд имею честь представить подлинные судовые двадцать два билета, принадлежащих поставщикам Сивкову за № 2422, 2477, 483, 2475, 441, 462, 308 и 473; Щукину за № 2423, 486, 314, 439, 449, 470, 2424 и 5831; Макарову за № 7764, 455, 480, 316, 294 и 482...»*.

Действительно, согласно документу, ранее составленные описи не соответствовали последним правилам о порядке и продаже имущества, прописанным в Указе Правительственного Сената от 31 июля 1849 года. В описях не была показана грузоподъёмность судов, оценка каюков, «в противность правил», указывалась с копейками и дробями, для описей не использовалась гербовая бумага, в рукоприкладстве владельцев судов (собственноручная подпись с указанием удовлетворения или недовольства) не было отметки о каких-либо нарушениях. Эти и другие неточности присутствовали при проведении первичной инвентаризации.

В соответствии с отношением комиссионера Соколова, действующего от лица Нижегородского соляного правления, по Указу Ярославского губернского правления к месту зимовки 22 каюков 16 марта 1850 года были командированы сведущие в судоходстве лица, присяжные оценщики и другие представители Рыбинской городской думы. К назначенной дате, для составления новых описей, следовало прибыть и владельцам судов, т. е. С. Макарову, А. Щукину, Н. Коркину и И. Сивкову. По неизвестным причинам выше упомянутые крестьяне Тотемского уезда к месту стоянки судов не явились. От казённого приказчика Павла Кузнецова прибывшие командированные узнали, что крестьяне в настоящее время находятся в местах своего жительства. В свою очередь Губернское правление торопило всех заинтересованных лиц, так как приближалась дата аукционных торгов и были высокие риски того, что *«...сближается время, в которое при вскрытии на речках льда суда, обеспечивающие долг, легко могут подвергнуться гибели, через что поставщики вовлекутся в убытки, а казна лишится вознаграждения...»*. В скором времени из Рыбинского земского суда исполняющий должность пристава I стана Рыбинского уезда господин Небольсин Дмитрий Иванович (полицейское должностное лицо в земской полиции) получил разрешение на опись и оценку 22 каюков, находящихся на реке Шексне, «без нахождения по месту зимовки их хозяев». Городская дума города Рыбинска командировала в деревню Башарово для составления описей рыбинских мещан-судопромышленников Василия Алексеевича Цехового и Ивана Андрияновича Тютенеева и для оценки присяжных оценщиков купца Петра Большакова и мещанина Александра Пономарёва.

К 20 марта 1850 года опись и оценка 22 каюков, находящихся на реке Шексне под надзором Нижегородского соляного правления, были составлены. На тот период времени общая оценка 22 каюков с такелажем составила всего 774 рубля 55 копеек серебром. Согласно указу Ярославского губернского правления составленные документы вместе с производством (течением судебного дела) были доставлены в Рыбинский уездный суд непосредственным рапортом № 1843.

Описи и оценка 22 каюков несостоятельных крестьян Тотемского уезда, составленные в августе 1849 года и в марте 1850 года, несколько разнились между собой, в первую очередь в оценочной стоимости того или иного оборудования, которое имелось на судах. Так, средняя первоначальная стоимость каюка составляла 30 рублей серебром, маломерной лодки – 50 копеек, а холщового

паруса в 2 рубля, в последующей описи читаем, что почти каждый каюк оценён в 15 рублей, маломерная лодка – в 10 копеек, а холщовый парус – в 1 рубль.

Что собой представлял каюк, как речное средство передвижения, чем был оснащён? В XIX веке каюки пользовались очевидным спросом, как небольшие грузовые суда, имеющие улучшенные обводы корпуса и усиленную бортовую обшивку. На особенности формы, устройства, конструкцию корпуса таких судов, способы их передвижения значительное влияние оказывала природа северных рек, большие перепады уровня воды в водных магистралях и скорость течения в их притоках.

Согласно энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: *«Каюк – речное грузовое килевое судно весьма распространенного типа, вроде полубарки с двускатной крышей-палубой с дверью посередине, с загнутым кверху носом и каютою; с большим прямым рейковым парусом; имеет 6–8 весел, или гребков»*. По длине, грузоподъёмности, маршруту перемещений (дислокации) и другим критериям различались следующие виды каюков: волжские, невские, печёрские, сибирские и северодвинские. Северодвинские каюки ходили, как правило, по рекам Северной Двине, Сухоне и Вологде, имели длину от 6 до 22 саженей, при осадке с грузом 4,0–9,5 четвертей аршин; поднимали груза до 1200–25000 пудов и могли служить до 8 лет. В вышеупомянутой энциклопедии также можно прочитать, что с 1879 года по 1888 год в Вологодской губернии было построено по реке Юг – 2, по реке Сухоне – 529, по рекам Ихалице, Стрелице, Шуе и другим рекам Тотемского уезда – 153; по рекам Шореге, Вологде и другим притокам реки Сухоны в Тотемском, Кадниковском и Вологодском уездах – 1077 каюков; всего же за 10 лет – 1781 каюк [2, с. 831].

В соответствие с описями, составленными для судебных мероприятий в Рыбинский уездный суд, «местные» каюки выглядели примерно одинаково, имея в наличии похожий такелаж. Вот как описывается один из каюков «несостоятельного казённого крестьянина» Тотемского уезда Ивана Сивкова: *«Каюк постройки 1847 года пильного дела. Мерою в длину 12 сажень 1 аршин, ширина 3 сажени 2 аршина, в высоту боковые стены 16 четвертей. Крыт по скале тёсом, с мачтою и рулём (руль на железных петлях). Свидетельство на сей каюк выдано из Тотемского земского суда 29 апреля 1847 года за № 2422»* [1, л. 7]. Исходя из этого описания, мы видим, что каюк имел следующие размеры: длина – 26,3 м, ширина – 7,8 м, высота борта судна – 8,6 м. Размеры всех описы-

ваемых каюков незначительно между собой отличались. Крыша судна покрывалась еловым тёсом, днище также изготовлялось из еловой доски, а борта судна – из соснового строительного материала. Сухонские каюки имели грузоподъёмность от 9000 до 9500 пудов.

Согласно описям список учитываемых предметов на судах отличался незначительно. Каждый каюк был оснащён маломерной лодкой и холщовым парусом, причём в большинстве случаев указывалось, что парус был «довольно подержанный», «бывший в употреблении», «старый», «ветхий». Для обеспечения безопасности судна, грузов и экипажа на каюках имелось от одного до трёх якорей, имеющих от трёх до пяти лап. Большой якорь, становой, предназначался для удержания судна на месте. Средний вес такого якоря был от 7 до 9 пудов. Малый якорь, рысковой, имел небольшой вес от 2 до 5 пудов и использовался при маневрировании, при рыске (угловые движения судна относительно вертикальной оси или небольших изменениях курса вправо и влево, свойственные судну). Среди прочих вещей в каждой описи имеется и шейма смольная, основная якорная цепь или канат, вес которой составлял от 7 до 14 пудов. В описях некоторых каюков вместо «шеймы смольной» звучит «кодол смольный», словосочетание чаще используемое в «речном судоходстве» Архангельской и Вологодской губерний в XIX веке. В «комплекте» с шеймой на данных каюках шёл брундук, тонкий пеньковый трос для подтягивания бечевы к носу речного судна. Брундуком пользовались в том случае, когда требовалось направить каюк ближе к берегу или отойти от берега.

Как известно, движение каюков по рекам осуществлялось при помощи конной тяги или живой силы человека. Подтверждением тому служит имеющаяся на каждом каюке бечева – трос или прочная верёвка, на которой буксировалось судно: *«ходовая бечева 3 пуда 10 фунтов», «конная бельная бечева весом 3 пуда», «бельная: конная бечева 4 пуда, другая конная 3 пуда 30 фунтов».* Бельным назывался трос, свитый из чистой пеньки, средний вес такого троса составлял от 3 до 5 пудов. Чаще других способов передвижения применялся самосплав, т. е. движение судна с помощью силы ветра и течения. Поэтому в описях каждого каюка имеются «потеси» или реже «поносные» – длинные рулевые вёсла, устанавливаемые в носовой части судна для управления его движением. Как правило, на каждом судне было по две-три пары потесей.

Некоторые каюки были снабжены причалами, *«старых рваных причалов три пуда», «два причала весом 32 фунта», «причалов и*

обрывков 1 пуд 20 фунтов». В XIX веке в России слово «причал» обозначало «канат (верёвка), при помощи которого причалившее судно крепилось к берегу, пристани или к другому судну». В современной терминологии речного судоходства термин «причал» расширено.

Система снастей или оснастка каюков, согласно описям, включала от трёх до пяти пар вант, один шток и одну подъёмную снасть, как правило, с блоками, простейшими механизмами, служившими для изменения направления хода тросов при их тяге. В описях отмечалось, что ванты и подъёмные снасти были бельные, а их стоимость оценивалась «в тридцать копеек за пуд серебром».

Кроме всего прочего, в описываемом имуществе, находящемся на каюках, звучат топоры, котлы, ножи, деревянные вёдра, бочонки, чашки и ложки, фонари и прочие предметы, оценочная стоимость которых была не велика, от тридцати до пятидесяти копеек.

О дате проведения торгов Ярославское губернское правление сообщило через официальное периодическое издание Российской империи, в Ярославских губернских ведомостях № 275. Желающие принять участие в аукционных торгах должны были сообщить об этом в Ярославское губернское правление. Все необходимые действия по проведению аукциона были поручены Рыбинскому уездному суду. Продажа судов производилась на основании указа Ярославского губернского правления от 25 февраля 1850 года за № 1332 Дворянским заседателем Рыбинского уездного суда Иваном Константиновичем Василевским. Нижегородское соляное правление со своей стороны командировало надворного советника Александра Петровича Ерёмина «*...как для допущения присутствия при произведении сей продажи, ...так и для точного немедленного выполнения судом всех его требований по предмету продажи этих судов*». В аукционных торгах при деревне Барбино также принимали участие рыбинский уездный стряпчий, секретарь и регистратор Рыбинского уездного суда, а также два свидетеля из Рыбинского уезда.

Ниже приведён торговый (аукционный) лист, из которого следует, что три каюка приобрёл крестьянин Осип Телегин, один каюк – крестьянин Михаил Глазырин и два каюка – Иван Нагибин. Все крестьяне проживали в селе Шуйское Тотемского уезда Вологодской губернии. По два каюка на торгах приобрели рыбинские мещане Иван Поздняков и Александр Аксёнов, а также рыбинский крестьянин Александр Корягин. В торговом листе имеется первоначальная и окончательная стоимость продаваемых каюков.

День продажи	№ продаваемого судна	Звание и количество судов	Оценка		Чин или звание и фамилия покупателя	Последняя цена	
			рубли	копейки		рубли	копейки
24 марта 1850 год	1	Каюк постройки 1848 года мерою в длину 12 сажень 1 аршин, шириной 3 сажени 2 аршина с припасами	56	50	Последняя цена осталась за Вологодской губернии Тотемского уезда государственным крестьянином села Шуйского Осипом Телегиным Девяносто рублей. Каюк с припасами и билетом получили, деньги серебром 90 рублей, заплатил крестьянин Осип Телегин	90	–
24 марта 1850 год	2	Каюк постройки 1848 года мерою в длину 12 сажень 1 аршин, шириной 3 сажени 2 аршина с такелажем	55	10	За сим же Телегиным 82 рубля, каюк с припасами и билет получил, деньги 82 рубля серебром заплатил крестьянин Осип Телегин	82	–
24 марта 1850 год	3	Каюк постройки 1848 года мерою в длину 13 сажень, шириной 4 сажени с такелажем	44	85	Той же губернии государственным крестьянином Тотемского уезда села Шуйского Михаилом Глазыриным 83 рубля 50 копеек. Каюк с припасами и билет получил, деньги серебром 83 рубля 50 копеек заплатил крестьянин Михаил Андреевич Глазырин	83	50
24 марта 1850 год	4	Каюк постройки 1848 года мерою в длину 12 сажень 1 аршин, шириной 3 сажени 2 аршина с припасами	37	50	За рыбинским мещанином Иваном Филипповичем Поздняковым 65 рублей 50 копеек. Каюк с припасами и билет получил, деньги 65 рублей 50 копеек	65	50

День продажи	№ продаваемого судна	Звание и количество судов	Оценка		Чин или звание и фамилия покупателя	Последняя цена	
			рубли	копейки		рубли	копейки
					заплатил рыбинский мещанин Иван Филиппович Поздняков		
24 марта 1850 год	5	Каюк постройки 1847 года мерою в длину 12 сажень 1 аршин, шириной 3 сажени 2 аршина с припасами	37	30	За ним же Поздняковым каюк с припасами 80 рублей и билет на оный получил, деньги 80 рублей серебром заплатил рыбинский мещанин Иван Филиппович Поздняков	80	00
24 марта 1850 год	6	Каюк постройки 1848 года мерою в длину 12 сажень 1 аршин, шириной 3 сажени 2 аршина с припасами	29	50	Вологодской губернии Тотемского уезда за государственным крестьянином села Шуйское Иваном Нагибиным 53 рубля 50 копеек. Каюк с припасами и билет оный получил, 53 рубля 50 копеек серебром заплатил крестьянин Иван Нагибин	53	50
24 марта 1850 год	7	Каюк постройки 1848 года мерою в длину 12 сажень 1 аршин, шириной 3 сажени 1 аршин с припасами	49	50	Вологодской губернии Тотемского уезда села Шуйское за государственным крестьянином Осипом Телегиным 80 рублей. Каюк с припасами и билет получил, деньги 80 рублей серебром заплатил крестьянин Осип Телегин	80	00
24 марта 1850 год	8	Каюк постройки 1848 года мерою в длину 13 сажень, шириной 4 сажени с припасами	28	20	Того же села за государственным крестьянином Иваном Нагибиным 72 рубля. Каюк с припасами и	72	00

День продажи	№ продаваемого судна	Звание и количество судов	Оценка		Чин или звание и фамилия покупателя	Последняя цена	
			рубли	копейки		рубли	копейки
					билет получил, деньги 72 рубля серебром заплатил крестьянин Иван Нагибин		
24 марта 1850 год	9	Каюк постройки 1848 года мерою в длину 12 сажень 1 аршин, шириной 3 сажени 2 аршина с припасами	28	40	Рыбинского уезда вотчины господ Повомининых за крестьянином Александром Корягиным 57 рублей. Каюк с припасами и билет получил, деньги 57 рублей серебром заплатил крестьянин Александр Корягин. И по безграмотности его записал просьбы рыбинский купец Степан Жеребцов. Росписи нет	57	00
24 марта 1850 год	10	Каюк постройки 1848 года мерою в длину 12 сажень 1 аршин, шириной 3 сажени 2 аршина с припасами	32	20	За ним же Корягиным 96 рублей. Каюк с припасами и билет получил, деньги 90 рублей заплатил крестьянин Корягин. И по безграмотности его записал просьбы рыбинский купец Степан Жеребцов. Росписи нет	96	00
24 марта 1850 год	11	Каюк постройки 1848 года мерою в длину 12 сажень 1 аршин, шириной 3 сажени 2 аршина с припасами	29	40	Рыбинским мещанином Александром Ивановичем Аксёновым 63 рубля 50 копеек. Каюк с припасами и билет получил, деньги 63 рубля 50 копеек серебром заплатил рыбинский мещанин Александр Аксёнов	63	50

День продажи	№ продаваемого судна	Звание и количество судов	Оценка		Чин или звание и фамилия покупателя	Последняя цена	
			рубли	копейки		рубли	копейки
24 марта 1850 год	12	Каюк постройки 1848 года мерою в длину 12 сажень 1 аршин, шириной 3 сажени 2 аршина с припасами	30	40	За ним же Аксёновым 61 рубль. Каюк с припасами и билет получил, деньги 61 рубль серебром заплатил рыбинский мещанин Александр Аксёнов	61	00
Выше означенные 12 каюков с припасами проданы за 884 рубля серебром. На прочие же суда желающих не явилось на покупку. 24 марта 1850 год							

Из 22 каюков на аукционных торгах было продано 12 судов «с принадлежащими к ним припасами». Вырученные средства в размере 884 рубля серебром были доставлены в Рыбинский уездный суд. Согласно указу Ярославского губернского правления от 18 марта 1850 года за № 2084 *«...в случае невозможности с торгов продать все каюки, то командированному соляным правлением Ерёмину предоставлено остальные продать хозяйственным образом за сколь возможно выгодную цену, на что он, Ерёмин, изъявляет свое согласие...».*

28 марта 1850 года старший советник Нижегородского соляного правления А. П. Ерёмин сообщил в Рыбинский уездный суд, что два каюка, принадлежащих крестьянину С. Макарову, и восемь каюков, принадлежащих А. Щукину, не проданные с аукционных торгов, были проданы мещанину Тотемского уезда Пупину и крестьянину Тотемского уезда Прыгаеву. Стоимость каждого каюка составила 80 рублей. В свою очередь, Рыбинский уездный суд А. П. Ерёмину выдал судовые билеты на проданные каюки и его сообщение приобщил к производству. Вырученные средства за ранее проданные каюки судом были отправлены в Нижегородское соляное правление. Позднее печатное издание «Ярославские губернские ведомости» «пропечатало» о продаже судов казенных крестьян Вологодской губернии Тотемского уезда Сергея Макарова, Ивана Сивкова, Альвиана Щукина и Николая Коркина «за долги казне по доставке соли».

Как обстояли дела с судами, которые стояли на зимовке на Сиверском озере возле города Кирилова, в материалах дела ничего не сказано.

Благодаря изученному документу удалось выявить информацию о крестьянских отхожих промыслах середины XIX века. Как и в более ранние годы они были связаны с судоходством и солеварением. В документе рассказывается о рынках сбыта тотемской соли, удалось конкретизировать один из путей, по которому шёл экспорт. Особый интерес в тексте представляет описание водных транспортных средств, а именно каюков, с помощью которых осуществлялась перевозка грузов. В описании представлены не только их габариты, но и такелаж. Это позволяет в дальнейшем при построении экспозиции местных морских музеев осуществить их реконструкцию, чтобы посетитель имел представление о судостроении в Тотемском уезде в середине XIX столетия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГАЯО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 3892. Дело о продаже 22 судов, называемых каюками, принадлежащих крестьянам Тотемского уезда Макарову, Сивкову, Коркину и Щукину.

2. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.– Т. XIVA (28). Карданахи – Керо.– СПб.: Семёновская тип-я (И. А. Ефрона), 1895.

Овчинникова Наталья Андреевна,
заведующая отделом информационно-поисковых систем
КАУ ВО «Государственный архив Вологодской области»,
г. Вологда

РЕВИЗСКИЕ СКАЗКИ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

История своей семьи в последние десятилетия стала одной из популярнейших тем для исследований как краеведов, так и обычных граждан. Соответственно, увеличился спрос на документы, в которых содержится данная информация.

Ревизские сказки представляют собой переписи населения с XVIII по вторую половину XIX веков и являются ценнейшими источниками по генеалогии, содержащие сведения о персональных данных предков (имя, возраст и место проживания), хотя

государством они создавались в первую очередь для упорядочения системы налогообложения.

В Государственном архиве Вологодской области (далее – ГАВО) ревизских сказок на хранении находится свыше 1000 единиц хранения [1]. Из них по Тотемскому уезду – около 60 дел из фондов №№ 366 «Тотемское уездное казначейство», 388 «Вологодская казенная палата», 496 «Вологодская духовная консистория», 831 «Тотемская нижняя расправа». Датировка документов по данной территории начинается с 1782 года (четвертая ревизия) и заканчивается 1858 годом (десятая ревизия). В настоящее время сотрудники архива заполняют базу данных документов с ревизскими сказками в автоматизированной информационной системе «Единая информационная система для автоматизации деятельности архивов Вологодской области», в которую уже занесено из указанного объема дел более 2000 документов. Отметим, что работа в этом направлении продолжается непрерывно. В 2023 году планируется завершение росписи ревизских сказок Тотемского уезда по документам фонда № 388 «Вологодская казенная палата».

Материалы четвертой ревизии представлены ревизскими сказками о купцах, мещанах, священно-церковнослужителях города Тотьмы и Тотемского уезда и крестьянах Тотемского уезда в составе семи дел за 1782–1783 годы [2–8]. Сведения о городских сословиях представляют ценную информацию по истории города. Их сравнение за разные периоды дает возможность проанализировать социально-экономические процессы, происходившие в указанной местности. Хотя более ранних ревизий по Тотьме в ГАВО не сохранилось, информация имеется в документе за 1782 год. Население города с 1763 по 1782 годы увеличилось с 1695 до 2342 человек, в том числе купеческое сословие с 295 до 500 человек [5, л. 1–136]. Город процветал, ведя активную торговлю.

Ревизские сказки пятой переписи содержатся на хранении в таком же составе и объеме: шесть единиц хранения за 1794–1795 годы [9–14]. Особенностью источников конца XIX века является то, что в документах у женщин отмечалось месторождение (в каком населенном пункте она проживала до брака) и возраст на момент предыдущей переписи. При составлении ревизии семей, откуда происходила женщина, вышедшая замуж, указывалось ее новое место проживания после свадьбы.

Перепись 1811 года стала 6-й ревизией, знаковой для учета населения Российской империи, так как проводилась накануне Отечественной войны 1812 года. В ней женщины фигурировали, скорее всего, с целью уменьшения работы переписчиков. По городу Тотьме и Тотемскому уезду в ГАВО сохранилось пять дел за 1811–1812 годы. Примечательно, что эти ревизские сказки разделяют население данной территории уже на более мелкие категории: удельных, помещичьих, экономических крестьян, дворовых людей, купцов и мещан Тотьмы, мастеровых и рабочих Леденгского соляного завода, священно-церковнослужителей [15–19].

В начале XIX века людей купеческого сословия в городе насчитывалось всего 55 человек, включая взрослых мужчины и детей мужского пола. В первой гильдии состояло 2 человека: Илья Алексеевич Холодилов и Иван Александрович Шергин. Во второй – 9 фамилий, среди которых значились Иван Осипович Нератов, Алексей Иванович Пономарев, Семен Алексеевич Ряшкин и т. д. Одной из наиболее распространенных фамилий у представителей третьей гильдии являлась Кузнецовы [17, л. 3–5]. Мещан мужского пола насчитывалось 995 человек. Среди них в ревизской сказке отмечены 16 незаконнорожденных детей, из них 12 человек возраста от 9 лет до 3 дней находились на общественном содержании, 4 подростка от 11 до 15 лет – на самообеспечении [17, л. 64–64 об.].

Ревизия 1811 года по Тотемскому уезду содержит информацию о разных категориях крестьян. Владельческие крестьяне присутствовали, но их количество, по сравнению, например, с экономическими, достаточно невелико. Среди помещиков в записях часто встречаются имена детей подполковника Григория Бахметьева, имевшие собственность в таких деревнях, как Аниково, Матвейка, Петухово, Фетиньино, Юркино, Андреев Починок [17, л. 120–121]. Удельные, принадлежавшие императорской семье, входили в ведение Спасского удельного приказа Тотемского уезда, экономические крестьяне, ранее бывшие во владении монастырей и церквей, проживали на всей территории уезда.

Сведения в ревизской сказке о рабочих Леденгского соляного завода, крупнейшего соляного промысла в государстве начиная с XVII века, являются очень ценными. В 1794 году из владения вологодского мещанина Петра Яковлевича Исаева он был передан в ведение Вологодского губернского казначейства. Для наблюдения за процессом работы на завод назначили смотрителя, коллежского

асессора Александра Жиловича [20, л. 2, 4, 28–29]. По ревизии 1811 года на заводе числилось 153 работника, включая 118 детей мужского пола [17, л. 205–211].

Документов седьмой ревизии в Государственном архиве Вологодской области сохранилось уже значительно больше: 10 дел за 1815–1816 годы [21–29]. Состав документов практически совпадает с ревизией 1811 года. Однако появляется категория казенных крестьян, удельные указаны, помимо Спасского, в Шевденицком удельном приказе. С этой переписи вновь стали заносить женское население, указывая при этом только имя и возраст. Сохранилась ревизская сказка со сведениями о купцах и мещанах города Тотьмы за 1816 год, поэтому есть возможность сравнить численность и состав городского сословия до и после Отечественной войны 1812 года. В категории купцов на 1816 год насчитывалось 44 человека мужчин и 34 женщины, из них в первой гильдии оставались все те же 2 человека: Илья Алексеевич Холодилов и Иван Александрович Шергин. Представителей второй гильдии стало меньше, остались Федор Прокопьевич Холодилов, Иван Осипович Нератов, Прокопий Степанович Торговкин, Алексей Иванович Чекалев [22, л. 2 об.– 7 об.]. В общем, число купцов сократилось на 11 человек. Количество мещан уменьшилось до 932 человек, на 63 жителя по сравнению с 1811 годом. В целом, если сравнивать показатели шестой и седьмой ревизий, количество населения снизилось, но не в большом объеме, это касается и торговли. Основной причиной такого процесса стала Отечественная война 1812 года.

Документы восьмой ревизии сохранились в количестве 10 дел за 1834 год [30–39]. Среди них интерес представляет сказка о купцах, мещанах города Тотьмы, мастеровых Леденгского соляного завода [31]. Количество купцов продолжает снижаться (см. Таблицу 1). В первой и во второй гильдии с ревизии 1816 года людей уже не числится. Большая часть из них перешла в категорию мещан или умерла. Некоторые торговые люди поменяли тотемское на купеческое сословие других городов. Так, в 1830 году купцы первой гильдии Илья Алексеевич Холодилов с семьей был перечислен из тотемского в московское купечество, третьей гильдии Андрей Ильич Токарев – в иркутское, в 1826 году купец второй гильдии Авксентий Иванович Чекалев – в якутское [22, л. 8 об.; 31, л. 2 об., 3 об.]. Главная причина таких перемен в количестве купеческого сословия заключается в смещении торговых путей, расположенных вдалеке от Тотьмы.

Таблица 1

Количество купцов и мещан города Тотьмы, мастеровых Леденгского соляного завода мужского пола за 1811–1834 годы

Годы	Купцы	Мещане	Мастеровые
1763	199	948	–
1782	238	840	–
1811	55	995	153
1816	44	932	–
1834	23	980	239

Составлено по: ГАВО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 9590. Л. 2 об.– 127 об.; Оп. 1а. Д. 7. Л. 1 об.– 110, 128 об.– 150; Оп. 9. Д. 29. Л. 1–136; Д. 134. Л. 3–64 об., 205–211.

Число мещан на протяжении 1763–1834 годов остается примерно на одном и том же уровне. Увеличение количества мастеровых на Леденгском соляном заводе свидетельствует о расцвете производства соли на нем в первой половине XIX века.

Материалы девятой и десятой ревизии также немногочисленны: 22 дела. В документах за 1850 год имеются ревизские сказки по городу Тотьме, но это не общая перепись, а скорее отступления от нее [40].

Таким образом, комплекс ревизских сказок по городу Тотьме и Тотемскому уезду в Государственном архиве Вологодской области достаточно немногочисленный, например, по сравнению с Вологодским или Грязовецким уездами. Насчитывает порядка 61 дела. Отметим, что эта цифра не окончательная, в процессе работы архивисты продолжают выявлять новые документы, в том числе ревизии. Кроме того, ГАВО проводит активную работу по составлению внутренних описей к каждой ревизской сказке по Тотьме и оцифровке этого комплекса документов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецов, И.Н., Овчинникова, Н.А. Развитие исторической генеалогии как фактор переориентации информационно-поисковых систем и научно-справочного аппарата архива (из опыта работы Государственного архива Вологодской области) // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей.– М.: Этерна, 2017. С. 458–466.

2. ГАВО. Ф. 388. Оп. 1а. Д. 31.
3. ГАВО. Ф. 388. Оп. 1а. Д. 33.
4. ГАВО. Ф. 388. Оп. 1а. Д. 34.
5. ГАВО. Ф. 388. Оп. 9. Д. 29.
6. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 3546.
7. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 3549.
8. ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 786.
9. ГАВО. Ф. 388. Оп. 9. Д. 68.
10. ГАВО. Ф. 388. Оп. 9. Д. 69.
11. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 4367.
12. ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 772.
13. ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 773.
14. ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 774.
15. ГАВО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 6445.
16. ГАВО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 8525.
17. ГАВО. Ф. 388. Оп. 9. Д. 134.
18. ГАВО. Ф. 388. Оп. 9. Д. 135.
19. ГАВО. Ф. 388. Оп. 16. Д. 4.
20. ГАВО. Ф. 388. Оп. 8. Д. 61.
21. ГАВО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 8782.
22. ГАВО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 8787.
23. ГАВО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 9590.
24. ГАВО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 9591.
25. ГАВО. Ф. 388. Оп. 9. Д. 194.
26. ГАВО. Ф. 388. Оп. 9. Д. 195.
27. ГАВО. Ф. 388. Оп. 9. Д. 196.
28. ГАВО. Ф. 388. Оп. 9. Д. 197.
29. ГАВО. Ф. 388. Оп. 9. Д. 198.
30. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 7215.
31. ГАВО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 9597.
32. ГАВО. Ф. 388. Оп. 1а. Д. 7.
33. ГАВО. Ф. 388. Оп. 1а. Д. 8.
34. ГАВО. Ф. 388. Оп. 10. Д. 24.
35. ГАВО. Ф. 388. Оп. 10. Д. 26.
36. ГАВО. Ф. 388. Оп. 10. Д. 27.
37. ГАВО. Ф. 388. Оп. 10. Д. 62.
38. ГАВО. Ф. 388. Оп. 10. Д. 65.
39. ГАВО. Ф. 388. Оп. 10. Д. 66.
40. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 9558.
41. ГАВО. Ф. 388. Оп. 7. Д. 461.

Иванов Фёдор Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина», г. Сыктывкар, Республика Коми

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РЕКРУТСКОЙ ПОВИННОСТИ В УЕЗДАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1831–1874 гг. (НА ПРИМЕРЕ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Многие современные районы и даже субъекты Российской Федерации имеют свои корни в уездах Российской империи, что делает понятным стремление к изучению истории важных явлений и процессов именно в рамках исторических субрегионов. История рекрутчины не является исключением, однако, в данном случае имеется одна существенная сложность. Дело в том, что в Российской империи XIX столетия отслеживалась и сохранялась информация на уровне отдельных рекрутских участков (в них велся учет «рекрутских послуг» населения) и на уровне основных административно-территориальных образований – губерний. Именно поэтому, несмотря на не всегда хорошую сохранность источников и разрозненность информации по нескольким центральным и местным архивам (а в них по разным фондам) можно восстановить статистику по рекрутским наборам на уровне не только отдельных губерний, но и целых исторических макрорегионов России, например, Европейского Севера страны [1]. Вполне можно это сделать и на уровне отдельных участков, в особенности, городов. При изучении рекрутчины в уездах возникает существенная проблема, поскольку в свое время информация по ним государством целенаправленно не фиксировалась и не сохранялась, и восстанавливать её придётся, собирая более разрозненные данные по тем же архивам и фондам, где отложились материалы по истории рекрутчины в губернии, частью которой являлся интересующий уезд. Попробуем восстановить круг основных источников по истории рекрутской повинности в одном из исторических субрегионов Российской империи в 1831–1874 гг. на примере Тотемского уезда Вологодской губернии. При этом необходимо специально подчеркнуть, что мы осознанно сосредоточились только на связке двух обозначенных видов письменных источников. Выбор хронологических рамок исследования обусловлен тем, что в 1831 г. был издан принесший ряд существенных изменений Рекрутский устав, а в 1874 г. рекрутчина была отменена.

Прежде всего, необходимо помнить, что, изучая историю рекрутчины на территории одного уезда, мы изучаем региональное проявление сложного исторического явления общегосударственного масштаба. Следовательно, необходимо начать работу с анализа законодательства в сфере рекрутской повинности. Законодательные источники достаточно многочисленны и разнообразны (Рекрутский устав 1831 года и его позднейшие переиздания, императорские манифесты и указы, сенатские указы, высочайше утвержденные мнения Государственного совета) и позволяют определить принципы регулирования рекрутской повинности на всем пространстве страны. Так же они необходимы для уточнения нормативов набора рекрутов в конкретных губерниях и уездах. Например, набор 1868 г. был отменён во всей Вологодской губернии, однако, в 1869 г., когда по России требовалось взять по 4 рекрута с 1000 душ, в Вологодской губернии брали уже по 5 [1, с. 197–198].

Далее необходимо перейти к делопроизводственным документам, которые показывают, как в реальности применялось законодательство и развивалась рекрутская повинность. В данном случае, зная систему управления России в XIX в., можно определить, какие властные органы принимали решения в сфере рекрутской повинности, и искать соответствующие документы в центральных и местных архивах. К сожалению, здесь так же есть один нюанс: отсутствует возможность обратиться к материалам Российского государственного военно-исторического архива в г. Москве, поскольку все дела по рекрутским наборам с 1828 по 1865 гг. были сданы в макулатуру в 1919 г. [2, с. 25]. Таким образом, остаются только материалы гражданских архивов.

Среди делопроизводственных документов, отложившихся в фондах Российского государственного исторического архива в г. Санкт-Петербурге, важное значение имеют губернаторские отчеты, сохраняющиеся в фондах 1263 (Комитет министров, 1802–1906 гг.), 1281 (Совет министра внутренних дел), 1284 (Департамент общих дел МВД). Сами губернаторские отчёты были введены в России в 1804 г., но только лишь с 1837–1839 гг. их информация о рекрутских наборах была существенно расширена за счет данных статистического характера о результатах сбора рекрутов, сведений о размещении рекрутских присутствий и о происшествиях. Однако, до 1870 г. конкретизации по уездам не было, зато уже за 1870–1874 гг. мы имеем массив данных по Тотемскому уезду, когда было собрано 1370 рекрутов, из которых 1349 «натурой» (98,5%), а за 21

(1,5%) были зачтены рекрутские квитанции, недоимочных не имелось [3, л. 344 об.– 345; 4, л. 269 об.– 270; 5, л. 57 об.– 58; 6, л. 347 об.– 348; 7, л. 76 об.– 77]. Так же представляет интерес ведомость № 13, в которой показывались расходы представителей всех сословных групп каждого уезда на «отдачу» одного рекрута.

На общегосударственном уровне контроль за подготовкой и проведением рекрутских наборов в губерниях страны был возложен на Департамент полиции исполнительной МВД, в фонде которого 1286 в РГИА и отложились дела о рекрутских наборах. В материалах МВД представлены все этапы подготовки и проведения наборов. Естественно, что данные по отдельным регионам представлены не в полной сохранности, при этом в самом общем виде и не всегда полно, однако же, отправлявшиеся губернаторами двухнедельные и итоговые ведомости «об успехах приема рекрут» дают очень ценную цифровую информацию. Так, в одном из дел имеется подготовленное в Вологде в октябре 1862 г. «Краткое расписание о количестве рекрут, следующих к поставке с Вологодской губернии…», где указывалось, что население Тотемского уезда в готовящийся набор должно было выставить 226 рекрутов [8, л. 302]. В том же фонде имеется отчётная двухнедельная «Ведомость об успехе приёма рекрут по Вологодской губернии с 15 по 30 ноября 1863 г.», из которой видно, что государственные крестьяне Тотемского уезда должны были отдать в армию 10 человек, из них 9 были выставлены «натурой», а ещё за одного предъявлена к зачёту квитанция. Представители других сословий уезда (мещане, бывшие удельные, бывшие помещичьи крестьяне, половники и крестьяне собственники), как можно понять из документа, исполнили повинность ранее [9, л. 555–555 об.]. К сожалению, это не итоговая ведомость о наборе, дополнительной информации не имеется.

Основной массив документов хранится в Государственном архиве Вологодской области. На первом месте стоят материалы, сохранившиеся в фонде 18 (Канцелярии Вологодского губернатора). Например, в деле 1703 имеется «Ведомость о числе душ, подлежащих отправлению рекрутской повинности в мещанских обществах Вологодской губернии…» от 24 декабря 1859 г., из которой можно узнать, что в Тотьме значилось 990 ревизских душ мужского пола (далее – душ), подлежащих рекрутчине, многорабочих семейств насчитывалось 72 (всего 421 душа в их составе) [10, л. 9].

Далее идут фонды губернских органов отраслевого управления – казенных палат, палат государственных имуществ, удельных

контор, в которых, как правило, отображаются процессы подготовки к наборам и рассмотрения прошений населения на «неправильную» отдачу. Результаты наборов в них зафиксированы в наименьшей степени. Так, в фонде 388 (Вологодская казенная палата) хранятся ведомости с «исчислениями» числа рекрутов с участков удельных крестьян в набор 1855 г. (в Тотемском уезде в двух участках было 10675 душ, с них следовало собрать 106 рекрутов) [11, л. 2], и государственных крестьян (в Тотемском уезде числилась 31121 душа, с которых следовало собрать 311 рекрутов, 7 из которых могли бы быть заменены зачетными квитанциями) [11, л. 8 об.– 15]. Кроме того, там же имеются данные о 119 крепостных крестьянах, принадлежавших «малопоместным» помещикам Тотемского уезда, за которых требовалось заплатить 357 рублей складочных денег [11, л. 39–39 об.]. Важное значение имеют материалы ревизского учёта населения.

Сохранились четыре дела из состава фонда 740 (Управление Вологодского удельного округа), в котором имеется информация о рекрутах из числа удельных крестьян Тотемского уезда. В фонде 31 (Вологодский губернский предводитель дворянства) имеются дела с информацией о рекрутской повинности помещичьих крестьян уезда. Часть материалов содержится в делах фондов органов местного управления – 688 (Тотемский земский суд) и 480 (Тотемская городская управа, документы пореформенного времени).

Фонд 724 (Тотемское уездное рекрутское присутствие) занимает особое место. Рекрутские присутствия – временные комиссии, ответственные за сбор рекрутов на определенной территории. В бумагах присутствий хранятся «объявления» отдатчиков с мирскими приговорами об отдаче рекрутов, смотровые росписи, квитанции присутствий об окончании наборов. В 1830-е годы рекрутов из Тотемского уезда везли в Вологодское и Устюжское рекрутские присутствия, собственное присутствие открылось в Тотьме, как минимум, с 1841 г. (для приема рекрут с территории Тотемского и Вельского уездов), с 1863 г. оно работало только для Тотемского уезда [1, с. 98]. В данном фонде сохранилось несколько квитанций об окончании наборов, выданных мещанам г. Тотьмы.

Таким образом, поскольку государством до 1870 г. не собиралась целенаправленно информация о результатах рекрутских наборов в уездах, а сохранность документов в фондах губернской и уездной администрации совсем невелика, требуется проведение широкого поиска источников в центральных и, в особенности, в соответствующих региональных архивах. Только сочетание

основных источников – законодательных актов и делопроизводственных документов (собранных в максимально возможном числе, что важно) позволит начать полноценное изучение истории рекрутской повинности на уровне уезда, определить основные тенденции в её развитии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Иванов Ф. Н.* Рекрутская повинность на Европейском Севере России в 1831–1874 годах (по материалам Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний): монография.– М., 2016.
2. *Щербина Т. А.* Макулатурные кампании в военных архивах России (1919–1931 гг.) // Отечественные архивы. 1993.– №. 2.– С. 24–28.
3. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3552. Л. 344 об.– 345.
4. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3595.
5. РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 217.
6. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3722.
7. РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 268.
8. РГИА. Ф. 1286. Оп. 23. Д. 1313.
9. РГИА. Ф. 1286. Оп. 24. Д. 951.
10. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1703.
11. ГАВО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 8401.

Лейман Ирина Игоревна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, заведующий кафедрой связей с общественностью и рекламы ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина», г. Сыктывкар, Республика Коми

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУПЕЧЕСТВА ТОТЬМЫ ВО ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ «ВОЛОГОДСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»)

«Губернские ведомости» – еженедельное издание, положение о котором было утверждено в 1830 г.,– представляет большой

интерес для изучения различных аспектов российской действительности, в том числе истории купечества [1, с. 76].

В середине XIX в. Тотьма занимала срединное положение по количеству купцов среди прочих городов Вологодской губернии. В частности, по данным на 1847 г. в Тотьме было 74 купца 3-й гильдии, что составляло около 5% купечества губернии (для сравнения: в 1847 г. больше всего купцов проживало в Устюге – 388 чел., или 25% купечества губернии) [1, с. 76]. Удельный вес купеческого сословия в Тотьме был небольшим – чуть более 2% от населения города (близкие по значению цифры были в Вельске, Верховажском посаде и Усть-Сысольске) [1, с. 76]. В 1846 г. в Тотьме числилась 51 лавка, причем 12 были свободны [2, с. 356]. В 1854 г. тотемский купец Платон Фирсов, постоянно проживавший «по делам торговли» в г. Кяхте, обустроил «при общественном каменном доме галерею с 14 шкафиками для торгующих» на сумму 700 руб. серебром [3, с. 220]. Главными предметами местной торговли были «красный товар, съестные припасы и разные мелочи» [2, с. 355].

Помимо собственно торговли купечество занималось и иными видами предпринимательской деятельности. В частности, солеваренный завод, расположенный в двух верстах от Тотьмы, принадлежал макарьевскому купцу 2-й гильдии Кокореву [2, с. 356; 4, с. 533]. Как писал современник, «при совершенном почти отсутствии в наших городах так называемой городской промышленности, многие из тотемских мещан без завода могли бы не иметь даже средств к существованию» [4, с. 533–534]. К примеру, в 1854 г. завод предоставлял до 100 рабочих мест (это занятость 10% мещан мужского пола). Во многом поэтому отличительной чертой Тотьмы была «пустынность улиц», так как часть населения города в течение дня находилась на заводе [4, с. 533].

Важно отметить, что в Российской империи существенную роль в поддержании городской инфраструктуры и социальной сферы играла благотворительная деятельность купечества. Тотьма в этом плане не была исключением: объектами благотворительности и попечительства тотемских купцов чаще всего становились церковь, больницы, образовательные учреждения, малоимущие жители города [1, с. 77].

При непосредственном участии купечества проходило строительство Богоявленского Собора в Тотьме. В частности, устройство в первой трети XIX в. Богоявленского храма на Соборной горе было обеспечено «70 000 руб. ассиг. от усерднаго приношения тотемских купцов и чрез их посредство сибирских жителей» [5, с. 532].

Храм в стенах соборной колокольни был воздвигнут «усердием одного тотемского купца Ливерия Колычева», вложившего 10 000 рублей ассигнациями [5, с. 532]. В 1844 г. тотемский купец Алексей Торговкин пожертвовал на обгоревшую в 1843 г. приходскую Христорождественскую церковь 57 руб. серебром и вещи на сумму 150 руб. серебром [6, с. 465].

Купец Серебряков на протяжении длительного времени был попечителем тотемской городской больницы: с 1853 по 1859 г. он ежегодно вносил на нужды учреждения по 100 руб., а в 1859 г. сверх того пожертвовал «разнаго белья», а также устроил «на свой счет заборы и ворота при больничном доме, всего на сумму примерно до 201 руб. 82 коп.» [7, с. 12].

Существенную поддержку купечества получали образовательные учреждения. Это могли быть как пожертвования на нужды учебных заведений и выделение средств на обучение детей бедных мещан, так и инициатива открытия новых училищ. К примеру, в 1845 г. «тотемский 3-й гильдии купец Ливерий Иванов Колычев ... изъявил желание содержать каждогодно одного из сыновей бедных граждан, обучающихся в Тотемском уездном училище» [8, с. 167–168]. «Достойным пользоваться по поведению и успехам до окончания им курса учения в Уездном училище» был признан мещанский сын Евгений Одинцов [8, с. 167–168]. В 1858 г. в Тотьме «прежде всех в ... губернии» появилось женское училище, что стало возможным стараниями «двух главных участников в этом деле» – купца Александра Никитича Бойченко и купеческого сына Александра Михайловича Кокорева, пожертвовавших на эту инициативу по 60 руб. (для сравнения: из городского бюджета было внесено 66 руб.) [9; 10, с. 109; 11, с. 133]. За «деятельное участие в доставлении средств» А. Н. Бойченко и А. М. Кокореву в 1858 г. была объявлена «совершенная признательность» господина попечителя Санкт-Петербургского учебного округа [12, с. 138]. Почетной блюстительницей Тотемского женского училища стала жена купца 1 гильдии Елизавета Михайловна Бойченко (по «Положению о женских училищах» 1858 г. попечительница избиралась «из почетных лиц женскаго пола, живущих в городе, где учреждено училище, и принимающих в процветании онаго наиболее участие») [9, с. 690; 13, с. 84].

Не редким явлением было внесение купцами денег в счет государственных податей и повинностей за беднейших мещан г. Тотьмы. Так, в 1844 г. купцы Андрей Вахрушев и Ливерий Колычев «за сто душ беднейших жителей города Тотьмы представили в

государственные подати первый 362 руб., а последний 100 руб. ассиг.» [14, с. 192]. В том же году Андрей Вахрушев и Платон Фирсов пожертвовали «I-й за 50 душ на I-ю половину сего года 235 руб., а последний на 2-ю половину 1844 г. 102 руб. 35 коп. ассиг.» [15, с. 191]. В 1845 г. Андрей Вахрушев и Платон Фирсов снова внесли подати и повинности «за 50 душ бедных мещан» [3, с. 220]. В 1846 г. Марфа Матвеева Мальцова, «тотемская 3-й гильдии купеческая вдова», внесла в ратушу 100 руб. серебром «на платеж за неимущих мещан ... государственных податей с повинностями» [16, с. 133].

Кроме того, купечество принимало участие в сборе средств на срочные нужды населенных пунктов для ликвидации последствий пожаров, на ремонт дорог и т. п. Пожалуй, самым заметным в этом плане событием является пожар 1843 г. в Тотьме и ликвидация его последствий. 7 июня (по ст. стилю) 1843 г. в северовосточной части города в доме умершего купца Ивана Кузнецова «от неосторожности при топлении печи» вспыхнул пожар. Из-за сильного ветра пламя быстро распространилось и уничтожило «всю середину и лучшую часть этого города» – 143 дома и два моста; обгорели три каменные церкви [17, с. 241–242; 18, с. 264–265]. Жители города «с благодарностию и непритворным уважением» вспоминали о спасительных действиях во время пожара владельца солеваренного завода купца Кокорева, приславшего пожарные заводские инструменты, «коими управляли с предусмотрительностию и примерною деятельностию два родные его сына, действовавшие не только во всё время самаго пожара, но и по окончании его истреблявшие огонь, таившийся под развалинами зданий» [18, с. 265]. После пожара обеспечение «кровом и пропитанием» беднейших жителей взяли на себя «по силам и возможностям» купцы Кокорев и Вахрушев [18, с. 265]. В сентябре 1843 г. купец Вахрушев на Нижегородской ярмарке смог собрать для погорельцев Тотьмы у «известных ему своими достатками купцов» 4 193 руб. 5 коп. и добавил от себя 306 руб. 95 коп. ассиг. [19, с. 425–426]. В том же году уроженец Тотьмы, но проживавший в Кяхте купец Платон Фирсов пожертвовал «в пользу Городовой Ратуши 2000 руб. ассиг., на поправки церквей 1100 руб. ассиг., семействам, лишившимся домов 1100 руб. ассиг. и еще 500 руб. ассиг. для раздачи беднейшим жителям», а также 4 000 руб. ассиг. от кяхтинских торговцев [19, с. 426; 20, с. 446–447]. Кроме того, на средства Платона Фирсова (1 355 руб. серебром) обгоревший общественный каменный дом, занимаемый городовой ратушей, был устроен «в лучшем против прежняго виде» [21, с. 20].

Таким образом, материалы еженедельного губернского издания позволяют сформировать представление об основных формах участия тотемского купечества в жизни уездного города: в их числе не только торговая и промышленная деятельность, но и широкий спектр направлений благотворительности, охватывавший все основные социальные объекты города.

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. *Лейман И. И.* Благотворительная деятельность провинциального купечества в середине XIX в. (по материалам «Вологодских губернских ведомостей» за 1838–1860 гг.) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. История и филология. 2020, № 5 (45). С. 75–82.

2. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1847. № 36.

3. Вологодские губернские ведомости. Часть официальная. 1845. № 50.

4. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1854. № 52.

5. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1847. № 52.

6. Вологодские губернские ведомости. Часть официальная. 1844. № 39.

7. Вологодские губернские ведомости. Часть официальная. 1859. № 2.

8. Вологодские губернские ведомости. Часть официальная. 1845. № 43.

9. Положение о женских училищах. № 33221. 30 мая 1858 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 33. Ч. 1. 1858. СПб., 1860.

10. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1858. № 14.

11. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1858. № 16.

12. Вологодские губернские ведомости. Часть официальная. 1858. № 14.

13. Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1860. № 11.

14. Вологодские губернские ведомости. Часть официальная. 1844. № 13.

15. Вологодские губернские ведомости. Часть официальная. 1845. № 12.

16. Вологодские губернские ведомости. Часть официальная. 1846. № 11.

17. Вологодские губернские ведомости. Прибавление. 1843. № 24.

18. Вологодские губернские ведомости. Прибавление. 1843. № 26.

19. Вологодские губернские ведомости. Прибавление. 1843. № 43.

20. Вологодские губернские ведомости. Прибавление. 1843. № 45.

21. Вологодские губернские ведомости. Часть официальная. 1845. № 2.

Полоцкая Ольга Владимировна,
главный хранитель фондов МБУК «Тотемское музейное объединение»,
г. Тотьма

ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ КУПЕЧЕСКОЙ ВДОВЫ Е. П. КОКОРЕВОЙ (1793–1867)

В настоящее время Тотемским музейным объединением активно проводятся работы по реконструкции и популяризации объектов, связанных с историей местного солеваренного завода. На его территории проводятся археологические раскопки, проложен туристический маршрут, разработаны экскурсии, идёт благоустройство территории. Всё это дополняется работой с архивными документами и выявлением сведений об истории солеварения в Тотемском крае. Исследования затрагивают и биографию последних владельцев промысла купцов Кокоревых.

Семья Кокоревых перебралась в Тотьму в первой четверти XIX века. При этом вплоть до 1840-х годов они были приписаны к городу Макарьеву Костромской губернии. Состав этой семьи не отображён в ревизских сказках по городу Тотьме, хотя их предпринимательская и общественная деятельность происходила все эти годы здесь. В фондах Государственного архива Вологодской области хранятся документы об их деятельности в качестве попечителей местных учебных заведений, участии в городском самоуправлении, сведения о покупке и продаже имущества, материалы об управлении солеваренным заводом.

Как мы видим, общественная и предпринимательская деятельность Кокоревых отображена в документах достаточно широко. Представления о частной жизни семьи мы имеем благодаря фотоматериалам и личным вещам, которые поступили в фонды Тотемского музея в период с 1915 по 1941 гг. Среди них есть рисунок – портрет Евгении Петровны Кокоревой на 19 году рождения, написанный в 1812 году.

Информации о месте рождения, сословном происхождении, уровне образования Евгении Петровны Кокоревой в настоящее время не найдено. Даже год рождения – 1798 весьма условен. Некоторые моменты биографии Евгении Петровны раскрывает её духовное завещание, обнаруженное среди документов фонда Вологодского гражданского суда / Завещание и его копия вложены в «Дело о засвидетельствовании духовного завещания тотемской

купеческой вдовы Евгении Петровны Кокоревой на имение сыну Александру Михайловичу Кокореву» (1867) [1].

Нужно отметить, что на данный момент в фондах ГАВО выявлено четыре дела о духовных завещаниях тотемского купечества, и только одно из них составлено женщиной.

На момент написания документа в 1867 году Евгения Петровна Кокорева уже была вдовой. Её муж Михаил Иванович скончался в 1857 году, оставив ей в наследство капитал, имение и солеваренный завод. Впрочем, как отмечал краевед Д. А. Григоров, практически сразу после вступления в наследство, Евгения Петровна написала доверенность, согласно которой управление промыслом перешло в руки её сына Александра (1832–1905) [2, с. 120.]

При этом нельзя сказать, что в финансовом плане она не имела самостоятельности. Ещё при жизни мужа Евгения Кокорева совершала сделки по покупке недвижимости [3]. На это есть указание и в самом тексте духовного завещания, где она перечисляет имущество, которое оставляет в наследство, а именно: «земли со всеми угодьями – как примежёванные собственно к заводу, так и приобретённые покупкою *мною* и покойным мужем моим» [1, л. 2 об.]. Это подчёркивает особенности законодательства XIX столетия, которое позволяло женщине владеть имуществом независимо от мужа или старших родственников, приобретать и продавать его [5, с. 19–20].

Ещё один немаловажный момент в завещании – это социальный статус Евгении Петровны. В тексте прямо указывается, что она – купчиха I гильдии. То есть, даже после смерти мужа она не перешла в мещанское сословие и приобретала на своё имя гильдейское свидетельство. В купеческих списках по г. Тотьме за разные годы можно найти единичные примеры, когда женщина получала данный документ на своё имя. Чаще свидетельства получали сыновья, которые вписывали туда матерей.

Сын Евгении Петровны Кокоревой Александр Михайлович – одна из основных фигур в завещании. Именно ему она передала всё своё имущество: Тотемский солеваренный завод со всеми действующими и не действующими трубами, паровыми машинами, амбарами, варницами и прочими заводскими постройками, припасами, дровами и инструментами. Соляные магазины в Вологде и Тотьме, речные суда на Сухоне, котельная, движимое и недвижимое имущество, а также капитал – всё переходило в «безраздельное и неограниченное владение и распоряжение единственному и любезному сыну моему Александру Михайловичу Кокореву» [1,

л. 3]. С имуществом ему переходило и обязательство выплатить все долги завода.

Евгения Петровна в завещании просит близких и дальних родственников не вступать в споры о наследстве, и подчёркивает, что исполняет волю покойного мужа. В 1866 году она написала первый вариант завещания, но уничтожила его.

Завещание было составлено в присутствии духовного отца Евгении Петровны священника Варницкой Воскресенской церкви Николая Полиевктова. Сам текст духовной начинается с тринитарной формулы: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». В своём волеизъявлении она всячески подчёркивает заботу о душе: просит «христианского прощения» у всех, кого обидела или оскорбила и сама прощает своих обидчиков, даёт распоряжение сыну совершить пожертвования в пользу Варницкой церкви, Богоявленского собора, Спасо-Суморина монастыря и Иоанно-Богословской церкви на вечное поминовение её души. Перед Пасхой и Рождеством каждый год определённая сумма из её капитала должна была идти в пользу бедных.

В завещании купеческая вдова попросила похоронить её по обрядам православной церкви.

Всё это подчёркивает духовно-нравственные и религиозные представления купечества, идеи о спасении души через благотворительность, заботу о приходских храмах, так как часть денег должна была пойти на их «благолепие».

Семья Кокоревых, даже судя по количеству лиц, которые указаны в завещании, была довольно большая. Это дочери: Елизавета и Клавдия; внуки: Леонид и Николай, Михаил и Надежда Куприяновы, Лидия Троицкая, Василий и Юлия Бойченко, Евгения, Анна и Екатерина Медынцевы; племянники: Пётр, Алексей и Градислава Мартьяновы. После смерти Евгении Петровны всем им, а также её крестникам было поручено выплатить зафиксированные в завещании денежные суммы. Данное волеизъявление должен был исполнить Александр Михайлович Кокорев. Также на него возлагалась забота о воспитании осиротевших несовершеннолетних племянников Михаила и Надежды [1, л. 3–3 об.].

Это намекает на возможно произошедшую трагедию в семье, связанную со смертью одной из дочерей, имя которой на данный момент не установлено. Известно также, что у Евгении Петровны Кокоревой и её супруга Михаила Ивановича был ещё один сын – Константин. Он упоминается в метрической книге Тотемской Троицкой церкви за 1842 год как восприемник купеческой дочери

Анны Синицыной [4, л. 48 об.]. Судя по тому, что Александр Кокорев упоминается в завещании как единственный сын, можно предположить, что его брат Константин умер между 1842 и 1857 годом.

Текст завещания был записан 1 марта 1867 года со слов Евгении Петровны Кокоревой титулярным советником Асигкритом Ивановичем Малевинским – приставом при солеваренном заводе. При составлении и подписании духовного завещания кроме него и священника Полиевктова также присутствовал купеческий сын Александр Фоминский и судебный следователь Николай Дмитриевич Раков.

Евгения Петровна Кокорева умерла 15 августа 1867 года и была похоронена на Богословском кладбище. После её смерти были опрошены свидетели, которые присутствовали при составлении духовного завещания. Все они подтвердили, что свою последнюю волю купеческая вдова диктовала, будучи в здравом уме и твёрдой памяти.

Духовное завещание Евгении Петровны Кокоревой – весьма показательный документ эпохи, отражающий аспекты наследственного права в России второй половины XIX века. Завещание составлено по стандартной форме того времени, включающей не только материальные аспекты, но духовные, религиозные. Вместе с тем текст завещания даёт представление о правовом статусе женщины и её возможностях самостоятельно распоряжаться имуществом. Также источник раскрывает перед нами некоторые факты из биографии купчихи Кокоревой и истории её семьи. Упомянутые имена её родственников помогут в дальнейшем в составлении родословной Кокоревых и поиске их потомков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГАВО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 10740. Дело о засвидетельствовании духовного завещания тотемской купеческой вдовы Евгении Петровны Кокоревой на имение сыну Александру Михайловичу Кокореву.

2. *Григоров, Д. А.* Тотемские соляные промыслы. // Тотьма: краеведческий альманах.– Вологда: «Русь», 1997.– Вып. 2.

3. ГАВО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 3102. О составлении купчей крепости мещанином Алексеем Петровичем Мартьяновым на проданный дом с землей купчихе Евгении Петровне Кокоревой.

4. ГАВО. Ф. 496. Оп. 16. Д. № 178. Метрические книги церквей г. Тотьмы и Тотемского уезда за 1842 год.

5. *Ульянова, Г. Н.* Купчихи, дворянки, магнатки. Женщины-предпринимательницы в России XIX века.– М.: Новое литературное обозрение, 2021.

Фирсова Наталья Игоревна,
старший научный сотрудник
отдела фондов МБУК «Тотемское музейное объединение»,
г. Тотьма

НАГРУДНЫЕ ЗНАКИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Во второй половине XIX века выпуск нагрудных знаков благотворительными обществами был одним из основных способов сбора средств на те благие дела, которыми они занимались. Внося какую-то сумму, определенную уставами этих обществ, благотворители получали право носить нагрудные знаки. Это право зафиксировано в формулярных списках военных и гражданских чиновников, а также в постоянно обновлявшихся правилах и рекомендациях ношения орденов, медалей и других знаков отличия. Во второй половине XIX века количество благотворительных обществ резко увеличилось в связи с изменениями в законодательстве. В Российской империи их насчитывалось несколько сотен, у каждого общества был свой устав и знаки отличия.

В основном знаки благотворительных обществ изготавливали из серебра и недрагоценных металлов. Это объясняется тем, что они предназначались для распространения среди населения, их выпускали много. Знаки высших степеней из золота, а иногда и с драгоценными камнями, выданные в небольшом количестве и по стоимости превосходившие высшие степени российских орденов, ныне встречаются крайне редко [1].

В фондах Тотемского музейного объединения хранится два экземпляра серебряного нагрудного знака благотворительного общества «Община Св. Елисаветы». Данное общество было основано в 1896 году под высочайшим покровительством великой княгини Елизаветы Фёдоровны. Собранные пожертвования шли в пользу общины сестёр милосердия Красного Креста. Существовала мужская версия знака – его носили на цепочке от часов. Женская представляла собой брошь в виде ромба, сверху кольцо с цепочкой. Серебряные знаки выдавались за единовременный вклад в пользу общества на сумму не менее 10 рублей. Эти знаки являлись именными.

Знак выполнен в виде ромба. На аверсе в центре – красный эмалевый крест, вверху и внизу надпись вдавленными буквами: «Община Св. Елисаветы». Ромб увенчан коронованным вензелем великой княгини Елизаветы Федоровны.

Знак Красного Креста «Община Св. Елисаветы»

На первом экземпляре на обороте имеется гравировка: «Э. Н. Горбачевскому. 1902 г.». Поступил в 1958 году от Лазаря Степановича Козлова. Второй знак происходит из имущества последнего Тотемского городского головы Александра Михайловича Киренкова, его имя выгравировано на обороте.

В 1924 году в музей поступила серебряная медаль Красного Креста с надписью: «Русско-японская война 1904–1905 гг.». Поступила от А. А. Ильенко. Подобная награда вручалась медикам в годы военного конфликта с Японией, а также тем, кто вносил пожертвования в пользу Красного Креста или организовывал сборы. Такой медалью из тотьмичей была награждена Агрипина Андреевна Старостина (в фонде музея сохранилось свидетельство о награждении), а также воинский начальник полковник Николай Георгиевич Соломатин. Медаль поступила в фонды музея из его имущества в 1929 году.

Медаль Красного Креста с надписью: «Русско-японская война 1904–1905 гг.»

Попечительство Императорского Человеколюбивого общества для сбора пожертвований на воспитание и устройство бедных

детей в мастерство существовало с 1883 г. и состояло под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Деятельность Попечительства заключалась в размещении детей по частным мастерским, содержании для них приюта и двух воскресных школ, выдаче окончившим учение денежных пособий на выход, плате за малолетних в приюты и школы, выдаче бедным семействам на прокормление и воспитание детей, не достигших 12-летнего возраста, ежемесячных денежных пособий. Попечительство располагалось в Санкт-Петербурге по адресу: Садовая, 60.

Жетоны Попечительства изготавливались из золота и серебра. Их форма была утверждена Советом Императорского Человеколюбивого общества 7/16 июня 1892 г., а выдача производилась на основании особых, утвержденных Советом общества, правил [2].

Жетон серебряный, именной, имеет форму щита, в верхней части которого императорская корона и кольцо для цепочки. На лицевой стороне в центре рельефный герб России, в виде двуглавого орла, увенчанного короной. На оборотной стороне в центре надпись: «А. М. Киренковъ. 18 окт. 1899», по периметру щита надпись: «ПОПЕЧ. ИМП. ЧЕЛОВѢК. ОБЩ. ДЛЯ СБОРА ПОЖЕРТВ. НА ВОСП И УСТР. БѢД. ДѢЕ. ВѢ МАСТЕР.»

Грандиозный размах в годы Первой мировой войны приобрела традиция кружечных сборов. Она ведет свою историю от церковной благотворительности, на протяжении столетий практиковавшей сбор денежных пожертвований от прихожан в церковные кружки. Подобные сборы позволяли привлечь к благотворительным акциям большой круг лиц. Благотворительные организации стали вручать участникам благотворительных мероприятий специальные знаки [3].

Традиция знаменовать кружечный сбор знаками повелась еще до войны, когда устраивались общегородские дни благотворительности, чаще всего в пользу сирот, бедных или больных туберкулезом. Различные мероприятия проводились целый день и нередко в разных местах, так что для того, чтобы по два-три раза не просить пожертвования у одних и тех же горожан, стали выпускать специальные знаки, которые вручались жертвователю после того, как деньги опускались в кружку. Эти знаки прикалывались к одежде. Знаки были самых разных форм (прямоугольник, овал, ромб, крест и т. д.). Выполнялись из разных материалов: бумаги, картона, ткани, металла. Тем, кто давал деньги в специальные запечатанные кружки сборщики прикрепляли на грудь жетоны

из жести (стоимость которых была многократно ниже, чем опущенные деньги в кружку). Их носили как правило на узкой ленте государственного флага (бело-сине-красного цвета). Многие носили по несколько жетонов, показывая, что совершили благородный поступок, пожертвовав деньги на хорошее дело [4].

Общественные акции по сбору благотворительных пожертвований в начале XX века устраивали обыкновенно накануне Рождества или Пасхи. Эти мероприятия охватывали самые широкие слои населения. Кружечные пожертвования, в которых участвовало городское население, и значительные добровольные вклады купечества обеспечивали жизнь многочисленных благотворительных заведений – приютов, больниц, богаделен. Были и специальные праздники, предназначенные для адресных сборов – скажем, в пользу больных чахоткой.

Жетон кружечного сбора «На борьбу с чахоткой» 20 апреля 1916 г.

Идея проведения Дня белого цветка родилась в Швеции в 1908 г. В России этот праздник проводился Всероссийской лигой для борьбы с туберкулезом с 1911 года. В первый же год сбор средств в больницы и приюты для больных чахоткой дал около 500 тыс. рублей. Сборщики, снабженные именной карточкой и особым жетоном, принимали пожертвования в обмен на специально изготовленные цветы – белые ромашки [5]. В фондах музея имеется один знак кружечного сбора «На борьбу с чахоткой». Он изготовлен в виде цветка ромашки, на котором сидит пчела. Сбор происходил 20 апреля 1916 года. Имя владельца неизвестно. Изготовлен в Ревеле (ныне Таллинн, Эстония) товариществом «Жесть».

При проведении кружечных сборов труднее всего было собрать достаточное количество сборщиков и организовать подсчет собранных денег. По регламенту сбора средств в пользу Императорского Человеколюбивого общества, сборщиками могли быть лица не моложе 17 лет, обязательно «прилично одетые». Сбор денег производился исключительно в кружки. За каждое вложение жертвователю выдавался значок или открытка. Подсчет денег производила ответственная артель под наблюдением Контрольной комиссии.

За годы Первой мировой войны прошло большое количество благотворительных базаров и сборов в пользу воинства, беженцев, раненых, сирот. Проводились акции: «День табака», «Артист – солдату», «Ковш зерна нового урожая», «День Креста», «День сбора средств в пользу семей убитых и раненых» и другие.

Жетон «На помощь увечным воинам Второй Отечественной войны 1914–1915 гг.»

В фондах музея имеются два жетона «На помощь увечным воинам II Отечественной войны 1914–1915». Они сделаны в форме ромба, в верхней части которого имеется ушко для подвешивания. Изображения на лицевой стороне жетонов разные. На одном: скрещённые винтовка и штык, изображение пушки на другом. Поступили в 1937 и 1960 годах.

Также в коллекции выявлены 4 экземпляра благотворительных жетонов Красного Креста кружечного сбора в пользу раненых. Изготовлены на фабрике жестяных изделий «М. Кока и М. Бирман», основанной в 1860-х гг. в Санкт-Петербурге Меером Бирманом и Моисеем Коком. Поступили в 1967 году. Жетоны прямоугольной и круглой формы. На всех имеются изображения красного креста.

Из других благотворительных знаков Первой мировой войны в фонды музея в разные годы поступили жетоны кружечных сборов: «В пользу склада Её Величества» 26 ноября 1914 г., «Пожарные – солдатам» 17–18 апреля 1916 г., «В пользу раненых», «На борьбу с чахоткой» 20 апреля 1916 г.

Жетоны имеют разнообразную форму. «В пользу склада Её Величества» – круглый, с изображением Георгия Победоносца, поражающего дракона; на оборотной стороне надпись в две строки: «М. Кока и М. Бирманъ / П. Г.» (Петроград).

«Пожарные – солдатам» в виде каски пожарного, топора и клинка в венке из дубовых и лавровых листьев, внизу на ленте надпись: «Пожарные солдатам», выше ленты буквы ромбом: «ИРПО». На обороте надпись: «М. Кока и М. БирманЪ. П. Г.»

«В пользу раненых» круглой формы с изображением медицинского креста, в центре которого вензель Великой княгини Марии Павловны, вокруг креста надпись: «Помощь военно-санитарн. организ. Великой кн. Марии Павловны». На обратной стороне указана мастерская изготовления жетона.

Жетон кружечного сбора «В пользу раненых».

Таким образом, изучив имеющиеся знаки, мы понимаем, что в Тотьме, как и по всей России, были люди, не безразличные к нуждам других. Они участвовали в благотворительных акциях и фондах, помогали по мере своих возможностей. Это подтверждается не только наличием знаков и жетонов, но и документами, фотографиями. Купечество Тотьмы вкладывало свои капиталы не только в строительство церквей, но и передавало их на благотворительные цели. К сожалению, большинство из этих благотворителей оставались безымянными. В процессе исследования удалось установить лишь несколько имен.

Агрипина Андреевна Старостина (бабушка советской писательницы Натальи Леонидовны Дилакторской) работала фельдшером вместе с мужем, земским врачом в больнице, участвовала в деятельности Общества Красного Креста во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. [6, с. 62].

Николай Георгиевич Соломатин – тотемский уездный воинский начальник и учитель гимнастики Тотемской учительской семинарии и Тотемского реального училища. Вёл активную общественную деятельность [7].

Александр Михайлович Киренков – последний городской голова, купец второй гильдии. Принимал активное участие в жизни города Тотьмы и уезда. Был попечителем Тотемской городской земской больницы. Увлекался фотографией, участвовал в духовом оркестре при общественном собрании города, активно участвовал в устройстве благотворительных спектаклей. Также он состоял в благотворительном обществе, целью которого являлась помощь бедным ученикам Тотемских учебных заведений [8].

Изучая предметы коллекции, мы возвращаемся к людям, которые определяли жизнь Тотьмы в XX веке, их судьбам, их вкладу в развитие разных сфер. Даже предметы придают всему человеческое измерение...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нагрудные знаки благотворительных обществ Российской империи // Коллекционирование предметов антиквариата, каталоги монет и орденов [сайт]. URL: https://goodcoins.su/pochetznak/blagotvoritznak.htm (дата обращения: 15.12.2022).

2. Жетон Императорского Человеколюбивого общества // Коллекционирование предметов антиквариата, каталоги монет и орденов [сайт]. URL: https://coins.su/forum/topic/181419-zheton-imperatorskogo-chelovekolyubivogo-obschestva/ (дата обращения: 15.12.2022).

3. Знаки кружечного сбора // Коллекционирование предметов антиквариата, каталоги монет и орденов [сайт]. URL: https://goodcoins.su/stamp/krugsbor.html (дата обращения: 15.12.2022).

4. Знаки кружечного сбора Второй Отечественной войны // Antique Land. [сайт]. URL: https://antiqueland.ru/articles/1249/ (дата обращения: 17.12.2022).

5. Цветочные дни Российской империи // Милосердие-ДВ. Портал о благотворительности и социальном служении Хабаровской епархии. [сайт]. URL: https://miloserdiedv.ru/tsvetochnye-dni-rossijskoj-imperii/ (дата обращения: 17.12.2022).

6. *Кузнецова, А. Н.* Семья Дилакторских: история и судьбы, XX век // Известия Вологодского общества изучения Северного края: [материалы межрегиональной олимпиады школьников по научному краеведению «Мир через культуру», Вологда, 16–18 марта 2012 г. / гл. ред. С. П. Белов].– Вологда, 2012.– Вып. 19.

7. *Филиппова, Е. В.* Мемориальная коллекция фотографий и документов воинского начальника Н. Г. Соломатина // Русский Север-2022: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия**:** сборник материалов VI Всероссийской научной конференции с международным участием (Тотем. муз. об-ние, Вологод.гос.университет [редколл.: Полоцкая О. В. (отв. ред.) и др.].– Вологда: Полиграф-Периодика, 2022. С. 257–267.

8. *Филиппова, Е. В., Новосёлов, А. М.* Тотемские фотографы начала XX века. // Осколки времени: Тотьма на фотографиях рубежа XIX–XX веков: краеведческий альбом / [А. М. Новосёлов, Н. И. Коренева, Е. В. Филиппова и др.; ответственный редактор и составитель А. М. Новосёлов]; Тотемское музейное объединение.– Вологда: Древности Севера, 2022.– 2-е издание, исправленное и дополненное. С. 10–20.

Елисеев Евгений Борисович,
независимый исследователь, г. Тотьма

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА. ТОТЕМСКИЙ ЖИВОПИСЕЦ ИВАН ВАГЕНОВ. (ОПЫТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ)

Среди обилия разнообразных путевых заметок, описания побывавшего в Тотьме в 1843 году Августа фон Гакстгаузена показались просто любопытными**:** *«тут есть так же церковь, архитектура которой очень напоминает китайскую архитектуру; она выстроена, подобно другим церквам, богатыми купцами в первой половине прошлаго столетия, и чрезвычайно богато украшена. Мне показывали некоторые образа, писанные Вагеновым, который, родившись в Тотьме, учился в Петербурге, пользовался большой известностью на своей родине, и, чтобы оставить по себе вечную память, написал несколько образов в церковь. Замечателен был цвет лица на образе Богородицы. Известно, что Греческая церковь всегда придаёт ей смуглый цвет, почему на Западе её и зовут Чёрной Марией; Вагенов не хотел отступать от церковного обычая, но, именно смуглого цвета, у него вышла Богородица серо-железного или синеватого цвета, так что это придаёт ей вид как будто она страдает синюхой, но тем не менее этот образ производит необыкновенно хорошее впечатление*» [1]. Когда я процитировал друзьям этот отрывок, меня спросили: «*Интересно, Вагенов кто такой?»*

«А, действительно, кто?» – подумал я, набирая запрос в поисковике. Ответ не заставил долго себя ждать, но результаты поиска обескураживали: *«Густав Фридрих Вааген, немецкий искусствовед, художественный критик, первый директор Берлинской королевской картинной галереи. Родился: 11 февраля 1794 г., Гамбург, Умер: 15 июля 1868 г. (74 года)»*. И всё? «Маловато будет!» – будто бы за меня произнёс пластилиновый персонаж из мультика «Падал прошлогодний снег». Продолженные в данном направлении поиски ни к чему не привели – не было никаких свидетельств, что Густав Вааген в означенное время посещал Россию. Версия Гакстгаузена *«не немецкого ли происхождения этот Вагенов и не происходит ли его фамилия от немецкого слова Wagen?»* [2] приказала долго жить.

Поиски по запросу «Русский художник 19 века Вагенов» также ни к чему не привели. Оставалась ещё одна ниточка в цепочке рассуждений: «Раз Вагенов из Тотьмы, значит, какие-то сведения должны храниться в областном архиве». Дел по поисковому запросу

открылось немного, но по их названиям удалось восстановить небольшой отрезок в биографии художника. В 1844 году удовлетворяется прошение И. А. Вагенова об определении на должность учителя рисования Вологодского уездного училища [3]. В 1846 году по рапорту штатного смотрителя вологодских училищ ему прибавляют жалование [4]. В 1849–1850 году Ивана Вагенова производят в чин [5]. В 1851 году он подаёт прошение об освобождении от должности учителя [6]. В этом же году Вагенов продаёт свой дом мещанке Пелагее Дмитриевне Сивовой [7]. В 1853 году он подаёт прошение о взыскании со священников Воскресенской Устьянской церкви 300 рублей, очевидно, недоплаченных [8].

Итак, какие-то сведения о Вагенове нашлись, но прямых указаний, что именно он упоминается Гакстгаузеном, всё ещё не было. «Яндекс тебе в руки!» – подумал я и сделал запрос «Вагенов. Вологда». На первом месте поискового списка значилось: «Воронин И. Б. Этюды по вологдоведению» [9]. «Ну что ж, этюды, так этюды, всё равно ничего больше нет» – решил я, открывая ссылку. Подзаголовок работы не вдохновлял: «К истории домов по Торговой пл. 5, 9». Однако, несколькими страницами ниже обнаружился документ от 16 октября 1841 г. Позволю себе его процитировать: *«Лета тысяча восемь сот сорок первого октября в шеснатцатый день вологодский мещанин Иван Яковлев Эстефеев продал я Тотемскому мещанину Ивану Афанасьеву сыну Вагенову и наследникам его в вечное владение, крепостной свой доставшийся мне от дочери Канцеляриста девицы Анисьи Ивановой Степачковой по купчей крепости писанной и совершенной в вологодской Палате Гражданского Суда 1827 года февраля в дватцать шестый день состоящий города Вологды 2 части в приходе церкви Покрова Пресвятые Богородицы деревянный дом с принадлежащим к оному строением и землею мерою коей по лицу и позади по десяти сажен, а в длину по обеим сторонам по дватцати по семи с половиною сажен, в межах по сторонам того дома состоят, по правую пустопоросшее место, а по левую протоиерея Александра Воронова дом, а взял я, Эстефеев, у него, Вагенова, за вышеписанной дом с строением и землею денег серебром семь сот четырнатцать рублей при сей купчей все сполна»* [10]. Однако, по приведённым далее документам, уже 3 ноября 1841 г. Иван Афанасьевич под заклад дома берёт *«денег серебром двести восемдесят пять рублей за указные проценты»* [11] сроком на год, а 14 октября 1843 г. занимает в очередной раз *«Шесть сот рублей за указные проценты сроком впредь на один год»* [12]. Уволенный с должности учителя рисования, 13 июля 1851 г. Иван Вагенов

продаёт деревянный двухэтажный дом с землёю и строениями на ней, уже известной нам, мещанке Пелагее Дмитриевне Сивовой[13] за тысячу рублей *«серебряною монетою».*

Посетовав на то, что доступная информация закончилась, ничтоже сумняшеся, я поспешил отправить материал на «стену». Однако, вскоре О. М. Корешкова поделилась следующей цитатой: *«Стены и потолки храма украшены живописными изображениями замечательных событий из ветхого и нового заветов. Эти изображения рисовал известный в нашем крае художник Вагенов в 1837 году, ранее на стенах была лишь простая штукатурка»* [14]. Это задало поискам новый вектор. В описании Тиксненской Преображенской церкви далее следовало: *«От времени и пыли стенная живопись портилась, и потому ее уже несколько раз промывали и даже подновляли, напр. в 1896 году»* [15]. Возможно, настенная живопись ещё сохранилась, однако, детальных описаний в тексте крайне мало. Да и можно ли говорить, что те или иные, возможно сохранившиеся, росписи, упоминаемые в книге, сделаны именно Вагеновым?! Впрочем, обратимся к текстам: *«Внутри по стенам крыльца расположены живописныя клейма с изображениями ангелов и святых угодников»*, или из описания паперти *«На стенах есть живописныя клейма с изображениями различных евангельских событий»* [16]. Стены и потолок алтаря, как следует из дальнейшего описания, были «*украшены живописью*» в 1819 году.

Тут хочется немного отступить от темы и коснуться словосочетания «живописные клейма». Словари так определяют одно из значений слова «клейма»: *«в иконописи сюжетно и композиционно самостоятельная часть иконы обычно прямоугольной формы»*. В настенной живописи, очевидно, это определённый сюжет, заключённый в художественно оформленную рамку, имитирующую объёмную лепнину. Не от подобных ли «клейм» происходит наружное украшение стен церквей, в частности тотемских?

Еще в одном описании, на этот раз Стрелицкой Преображенской церкви, опубликованном в Вологодском Епархиальном Вестнике в 1902 году, нашлись более детальные сведения:

«С прошлаго столетия начинается период расширения и постепеннаго украшения Преображенскаго храма. Так, в 1836 и 1837 гг. храм был украшен внутри прекрасною стенною живописью знаменитым костромским живописцом Иваном Афанасиевым Вагеновым...

...В 1835 и 1836 гг. стены и своды храма украшены прекрасною живописью знаменитым в то время живописцем Иваном Афанасиевым Вагеновым (Костромской губ. Галичскаго у. помещицы Травиной вольноотпущенный).

В самом верху, в куполе изображен Единый Бог в Трех Лицах покланяемый; над окнами и между окнами купола на простенках изображены Ангелы, славящие Творца Бога. По церковному своду до связей в 8-ми картинах изображено сотворение мира и человека. Под связями сделан приличный карниз, а под карнизом, по четырем стенам, над верхними окнами в 11 картинах представлены: земной рай, грехопадение прародителей, наказание за грех, изгнание из рая и некоторые события до потопа и после онаго до Моисея. Между верхними окнами, на простенках в 6 картинах события от Моисея до пришествиа Христа на землю.

Между верхними и нижними окнами по стене в 15 картинах – события из Евангельской Истории. Между нижними окнами, на простенках, на южной и северной стороне храма – в 5 картинах чудеса и деяния Апостолов. На западной стороне храма, по ту и другую сторону арки две большия картины: одна – кончина мира и общее воскресение мертвых, другая – второе пришествие Христово и страшный суд. Живопись в главном алтаре Преображенскаго храма также работы Вагенова. Всех 77 картин, кругом их сделана красивая уборка. За работу г. Вагенову было уплачено 7500 р. ассигнациями.

В 1898 и 1899 годах Вагеновская живопись была переписана на масле и по старому без всякаго изменения рисунку Вологодским живописцем Вас. Шаховым, которому за вышеозначенную работу и за написание вновь двух картин в арки уплачено приходским попечительством 2350 р. золотом» [13].

Итак, кроме достаточно подробного описания библейских сюжетов, в том числе и помещённых в «клейма», стало очевидно – отчиной Ивана Вагенова является Костромская земля, что делало бессмысленным поиск места рождения по метрическим книгам или исповедным ведомостям Тотемского уезда. Данные о времени произведения работ ясно указали на то, что известность в Тотемском крае художник обрёл до переезда в Вологду и поступления на службу.

Ещё одно свидетельство участия Ивана Афанасьевича в росписи храмов обнаружилось в описании Никольской церкви Воскресенского прихода в селе Устье: *«В первый ж раз она была сделана в 1851–1855 годах Вологодским губернским секретарем Ив. Аф. Вагеновым за 1653 р. 76 к. Содержание клейм было частью иное, частью тоже, что и ныне. Упраздненныя клейма следующая: изображение Иакова брата Господня (на стене у праваго клироса), шесть картин дел милосердия (под карнизом) с надписями: а) “взалкахся и дасте ми асти”, б) “воздажахся и напоисте мя”, в) “странен бех и введо-*

сте мене", г) "наг и одеясте мя", д) "болен п посетисте мене" и е) "в темнице бех и приидосте ко мне" (Мо. XXY, 35–36) и четыре изображения в трапезе: а) Иисус Христос, судящий блудницу (на южной стене), б) милующий грешницу (на северной стене), в) – изгоняющий торжников из храма (на западной стене по правую сторону дверей) и Коронование Божией Матери (в своде)» [18]. Очевидно, что росписи были утрачены в результате обновления настенной живописи в 1901 году *«московским мастером Конст. Ив. Ивановым»* [19].

Неожиданно выявилось ещё одно упоминание, теперь уже в заметке об освящении алтаря главного придела Богоявленского собора в Тотьме, над украшением которого трудился в 1913 г. Ф. М. Вахрушов: *«Средний храм был расписан Вологодским живописцем Вагеновым с сильным уклоном в сторону фряжскаго письма»* [20]. Упоминание в тексте «вологодским» позволяет предположить, что выполнение данной работы Иваном Вагеновым было осуществлено не ранее 1853–1855 гг., если только кроме Богоявленского собора художник не производил роспись ещё одной местной церкви до 1843 года, о которой и говорилось в процитированном ранее отрывке из книги Гакстгаузена.

Возможно, художник расписывал и другие церкви, но данные об этом крайне скупы. В. А. Притчина поделилась таким упоминанием: *«23 мая 1898 года церковно-археологическая комиссия любителей истории и древностей при Вологодском епархиальном древлехранилище отмечала, что стены церкви (Рождества Христова в с. Великом на Совеге) расписаны художником Вагеновым. И в целях сохранения уникальной живописи, комиссия считала необходимым, чтобы «стенная живопись не была заменена другой, и в случае неотложности исправления этой живописи, она реставрировалась опытными мастерами, с соблюдением всех правил научной реставрации и непременно с разрешения епархиального начальства»* [21].

Теперь вернёмся к «вологодскому периоду» жизни Ивана Афанасьевича. Из всего перечня доступных документов, самым перспективным казалась переписка с попечителем Санкт-Петербургского учебного округа о назначении на должность учителя рисования в Вологодском уездном училище [22]. Казалось, при поступлении на службу претендент должен написать какое-то прошение с указанием времени и места рождения, послужным списком – своеобразную автобиографию, но предположениям не суждено было оправдаться. Первые строки, хотя и проясняли какие-то нюансы биографии, ровным счётом не говорили ничего конкретного: *«Обучавшись приватно у Московскаго Академика, и по особенной моей*

наклонности к Рисовательному искусству усовершенствовавшись довольно, я посвятил себя на занятие сим искусством. Продолжая таковые занятия и ныне в городе Вологде, я заслужил доверие и одобрение моего искусства от многих Дворян и Чиновников. Находясь доселе в податном состоянии, и узнав о многих примерах, что ученики мещанскаго звания, по представлении рисунков и по одобрению их Академиею Художеств, на основании Высочайше утвержденнаго Устава Учебных Заведений, поступают в звание Учительския и освобождаются от податнаго состояния, я также возъимел мысль воспользоваться сими Высочайше дарованными правами» [23]. Далее Иван Афанасьевич просил поспособствовать *«доставлении увольнительнаго вида от общества»* [24], чтобы поступить на службу и ходатайствовать о выдаче *«Свидетельства на звание Рисовальнаго Учителя»* [25]. В октябре 1843 года [26], на момент написания документа, художник принадлежал мещанскому сословию г. Тотьмы, где и должен был платить различные налоги и подати.

22 апреля 1844 года Вагенову было разрешено «исправлять» должность учителя рисования, черчения и чистописания в порядке найма [27], находясь в которой он *«по приобретённой им способности в рисовальном искусстве, ... доказал, что имеет способность обучать детей»* [28]. Однако, отправленные в марте в Императорскую Академию художеств рисунки были *«найдены недостаточными для звания учителя Рисования в уездных училищах»* [29] и чиновники из Петербурга предписали *«предоставить другие удовлетворительнейшие рисунки»* [30]. Необходимые работы были отправлены только в апреле 1845 года [31] штатным смотрителем уездных училищ в связи с тем, что Иван Афанасьевич, отработав в должности пару месяцев и истребовав *«отпуск на 28 дней для отъезда по домашним обстоятельствам в Вятскую губернию»* [32], смог возвратиться к своим обязанностям только спустя четыре месяца.

Болезнь, внезапно приключившаяся во время отпуска, едва не стала причиной завершения карьеры Вагенова. Находись он на действительной статской службе – увольнение последовало бы незамедлительно, но судьба благоволила Ивану Афанасьевичу. Вернувшись к преподавательской деятельности, он уже через полгода, в июне 1845 года, академическим советом С. Петербургского университета удостаивается *«звания Учителя рисования в уездных училищах»* [33], а 11 сентября указом Правительствующего Сената утверждается на службу [34], перейдя из разряда мещан в чиновничество. 13 октября того же года Иван Вагенов принял присягу *«на верность службе, с надлежащим на нем засвидетельствовани-*

ем» [35]. Присягающий на верность царю клялся *«...верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови ... О ущербе же ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА интереса, вреде и убытке, ... не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допущать тщатися, и всякую вверенную тайность крепко хранить ... для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги, не поступать...»* [36].

В феврале 1846 года штатный смотритель вологодских училищ, отмечая, что Иван Афанасьевич *«занимается весьма усердно своею должностию и учащиеся, под его руководством и неослабным его прилежанием, оказали по сим искусствам довольно ответов, заслуживающих одобрения»* [37], просил вышестоящее начальство о назначении дополнительной прибавки жалования в сумме 71 р. 48 к. в год. Однако, как водится, источники финансирования оказались недостаточными, поэтому было предложено единовременное поощрение.

Не могу судить о том, хватало ли художнику доходов на содержание дома и семьи, только в июле 1851 года Вагенов продает принадлежащий ему дом петербургской мещанке Пелагее Сивовой за 1000 рублей серебром [38]. Из полученной суммы большая часть уходит на погашение долговых обязательств, о чём свидетельствует рапорт из вологодской городской полиции в Палату гражданского суда.

«Оной Палаты Гражданского Суда в дополнение рапорта от 7-го текущего июня за № 5427 о вычете при совершении Купчей Крепости на дом бывшего Тотемскаго мещанина, а ныне Коллежскаго регистратора Ивана Вагенова денег по поступившим на него от разных лиц претензиям капитальной суммы 586 руб. 42¾ коп. серебром Градская Полиция имеет честь донести, что на означенную капитальную сумму причитается процентов с единовременными 200 руб. 38 коп. серебром и сверх сего состоит он г. Вагенов должным в опеку покойного купца Дмитрия Серкова 14-ть руб. 23 коп. серебром каковые деньги по вычету при совершении Купчей Крепости Градские Полиция покорнейше просит прислать в оную» [39].

Одной из причин продажи дома было то, что *«Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству от 20 минувшего Декабря № 251, учитель Вологодского уездного училища Коллежский Регистратор Вагенов уволен от службы по болезни, с обязанностью, по выздоровлении, дослужить по учебному ведомству положенный срок»* [40]. Причиной прошения об увольнении называлась *«слабость зрения»* [41], засвидетельствованная в октябре 1850 года Вологодской врачебной управой [42].

Отсмотренные документы, являясь, по сути, деловой перепиской, по крупицам открывали детали биографии Ивана Вагенова. Чем дальше продвигалось расследование, тем больше возникало вопросов. Непрочитанными оставались два дела: переписка о производстве в чин нескольких служащих (самое большое по объёму) и тяжба о невыплате 300 рублей по заключённому контракту. Решив, что производство в чин – занятие скучное, я углубился в материалы переписки Ивана Афанасьевича с церковным начальством Вологодской епархии.

Из материалов дела следовало, что художник подрядился на живописные работы в храме Устьянского Воскресенского прихода за *«тысячу семьсот рублей серебром»* [43]. В контракте от 11 сентября 1851 года указывалось, что Вагенов *«в теплом Николаевском храме обязуется расписать, как в настоящем храме, равно в Алтаре и Трапезе живописным искусством своды и клейма, что будет назначено вышеозначимыми Священноцерковнослужителями. Лепную работу, имеющуюся в оном храме без изъятия всю вызолотить на гульфарбу, исключая матовых мест, которые должны быть вместо мату выкрыты под оной, находящеюся под мат золота краскою. Золото употребить ему червонное полузолотниковое 92^{й} пробы; стены оного храма покрыть голубым колером из хорошаго кобальту уборкою в приличных местах. Все ей обязуется он – Вагенов, сделать из собственнаго матерьяла, и самаго лучшаго, равно употребить на сие ему все его искусство и прочность. А внутренние стены онаго храма в Олтаре, церкве и трапезе,– как живопись, равно и покрытие колером стен сделать на самом лучшем льняном масле. В папертях, как в нижней, так и в верхней – раскрасить по приличию колерами из масла с уборкою по местам»* [44]. Были оговорены сроки выполнения и порядок выплат: *«а именно: в задаток по заключении контракта получить 150 руб. серебром; по отделке Алтаря начисто 200 руб. серебром. По отделке свода до карниза – 200 руб. серебром. С карниза кроме золотки всего среднего отделения храма 200 рублей серебром; По вызолочении лепной работы Олтаря и церкви 250 рублей серебром; по отделке трапезы 100 руб. серебром; А по окончанию всей работы 300 рублей серебром. А остальные 300 руб. серебром получить через год по окончании работы»* [45].

Но с оплатой двух последних сумм возникли затруднения – подрядная сторона не спешила с расчётом, мотивируя это неисполнением росписи на полях икон и неотделку паперти, так же включенными в перечень.

Художник сетовал, что невыполнение контракта в полном объеме произошло не по его вине, что если бы не решение подрядчика приостановившего роспись по причине того, что *«полы паперти должны быть прежде всего исправлены»* [46], работы были бы завершены в установленный срок. Кроме того, подчёркивал Иван Афанасьевич, *«отделка паперти, остановленная не по моей вине, не более стоит 25 р. серебр.; следовательно удерживаемые ими у меня сверх сих денег ещё 300 р., следующие в выдачу ныне, обнаруживают одно только стеснение, чрез которое я должен входить для удовлетворения мастеров моих сам в долги и чрез то, совершенно напрасно лишаться своей собственности и принимать убытки»* [47].

Указом Вологодской Консистории от 1 апреля 1853 года было вынесено предписание, чтобы подрядчики *«удовлетворили в чем следует, по силе договора мастера Вагенова без малейшаго стеснения сего последняго»* [48]. Но даже с подобным определением получить деньги оказалось непросто. Вот что пишет Иван Афанасьевич, буквально на другой день в Вологодскую Консисторию *«я на проезд туда не имею достаточных средств, и притом нахожусь в настоящее время в крайнем болезненном состоянии, так что едва на малое время могу с трудом выходить, а тем более отправиться к месту получения денег, на расстоянии 50 ти верст, каковой путь при настоящем времени и означенном моем состоянии, болезнь мою можно усугубить и совершенно расстроить, и притом когда поправится здоровье мое, я ничего сказать не могу»* [49]. Церковное начальство, войдя в положение просителя, предписывает церковным служителям Устьянского Воскресенского прихода *«чтобы они доставили ему Вагенову следующие ему деньги под расписку его без отлагательства»* [50].

Но, как говориться, быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается. 13 апреля Иван Афанасьевич подаёт прошение епископу Вологодскому и Устюжскому Феогносту [51], в котором пишет, что указ Консистории был, по сути, проигнорирован, что во время выполнения контракта он уже понёс определённые убытки от замедления производства работ по не зависящим от него причинам. Так же Вагенов писал, что без требуемых денег (предпоследней выплаты в 300 рублей) нет возможности *«не только заплатить работникам моим должную плату, но и сам с семейством из 7 ми человек состоящих, подвергся бедственному на праздник Св. Пасхи едва переносимому терпением состоянию и впал в отяжелительные долги и убытки»* [52].

Из текста прошения становится ясным, что для производства работ Иван Вагенов нанимал девятерых подручных высококвалифицированных мастеров. Так же обнаружилось ещё одно любопытное свидетельство, пока не нашедшее документального подтверждения: *«по окончании же в Декабре месяце работы, намереваясь отправиться в г. Устюг для взятия живописной же работы...»* [53]. Становится очевидным, что география работ художника может быть шире определённой ранее.

На этом можно, пожалуй, и завершить рассказ о тяжбе, отметив, что *«маия 3[е] числа – чрез церковнаго старосту Губернскому Секретарю Вагенову оные деньги доставлены с роспискою на контракте»* [54].

От документов «*о представлении к производству в чин*» [55] ожидалось немногое – дата и сопутствующие подробности. Однако первая же страница заставила воскликнуть «Бинго!». Позволю себе процитировать полностью данный текст.

«В Костромскую Духовную Консисторию.

Покорнейше прошу оную Консисторию выслать в Канцелярию вверенной мне Дирекции надлежащее свидетельство о времени рождения и крещении служащего ныне Рисовальным Учителем во вверенной мне Дирекции Ивана, Афанасьева сына, Вагенова, который, как он объясняет, родился в 1802 или в ..... году, в сельце Задневом, в Приходе Покровской церкви, что в Носакине Буйского уезда. Родители его Афанасий Емельянов и Марфа Еким. крепостные люди Матфея Никитича Ленякова; воспреемниками были дворовой человек Василий Герасимов и помещица Фекла Васильевна Готовцева» [56].

Возможно речь здесь идёт о приходе Покровской церкви современной деревни Насакино [57], что располагается в Сусанинском районе Костромской области. В сети удалось обнаружить так же некоторые сведения и о помещике Ленякове: *«Отец Прасковьи Травиной – надворный советник Матвей Никитич Леняков скончался в 1813 году, мать вступила в наследство»* [58], что даёт объяснение, почему в других источниках, уже упомянутых ранее, художник именовался «*вольноотпущенным помещицы Травиной*».

Однако, вернёмся к документам. Костромская Духовная Консистория в ответ на рапорт штатного смотрителя вологодских училищ от 12 ноября 1849 г. прислала уведомление, что невозможно выдать метрическое свидетельство, обосновав это двумя условиями: «*первое то, что Вагенов имеет разную фамилию с лицем, означенным в справке, второе, что если он рожден от крепостного человека, то должен иметь в виду законный документ о его настоящем*

состоянии» [59]. Ну что ж, отсутствие данных о времени рождения ещё не означает, что они не существуют в природе.

Более информативным оказался прикреплённый к делу *«Формулярный список о службе»* [60], составленный 26 ноября 1849 года. В первой графе обнаружилась следующая запись: *«Состоящий в XIV классе Иван Афанасьевич Вагенов Учитель Рисования, Черчения и Чистописания Вологодского Уезднаго Училища, сорока пяти лет Православнаго вероисповедания. Знаков отличия не имеет. Жалованья получает 71 р. 42 3/4 к.»* [61]. Кроме того, в формуляре наличествовали сведения о семье художника: *«Женат на Елизавете Сергеевой, дочери дьякона; у них дети: сыновья: Сергей, родившийся в 1844 г. Января 26, Феодосий, родив. 1846 г. Октября 23, и дочери: Елизавета, родив. 1838 г. Ноября 24, Надежда, родив. 1841 г. Октября 6, и Юлия родив. 1848 г. Июня 28. Все они находятся при отце. Жена и дети православнаго исповедания»* [62]. Как говорится, о большем было и мечтать грешно!

Среди прочего находилось и предписание штатному смотрителю вологодских училищ от 14 июня 1850 г. *«Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству 4 минувшаго Мая, № 87, утвержден в чин Коллежскаго Регистратора Учитель Рисования, Черчения и Чистописания вверенаго Вам Уезднаго Училища состоящий в 14 классе Вагенов, со старшинством с 11 Сентября 1845 года. Давая Вам знать о сем, в следствие предложения Г. Попечителя С. Петербургскаго Учебнаго Округа от 6 Июня № 2982, предписываю сделать распоряжение о объявление Вагенову пожалованнаго чина, с приведением к присяге, о взыскание следующих за производство и за патент пошлин и об отсылке оных по принадлежности. Об исполнении имеете Вы мне донести по отсылке сих денег»* [63].

Не стоит, однако, обольщаться, полагая, что закрепление определённого звания не несло финансовых издержек. Ивану Афанасьевичу требовалось заплатить *«за производство его в настоящий чин месячное жалованье 5 р. 95 к., за приложение к патенту Государственной печати 45 к., пошлины с чина 60 к., за гербовую бумагу 5 р., всего 12 р.»* [64] – практически шестую часть годового дохода.

По исповедным ведомостям Покровской церкви Вологды [65] удалось установить, что Елизавета Сергеева была младше Ивана Афанасьевича на 10 лет, т. е. родилась в 1815 году, возможно, в Вятской губернии, куда, как было упомянуто ранее, он ездил в июле 1844 года в отпуск *«по семейным обстоятельствам»*. В означенных ведомостях чета Вагеновых отмечена с 1842 г. по 1854 г.

На данный момент других документальных свидетельств обнаружить пока не удалось, разве что несколько строк в «Описание Богоявленского собора г. Тотьмы», где Иван Афанасьевич упоминается как *«лучший в то время вологодский иконописец»* [66], чьими работами был украшен иконостас церкви Иконы Казанской Божией Матери, освященный протоиереем Максимом Савиновым в 1835 году [67]. Так же любопытен ещё один фрагмент, касающийся Владимирской кладбищенской церкви: *«В теплом храме все иконы как в предалтарном иконостасе, так и в трапезе весьма хорошей живописи кисти известнаго в свое время живописца И. А. Вагенова»* [68].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России барона Августа Гакстгаузена. Т. 1.– М., 1869. с. 154.
2. Там же.
3. ГАВО Ф. № 438. Оп. 3. Д. 1475.
4. ГАВО Ф. № 438. Оп. 3. Д. 1575.
5. ГАВО Ф. № 438. Оп. 3. Д. 1876.
6. ГАВО Ф. № 438. Оп. 3. Д. 1914.
7. ГАВО Ф. № 178. Оп. 1. Д. 1423.
8. ГАВО Ф. № 496. Оп. 1. Д. 12500.
9. *Воронин, И.Б.* Этюды по вологодоведению. [электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/Vologda-home/data/217.pdf
10. Там же. С. 5.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же. С. 6.
14. *Линьков, А.И.* Описание Тиксненской Преображенской церкви Тотемского уезда Вологодской губернии.– Вологда: Тип. Вологодского Губернского Правления, 1900. С. 12.
15. Там же.
16. Там же.
17. Вологодские епархиальные ведомости.– № 6.– 190. С. 152 и 156–157, а так же Я. В. Попов-Знаменский. Стрелицкая Преображенская церковь Тотемского уезда Вологодской губернии.– Вологда: Тип. Губернского правления, 1903.
18. Воскресенская церковь в селе Устье Кадниковского уезда Вологодской губернии. Исторический очерк / Сост. А. Розанов.– Вологда: Тип. Вологодского Губернского Правления. 1903. С. 39.
19. Там же.

20. Вологодские епархиальные ведомости.– № 18.– 1913 (неофициальная часть). С. 529.
21. *Дудин В.А.* Поселения на Совеге / Тотемский край. Сб. краев. материалов. Под ред. А.А. Огаркова. Вологда, Тотьма. 2020. С. 257–258.
22. ГАВО Ф. № 438. Оп. 3. Д. 1475.
23. Там же. Л. 1–1 об.
24. Там же. Л. 4.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же. Л. 6 об.
28. Там же.
29. Там же. Л. 9.
30. Там же.
31. Там же. Л. 6.
32. Там же. Л.10.
33. Там же. Л. 15.
34. Там же. Л. 16.
35. Там же. Л. 17.
36. Там же. Л. 18.
37. ГАВО Ф. № 438. Оп. 3. Д. 1575. Л. 1.
38. ГАВО Ф. № 178. Оп. 1. Д. 1423. Л. 3.
39. Там же. Л. 8-9.
40. ГАВО Ф. № 438. Оп. 3. Д. 1914. Л. 8.
41. Там же. Л. 2.
42. Там же. Л. 6.
43. ГАВО Ф. № 496. Оп. 1. Д. 12500. Л. 1.
44. Там же. Л. 3.
45. Там же. Л. 3 об.
46. Там же. Л. 2.
47. Там же. Л. 2–2 об.
48. Там же. Л. 10.
49. Там же. Л. 11 об.
50. Там же. Л. 12 об.
51. Там же. Л. 14.
52. Там же. Л. 16.
53. Там же. Л. 15 об.
54. Там же. Л. 19.
55. ГАВО Ф. № 438. Оп. 3. Д. 1876.
56. Там же. Л. 1.
57. Буйский уезд //Православные храмы Костромской губернии [сайт]. URL: http://old-churches.ru/bu_021.htm
58. Форум ярославского историко-родословного общества. [сайт]. URL: http://forum.yar-genealogy.ru/index.php?showtopic=285&st=525
59. ГАВО Ф. № 438. Оп. 3. Д. 1876. Л. 29 об.
60. Там же. Л. 16.

61. Там же. Л. 16 об.
62. Там же. Л. 17.
63. Там же. Л. 37.
64. Там же. Л. 51.
65. ГАВО Ф. № 1063. Оп. 29. Д. 25. Лл. 78, 84, 90, 96, 102, 106 об., 113, 119, 125; ГАВО Ф. 1063. Оп. 1. Д. 870. Лл. 3, 8, 16 об.
66. *Голубков, Н.* Описание Богоявленского собора г. Тотьмы.– Вологда: тип. В. Н. Вончарова, 1884. С. 15.
67. Там же.
68. Там же. С. 38.

Притчина Валентина Алексеевна,
ветеран музейного дела, независимый исследователь,
г. Тотьма

ИЗ ИСТОРИИ ШЕБЕНЬГСКОГО ПОГОСТА ТОТЕМСКОГО УЕЗДА

Вопросы сохранения памятников деревянного зодчества на территории России и в частности в Вологодской губернии ставились ещё в начале XX века. Известный русский художник, исследователь народного творчества Русского Севера Иван Яковлевич Билибин в 1904 году писал о проблеме сохранения памятников: *«Мне говорили, что есть места, где берегут эти памятники, но, к сожалению, больше мест, где не берегут, и курьезно то, что эти противники всего нового в жизни являются злейшими врагами того, что уцелело лучшего от старого времени. Они, по странному стечению обстоятельств, являются в данном отношении как бы единомышленниками тех прогрессивных провинциальных людей, абсолютно чуждых чувства малейшей художественности, которые, стремясь вперед, готовы сжечь и вырвать с корнем все то, что напомнило бы им о прошлом. Полно! Кому мешает старая покосившаяся деревянная церквушка? Она безмолвна»* [1, с. 309].

В Вологодской губернии вопрос сохранения памятников деревянного зодчества поднимался неоднократно. Например, в 1919 году в Вологде создается музей иконописи и церковной старины, куда был приглашен в штат тотемский художник Ф. М. Вахрушов для выполнения ответственного и нужного дела – осмотра, регистрации, описания и вывоза памятников материальной культуры с территории Тотемского уезда, главным образом из Кокшеньги. Эта плодотворная работа художника продолжалась до 1922 года. Документы научного архива Вологодского музея-заповедника:

удостоверение и мандат Ф. М. Вахрушова на право вышеназванной деятельности, являются тому подтверждением: *«Просьба ко всем учреждениям и церковно-приходским советам оказывать полное содействие художнику Вахрушеву*[8] *в порученном ему высококультурном деле. Сотрудник Вахрушев имеет право пользоваться лошадьми при служебных поездках и вывозе предметов старины по установленной таксе»* [2].

На этот период в Кокшеньге находилось более 20 деревянных церквей, и благодаря титанической деятельности Ф. М. Вахрушова, который каждодневно обходил церковные погосты, мы имеем зарисовки этих архитектурных строений, которые не десятками, а сотнями единиц осели в музеях. Рисунки храмов, написанные художником в то время, хранятся в фондах Тотемского и Вологодского музеев.

Обратим внимание на карту-схему Тотемского уезда с обозначением церквей за 1891 год. Она пестрит многочисленными названиями церковных приходов**.** Среди них – Шебеньгский погост. Он расположен в нескольких километрах в южном направлении от Тарногского Городка, центра Тарногского района (территория бывшего Тотемского уезда). Интерес к данной местности у меня возник после ознакомления с документами из личного архива Е. С. Дилакторской.

Это были два письма, написанные детским почерком. Они датированы летом 1919 года, написаны тринадцатилетним Васей Дилакторским своей сестре Наташе из Кокшеньги в Тотьму. В обеих документах он упоминает тотемского художника Феодосия Михайловича Вахрушова, рассказывает о совместном походе в Шебеньгу и делает описание Шебеньгских церквей. Из письма мальчика мы узнаём о наличии трёх церквей на Шебеньгском погосте, о внутреннем убранстве и о споре местного населения с архиереем против уничтожения одного из храмов.

Обращаюсь к письму. *«В среду я ходил с Ф. М. в Шебеньгу. Там три церкви, одна самая старая, как на открытках. Только опушена, да главки обиты железом. А самый шатёр покрыт вот такими деревяшками.*[9] *Её хотели продать на дрова, но тамошний священник не зделал этого, Мир не позволил. Архиерей обругал его да и уехал ни с чем. Внутри ничего не тронуто. Она двухэтажная. В нижнем этаже иконостас 18 века, а в верхнем образа стоят на полицах (?) старые*

[8] Так в документе *(прим. авт.).*

[9] В письме представлен небольшой рисунок лемеха.

Ф. М. Вахрушов. Этюд. Часть иконостаса Елизаветинских времен нижней церкви на Шебеньге. I четв. XX в. ВГИАХМЗ

и очень интересные. На верх ведёт очень интересная деревянная лестница толстая, по середине стоят два столба с перилами. По одну сторону стоят женщины, по другую мужчины. Священник там Малевинский. Вторая церковь деревянная, опушенная, выкрашена вохрой. Построена и освящена в 1772 году. Архиепископом Архангельским Холмогорским Варфоломеем. По церковной летописи она Елизаветинского стиля. Внутри около образов выкрашено красной краской, так что красиво. Но там очень низко. 3-я церковь каменная. Мы в ней не были» [3].

В Вологодском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике хранится рисунок Ф. М. Вахрушова «Иконостас. Внутрений вид верхней церкви на Шебеньге»[10]. Он совпадает с описанием храма, сделанным Василием Дилакторским. Возникает вопрос, сохранилось ли что-то из убранства Шебеньгских церквей. Согласно книге поступлений в 1924 году директором Тотемского музея Н. А. Черницыным из Шебеньги были привезе-

[10] Госкаталог РФ. [электронный ресурс]. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections? id=14076874 (дата обращения: 11.12.2022).

Складень. Святой Николай Чудотворец и избранные праздники. XIX в. Из фондов ТМО. Фото О.В. Полоцкой

ны три медных складня[11] с изображениями Богоматери и Спаса, Николая Чудотворца[12] и Богоматери «Всех скорбящих радость»[13]. Пополнилась коллекция икон[14], поступил резной кипарисовый крест[15], резной аналой[16], церковный фонарь (слюда, жесть)[17]. Особенно впечатляет Распятие Господне[18], сегодня оно экспонируется в Открытых фондах скульпуры ТМО. Исследователь М.А. Бурганова

---

[11] ТМО-9455. Складень – иконка Божией Матери, медная с изобр.: вверху – Спаса, по сторонам – херувимов; с двумя створками. Сведения из книги поступлений ТМО «Предметы культа».

[12] ТМО-9456. Складень – иконка Николая Чуд., медная с синей и белой финифтью; верх – кокошник, с одной створкой. Сведения из книги поступлений ТМО «Предметы культа».

[13] ТМО-9457. Иконка медная «Всех скорбящих», дл. 5,5 см. Сведения из книги поступлений ТМО «Предметы культа».

[14] Икона Тихвинской Богоматери (Т. 9761), запрестольная икона Богоматери и Николая Чудотворца (Т. 9765), икона Иоанна Предтечи (Т. 9767), икона Николая Чудотворца (Т. 9768), икона «Коронование Богородицы» (Т. 9769).

[15] ТМО-9762.

[16] ТМО-9980.

[17] ТМО-9763.

[18] ТМО-9764.

считает, что мастер, выполнивший данное Распятие, был знаком с западноевропейскими образцами. Работа выделяется авторским почерком, в ней православная иконописная традиция сочетается с новым художественным языком. *«Иконография Распятия явно тяготеет к православной традиции с характерным изображением покоя во всем облике Христа, когда тело располагается прямо, голова склонена, руки растянуты вдоль большой горизонтальной перекладины, лик спокоен, ладони раскрыты. В этом покое – возвышение над болью и торжество над смертью»* [4, с. 98].

В 2004 году сотрудники Тотемского музея побывали в этнографической экспедиции в Тарногском районе, в шебеньгских деревнях нами было собрано 14 предметов музейного значения: прялка, сарафан, братины, полотенца... Среди них культовых предметов не было [5].

Обращение к литературе дало возможность получить более подробные сведения о Шебеньгских храмах. Исследователь Н. С. Пьянкова подтверждает наличие на Шебеньгском погосте трех церквей, дает описание внешнего состояния храма и внутреннего убранства. Деревянная Успенская церковь постройки конца XVIII века – двухэтажная, шатровая, *«что само по себе редкость, но, кроме того, судя по сохранившемуся изображению, первый этаж алтаря выполнен двумя апсидами. Вход во второй этаж храма осуществлялся из палатки, которую изнутри запечатлел Феодосий Михайлович Вахрушов»* [6]. Второй храм Борисоглебский, также постройки конца XVIII века, как считает исследователь, более поздних форм. *«Восьмерик на четверике перекрыт круглым куполом, увенчанным одной главой на барабане. Храм обшит тесом и выкрашен, можно сказать, что общая отделка выполнена «под камень»* [6]. Третий храм каменный, он также запечатлен на фотографии нач. XX века, которую местные жители в 2008 году передали в местный музей. Обращает на себя внимание ограда *«с выразительными воротами»,* которую мы также видим на фотографии.

Из исследования Н. М. Македонской [7] узнаем даты постройки и освящения храмов, названия престолов, послужные списки, а также сведения о семьях церковнослужителей. Например, каменная трехпрестольная церковь освящена в 1773 году, с главным престолом Святой Троицы и придельными пророков Илии и мучеников Флора и Лавра. Деревянная двухэтажная Троицкая церковь, построенная в 1769 году, из-за ветхости была упразднена в 1814 году. Главный престол размещался на втором этаже, внизу престолы в честь пророка Илии и мучеников Флора и Лавра. Третий

храм Борисоглебский был построен в 1777 году, главный престол освящен в честь Бориса и Глеба, придельный в честь святителя Николая Мирликийского.

К Троицкой церкви были приписаны 12 часовен в деревнях: Фроло-Лаврская, Николая Чудотворца, апостолов Петра и Павла, Покрова Пресвятой Богородицы, Дмитрия Солунского и др. В штате храмов состояли священник, диакон и псаломщик. Священником служил выпускник Вологодской духовной семинарии Николай Васильевич Малевинский 1871 года рождения.

У поклонного креста на Шебеньгском погосте. (Справа – Е. С. Дилакторская, слева – Г. А. Оленева). Август 2022. Фото В. А. Притчиной

В процессе изучения истории церквей Шебеньгского погоста мы решили побывать на месте бытовавших когда-то храмов. Эта поездка состоялась летом 2022 года. В ней кроме меня приняли участие Дилакторская Елена Станиславовна из Санкт-Петербурга, внучатая племянница упомянутого выше автора письма – Васи Дилакторского, и учительница-краевед из Тотьмы Галина Александровна Оленева.

Какая картина предстала перед нами? Сохранились развалины каменного Троицкого храма, превращённого в МТС (машинно-тракторная станция) в годы Советской власти. На месте одного из деревянных храмов – поклонный крест, установленный по инициативе местного жителя Косарева Анатолия Александровича. За каменным храмом – холм, заросший травой. Предполагаю, что здесь когда-то стоял ещё один деревянный храм. На всём погосте трава выше человеческого роста, внутри каменного храма находиться опасно, кровля рухнула, повсюду обломки штукатурки и разный мусор... Местные жители сейчас называют это место: «У ПМК» (пере-

Развалины Троицкого Шебеньгского храма. Август 2022. Фото В. А. Притчиной

движная механизированная колонна) по названию одной из организаций, размещавшейся здесь когда-то.

В сельской администрации посоветовали обратиться в поисках информации к учителю истории Гусевой Галине Петровне, которая проживает по адресу: д. Шебеньгский Погост, ул. Новая, дом 10. Галина Петровна рассказала о печальных событиях закрытия Шебеньгских храмов, о судьбе священника Николая Васильевича Малевинского, его брата Дмитрия Малевинского, преподавателя земского училища, и других родственников: *«Когда церковь разволакивали «эской» (трактор С-100), Апполинария, жена Дмитрия Малевинского, стояла на коленях и плакала. Она потом с ума сошла. Колокола снимали в 1936 году. В деревне произошел «Бабий бунт».* Галина Петровна позволила сделать снимок с сохранившейся фотографии прихода.

Мы благодарны респонденту за подаренные для музея подлинные документы прошлой эпохи. Они сохранились в доме, где проживала после репрессии мужа Апполинария Малевинская. Один из них – Свидетельство 1903 года о приписке к Велико-Устюжскому уездному по воинской повинности присутствию Д. В. Малевинского. Другой документ датирован 1904 годом. Это Свидетельство Правления Архангельской духовной семинарии о том, что Дмитрий Малевинский выдержал испытание на звание учителя церковно-приходской школы. Позднее он преподавал в своем приходе в Кокоревском трёхгодичном земском училище. Третий документ датирован 1907 годом. Это свидетельство, выданное ефрейтору I роты Либавскаго крепостного пехотного полка Дмитрию Васильевичу Малевинскому в том, что он действительно состоял на военной службе [8]. Четвертый документ датирован 1912 годом. Это

первая страница письма, ответ Дмитрию Малевинскому в Тотьму из Риги с машиностроительного литейного и котельного завода о предложении и стоимости гарнитуры к токарному станку для механического привода. Очевидно, в это время Дмитрий Малевинский работал на каком-то предприятии.

Преподаватель Гусева Галина Петровна поддерживала переписку с потомками священников Малевинских. Из письма Ольги Петровны Поляковой из Санкт-Петербурга мы узнаем о тяжелой судьбе представителей этой семьи: *«Дмитрий и Николай (протоиерей Шебеньгской Троицкой церкви) Малевинские были репрессированы, Дмитрий Васильевич умер в концлагере в 1940 году, а Николай был сослан в отдалённый район Башкортостана, где жил очень тяжело, голодал, и умер практически от голода в 1944 г. Оба они прошли тюрьмы НКВД, пытки, побои, унижения. А люди были исключительные и по доброте, и по воспитанию»* [9].

Проходят годы, десятилетия, исчезают с лица земли старые деревянные храмы, уходят люди, все меньше остается в живых тех, кто может поведать нам страницы далекой истории. Но как оказалось в нашем случае, вполне реально и сегодня собрать «осколки времени» ушедшей эпохи и сохранить для потомков немые свидетельства в виде документов, фотографий, воспоминаний... Сбор материалов об истории храмов Шебеньгского погоста и судьбе священнослужителей будет продолжен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Билибин, И.Я.* Народное творчество Русского Севера / Мир искусства.– Т. 12.– СПб., 1904. С. 303–318.
2. Мандат, выданный Ф. М. Вахрушову отделом народного просвещения Вологодкого Губернского исполнительного комитета совета рабочих и крестьянских депутатов. 23 ноября 1921 г. Фонд ВГИАХМЗ 31504 -1.
3. Письмо Василия Дилакторского от 21 июля 1919 г. Личный архив Е. С. Дилакторской.
4. *Бурганова, М.А.* Русская скульптура XVI–XIX вв. Тотьма: Собрание скульптуры Тотемского музейного объединения.– М., 2013.
5. Акт ТМО от 16.06.2004 г. ТМО 37965–37978.
6. *Пьянкова, Н.С.* Исчезающие храмы Тарноги // Монастыри и приходы Севера [электронный ресурс]. URL: http://parishes.mrezha.ru/library.php?id=133 (дата обращения: 11.12.2022).
7. *Македонская, Н.М.* Церковные приходы, бывшие на территории Тарногского района Вологодской области // Монастыри и приходы Севера [электронный ресурс]. URL: http://parishes.mrezha.ru/library.php?id=337&pn=1 (дата обращения: 18.12.2022).

8. Свидетельство, выданное ефрейтору I роты Либавскаго крепостного пехотного полка Дмитрию Васильевичу Малевинскому в том, что он действительно состоял на военной службе.
9. Письмо Ольги Петровны Поляковой из Санкт-Петербурга. Личный архив автора статьи.

За консультации при написании статьи благодарю Л. И. Богданову, О. Н. Макарову, О. В. Полоцкую, М. Б. Правдину.

Притчина Валентина Алексеевна,
ветеран музейного дела, независимый исследователь,
г. Тотьма

ЖИЗНЬ СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА В ВОСПОМИНАНИЯХ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА НИКИФОРОВСКОГО

Василий Иванович Никифоровский. Почетный колхозник колхоза «Красное Знамя». Фото 1967 г. Из фондов ТМО

Основой для написания статьи послужили воспоминания Василия Ивановича Никифоровского 1896 г. р. о жизни в местечке Ляпино Тотемского уезда (района), записанные мной в 1988 г. Эти воспоминания человека, прожившего долгую жизнь, участника трёх войн, дают яркую картину жизни дореволюционной и послереволюционной колхозной деревни Тотемского края.

С В. И. Никифоровским я познакомилась во время сбора материала о народных умельцах. Коллеги рассказали, что в городе проживает старейший мастер по плетению из бересты. Во время нашей встречи респонденту было 92 года, он уже проживал в Тотьме с дочерью по ул. Загородной в д. 52.

Родился В. И. Никифоровский в Ромашевском с/с Тарногского района, с 1902 г. проживал с родителя-

ми в местечке Ляпино. Тотемский краевед А. В. Кузнецов отмечал: *«Сам топоним Ляпино жители объясняли тем, что по дороге приходилось не идти, а ляпать ногами по жидкой грязи. Конечно же, это образец народной этимологии. На самом деле, в основе назв[ания] Ляпино положено прозв[ище] человека Ляпа в значении «тот, кто ляпает, говорит некстати, невпопад»* [1, с. 240].

В состав Ляпино входили четыре деревни: Перепутинская, Владимирская, Дмитриевская и Волоцкая. Семья Никифоровских проживала в д. Дмитриевской. Рассказ Василия Ивановича начался с воспоминания о старой усадьбе с черной избой и новой, в строительстве которой он принимал участие. *«Когда родители переехали в Ляпино, сначала у них была чёрная изба, печь сбита из глины, так жили годов десять. Жить было не хорошо, затопят утром печь, так и надо убегать, так ещё если ветер, дак не выпускает дыму-то. Дом строил отец, помогали и дети. Я на лошади возил брёвна, лес рядом. Часто в строительстве соседи помогали друг дружке»* [2, с. 1]. Когда строили новый дом, при закладке дома в суточный угол клали серебряные монеты, «копеек 70 или меньше, денежки 3–4» [2, 4]. Леса были местного значения и гос. фонда, где не разрешали заготовлять лес, *«там и ков не трогай, а то посадят на трое суток»* [2, с. 2]. Из древесины чаще использовали ель. *«Когда мне было лет двадцать, дом опушивали тёсом, у нас резьбы не было, ведь её делали хорошие мастера. Дом сразу покрасили в белую краску, в магазине купили у купцов»* [2, с. 2].

Баня Никифоровских топилась по-чёрному, сделана из осины, *«семь рядов вся баня, были товстущие закачены брёвна, а она нам глянулась, не угарно было, я женився, так она была»* [2, с. 2]. Старая усадьба была не больше 7 соток, новая – около 25. Из скотины держали корову, лошадь, овец, поросёнка. Чтобы скотина не заходила на посевы, делали изгороди, для овец – в 5 жердей, для коров в 4–3 жерди. Возделывали рожь, пшеницу, ячмень, овёс, горох, лён. Сушили и обмолачивали снопы в гумне, при создании колхозов – в ригах, они были большего размера. В гумнах делали печку-каменку. Дрова брали из дровенника. Никифоровский рассказывает: «*Поленицы укладывались как и сейчас. По краям – клетки, так-то не удержать, росыпится. У кого клеток не было, делали стовбики*» [2, с. 2].

Овощи хранили в гобце, в доме была вырыта яма, туда опускали сруб, весной в яму возили лёд, летом там хранили молоко и овощи. В огороде выращивали: картофель, лук, редьку, брюкву. После приезда переселенцев – морковь, свёклу, петрушку. *«В полях*

делали заворы, межи были между усадьбами 0,5–1 метр, пустое место, не пахалось» [2, с. 2].

Воду на лошадях в чанах возили из реки Яхреньги, это в полукилометре от деревни. Потом рыли колодцы глубиной от 9–15 метров. При копке в землю загоняли сруб, *«копаешь, дак и обруб оставляешь по за себе, выкопаешь метру и опять спустишь»* [2, с. 2]. Покосы были за шесть километров в лес по речке, на лугу. А где поближе, под покос вырубали кустарник. *«А дороги – какую сделаешь на покос, дак такая и будёт, кустик, деревину срубишь, и опять дальше поедешь, сами прочищали дорогу»* [2, с. 2]. *«Мостков не было, мощёные дороги, где не проехать, не пройти, поневоле сделаешь, выстивкой звали»* [2, с. 3]. *«Мосты через реку делали сами, артилью, возьмут лошадь ли две и делают мост. За это не платили. Все выходили, общественный мост, дак как не выйти»* [2, с. 3].

Была в деревне водяная мельница, «*водой воротило*», была кузница в поле в полукилометрах от деревни. Пасек не было. Волостная изба была в Матвееве. *«Приезжали из земской управы, или староста придёт. На два месяца по очереди выбирали десятника. Десятник по указанию старосты собирает сходку. Через два месяца – сосед десятник»* [2, с. 2]. «*Школа была в частных домах, снимался пустой дом. Были посланы учителя: Круглова Елизавета Матвеевна из Херсонской области. Два дня в неделе учил дьякон – вторник, суббота, остальные дни – учителя»* [2, с. 2]. *«Кабак был в самом Матвееве, у нас не было. Довго не было магазина, ездили в Матвеево за 25 км только из-за продуктов, ездили хоть мужчины, хоть женщины»* [2, с. 3].

В деревне были плотники, столяры, бондари: Силинский Александр Герасимович (делал сани, рамы, кадки), Силинский Фёдор Андреевич, родом из Тарноги, *«всё Ляпино переезжее, у него была избушка, вроде бани, в ней работал, исполнял заказы из Матвеева»* [2, с. 3]. Орудия труда изготавливал каждый хозяин, «*или сделают люди добрые, а покупать не на что, сделаешь и сам*» [2, с. 3]. Из бересты плели корзинки, пестери, кузова, лапти. *«На сенокос пойдут, так носили с собой то молоко, то похлёбки какой в туесах. Туесы были сделаны из скалы, из этой же самой берёзы, и корзины плетёные были, всё с лык было сделано, ничего купленного не было, всё домашнёё»* [2, с. 3]. Женщины плели редко.

Народ в Ляпино был верующий. Деревянная церковь «Введение во храм Пресвятой Богородицы» постройки 1905–1912 гг. находилась в д. Перепутинской. После закрытия храма до войны в здании размещалась контора колхоза. В научном архиве То-

темского музейного объединения сохранился паспорт с актом технического осмотра храма за 1968 г. В нем есть следующая информация. «*Сохранились три иконы из иконостаса, заказанные в Петербурге неким Бугаевым в нач. этого века. Сюжеты: «Спас Богородицы», «Три святителя». Первыми двумя заколочены окна*» [3, с. 21].

Пестерь с двумя ручками. Работа В. И. Никифоровского. I пол. XX в. Из фондов ТМО

Интересны воспоминания В. И. Никифоровского об обрядах и традициях. *«На Новый год бегали девки под замок садились, слушали, откуда колокольцы забрякают. В Святки садились на кожу, если животное пало, снимали шкуру. Вечером шкуру тащили за деревню на кресты, обчертить кожу, хвост у шкуры в ростяжку. На шкурах сидят в ростяжку, в какую сторону поволокёт, оттуда женихи*» [2, с. 3]. На Воздвижение спасались от нашествия тараканов: садили в спичечный коробок и зарывали в землю. *«Есть такое поверье – не будет тараканов, а куды денутся, хто знает»* [2, с. 3].

Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы. I пол. XX в. Фото из фондов ТМО

На Рождество примечали, если «*звиздяно*», ягод будет много. На Масленице строили катки метров 20 длины, их поливали, по два человека, стоя на ногах, катались, обычно девка и парень. Сжигали дегтярную бочку. Если в Чистый понедельник не падает снег, значит, кормов и хлеба будет мало. В Великий четверг хлеб пекли *«коровашками»* и топили масло. Звали «Великодённый четверг». Вставали рано, до ворон, и чтобы не уставала спина, понарошку на сарае покосят, серпом пожнут. Иногда в деревне ветром срывало крышу. Василий Иванович вспоминает: *«Бабушка утром брала щепочку и говорила: «Кладу медной гнёт на весь круглый год»* [2, с. 4], бросала щепочку на крышу. «*У соседа оборвало и стропила, а у нас не тронуло»* [2, с. 4].

В Пасху *«разговились»*, разрешалось есть всё. Женщины *«обряжались»* ночью. На другой день *«Паски»* на гулянье у церкви «*парни дают*» девкам пряники. В Троицу ставили *«качюлю, ходили из деревни в деревню, покачают парни девчонок, подают парням яички. Когда сидели за столом, нельзя облокачиваться, стукали рукой взрослые»* [2, с. 4]. Боялись родительского проклятья, *«человека может увести, и пока на бересте не напишут кабалу левой рукой наотмашь углём, бросят наотмашь – человека не найти. Как это сделают, человек вернётся сам, по две нидили ходят, истощают даже»* [2, с. 4]. Однажды мать двенадцатилетней дочери просила её вычистить лук в огороде, та отказалась, *«схожу по ягоды, дак и вычищу. А мать ей сказала: «А понеси тебя леший!». И эту девочку искали полторы недели. Сбивали всю волость. Не могли найти. Пошёл парень на озеро за утками на охоту, выстрелил в утку, она и сказалась. Она идти не могла»* [2, с. 4].

Основным занятием крестьянского населения было земледелие. Под пашню землю освобождали от леса. *«Подсеку называли новиной. Рубили лес, кусты. Они подсохнут, их жгут и жжёные головёшки всё вперёд катят, чтобы опалило всю траву, мох, что ни на есть»* [2, с. 4]. Затем освободившуюся от леса землю пашут сохой, боронят бороной, потом сеют. Лён или пшеницу на «*новине*» сеют шесть лет, *«не навозят, всё ростёт хорошо»*. [2, с. 4]. Подсека была широко распространена, *«но не кажному давали, если в поле полоса широкая – не разрешат. Брали за навину 3 рубля пошлину. Землю эту считали полезной. У кого была узкая полоса – разрешали. Посмотрят, староста, урядник или земский начальник, велика ли семья, землемер приедет, поставит столбички, чтобы больше за границу не повзал, а пользовал, что остолблёно. Давали по две десятины, одна десятина больше гектара. Зажиточным крестьянам редко раз-*

решали разрабатывать, у них земли было много, разрешали, когда роздилятся братовья, дак и дадут» [2, с. 5].

При разработке подсеки наёмная сила не использовалась. *«Помню, подсеку последний раз вырубали, мне было лет 17. Пригодность определял землемер. Намеряет, хто знает где, бутылочку если поставят, намеряет на хорошем месте. Если берёшь по билету, дак и сучьё сожеги, а деревьё обирай, какое ни на есть. Везли домой, гожо, дак в стену, не гожо – на дрова. Пни оставляли, но он должен быть 15 см. Корчевали. До поджога новину не распахивали. Деревья не свозили перед поджогом. Для лучшего горенья деревья перемещали колом или железной лопатой. Для предотвращения пожара рыли канавы, чтобы не спалить соседнего леса. Раньше строго было, укради дерево, дак 15 дней сидеть в тюрьме. Во время поджога одевали что поплоше, искра прилетит, и не увидаешь, в кожаной обутке нельзя, сволокёт всё, одевали лапти, сгорит, дак не жалко бывает, на ноге то и загорит, дак затопчёшь, погасишь»* [2, с. 5, 6].

«Расчищали подсеку после поджога колом или ломом у кого есть. Золу не разбрасывали, вместо удобрения остаётся на месте. Если где кустов мало, дак привезут дрова, жгут тут, чтобы площадь прогорела, была чёрная. В первый год сеяли лён или пшеницу. Если посеять рожь, долго будет занята земля. Ведь садили её с осени. Золу запахивали, потом сеяли. Сеяли руками из лукошка шесть лет подряд. Шесть хлебов сымали. Если шесть лет земля пригодна для пашни, брали снова билет, выкупали за три рубля, опять на шесть лет. Уже потом привозили навоз, без навозу родить хорошо не будет. Если не выкупишь, дак и будет зарастать. Получали по 20 пудов с десятины. Первый и второй год меньше урожай, в последующие годы по 40 пудов» [2, с. 6].

Кроме работы на земле занимались промыслами. Респондент рассказал о гончарстве. В Ляпино жил гончар Шилов Иван Яковлевич. Мастер использовал местную глину, которую копали в двух километрах от деревни. Следили за тем, чтобы глина была чистая, без камней. С берега реки привозили песок. У мастера была отдельная изба. Ему помогала в работе жена, другие члены семьи занимались хлебопашеством. *«А самому хватало, оба со старухой крутили. Посуду делали на продажу. Недорого продавали. Круг был ручной. Обжигали на улице в специальной печи, снизу подтапливали. Форм специальных не было. Работать со старухой не давали никому. Один горшки делает, другой корчаги, вёдра на 1,5. А глину и песок привозили семейники, он не издив сам. Глина буроватая, лепкая, к ногам попадёт, не скоро отмоёшь, такая не везде есть, покопает в*

20 местах, чтобы найти. Посуда без поливы. Делали корчаги, горшки, латки (большая миска для жаркого), блюда, маленькие чашки. Делали игрушки-свистульки челяди, по копейке продавал свистульку, сделает барашка и с гребешочком. Делали трубаки на крышу для дыму, кубы из глины для смолокурения» [2, с. 6, 7].

По сведениям В. И. Никифоровского в округе была мельница на реке Яхреньге, которая обслуживала деревни: Дмитриевскую, Волоцкую, Владимирскую, Перепутинскую, Погост, Заднюю, Хутор. Мельника звали Трошкин Василий Арсентьевич. «*Это была общая мельница, условие – пыль брал мучную. Сделали оравой запруду, загрузили деревья, в деревьях сделали диры, в них вставляли столбы-вишняки, меж столбы забирались вплотную доски. Месяцем получит 10 пудов мучной пыли. Жил на мельнице. Была у него избушка. Нельзя мельнику в деревне жить, за мельницей надо смотреть. Мешки хозяйки пятнали, кто букву вышьет, кто чёрную заплату пришьёт. Мельника уважали. После него был мельник Чечулинский. Мельница молола круглый год»* [2, с. 7, 8]. На плане, предоставленном Третьяковой Г. И., уроженкой Ляпино, водяная мельница отмечена в д. Владимирской. Мельником был Шилов Иван Яковлевич. Ещё одна водяная мельница отмечена в д. Волоцкой [4].

На отходничество из деревни не уходили. Охота разрешалась земской управой с ноября по март при наличии охотничьего билета. Сбывали пушнину купцам Белову, Климову в Тотьму. Взамен получали сахар, чай, муку пшеничную. С капканами охотились на волка, медведя и зайца. *«Были маленькие капканы, две скобы разгибались, поддерживались крючком, а если зверь вступит, капкан сработает. Был такой охотник, у него было пять или шесть рогатин, он говорил, что медведя одной рогатиной не поймаешь, он вышибёт её, уничтожит. На охоту ходили в лаптях, шили кожаные чулки, чтобы нога не промокала, снег меньше попадает, на чулки – лапти. В любой одёже ходили. Зимой обязательно делали лыжи из берёзы. Ружей самодельных не делали. Применялись только пистонные ружья, сами заряжали. Пороховницы были рожковые. Артелями не охотились, угодья не разделялись».* [2, с. 8].

Рыбу ловили: щуку, «*хайруса*» (хариуса), сорогу, налима. Ловили зимой *«заезками – наколотят палок, хвоей заставляют для плотности, в середине окошко оставляют, здесь морду и закладывают»* [2, с. 9].

В деревне была кузница. В кузнице была печь с горном, работавшая на углях. Кузнец Силинский Фёдор Андреевич работал больше 20 лет, потом его заменил сын. Работы у кузнеца хватало.

«Платили ему – подковать лошадь – 10 копеек с ноги, подковы и гвозди – кузнеца. Больше деньгам платили, если нет, дак продуктами. Всё изготовлял. Не возил на продажу» [2, с. 9].

Интересна информация о питании крестьянского населения. Хлебные изделия были разнообразны. Изделия из кислого и пресного теста назывались шаньгами (современные оладьи). Сочни разные *«скали»*: круглые и продолговатые. Блины пекли из овсяной муки, складывались готовые в решёта, *«придут мужики на обед, да бабы сядут к ним, как не бывали, а малышей раньше накормят, при них нечево за стол повзти»*. В праздник пекли калачики витые из теста, *«прясновики разные были из сметаны – сметанные, сметану побовтают, не густо мучки или крупяные (крупу с вечера мочат в простокваше, назавтра пекут прясновики. Пекли пшеничники, рыбники нагнут, курники – то грибов сухих нарубят с крупой, то с творогом»* [2, с. 9]. Муку использовали пшеничную, ржаную, гороховую, *«яшную»* (из ячменя).

В пищу использовали льняное масло. *«Хто как сумев»* [2, с. 9]. За маслом ездили на Цареву, на маслобойный завод, *«пудов до 2 в сутки жали масла. Механизмом обрабатывали. Если не берёшь жмыху, 5 копеек с фунта из своей продукции. А и дома делали кто, были станки, намесят, да в печи напарят, но не выходит так, как на заводе, меньше наполовину»* [2, с. 9]. Покупали пряники, *«сусленики, они такие лисоватые – тонкие, а пряник потовше»* [2, с. 10].

Молоко употребляли ежедневно. *«Пили, кому какое надо, хто любил кислое, а у нас мало обажали кислое. Нацедят молоко, ссядется, будет простокваша, верх – сметану на масло, отбросы в печь – получают творог, жижу скоту»* [2, с. 10]. Ели творог с песком или разводили свежим молоком. Масло сбивали мутовкой в кринке, сепараторов не было. Много масла сбывали купцам. *«Хто как хранил, а у нас под передком была яма в гобце, сделан сруб, набивали к лету льдом, туда ставили молоко, масло, мясо. Сами в кашу, на пироги, с шаньгами макали»* [2, с. 10]. Молоко хранили в кринках, розлевах, масло – в лужёных розлевах, чтобы не горчало.

Из мяса употребляли говядину. Поросят держали мало, в деревне в 40 домах содержалось 15 поросят. Овец держали из-за шерсти. Мясо жарили, тушили с картошкой. *«Раньше, Боже упаси, чтобы медведя кушать, было не узаконено, лосей не ловили, хватало своего скота»* [2, с. 10].

Повседневные заботы перемежались с праздниками. К свадьбе и другим событиям варили пиво, *«пирогов нагнут всяких»* [2, с. 10]. Главными праздниками в деревне были Петров день – 12 июля и

Богородский – 8 сентября. Пиво варили в чанах, из ржи готовили солод, чтобы рожь была всхожая, её мочили сутки, *«а потом распросторили, т.е. разложили не толстым слоем и спрыскивали изо рта водичкой, чтобы прорастала, не сухая была. Даст росточки, потом не загнетают. Гнетётся она трои сутки»* [2, с. 11]. Затем гнет открывают и сушат солод, он по вкусу сладкий даже без песку. Потом мелют солод ручными жерновами и начинают варить пиво.

Воду кипятят на костре на улице в котле, вёдер 8–10 воды выливают, сухой солод в этот чан сыплют, вода в котле закипает, весь состав месят веслом. *«Он разопревает, запах, ох, какой, потом его разводят до житково по вкусу, хто жалеет солоду, у того пивко не такое»* [2, с. 11]. Квас делали из отжимков солода после пива, в посуду наливали воды, состав кис сутки трои, квас был готов к употреблению. Водку пили только в праздники. «*В будень, Боже спаси, скажут, глико – дурак. Пили рюмочками. Бутылкой человек 10 угостят – больше. Не видав и не слыхав, чтобы женщины пили. Только на свадьбе по рюмочке. Подросткам не давали*» [2, с. 11].

К первому дню выгона скота – к Егорию пекли специальные хлебцы, из них по ломтику скармливали всему скоту. *«К сенокосу особо не пекли, доброго больше пекли, работа тяжёлая, надо питание получше. В родительские субботы пекли шанешки, крошили на могилы, а люди есть – угощали»* [2, с. 11].

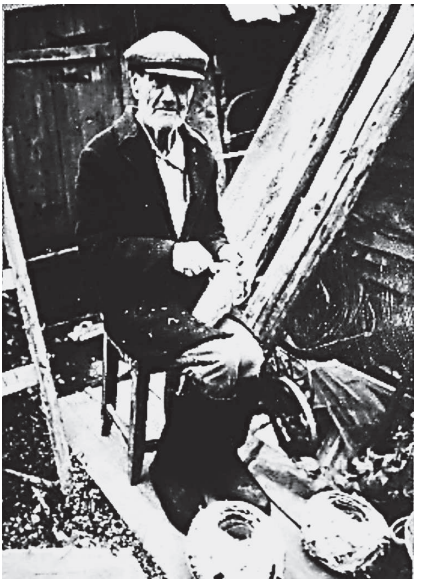
Хорошим подспорьем в питании был лес. Собирали грибы: боровики, рыжики, волнухи, белянки (волнушки), подберёзовики (звали чиликами), подосиновики (красный гриб – боровик), белые грибы. Непригодных для питания грибов было много: *«разные мухоморы, горькие, много росло, до дуры, серухи, сейчас путники, раньше не ели»* [2, с. 11]. Грибы жарили, варили, солили, сушили на зиму. Не продавали. Из ягод собирали землянику, полянику, малину, чернику, голубику, смородину красную и чёрную, черёмуху. Чернику и малину сушили. *«Все собирали, кому досужно. Чаще ребёнки, у женщин дел дома много. Пироги гнули с ягодами, сушёные намочат, положат песку, ели с шаньгами в пост»* [2, с. 12]. Из лесных и луговых растений использовали щавель, берёзовый сок, зверобой, сосновую кору, сосновый сок. Специально для детей не было никаких лакомств.

Ловили рыбу, употребляли её часто. Жарили, из неё варили уху, пекли рыбники. В пищу употребляли куриные яйца, гусей и уток не выращивали. Яйца в праздник добавляли в пироги. *«Ежедён так нет»* [2, с. 12]. В жареную картошку били яйцо. Яичницу варили с молоком. В. И. Никифоровский вспоминает: *«До меня ещё*

начали употреблять чай. Привозили купцы. Пили чай только по воскресеньям вроде лакомства какого, кажный день некогда пить, хорошо и холодянки ковш» [2, с. 12]. Пили с сахаром. Кофе не знали. Не было фруктов, шоколада, конфет, пирожных. Ели три раза в день. Соблюдались посты: Петровское говинье (перед Петровым днём), Великое говинье (перед Рождеством). Нарушали пост по болезни.

Посуда чаще всего использовалась деревянная, в ней воду хранили, квас делали, глиняная посуда встречалась редко. В обиходе были покупные братины. Самовары были медные: красные. *«У зажиточных крестьян еды было всего, у нас – капуста, брюква»* [2, с. 12].

Одежда у крестьян была домашнего производства. Летняя шилась из бумажных и льняных тканей. Зимой стригли овец, изготавливали шерстяную пряжу. Для теплоты между двух слоёв ткани прокладывали кудель, её пришивали – стегали руками. Покупать ткани начали с 1914 года. *«Кто позаживнее, тот возьмёт. У портнихи шили по праздникам ходить, штаны мужикам, женщинам сарафан сошьют стуляком – т. е. прямой такой»* [2, с. 13]. Готовую одежду покупали с 1917 г. «*Из города привозили – пальто редко, летние пинжачки были, кофтёшки, осенние на подкладках. Пожалуйста бери, если деньги имеёшь*» [2, с. 13]. Краски не было. Из ольховой коры получался розовый цвет. *«Кору наскоблят с деревины стоячие, потом высушат, истовкут, варят в воде, и делается настой. В него ткань мочат. Чтобы не линяло, были квасцы. Их покупали у коновалов*» [2, с. 13].

Василий Иванович Никифоровский. 1988 г. Фото В. А. Притчиной

Летом ребёнок ходил в длинной домотканой рубахе до 5 лет без штанов и пояса. У молодых парней рубахи были красивые, одевали по праздникам, тоже домотканые. На вечёрки ходили в домотканых рубахах. В холодное время шили из овчин шубы. *«У старых людей – брюки немного помажут краской. Из шерсти*

ткали на штаны. Линьку и то не бросали, коровы весной линяли, женщины её собирали, пряли, а потом на юбку, на сарафан» [2, с. 13].

В завершение хотелось бы отметить, что живой язык повествования, умение респондента яркой речью передать прожитое в деталях, делают воспоминания важным источником для изучения локальной истории одного из уголков Тотемского края. На основе представленного материала мы имеем возможность погрузиться в разные сферы крестьянской жизни: повседневного быта, занятий, нравов, верований, питания, одежды и, в целом, жизни тотемского населения первой половины XX столетия. Воспоминания свидетельствуют об особых чертах крестьянского характера, неповторимости личности, мудрости и живости ума. Материал может быть полезен этнографам, краеведам, историкам и всем, кому интересна история родного края.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кузнецов, А. В.* Ономастика: фамилии тотьмичей, названия деревень, хуторов и посёлков, финно-угорские и русские названия рек и озёр / Тотемский край. Том I. Вологда. «Родники». Тотьма. «Интеллект будущего». 2020. С. 240.

2. Воспоминания В. И. Никифоровского [рукопись] / Сост. В. А. Притчина – Тотьма, 1982. (Архивный отдел ТМО. Д. № 1673).

3. *Притчина, В. А.* Иконописцы и стенописцы Тотемского края (XVII – нач. XX вв.) / Русский Север – 2018: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия. Сборник материалов II всероссийской конференции с международным участием.– Вологда. «Полиграф-Периодика», 2018. С. 15–31.

4. Личный архив Г. И. Третьяковой.

Благодарю за консультации сотрудников ТМО О. В. Полоцкую, Е. В. Филиппову, О. Н. Макарову.

Галушкина Вера Николаевна,
заведующая отделом искусства и традиционной народной культуры
МБУК «Тотемское музейное объединение»,
г. Тотьма

ОТНОШЕНИЯ МОЛОДЕЖИ С РОДИТЕЛЯМИ В ТОТЕМСКОМ УЕЗДЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЧАСТУШКИ

Как справедливо отмечал в своей работе Тарутин А. А., если экономическая сторона жизни сельского населения России могла быть более или менее точно исследована статистическим методом, и могла быть соответственно понята, то духовный быт нашего крестьянского мира,– его настроения, взгляды, мировоззрение,– до сих пор является для большинства в большой степени terra incognita. Точных методов для обследования духовной жизни народа не существует [1].

Считаем, что одним из средств, дающих представление о нематериальной сфере жизни крестьянства и, в первую очередь, крестьянской молодежи является частушка. Фольклор – это одно из древнейших проявлений нематериальной культуры человека. Частушка, хоть и представляет собой одну из наиболее молодых форм фольклорных текстов, в отличие от былин, сказаний, песен, наиболее ярко проявляет бытовой характер происхождения. Частушки сочинялись «на злобу дня», сиюминутно, в них человек имел возможность вплеснуть то, что наболело, накопилось на сердце. Соответственно, этот материал помогает раскрыть ту область, которая не может быть зафиксирована визуально и статистически – сферу эмоций, чувств, отношений.

Некоторые исследователи прошлого тоже высказывали мнение, что частушка является ценным и информативным источником. Собиратель фольклора Успенский Г. И. писал, что *«собрав частушки с такою же тщательностью, как собираются статистические сведения о всяких мелких подробностях хозяйства в крестьянском дворе, и разработав их соответственно тем сторонам народной жизни, которых они касаются, мы имели бы точное представление о нравственной жизни народа»* [2, с. 673].

Данная статья является продолжением предыдущей, опубликованной в сборнике «Русский Север-2022», работы, где рассматривались любовные отношения молодежи Тотемского края, выраженные в частушках. Естественно, подавляющая часть коротких

песенок – сбирушек, тарантушек, коротушек – была посвящена личностным отношениям между юношами и девушками. Но встречаются также частушки, где упоминаются представители референтных групп: родители, друзья и подруги.

Решено было продолжить изучение данного фольклорного материала и рассмотреть отношения молодежи с родителями через призму частушки. В нашей работе мы вновь использовали многочисленные тексты коротких песен-частушек, записанные любителями-краеведами и корреспондентами этнографического бюро в конце XIX – начале XX века – Малевинским Ф. Е., Буслаевым А., Едемским М. Б., Голубевым И., Жуковым А. А., Покровским В., Суровцевым В. А. и другими, а также частушки, опубликованные в сборниках.

В целом, частушки, где упоминаются родители или один из них, в общей массе местного фольклорного материала встречаются не часто, но, тем не менее, их достаточное количество, чтобы с разных сторон рассмотреть исследуемую область и сделать определенные выводы (было отобрано 94 единицы, описывающие взаимоотношения внутри семьи). По большей части молодежь в частушках обращается к родителям уважительно: «мать», «отец», «маменька», «тятенька», «батюшко», «матушка», «мамашенька». Самые часто встречающиеся эпитеты – «родная» (родной), «родимая» (родимый), «милые». Время от времени используются и такие обращения, как «мамка», «тятька», «мамаша», «папаша». Обращение к матери встречается гораздо чаще (около 65% от отобранного материала). Это можно объяснить тем, что частушки исполнялись, в основном, девушками. А в крестьянской среде дочерями больше распоряжалась мать, а сыновьями – отец.

В отличие от современного общества, где для подростков и молодежи семья утрачивает вес, а на первый план выходит мнение друзей и кумиров, в конце XIX – начале XX века авторитет родителей был непререкаем. Родители считали своей обязанностью кормить, одевать детей, учить их ведению домашнего хозяйства, позже и отдавать в школу учиться грамоте. А дети за это были обязаны родителям во всем повиноваться, поить и кормить их в старости.

Корреспонденты этнографического бюро князя Тенишева, работавшие в Тотемском уезде в конце XIX века, отмечали, что *«отец считается полным властелином над детьми: отдает их в найм, в учение, посылает на работы и проч.»* [3, с. 115]. Распространялась эта власть и на брачную сферу. В былые времена именно роди-

тели решали, когда и на ком женить сына, за кого выдать замуж дочь. Именно этот факт являлся главным камнем преткновения в отношениях молодых людей с родителями. И значительное количество частушек, так или иначе, содержат в себе упоминание этой проблемы.

В песне девушка могла просить прощения у любимого за родителей, из-за которых им не суждено быть вместе:

С ягодиноцкой гуляли, повенчатцо не пришлось.
Извини, из-за родителей все дело разошлось. [4]

Девушка обычно даже не знала, когда состоится момент сговора, с ее мнением не считались:

Я сегодняшнюю ноченьку спала дома одна.
Меня матушка будила «Доча, пропили тебя». [5]

Иногда девушки мирились с таким положением дел и покорно ждали своей дальнейшей участи:

Меня дома наряжают, все на девушку глядят,
Не знаю, милые родители куда определят. [5]

Часто молодые люди утаивали от родителей свои чувства, дабы не навлекать на себя их гнев:

До чего влюбилася, не знает и родимая.
Поразговаривай, прошу, подружка милая. [6]

Крестьяне рассматривали брак, как неотъемлемую и обязательную форму жизни, которая была благословлена Господом. С детства детей готовили к вступлению в брак. Брачные отношения были залогом обеспечения материального состояния и значимого социального положения человека, придающего ему определенный вес в обществе. Естественно, что родители желали для своих детей лучшей доли и стремились выдать дочь в зажиточную семью. Но для девушек часто были важнее другие мотивы:

За высокие хоромы, папенька, не выдавай,
Человек дороже денег – человека выбирай. [7, с. 158]

Девица, зная о родительских предубеждениях, прямо говорила милому о невозможности их союза, либо уверяла в удачном исходе сватовства:

Милый сватайся-не сватайся, за тебя не отдадут.
У тебя четыре брата – тебе паю не дадут. [3, с. 139]

Милый, сватайся, не бойся, что меня не выдадут.
Ты богатее считаешься, приданова дадут. [5]

Повсеместно корреспонденты отмечали, что при заключении брака, главным образом руководствуются хозяйственными и экономическими соображениями, чем взаимным влечением вступающих в брак. Он невесты требовалось дородство, работность, рукодельность, хозяйственность, домовитость, чтобы была одета, т.е. достаточно было белья и всякой одежды. При всем том невеста предпочитается из хорошей семьи. В местных пословицах это тоже прослеживается: «Выбирай коровушку по рогам, а девушку – по родам», «Хороша Наташа, да платьё дировато (т.е. бедна)». Нравственные качества невесты тоже принимались в расчет, а нецеломудренных и прямо избегали [3, с. 199]. Но, по-видимому, иногда богатое приданое перевешивало на чаше весов. Юноша в песне мог позволить себе укор в сторону родителей за выбор такой невесты:

Вы зачем меня женили, зачем коней маяли;
Вы зачем такую брали, кою люди хаяли. [4]

Взрослые сыновья вели себя более или менее самостоятельно, а вышедший из семьи сын, отделившийся, уже и материально не подчинялся отцу. Власть матери над сыновьями несколько повышалась после смерти отца, только на деле матерей вообще слушали довольно плохо и совершенно по своему желанию потому, что «мать не в силах сократить сына», если он «не дается на доброе слово» [3, с. 180].

Тятя помер, мамка есть.
Избаловался парень весь. [3, с. 128]

Несмотря на то, что дети должны были всегда действовать по воле родителей, встречались случаи, когда девицы наотрез отказывались выходить за тех, кого им присмотрели. По рассказу крестьянки из д. Великий Двор, ее подружку просватали за богатого, но нелюбимого молодца, в то время как у нее был уже «миляш». И как не уговаривали девушку родители и родные, как не бил ее отец, «ни уговоры, ни колотки ничего не могли сделать». Так в итоге родители и отказали богатому жениху и отдали дочь за любимого [3, стр. 320]. Такая непокорность встречалась редко, зато часто упоминалась в частушках:

Ты не черпай, мама, воду, я не встану на конец.
Не с любым венчатцо буду, с головы сшибу венец. [4]

Девушка грозит родителям, что дело кончится плохо, если ее разлучат с милым:

Милые родители! Не разлучайте с дролецкой.
Разлучите, дак и ищите в поляноцке под елоцкой. [4]

В частушках находят отражение и методы воздействия родителей на детей, чаще всего это ругань и побои:

Била, била маменька от березки прутиком:
Я за то тебя, дура, бью – не гуляй с рекрутиком. [3, с. 291]

Меня матушка ругает: расставайся с дорогим!
Лучше в рецке утопитцо, за нево не отдадим. [6]

Исследователи подчеркивали, что браки уходом или убегом случались чрезвычайно редко [3, с. 199]. В таких случаях никаких обрядов не совершалось. Родители убежавшей долгое время не пускали «молодых» на глаза, не давали не только приданого, но и ничего из одежды. «Убег» невесты считался позором для родителей и домашних. И, тем не менее, в частушках девушки грозятся сделать назло и выйти замуж «самоходкой»:

Батьке сделаю беду – самоходочкой уйду.
По за тыну, по за тыну, по за дядину овину,
По за нашему двору самоходочкой уйду. [7, с. 162]

Совсем не обязательно, что эта девушка в дальнейшем поступит так, как грозится, но хотя бы в песне в кругу своих сверстников она имеет возможность выразить свой протест, обозначить возможность проявить свою волю, свой характер.

Конец XIX – начало XX века – период начала трансформации брачно-семейных отношений. В этот период начинают слабеть родственные связи. По мнению Власовой И. В. «*это было следствием отхода, самостоятельности детей, выходящих из-под воли родителей. Отход и работы на фабриках и заводах вели к отрыву крестьян-мужчин от земледельческого труда, к возложению работы на остальных членов семьи и к главенству в таких семьях жен*» [8]. Подобная ситуация сказывалась на жизни семей, вела к самостоятельности отдельных ее членов, неподчинению их главе. Отношения супругов, родителей и детей, братьев и сестер становились иными, менее зависимыми от старших, изменялись семейные ценности. Молодежь в частушках начинает позволять себе нелестные эпитеты в сторону родителей:

Дикие родители за милова бранят,
По сибе-то не поверят, разлучить, слышно, хотят. [3, с. 294]

Вы, родители, мучители, залейте в сердце жар,
Разлучаете, не знаете, кого на свете жаль. [7, с. 165]

Моя мамка барабанка, не научит на добро.
Научила только мать от робят конфеты брать. [6]

Все больше и острее начинает ощущаться намечающийся разрыв поколений, непонимание между родителями и детьми:

Беспонятные родители за дролечку бранят.
Век прожили – не любили, где же им любовь понять. [7, с. 163]

И все же ограничение детей в проявлении своего выбора, жесткий надзор – оставались нормой жизни для всех. Интересно встречать фольклорные материалы, где представители молодежи выражают свое недоумение в сторону родителей, ослабляющих такой надзор:

Меня дома наряжают, да и волюшку дают,
Удивляюсь над родителям, чево же думают. [4]

Одно из самых частых чувств, упоминаемых в частушках молодежью в отношении родителей, является обида:

Не обижусь на миленоцка, посватавсё ко мне,
Обижусь на родителей, не отдали оне. [4]

Пролетело мое счастье и на тройке не догнать.
Буду век я обижатца на свою родную мать. [4]

Обида – это чувство, возникающее в том случае, когда человек считает, что с ним обошлись несправедливо, но противопоставить обидчику ему нечего, нечем и ответить. Чаще всего обида – это подавленный гнев, то есть непроявленная агрессия. Это деструктивное чувство, которое массово встречается и в современной молодежной среде и приводит в дальнейшем к различного рода психологическим проблемам. По фольклорным материалам мы видим, что и в изучаемый период осознание и проговаривание этой эмоции было частым явлением.

Значимой проблемой в молодежной среде была возможность достать денег. Способов заработать было не так уж и много, поэтому и юноши, и девушки часто занималась мелким воровством, чтобы достаточно погулять в праздник, сделать подарок своей

зазнобушке. Причем воровали в своем же доме: залезали с другом-товарищем в свой амбар. Крали рожь, пшеницу, льняное семя и продавали сбытчикам за полцены. Иной парень, зная скупость своих родителей, запасался этим товаром во время молотьбы, пряча зерно в солому. Девки тоже этим грешили: крали яйца, лен и иные вещи. Эти факты тоже находят отражение в частушках, при этом складывается такое впечатление, что молодежь даже бравирует в некотором роде такими нелицеприятными фактами:

Тятька-ну, мамка-ну, я украла простыню.
Простыню-ту тонкую, на гармонью звонкую. [3, с. 138]

Матушка ругаетцо – куда платки деваютцо,
Тово не догадаетцо, что дроля утираетцо. [6]

При этом нам понятно, что частушки исполнялись на посиделках в отсутствии старшего поколения. Взрослые вообще крайне редко принимали участие в бесёдах, вечерках и посиделках молодежи. Как свидетельствовали этнографы, *«по согласию родителей девушки могли устроить в своем доме посиделки. При этом родители на это время оставляли избу и уходили куда-нибудь в гости»* [3, с. 269].

В крестьянской среде предпочтительны были ранние браки, потому что ранние дети были скорыми помощниками матери и отцу, и они могли их «устроить, пока живы». Кроме того частым мотивом для ранней женитьбы сына была необходимость в дополнительной хозяйке и работнице, и юноши осознавали эти обстоятельства:

Меня женят, меня женят по большой неволюшке.
Стало некому работать во широком полюшке. [9]

И юноши, и девушки рано включались во все крестьянские работы, уже с 12 лет, а то и раньше, трудились дома, в огороде, в лесу и в поле наравне со взрослыми. Но участь девушки на выданье все же была легче. Мать, зная, что в дальнейшем, при выходе замуж дочь ждет каждодневный тяжелый труд, старалась немного облегчить ей жизнь. Исследователи также уделяли внимание этому обстоятельству: «Девица в хозяйстве должна быть на всех работах, но ей простительно немного и полениться, на что не имеют права другие «мужние» женщины» [3, с. 181].

Пеки, мамка, пироги, ты меня побереги,
Дай поспать, понежиться, погулять, потешиться. [7, с. 164]

На родимую на маму никогда не жалуюсь.
Задержала меня в девушках, живу, да радуюсь. [4]

Матушка окутывала по утрам на зорюшке:
Ты поспи, родима дочь, пока не у свекровушки. [7, с. 158]

Стоит отметить, что в общей массе исследуемых фольклорных текстов таких частушек, где родители представлены в положительном свете, очень немного, их практически можно пересчитать по пальцам.

Старшая дочь в отличие от других сестер одевалась родителями лучше, ей больше заводили нарядов и свободнее отпускали на гулянья и девичники. Зная эти обычаи, девица просила или требовала себе обновки. В частушках это тоже находит отражение:

Тятька, мамка, ваше дитятко
Повыряжайте одно литико. [3, с. 293]

Тятя дождь, тятя дождь, не пойду я без галош.
Хоть корову забивай – галоши на ноги давай. [9]

Если семья была бедная, то девицу родители могли отправить на заработки, тут уж о нарядах не было и речи. Опять в частушках звучит обида:

Со двенадцати годочков мама в люди отдала;
В чужих людях жизнь плохая – во всем воля не своя. [7, с. 172]

Милые родители, зачем дочку обидели,
В работницы поставили, маяться заставили. [7, с. 172]

И уж совсем незавидная доля была у сирот. Их могли взять в семью родственников, но там они были самыми бесправными существами. А если желающих принять сироту не находилось, то они переходили из дома в дом, и каждый одевал и кормил их в свой черед. Такие дети рано начинали подрабатывать, чем можно: пастухами, прачками, няньками. А свое ущербное положение могли выразить в частушке:

Маменька неродная, похлебочка холодная.
Кабы родная была – щей горячих налила. [3, с. 275]

Хорошо тому гулять, у кого родная мать,
Она нарядит и проводит и в окошко поглядит,
Каково дочка катит. [3, с. 275]

Частушка дает нам возможность рассмотреть спектр ситуаций, раскрывающих различные стороны взаимоотношений молодежи и родителей. В частушках находит отражение извечный конфликт между родителями и детьми. Молодежь сильно зависела от родителя своего пола, отсюда проистекали разногласия, вытекающие из постоянного взаимодействия. Самые острые и часто упоминаемые конфликты были вызваны тем, что взрослеющим детям не давали сделать выбор супруга. Поднимается тема физического или вербального насилия родителей над детьми. И в целом отношения между поколениями представлены, в основном, с негативной стороны. Оно и понятно: частушка – это выплеск эмоций, возможность снизить градус эмоционального напряжения. Если в патриархальной семье с жесткими многовековыми устоями детям не разрешалось высказывать свое мнение, то в кругу своих сверстников они имели возможность выразить свое несогласие с существующим положением дел, хотя бы в песне проявить свою волю, свой характер.

Еще частушка – возможность пожаловаться на родителей, обличить несправедливость. С психологической точки зрения, когда у человека есть возможность высказаться, пусть даже так, не напрямую, а косвенным образом, это помогает ему легче принять проблему, снизить уровень гнева и тревожности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Полуянов, А.* Частушка, как живой отзвук народной жизни. // Известия Вологодского общества изучения Северного края: вып. II.– Вологда, 1915.

2. *Успенский, Г.И.* Новые народные стишки. // Полное собрание сочинений. Т. III.– Петроград: Литературно-издательский отдел Комиссариата народного просвещения, 1918.

3. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. (Ч. 4).– Вологодская губерния.– СПб., 2008.

4. *Малевинский, Ф.Е.* Частушки Биряковской волости Тотемского уезда Вологодской губернии [рукопись]. / Ф.Е. Малевинский.– 1927–1928. (Архивный отдел Тотемского музейного объединения. Док. № 123.

5. Частушки (собраны в Тиксненской волости. (Архивный отдел Тотемского музейного объединения. Док. № 185).

6. *Малевинский, Ф.Е*. Частушки, причитания и песни невесты и ее подруг в Биряковской волости Тотемского уезда [рукопись]. / Ф.Е. Малевинский.– 1927–29 г. (Архивный отдел Тотемского музейного объединения. Док. № 122).

7. Сказки, песни, частушки Вологодского края / под редакцией В. В. Гура.– Архангельск: Северо-западное книжное издательство, 1965.

8. *Власова, И. В.* Дорогами земли Вологодской. Этнографические очерки.– Москва, 2001. // Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И. В. Бабушкина. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/doro/gami/zem/ly/1.htm#1 (дата обращения: 11.11.2022)

9. Частушки (Собраны в Заозерской волости) [рукопись]. (Архивный отдел Тотемского музейного объединения. Док. № 186).

Гросс Александра Владимировна,
заведующая музейно-выставочным центром «На Большой Садовой»
МБУК «Тотемское музейное объединение»,
г. Тотьма

ГОНЧАРСТВО НА ТОТЕМСКОЙ ЗЕМЛЕ

В 2022 году в Тотьме был реализован проект «Возрождая забытое», поддержанный Президентским фондом культурных инициатив. Проект был направлен на социальную адаптацию детей с инвалидностью посредством вовлечения в художественную деятельность. В рамках проекта была создана гончарная мастерская, где инклюзивные группы занимались теоретическим и практическим изучением гончарства. На территории Тотемского района не сохранилось гончарных мастерских по изготовлению утилитарной керамики, нет мастеров.

В ходе проекта силами детей под руководством заведующей МВЦ Гросс А. В. и педагога Тотемского ЦДО Фоминской Л. Н. были изучены традиционные виды крестьянской посуды и воссозданы её образцы, а также проведен сбор информации о данном промысле на Тотемской земле. При этом выяснилось, что нет обобщённой информации о мастерах и местах производства глиняной посуды. Упоминания о гончарном промысле в краеведческой литературе малочисленны и разрознены. Все имеющиеся сведения требуют систематизации. В данной работе приведена попытка собрать уже имеющиеся сведения о гончарстве в крае, показать круг выявленных источников и литературы.

Ремесло по производству керамики уходит корнями в глубокую древность. Самые ранние керамические изделия Тотемского края относятся к эпохе неолита, что подтверждают многочисленные находки в виде фрагментов глиняных сосудов, найденных во время археологических раскопок.

Материалы археологических экспедиций часто фиксируют и детально описывают гончарные изделия разных периодов. По фрагментам керамики археологи определяют культурную и хронологическую принадлежность памятника. В рамках проекта дети частично воссоздавали декор подобных изделий по подробным описаниям материалов экспедиций.

Однако данное исследование касается периода тотемского гончарства с середины XIX до середины XX века.

Когда идет речь о кустарном промысле, поиск которого был одной из задач исследования, то здесь стоит упомянуть об особенностях кустарного производства, которые наиболее четко определены в «Бюллетене Северо-Восточного областного бюро краеведения» от 1926 года. Следуя ему: *«Кустарный промысел есть по преимуществу мелкое крестьянское промышленное производство, основывающееся на следующих основаниях:*

1. Сезонном досуге крестьянской семьи для внеземледельческих занятий.

2. Наличие для переработки дешевого местного сырья.

3. Наличие технических и художественных навыков для выполнения данной работы.

Само название как бы подразумевает, что указанные занятия возникают «кустом», т. е. охватывают обычно целый район: село, волость, уезд» [1, с. 20].

Чаще всего, если жители повсеместно занимаются тем или иным промыслом, то название населенного пункта может это отражать. В нашем случае мы обратились к работам тотемского краеведа А. В. Кузнецова и в частности к его книге «Тотемский ономастикон» с целью найти топонимы, имеющие отношение к гончарному промыслу. В ходе поиска было обнаружено два топонима. Первый из них – деревня Гончарово. Второй – несколько населенных пунктов с названием Черепаново / Черепаниха. Вот что пишет А. В. Кузнецов:

«ГОНЧАРОВО – деревня на речке Войманге, правом притоке Сухоны. Выросла из хуторских хозяйств, причём, изначально они назывались 1-е Гончарова и 2-е Гончарова и входили в Маныловский с/с. По местному преданию, первым на Воймангу ушёл жить из деревни Большой Горох (Слободино) крестьянин Михаил Гончаров с семьёй. Запустела деревня после войны, в 50-е годы. Фамилия «Гончаров» происходит от прозвища Гончар – «тот, кто делает глиняную посуду» [2, с. 68].

Второй топоним для современного человека не так очевиден, как первый, однако же, по сути, это – топонимы-синонимы.

«ЧЕРЕПАНИХА – деревня на левом берегу Сухоны в Маныловском с/с, на Устье-Толшменском. [...] Прозвище Черепан носил гончар, изготовитель глиняной посуды» [2, с. 286]. Также встречается река Черепаниха – левый приток реки Песьей Деньги.

Фамилия же Черепанов широко распространена в Тотемском районе и по сей день. «ЧЕРЕПАНОВ – фам. из тафтенских (Подгорная), погореловских (Маныловица, Горбенцево, Тетеревиха) и царевских (Рязанка) деревень [...] в писцовой книге 1623 года вол. Кулуй есть сведения о том, что «крестьяне дер. Герасимовой, Черепаново тож, в поле глину горшечную копают, горшки на продажу делают». Позднее эта деревня запустела, но глиняная посуда кулойских черепан, или гончаров, в старину продавалась на всех ярмарках в Тотемском и соседних с ним уездах. Значит, Черепан, это профессиональное прозвище, в одном ряду с Кузнец, Плотник, Токарь» [2, с. 287].

Получается, что одно из условий для существования кустарного гончарного промысла на территории Тотемского района существовало, а именно – доступный дешевый материал для работы гончарных мастерских. В своей работе «Тотемский район в прошлом и настоящем» 1920 года краевед Н. В. Ильинский приводит доводы в пользу развития данного промысла. Карта почв Тотемского района в целом соответствует уже перечисленным местам бытования гончарного промысла. *«По качествам здесь мы имеем все переходы от сильно песчанистых глин, суглинков, супесей и глинистых песков, к весьма чистым пластичным глинам, пригодным для целого ряда гончарных изделий [...]. Под с. Медведево Пятовской волости, около г. Тотьмы у с. Коченьги сохранились поныне довольно производительные кирпичные заводы (все на берегу Сухоны).*

В Мосеевской же волости из глины приготовляли недурную посуду, и эта волость еще недавно славилась гончарным промыслом, исчезнувшим почти вовсе с начала войны» [3, с. 5].

Про Мосеево же, как про центр гончарного промысла, встречается также упоминание в краеведческих записках В. Величутина: *«В деревне Кожинской Мосеевской волости крестьянин-гончар Иван Васильевич Новоселов (родился в 1870 году – умер в 1940 году) делал прекрасную гончарную посуду с белой, желтой и другими цветами поливой. Среди его изделий можно встретить глиняные чайники, чашки, тарелки, цветочники, горшки, разлевашки и другие сосуды крестьянского обихода, а также трубы для печных дымоходов. Он изготавливал красивую и прочную посуду, притом из приготовленной глины он мог в течение рабочего дня изготовить до 600 крынок (сосудов для молока)»* [4, с. 57].

Данный факт можно поставить под сомнение. Скорее всего, имелась в виду производительность за сезон. В том же «Бюллетене» указано среднегодовое производство посуды, которое составляло по приблизительным подсчетам от 600 до 2000 изделий на одно хозяйство [1, с. 27].

Иван Новоселов также передал в дар музею глиняный самовар. Он представлен в зале народных промыслов, и на наш взгляд, является одним из самых недооцененных гончарных изделий Русского Севера. Еще в 1846 году в Вологодской кустарной выставке с глиняным луженым самоваром участвовал еще один мастер из Мосеевской волости. За него мастер получил премию 10 рублей [6]. К сожалению, имя гончара остается на данный момент неизвестным, однако, учитывая то, что самовар из глины представляет собой, в общем, высший пилотаж в гончарстве, можно сделать вывод, что данный промысел бытовал на Мосеевской земле давно, и уровень мастеров был довольно высок. Подобных изделий до наших дней дошло буквально единицы, видимо, вследствие хрупкости. Подобное изделие упоминается в записках о пребывании на Тотемской земле Великого князя Владимира Александровича в 1884 году. Следовавший в свите князя писатель К. К. Случевский упоминает: *«был тут очень курьезный глиняный самовар, ценой 1 рубль»* [7].

Мосеевская волость может считаться на данный момент единственным центром кустарного гончарного промысла. В издании Неофициальной части Вологодских губернских новостей в статье «Кустарная производительность в Кулойско-Воскресенском приходе Мосеевской волости Тотемского уезда» была собрана довольно подробная информация о числе гончаров в волости. В части «Формовка глиняных вещей на станках» упоминается производство горшков, кринок, волохов (крышки), плошек и кубов в дегтекурные заводы. *«Производством занимаются за небольшим исключением, жители четырех селений: Степановской, Фоминской, Кожинской, особенно и Филяково, средним числом до 70 домохозяйств с семействами: в состав рабочих рук можно отнести и детей с 13-летнего возраста*» [8]. К их числу автор не относит хозяйства, которые изготовляли посуду только для собственных нужд. «*Сбыт происходит в соседние населенные пункты окружностью до 50 верст. Иногда некоторые мастера развозили свои изделия на продажу по всему уезду, однако же основной рынок сбыта – город Тотьма. О времени возникновения промысла нельзя же сказать ничего определенного, кроме того, что существует оно с незапа-*

мятных времен, и состояние промысла идет в производительном отношении к совершенству, поскольку появляется луженая посуда» [8]. Данная обработка подразумевает помещение просушенной посуды в горн после обработки олифой – смесью сурика с водой. Эту порошкообразную смесь намазывают мочальной кисточкой на посуду. Трудность покрывания посуды олифой заключается в том, что сурик должен лечь ровным слоем; в противном случае горшок при обжигании развалится. Олифяная (обливная) посуда ценилась дороже.

В материалах «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева», несмотря на подробные записи о жизни и быте крестьян Тотемского уезда, упоминаний о гончарстве практически не встречается: *«Домашняя утварь [...] деревянные изделия – как и вёдра и прочее – местного изготовления, посуда всякая – со стороны купленная в городе или привозная на место»* [9]. Из этого можно сделать вывод, что на период 1898–1899 гг. крупных гончарных производств в уезде не было.

Еще одним источником информации о тотемских гончарах стало издание Вологодского губернского Земства «Внеземледельческие промыслы Вологодской губернии» под редакцией А. Н. Масленникова 1903 года. Данное издание примечательно живым языком и довольно подробным описанием уровня мастерства ремесленников.

«В других местах Вологодской губернии гончары не были так счастливы, как в Закушской волости, и сами ищут новых приемов выработки, ищут упорно, хотя несколько оригинально: прослышали гончары Тотемского уезда, что в Соловецком монастыре живет хороший мастер – гончар; несколько человек отправились пешком в Соловки поучиться у него гончарному делу, но, к сожалению, ничего для себя полезного не нашли. Те же тотемские гончары отдавали своих дочерей замуж за гончаров в соседние губернии, чтобы чрез них расширить круг своих знаний; но и здесь их надежды не оправдались» [10].

Ремесленники любой направленности в тот период старались держать в секрете технологии производства, и конечно, делиться ими не спешили, избегая ненужной конкуренции. В упомянутом уже «Бюллютене» представлена следующая история, относящаяся к соседнему Никольскому уезду, однако же, хорошо характеризующая способы сохранности коммерческой тайны: один из наемных работников гончарного производства *«научившись делать посуду, выехал оттуда в возе с сеном, т. к. горшечники не желали выдавать секреты производства, и домой его не отпускали»* [1, с. 26]

Довольно сложные условия труда и низкий уровень производственной техники были характерны для данного промысла на протяжении долгого периода, что хорошо проиллюстрировано в «Бюллетене» от 1925 года: *«Все работы по производству посуды, в том числе мятье глины и сушка посуды происходит в той же избе, где живет семейство. Результаты, конечно, совершенно ясные – грязь невозможная и сырость»* [1, с. 28]. Слабое развитие технологий (отсутствие ножного привода на гончарных кругах), крайне низкий доход от производства, высокая конкуренция с фабричной посудой, которая становится все более доступной для населения, ненастроенные рынки сбыта, сложные санитарно-бытовые условия работы мастеров, отсутствие централизованной поддержки ремесленников приводят к тому, что постепенно гончарный промысел сходит на нет.

Н. А. Черницын в газете «Рабочий леса» от 29 декабря 1940 года опубликовал разгромную для местного гончарного производства статью «И опять о гончарстве». *«Тотемские горшки неуклюжие, грубые, чёрные, с рванинами на стенках, не имея поливы, настолько пористые, что вода выступает на наружных стенках. Они скорее напоминают продукцию эпохи неолита и заезжим человеком никак не могут быть отнесены к нашей Социалистической эпохе» [11].* Интересна эта статья упоминанием кафельного и посудного заводов на территории «Крестовки» (пригород Тотьмы).

Имена мастеров тотемской земли удалось сохранить благодаря этнографическим экспедициям сотрудников Тотемского музейного объединения: экспедиционные записи донесли до нас не только имена мужчин-гончаров, но и женщин. Среди них: Евдокия Корсакова из Черепанихи (по прозвищу «Дуня-горшечница»), Наталья Кузьмовна Акентьева из Миньковской волости, Клавдия Николаевна Игнатьевская из хутора Липки Усть-Печенгского сельсовета, Лидия Овчинникова из деревни Фетинино [12].

Одной из задач данной работы также является дополнение информации, основываясь на новых, еще не опубликованных воспоминаниях. Одним из источников стали воспоминания сотрудника ТМО Валентины Алексеевны Притчиной: *«Можно предположить, что Биряковская волость располагала залежами гончарной глины, поскольку у местных жителей еще живут, хотя и отрывочные воспоминания, об этом промысле. Например, в д. Борщовка в заброшенном доме, который разрешили посетить местные жители, нами был обнаружен гончарный круг. Как выяснилось позднее, он принадлежал мастерице* ***Верещагиной Анне Ивановне****. «А гончарством*

занимались на Моле, в д. Шилово или Шибловке»,– рассказали местные жители» [13].

Не менее важная информация оказалась зафиксирована в воспоминаниях В. И. Никифоровского. Валентина Притчина пишет: «Из воспоминаний Василия Ивановича понятно, что основу жизни населения составляла работа на земле, но присутствовали и другие занятия населения. Например, респондент рассказал о гончарстве. В Ляпино жил гончар Шилов Иван Яковлевич, который по возрасту был старше Никифоровского. Мастер использовал местную глину, которую копали в двух километрах от деревни. Следили за тем, чтобы глина была чистая, без камней. С берега реки привозили песок. Для гончарства у мастера была отдельная изба. Ему помогала в работе жена, другие члены семьи занимались хлебопашеством. *«А самому хватало, оба со старухой крутили. Посуду делали на продажу. Недорого продавали. Круг был ручной. Обжигали на улице в специальной печи, снизу подтапливали. Форм специальных не было. Работать со старухой не давали никому. Один горшки делает, другой корчаги, вёдра на 1,5. А глину и песок привозили семейники, он не издив сам. Глина буроватая, лепкая, к ногам попадёт, не скоро отмоёшь, такая не везде есть, покопает в 20 местах, чтобы найти. Посуда без поливы. Делали корчаги, горшки, латки (большая миска для жаркого), блюда, маленькие чашки. Делали игрушки-свистульки челяди, по копейке продавал свистульку, сделает барашка и с гребешочком. Делали трубаки на крышу для дыму. Делали кубы из глины для смолокурения»* [14].

Кроме этого, в личном архиве Валентины Алексеевны сохранились воспоминания об экспедиции в деревню Косиково, где упоминается еще одна то ли фамилия, то ли деревенское прозвище мастера гончара, что также позволяет дополнить далеко не полный список гончаров-ремесленников Тотемской земли: «Когда я ездила на конференцию в Бабушкинский музей, заехав в деревню Юрманга, я познакомилась с Романовой Верой Васильевной, уроженкой д.Косиково Бабушкинского района. Рассказ она начала словами: *«Косиковцы, как московцы, а теперь как высоковцы».* На мой вопрос: *«Делали ли в деревне изделия из глины*?», она отвечала: «*Делали давно. Старик был Дымко»* и продолжила:

«По деревне огошки
Дымко делает горшки.
А погасли огошки,
У Дымка лопнули горшки». [15]

Дополнить список мастеров помогли записи, собранные в 2004 году педагогом Вожбальской школы, учителем начальных классов Козловой Татьяной Александровной: *«В нашей Вожбальской волости с давних пор бытует поговорка «Не боги горшки обжигают, а те же лодыгинцы». Она-то и позвала нас с учениками отправиться в дорогу и встретиться с жителями деревни Лодыгино Вожбальского сельсовета. Эта встреча состоялась во время лагерной смены, летом 2004 года. Когда-то деревня Лодыгино была большая, в 2004 в ней насчитывалось 8 жилых домов, в настоящее время 5. Из всех, проживающих в то время жителей, о гончарах смогла рассказать только Нина Александровна Воропанова. Она поведала нам, что в деревне еще до войны жила пара Иван и Павла Тихоновы (по прозвищу «Зайчики»). В своем хозяйстве они имели гончарный круг и занимались изготовлением глиняной посуды. Они делали кринки, плошки, корчаги, розлевы, масленки, латки (их у нас называли «решетницы» т.к. в них пекли большие круглые пироги, поверх которых выкладывали узор в виде решетки). Глину для работы гончары брали в ямах, за деревней. В глину добавляли песок. Готовые изделия обжигали в печи, чтобы они были более прочными. Своей продукцией они торговали по всей Вожбальской волости, тем самым зарабатывали себе на пропитание.*

У некоторых жителей наших деревень до сих пор в ходу их изделия. Часть представлена в школьном музее» [16].

В ходе работы над проектом летом 2022 года были записаны воспоминания жительницы деревни Берёзовка Поповской Надежды Ивановны (1948 г. р.). Территория Берёзовки вместе с близлежащими кустом деревень Тиманова Гора, Пожарище, Чупино, Харино и др. входит ныне в Тимановский сельсовет Бабушкинского района, а ранее входила в состав Тотемского уезда. *«Мама рассказывала, что в Чупино жил гончар, по фамилии Поповский, имени не помню. А в Пожарище изделия из глины делал Григорий Кряталов, по прозвищу «Гриша-горшечник». Гриша делал много посуды, снабжал ее всю округу, а в Чупино гончар только для своих делал, немного. Гриша делал кринки, горшки, розлевы, кувшины. Посуду он делал красивую, обливную. Мама долго пользовалась его розлевом. Еще она рассказывала, что как-то Гриша наделал много горшков, день был хороший, теплый, и он развесил их на тын сушить. А ночью робята пристегали все горшки. Об этом даже частушку пели потом на деревне»* [17].

Таким образом, обобщая изложенную информацию, можно представить наиболее полную на данный момент сводную таблицу гончаров Тотемской земли, которая в дальнейшем может дополняться

и расширяться. Как мы видим, среди гончаров довольно часто встречались мастера-женщины.

Уезд/район	Волость / с/с	Населенный пункт	Ф. И. О.
Тотемский уезд	Мосеевская волость	Степановская, Фоминская, Кожинская, Филяково	Иван Васильевич Новоселов (1870–1940 гг.)
Тотемский уезд	Миньковская волость	Косиково	«Дымко» (вероятно, прозвище)
Тотемский уезд	Биряковская волость	д. Борщовка	Верещагина Анна Ивановна
Тотемский уезд	Миньковская волость		Акентьева Наталья Кузьмовна (1892–??)
Тотемский уезд	Харинская волость	дер. Пожарище	Григорий Кряталов (Гриша-горшечник)
Тотемский уезд	Харинская волость	дер. Чупино	Поповский??
Тотемский район		Ляпино	Шилов Иван Яковлевич
Тотемский район	Вожбальский с/с	Лодыгино	Иван и Павла Тихоновы (по прозвищу «Зайчики»)
Тотемский район		Черепаниха	Евдокия Корсакова (по прозвищу «Дуня-горшечница»)
Тотемский район	Усть-Печенгский сельсовет	хутор Липки	Клавдия Николаевна Игнатьевская
Тотемский район		деревня Фетинино	Лидия Овчинникова

Кроме этого, документально подтвержден кустарный гончарный промысел довольно высокого уровня на территории Мосеевской волости и части современного Бабушкинского района. Можно сделать вывод, что в остальных случаях гончары «обслуживали» близлежащую территорию, изготовляя посуду на реализацию и под заказ для жителей ближайших деревень, в среднем охватывая округ в 40–50 км.

В послевоенные годы промысел становился все менее востребованным, однако информация о мастерах всё же встречается

в местных СМИ. Гончарство в Тотемском районе во второй половине XX века станет предметом последующего изучения, как и ряд других вопросов, а именно: существовавшие на территории Тотемского края кирпичные заводы и изготовление там изразцов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Бюллетень Северо-восточного областного Бюро краеведения: вып. I.– Архангельск, 1925.

2. *Кузнецов, А. В.* Тотемский ономастикон: фамилии тотьмичей, названия деревень, «советские» ойконимы, русские гидронимы // Вологодская областная универсальная научная библиотека имени И. В. Бабушкина [сайт]. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/onomast1/text.pdf (дата обращения 12.11.2022).

3. *Ильинский, Н. В.* Тотемский район в прошлом и настоящем.– Вологда: 3-я Государственная типография, 1920 (Опыт производительных сил края). // Вологодская областная универсальная научная библиотека имени И. В. Бабушкина [сайт] // URL: https://www.booksite.ru/fulltext/iliinskii/text.pdf (дата обращения 16.12.2022).

4. *Величутин В. Е.* Краеведческие записки [рукопись] / Величутин В. Е. – Тотьма, 1957. (Архивный отдел ТМО. Док. № 738/4).

5. Бюллетень Северо-восточного областного Бюро краеведения. Выпуск 1. Архангельск, 1925 г.– С. 27. Т. 23268.

6. Промыслы и ремесла Тотемской земли: от прошлого к настоящему.– Вологда: Древности Севера, 2019. С. 24.

7. *Случевский, К. К.* По Северо-Западу России / К. К. Случевский.– СПб.: издание А. Ф. Маркса, 1897. [электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/slu/shev/skij/6.htm#31 (дата обращения 9.11.2022).

8. *Суровцов, А.* Кустарная производительность в Кулойско-Воскресенском приходе Мосеевской волости Тотемского уезда. // Вологодские губернские ведомости.– № 12.– 1881. [электронный ресурс] // URL: https://www.booksite.ru/vgv/pageview.php?y=1881&m=1037&p=39948&r=0 (дата обращения: 20.12.2022).

9. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния, ч. 4.– СПб.., 2008. С. 191.

10. Внеземледельческие промыслы Вологодской губернии. / Под редакцией А. Н. Масленикова.– Вологда, 1903. [электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/vne/zem/led/elc/hat/iye/3.htm#16 (дата обращения: 20.12.2022).

11. *Черницын, Н. А.* И снова о гончарстве // Рабочий леса.– № 302 (1762). 1940. С. 2.

12. Архивный отдел Тотемского музейного объединения. Д. ТМО 660, ТМО 1472, ТМО 1647, ТМО 1516.

13. Этнографические экспедиции в Биряковский сельский совет Сокольского района. 1990 г. Из опыта работы Тотемского музея. Личный архив В. А. Притчиной. 1993.

14. Жизнь северной деревни в первой половине XX века в воспоминаниях Василия Ивановича Никифоровского. Из личного архива В. А. Притчиной.

15. Этнографические записи в дер. Юрманга. Бабушкинский район. Из личного архива В. А. Притчиной.

16. Воспоминания Т. А. Козловой, жительницы д. Вожбал Тотемского района. Личный архив автора статьи.

17. Воспоминания Н. И. Поповской, жительницы д. Березовка Бабушкинского района. Личный архив автора статьи.

Улитова Анастасия Сергеевна,
старший научный сотрудник
Государственного исторического музея,
г. Москва

«АРХИТЕКТУРНЫЕ ШВЕЙКИ» РУССКОГО СЕВЕРА (ТОТЕМСКИЙ И СОСЕДНИЕ РЕГИОНЫ)

При изучении северорусских швеек в музейных собраниях был определен круг памятников со столбиком в виде башни. Они отличаются весьма строгой формой стояка. На них не встретишь ни скульптурных птичьих мотивов, ни конских голов. Эти столбики последовательно состоят из архитектурных объемов, местами в сочетании с геометрическими звеньями. Швейки-башни весьма напоминают высокие колокольни русских церквей, строящихся повсюду в XVII–XIX вв. Для удобства типологизации памятников русского традиционного искусства назовем их «архитектурные швейки».

Данная форма башни-колокольни была очень распространена по всей России, в том числе и на Русском Севере. Каждый регион при этом обрел свои особенности в украшении ярусов. Среди старого собрания ГИМ конца XIX в., экспедиционного привоза XX в. и современного поступления из разных источников удалось выделить некоторое число образцов «архитектурных швеек». Речь идет о двух швейках, купленных у перекупщиков на торгу, одной – из экспедиционных сборов в Вологодской области 1984 г., восьмью швейках, купленных музеем у различных собирателей уже в нынешнем веке.

Швейка цельная. Конец XIX века (а). Вологодская эксп. 1928 г. ГИМ.
Швейка цельная. Конец XIX – начало XX вв. (б). Поступление 2004 г. ГИМ.
Швейка цельная. Первая половина XIX в. (в). Приобретена в 1906 г. ГИМ.
Публикуются впервые

Швейки-башни по конструкции принадлежат ко всем трем типам северорусских швеек, о чем уже доводилось говорить при рассмотрении образцов из некоторых других регионов Русского Севера (цельные, складные и составные). У составных швеек угол образован соединением двух разных деталей, цельные – вырезаны из одного куска дерева, складные имеют специальный механизм сложения.

К группе с цельной конструкцией можно отнести всего три швейки.

В 1984 году из Усть-Кубинского района Вологодской области (Кадниковский уезд) была привезена швейка, датированная концом XIX века. Столбик у нее изготовлен в виде четырехгранной башенки в два открытых прорезных яруса на четырех опорах-колоннах, вся швейка окрашена в красный цвет. Удалось обнаружить, что подобные формы бытовали и в Тотемском уезде. В местном музее хранятся несколько подобных образцов первой четверти XX в.

Вероятно, подобный прием оформления швеек был выработан в конце XIX – начале XX на довольно обширной территории.

Еще одна швейка поступила в ГИМ в 2004 г. в составе «коллекции предметов декоративно-прикладного искусства из дерева

конца XIX – начала XX вв.» [1, с. 32] без какой-либо аннотации. Она имеет определенное сходство с вышеописанным образцом, кроме конструкции, их роднит высокое основание (подножие), но место перехода донца в стояк на этот раз украшено контурной и трехгранно-выемчатой резьбой. Окраска сочетается с неокрашенным деревом. Столбик-башня у нее смешенного силуэта: состоит больше из разнообразных геометрических фигурных звеньев. В верхней части стояка размещена коробочка для швейных принадлежностей и завершает композицию шаровидное навершие. В нижней части столбика – открытый ярус на четырех выгнутых в нижней части колонках.

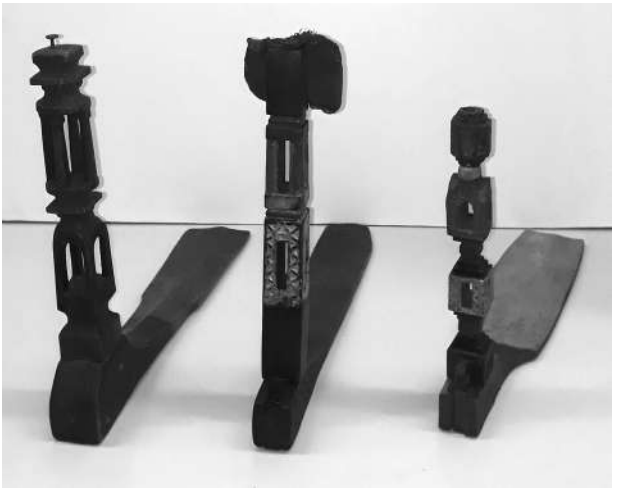
Еще одна швейка-башня датируется первой половиной XIX в., северного происхождения. Она была куплена у крестьянина Д. Е. Кузнецова в 1906 г. Архитектурная композиция этой трехъярусной башенки образована из фигурно-прорезных элементов. Также акцент мастером сделан на подножие: оно не настолько высокое, как на двух предыдущих, но оформлено узором из косой сетки как на швейках из Великоустюжского района. Этот орнамент не только украшает предмет, но обозначает структурную составляющую традиционной конструкции. Кроме того, подножие украшено резными многолучевыми розетками. С внутренней стороны столбика выдолблена коробочка для ниток и иголок. Поверхность швейки полихромно окрашена, сейчас она потемнела от времени. Интересен столбик этой швейки, состоящий из трех прорезных не похожих друг на друга ярусов. Нижний – состоит из оконцев на четыре стороны, с полукруглым верхом. Средний ярус – также из парных прямоугольных оконцев, а верхний – имеет вид прорезной кубоватой фигуры с круглыми оконцами. Верхушка швейки выполнена в форме восьмигранника, орнаментирована рядом ногтевидных вырезок, расположенных по граням.

Еще одна группа швеек-башенок образуется из образцов с фигурно вырезанным навершием геометрической формы. Они обладают складной конструкцией, а донце их имеет округлое или острое завершение. Складная конструкция – определенный механизм сложения, укладывания швейки за счет подвижного вертлюга и деревянного гвоздя.

Отнесем к этой группе три памятника из собрания ГИМ, атрибутированные нами как великоустюжские по происхождению [2]. Несколько подобных складных предметов, выполненных в конце XIX века, были привезены в 1970 г. О. В. Кругловой из Тотемского района [3]. Их столбики напоминают четырехгранную, слегка

сужающуюся кверху башенку в несколько ярусов. Обе украшены мелкой геометрической резьбой.

Столбики швеек из собрания ГИМ имеют вид башни сложной формы. Особенно любопытна швейка-башня в два яруса, датируемая второй четвертью XIX в. Она была куплена на торгу в 1895 г. Столбик и часть донца окрашены в зеленый, красный и желтый цвета. Каждый ярус его непохож на другой. В целом оформление столбика особенно приближено к архитектурному облику башен-колоколен. Нижний его ярус выполнен в виде оконных проёмов на четыре стороны с полуциркульными, арочными завершениями, включёнными в обрамление прямоугольного формата. Верхний – в форме ротонды: на круглой площадке под круглой кровлей поставлены четыре колонки гладкого фуста с подобием капителей, украшенных ногтевидными выемками. Стержень каждой колонны слегка сужается кверху. Композиция столбика интересна этим соединением в одной связке привычных в традиционной русской архитектуре кубических, последовательно поставленных друг на друга форм с появившимися только к концу XVIII в. ротондами, особенно востребованными при оформлении усадеб и городских гражданских объектов.

Швейка складная. Вторая четверть XIX в. (а). Куплена на торгу в 1895 г. ГИМ. Швейка складная. Вторая половины XIX в. (б). Поступление 2016 г. ГИМ. Швейка складная. Вторая половина XIX в. (в). Поступление 2014 г. ГИМ. Публикуются впервые

Другая складная швейка с раскраской II половины XIX в. отличается более простым архитектурным ансамблем. Здесь столбик вырезан из бруска, в нижней части которого оставлен гладкий высокий постамент. Выше столбик предстает в виде башни из двух ярусов: с прорезными прямоугольными оконцами на четыре стороны и открытого на четырех колоннах гладкого фуста. Украшена эта швейка трехгранно-выемчатой резьбой и раскрашена в темно-синий, темно-зеленый, желтый и белый цвета.

Хочется остановиться на интересной швейке, купленной в 2014 г. Она виртуозно декорирована трехгранно-выемчатой резьбой. Ее фигурный столбик выстроен в четыре яруса, где каждый ярус представляет собой особый архитектурный объем с проемами. Столбик башни составляют восьмигранник и три четырехгранника с многогранными переходами между ними. Поверхность столбика украшена прорезными оконцами и резными поясками из треугольников, зигзагов, вертикальной нарезки, арочными проемами (люнетами) и раскрашена в зеленый, темно-красный, синий, белый цвета. С помощью вертлюга, дополненного кольцом, столбик соединен с узким ластовидным донцем [2].

Швейки составные. Конец XIX – начало XX вв.
Приобретение 2016 г. ГИМ

К третьей группе относятся швейки в виде башен-колоколен широко распространенной составной конструкции. Все предметы этого объединения происходят из крупного поступления швеек в 2016 году. И оно не сопровождалось никакой информацией о происхождении памятников.

Нельзя не отметить в швейках этой группы разнообразие в целом форм столбиков-башен и многообразие составляющих из отдельных форм звеньев стояка. Здесь особенно наглядно сказалось влияние архитектуры, прежде всего северных церквей, средневековых башен, деревянных и каменных колоколен. Интерпретация архаической традиции прослеживается в эволюции архитектурной формы, воплощенной в скульптурном облике швейки. Эти многоярусные композиции в большей или меньшей степени представляют стилизованные архитектурные образы, резное убранство, насыщенное различными декоративными и функциональными элементами, применяемое в зодчестве. Иногда такая швейка – миниатюрная копия целого узнаваемого архитектурного сооружения [4, 31]. Например, четырехугольная в плане трехъярусная башня. Каждый ее ярус имеет контурное изображение стрельчатых арок, обрамляющее полуциркульные

Швейки составные. Конец XIX – первая четверть XX вв. Приобретение 2016 г. ГИМ. Публикуются впервые

сквозные проемы на четыре стороны и с четырьмя витыми опорными колоннами по углам. Имеет резное украшение из зубчиков. В целом столбик швейки напоминает башню – колокольню Джотто во Флоренции. Это интересное сближение, скорее всего, отражает, возможно, общие тенденции развития архитектуры, а также продиктовано деревянной формой для резьбы и удобством ее оформления мастером-резчиком, но и конечно интерпретирует непосредственные впечатления автора.

По форме башни в разных регионах России могли быть: квадратные в плане, шести- или восьмиугольные, даже «круглые». Большинство из них были двухъярусными. А на Русском Севере встречаются швейки и в два, и три, и даже в четыре яруса. Две схожие по форме четырёхгранные в плане 2-ярусные башни были привезены экспедицией Русского музея 1987 г. из Тотемского района [3]. Их столбики отличаются формой, утончающейся кверху, а поверхность их обильно покрыта трехгранно-выемчатой резьбой, местами даже с подкраской. Третья швейка, также в виде башни, обладает столбиком, вырезанным из четырехгранного бруска в три яруса и имеющим вытянутые сквозные окошки с полукруглыми сводами. Сотрудниками Русского музея были собраны сведения о мастере Фатиеве Якове Осиповиче (1880–1940-е гг.) из д. Рассохино Тотемского уезда, вырезавшем эту швейку в 1914 году [3]. Она имеет явное сходство в оформлении стояков со швейкой в три яруса из Исторического музея, но только последняя отмечается наличием в украшении витых, со спиральными канелюрами, колонн.

Другая швейка из третьей группы имеет отличный от всех предыдущих облик башни, а также по-иному обработанное пространство элементов ярусов. Здесь наблюдается неожиданное решение в украшении традиционного предмета по вертикали строения. Стояк швейки в виде башенки в четыре яруса прорезных кругов и «замочных скважин» на четыре стороны, закреплен в головке узкого донца. Ее навершие имеет форму пробки. Во врезном узоре: линии, треугольники, круги, скобки. Швейки с вариациями подобного украшения представлены в экспозиции ТМО и в фондах ГРМ [3]. Имени данного мастера пока найти не удалось.

А самая высокая швейка-башня конца XIX в., составной конструкции, со столбиком в четыре яруса, отличается еще и включением в декор литер и цифр. Окрашенный в темный цвет столбик, в виде четырех прорезных элементов с выпуклыми резными балясинами-опорами на фигурных постаментах, в целом выделяется лишь размером. А вот на гладком параллелепипеде, между первым

и вторым ярусами вырезаны чьи-то инициалы и зашифрованный в аббревиатуру текст, а также дата: «ГАУ», «КП», «М 189», «Н ГО». Аналог этой швейки северного происхождения хранится в фондах РЭМ [3]. На ней также вырезаны инициалы мастера: «ГАУ» и близкая дата: «1888». Относительно умелого, отличающегося развитым художественным вкусом предположительно местного мастера-монограммиста Г. А. У.

В своей совокупности рассматриваемые швейки из собрания ГИМ и подобранные аналоги позволяют утверждать о существовании центра в Тотемском и особой популярности данного типа швеек в соседних регионах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Главная Инвентарная книга Государственного Исторического музея. Т. 58. М., 2004–2005.

2. Проблемы атрибуции памятников декоративно-прикладного искусства XVI–XX веков. Материалы VII научно-практической конференции 19–22 октября 2021 г. // Труды ГИМ.– М., 2023 (в печати).

3. Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации. [электронный ресурс]. URL: Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации (goskatalog.ru) (дата обращения: 29.12.2022).

Автор выражает благодарность коллегам из Русского музея (ГРМ), Сергиево-Посадского музея-заповедника (СПМЗ), Тотемского Музейного Объединения (ТМО) и Российского Этнографического музея (РЭМ) за возможность поработать в фондах с коллекциями швеек и за предоставленную информацию по экспедициям.

4. «Любовью и единением спасемся...». Проблемы изучения и комплектования народного и декоративно-прикладного искусства. Материалы конференции 8–9 июня 2016 г.– Сергиев Посад, 2016. С. 31.

Тарашнина Татьяна Шихбалаевна,
ведущий архивист обособленного структурного подразделения «Вологодский областной архив новейшей политической истории» Государственного архива Вологодской области, г. Вологда

РУКОВОДИТЕЛИ ТОТЕМСКОГО УЕЗДНОГО КОМИТЕТА РКП(б) – ВКП(б)

Революция 1917 года и приход к власти большевиков коренным образом изменили структуру властных органов всей России.

Новая государственность формировалась в огне Гражданской войны, поэтому этот процесс был крайне затруднен. В первой половине 1918 года в большинстве северных губерний России продолжала действовать дореволюционная система государственных учреждений. Только в мае-июне 1918 года в Вологодской губернии стали формироваться органы советской власти.

Первая городская организация большевиков в Тотьме была создана в начале июня 1918 года. К концу июня в рядах городской организации РКП(б) насчитывалось порядка 30 членов. Они стали инициаторами созыва партийного уездного съезда. На съезд, который открылся в Тотьме 2 января 1919 года, прибыли 68 человек. В ходе первой уездной партконференции 2–4 января 1919 года был избран Тотемский уездный комитет РКП(б). Председателем уездного комитета партии большевиков был избран Иосиф Николаевич Едемский [1].

Иосиф Николаевич – член партии с 1919 года. До избрания председателем Тотемского уездного комитета РКП(б) он служил в петроградской милиции, был членом мобилизационной вербовочной комиссии в Тотьме, членом чрезвычайного комитета при Тотемском военном комиссариате, заведующим подотделом информации, председателем отдела здравоохранения. Кроме обязанностей председателя укома РКП(б) он был корреспондентом РОСТа, председателем партийного суда и уездного бюро военной помощи [2]. В феврале 1920 года И.Н. Едемский был назначен уполномоченным по проведению гужевой повинности по уезду.

В марте 1920 года в Тотемский уком РКП(б) ревизионной комиссией комитета помощи фронту был представлен доклад, в котором шла речь о хищении И. Н. Едемским денежных средств. В результате он был отстранен от должности и исключен из партии [3]. Председателем Тотемского уездного комитета РКП(б) была назначена Людмила Модестовна Быстрова [4]. В яркой биографии Л. М. Быстровой председательство в Тотемском уездном комитете партии было недолгим, и она, описывая свою жизнь, отмечала, что была *«...несколько месяцев уполномоченным губкома в г. Тотьме»* [5]. Людмила Модестовна родилась в 1884 году в г. Устюжне. Её отец был учителем гимназии, мать вела домашнее хозяйство. После окончания гимназии в Вологде она работала учительницей в Грязовецком уезде, где вступила в группу революционно настроенных учителей, вступила в РСДРП и вела в Вологде активную работу среди рабочих железнодорожных мастерских. В 1908 году переехала в Сормово, через год за революционную

деятельность была арестована и после восьмимесячного тюремного заключения выслана на 2 года в Вологду, где участвовала в издании местного нелегального журнала «Молот», издававшегося по инициативе В. М. Молотова. В 1912 году ссылка закончилась, Л. М. Быстрова вернулась в Петербург. После революционных событий в 1918 году она была направлена в Вологодскую губернию, где работала до 1921 года [6]. Долгое время работала в Ленинградском областном истпарте, была репрессирована в 1940 году, умерла в лагере в 1942 году.

На заседании Тотемского уездного комитета партии 20 февраля 1921 года секретарем укома РКП(б) был избран Николай Канидьевич Юдин [7]. Примечательно, что должность «секретарь», как руководитель Тотемского уездного комитета РКП(б), прозвучала впервые. До Н. К. Юдина уездным комитетом руководили «председатели», а «секретарь» ведал делопроизводством учреждения. Николаю Канидьевичу довелось побывать временно исполняющим обязанности председателя уездного комитета с июля по сентябрь 1918 года [8], секретарем укома РКП(б) он пробыл так же недолго: в мае 1921 года на эту должность был избран Василий Иванович Аксенов [9].

В. И. Аксенов родился в 1889 году деревне Юркино Трофимовской волости Тотемского уезда в бедной крестьянской семье. В 11 лет был отдан в ученье столярному мастерству на завод Красавина в Москве. Стал придерживаться революционных взглядов после посещения антирелигиозных лекций в Московском университете. Был арестован полицией за участие в революционных событиях в Москве в 1905 году. Вскоре вступил в РСДРП и вел активную работу среди рабочих на заводах. В 1909 году переехал в Кронштадт. Революцию 1917 года и приход большевиков к власти встретил с воодушевлением и принимал в этом активное участие: был комиссаром отряда по ликвидации Министерства юстиции и Главного тюремного управления, в январе 1919 года назначен заведующим Петроградским областным карательным отделом, затем членом коллегии комиссариата юстиции и председателем партсуда. В 1921 году ввиду болезни покинул Кронштадт и переехал в Тотьму, где до января 1923 года являлся секретарем уездного комитета партии [10].

В начале января 1923 года ответственным секретарем уездного комитета РКП(б) в Тотьме был избран Иван Никанорович Фомин, член партии с 1917 года, занимавший должность начальника Тотемской уездной милиции в 1918–1919 годах, политработника

политотдела стрелковой дивизии в 1919–1920-х и заведующего орготдела Архангельского губернского комитета партии в 1920–1921 годах. В декабре 1923 года он был откомандирован в г. Вельск на должность ответственного секретаря Вельского уездного комитета РКП(б), с 1925 по 1929 годы работал в Вологодском губернском комитете ВКП(б), затем откомандирован в Архангельск [11].

Чуть меньше года с декабря 1923 по ноябрь 1924 года должность ответственного секретаря уездного комитета партии занимал Григорий Матвеевич Шаршавин, уроженец деревни Лягалово Мологского уезда Ярославской губернии. Григорий Матвеевич долгое время работал токарем на заводах Петербурга, где принимал активное участие в революционном движении рабочих. В 1916 году переехал в Вологодскую губернию на фабрику «Сокол». После революции 1917 года события в жизни Г. М. Шаршавина развивались стремительно: в 1918 году он руководил одним из продотрядов в губернии, проводил национализацию Сухонских фабрик и до 1921 года руководил ими, затем возглавил Вологодский губернский совнархоз, в 1922 году – губернский коммунальный отдел, в 1923 году назначен председателем Тотемского уездного исполкома. Григорий Матвеевич долгие годы работал на руководящих должностях Вологодской губернии, округа и области, в военные годы возглавлял Вологодский лесзаг, был заведующим отдела кадров и секретарем парторганизации Вологодского городского топливного пункта, награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [12].

Александр Александрович Бабушкин – член партии с 1917 года, с 1923 года работал в Тотьме сначала налоговым работником Тотемского уездного финансового отдела, затем начальником уездного земельного отдела, возглавлял Тотемский уездный исполнительный комитет, в октябре 1927 года был командирован в Вологодский губернский комитет ВКП(б) [13].

Георгий Денисович Ляскин – рабочий-литейщик, в партии с 1917 года, окончил Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова, курсы партработников при ЦК ВКП(б). В Тотьму прибыл из Бухары, где служил консулом РСФСР [14].

Николай Максимилианович Бросов родился в деревне Потапиха Кадниковского уезда Вологодской губернии в крестьянской семье. После окончания Шемякинского земского училища и Кумзерской двухклассной школы, ввиду тяжелого материального положения в семье он отправился на заработки в Архангельск, где работал плотником в порту Бакарица. В 1914 году вступил в профсоюз

деревообделочников Архангельска. В революционных событиях 1917 года принять участие Н. М. Бросову не удалось из-за тяжелой болезни. Вернувшись на родину в конце 1917 года, он организовал Шапшенскую волостную партячейку, в которую вошли порядка 50 крестьян. В январе 1918 года выехал в Архангельск и поступил добровольцем в Первый Архангельский Советский батальон Красной армии, который был направлен на охрану побережья Белого моря в селения Ненокса и Солза. В одном из боев отряд, в котором служил Н. М. Бросов, был разбит, Николай Максимилианович взят в плен и помещен в тюрьму в Архангельске, откуда вскоре ему удалось освободиться. Н. М. Бросов был активным участником Гражданской войны: воевал на Северном и Южном фронтах [15]. После окончания военных действий окончил артиллерийские курсы командного состава РККА в Баку. В 1922 году направлен в Вологодскую губернию и назначен заведующим агитационным отделом Кадниковского укома партии. В 1927 году окончил курсы уездных партработников, показав при этом, что «…уклонов теоретических и в вопросах партийной политики партстроительства нет» [16]. Несмотря на это в 1935 году исключен из ВКП(б) [17].

В мае 1929 года Н. М. Бросов был отозван в Вологодский губернский комитет ВКП(б), должность ответственного секретаря временно занял Александр Васильевич Канунов – заведующий агитационно-пропагандистского отдела Тотемского уездного комитета ВКП(б). Александр Васильевич родился в деревне Копытово Грязовецкого уезда Вологодской губернии. Окончил школу для взрослых, педагогический техникум в Грязовце, губернскую совпартшколу в Вологде. В июне 1929 года он был откомандирован в Няндому, затем закончил Ленинградский областной коммунистический ВУЗ, работал в с. Вознесенье Ленинградской области, был директором средней школы № 3 в г. Череповце, в 1943 году ушел на фронт, воевал на Ленинградском, II и IV Украинском фронтах. Награжден орденом Красной Звезды и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [18].

В июне 1929 года ответственным секретарем уездного комитета ВКП(б) был назначен Михаил Николаевич Золотов – член партии с 1918 года. Михаил Николаевич окончил земское училище, марксистский кружок, курсы партработников. В связи с тем, что в июле 1929 года Тотемский уезд был упразднен и был образован Тотемский район, М. Н. Золотов являлся ответственным секретарем Тотемского районного комитета ВКП(б) до октября 1929 года, пока не был отозван в Вологду [19].

Перед руководителями уездного комитета партии в первые годы становления советской власти была поставлена сложнейшая задача по переустройству существующего веками жизненного уклада. Эта задача осложнялась еще и тем, что руководитель зачастую не имел возможности не только наладить, но даже изучить работу вверенного ему уездного комитета, как учреждения, представляющего советскую власть на достаточно большой территории. Виной всему частые смены руководства: за 10 лет существования Тотемского уезда и уездного комитета РКП(б) – ВКП(б) поменялось 12 его руководителей. Вместе с тем председатели и секретари Тотемского уездного комитета, за редкими исключениями, были людьми достаточно образованными: получив до революции 1917 года начальное и профессиональное образование, после они учились в советских учебных заведениях, одновременно получая необходимый опыт управленца на местах.

Приложение

№ пп.	Фамилия, имя, отчество, год рождения	Даты
1	Едемский Иосиф Николаевич, 1887 г. р.	январь 1919 г. – март 1920 г.
2	Быстрова Людмила Модестовна, 1884 г. р.	март 1920 г. – февраль 1921 г.
3	Юдин Николай Канидьевич, 1899 г. р.	февраль-май 1921 г.
4	Аксенов Василий Иванович, 1889 г. р.	май 1921 г. – январь 1923 г.
5	Фомин Иван Никанорович, 1889 г. р.	январь-декабрь 1923 г.
6	Шаршавин Григорий Матвеевич, 1885 г. р.	декабрь 1923 г. – ноябрь 1924 г.
7	Рожков Иван Николаевич, 1896 г. р.	ноябрь 1924 г. – май 1926 г.
8	Бабушкин Александр Александрович, 1898 г. р.	май-декабрь 1926 г.
9	Ляскин Георгий Денисович, 1891 г. р.	декабрь 1926 г. – декабрь 1928 г.
10	Бросов Николай Максимилианович, 1899 г. р.	декабрь 1928 г. – май 1929 г.
11	Канунов Александр Васильевич, 1896 г. р.	май-июнь 1929 г.
12	Золотов Михаил Николаевич, 1887 г. р.	июнь-июль 1929 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАВО. Ф. П-259. Оп. 1. Д. 36. Л. 10.
2. Там же. Д. 49. Л. 5.
3. Там же. Д. 39. Л.л. 161, 170.
4. Там же. Л. 164 об.
5. ГАВО. Ф. П-3837. Оп. 2. Д. 5. Л. 4.

6. Там же.
7. ГАВО. Ф. П-259. Оп. 1. Д. 216. Л.л. 78–79.
8. ГАВО. Ф. П-1853. Оп. 14. Д. 21. Л. 5.
9. ГАВО. Ф. П-259. Оп. 1. Д. 216. Л. 3.
10. ГАВО. Ф. П-1853. Оп. 1853. Оп. 14. Д. 1. Л.л. 39–39 об.
11. ГАВО. Ф. Р-9902. Оп. 1. Д. 63. Л. 1077.
12. ГАВО. Ф. П-1858. Оп. 33. Д. 402.
13. ГАВО. Ф. Р-9902. Оп. 1. Д. 3. Л. 75.
14. Там же. Д. 34. Л. 826.
15. ГАВО. Ф. П-1858. Оп. 3. Д. 781а. Л.л. 3–4 об.
16. Там же. Л. 33.
17. Там же. Л. 84.
18. ГАВО. Ф. П-1858. Оп. 14. Д. 748. Л.л. 3–4 об.
19. ГАВО. Ф. Р-9902. Оп. 1. Д. 20. Л. 472.

Дилакторская Елена Станиславовна,
кандидат геолого-минералогических наук,
член Союза писателей России,
г. Санкт-Петербург

КРАТКИЙ ОБЗОР ПИСЕМ, АДРЕСОВАННЫХ СОВРЕМЕННИКАМИ ТОТЬМИЧКЕ НАТАЛИИ ДИЛАКТОРСКОЙ, С 1915 ПО КОНЕЦ 1980-х гг. (АРХИВ ИРЛИ РАН)

В статье проводится анализ писем, адресованных писательнице-тотьмичке Наталии Леонидовне Дилакторской, с 1915 по 1989 гг., хранящихся в писательском архиве Рукописного отдела ИРЛИ РАН. Изучено свыше 300 писем. Сделаны выводы о круге общения, отношении к ней разных лиц, ее творческом пути и уникальности характера и таланта писателя и редактора.

Архив Наталии Леонидовны Дилакторской, хранящийся в Пушкинском доме ИРЛИ РАН, содержит большое количество писем, которые она получала от разных корреспондентов на протяжении долгих десятилетий и бережно хранила. Сохранились и черновики ее писем – ответы своим адресантам. По этим письмам можно увидеть становление характера, нравственные и профессиональные черты писательницы и редактора на фоне меняющейся исторической эпохи XX века, отношение к ней разных людей.

Проведенная нами статистика, хоть и очень приблизительная (на данный момент архив еще не разобран сотрудниками ИРЛИ РАН, систематизированы не все имеющиеся там письма и документы),

позволяет сделать интересные выводы. Письма можно сгруппировать по разным признакам – контингент лиц, состоявших в переписке, ее интенсивность и хронология. Закономерно, что писем послевоенного периода, особенно 1960–1980-х гг., сохранилось значительно больше, чем 1920–1930-х. Исключение составляет военный период – подсчитать всю корреспонденцию на данный момент не представляется возможным, но очевидно, что таких писем – с фронта и ответов бойцам от военкора Наталии Дилакторской – многие-многие сотни.

Интересно посмотреть на профессиональный уровень адресантов (исключая военный период). Из ста, выборочно, имен 25 принадлежат писателям и поэтам, 12 – музыковедам, композиторам и музыкантам, 12 – художникам, 8 – лицам с ученой степенью (1 кандидат наук и 7 профессоров, докторов наук), 11 – литературоведы и искусствоведы, 10 – переводчики, 2 рабочих, 2 секретаря, 2 преподавателя ВУЗа (20-е гг.), 1 актриса, 1 журналист, 5 писем от разных лиц, по разным поводам, не входящим в данную систематику (соседка по квартире и др.) Прочие – просто друзья. Это очень приблизительный анализ, учитывая сложность работы с неразобранным архивом, но все-таки некоторые выводы мы можем на данный момент сделать. Тотьмичка Наталия Дилакторская знала языки, музыку, неплохо рисовала, имела прекрасное воспитание и глубокие нравственные корни, что способствовало ее успешной литературной и редакторской работе, формировало круг общения и профессиональные интересы. По численности писем преобладает корреспонденция от ученого и садовода Михо Мамулашвили (1950-е – конец 1960-х гг., порядка 150 писем), а также от близкой приятельницы – филолога, поэтессы и переводчика Эстер Соломоновны Паперной (30–80-е гг., порядка 30 писем). Многие имена адресантов весьма известные (Маршак, Чарушин, Бианки, Шварц и др.).

Самым ранним письмом можно считать послание с фронта Первой мировой войны некоего Иосифа Андреевича Митлинского, по всей видимости, крестьянина-тотьмича, написанное «барыне Наташе Дилакторской» на адрес Тотемской гимназии 14 апреля 1915 года; обратный адрес – 22-й Сибирский стрелковый полк, 11-я рота. *«Здравствуйте Наташа от Иосифа Митлинского вам нижайшее почтение и с любовью низкий поклон и желаю я вам от Господа Бога доброго здравия и всего хорошего в жизни вашей... <> Я сейчас на позиции... <> Еще прошу я вас барыня пожалуйста пришлите мне ответ. Я буду ожидать».* В оригинале многие слова написаны слитно, текст содержит большое число орфографических ошибок,

Письмо 1915 г.

но в нем выражена искренняя дружеская симпатия простого малограмотного человека, попавшего на фронт Первой мировой, к юной девочке Наташе.

В студенческие годы Наталье писал некий Н. Быков, товарищ по школе, с. Шуйское Вологодской губ., Погорелка. Он вспоминает школьные годы и, в частности, пишет: *«Помните, как-то мы с вами <> мечтали вслух о заграннице, об Англии, Франции, Италии и другой благодати. Но кажется нам долго с вами не попасть никуда (не говорю, что может быть «всегда»). Да, пожалуй, нас и англичането теперь, как чумы испугаются и посадят в карантин лет на 10, чтобы протрезвить от свободомыслия».*

Интересны письма от преподавателей Ленинградского педагогического института дошкольного образования, в котором обучалась Дилакторская. В архиве ИРЛИ РАН читаем: *«Дорогая Наталия Леонидовна! Срамница Вы вообще оказывается большая. Ни шагу в библиотеку и книги держите годами. Все это, конечно, простительно <> Напишите мне, детка моя, когда вас лучше можно застать и кто-нибудь из нас придет за книгами. Часто вас вспоминаем и думаем, что человечек вы у нас хороший и всё будет хорошо, только не надо забывать старых друзей. Ваша Е. Кальвайцъ»*[19] *(8.12.1937)*. Елизавета Иринарховна Кальвайц, преподаватель и зав. Показательной библиотеки, трогательно заботилась о своих подопечных, снабжая их продуктами в голодное время, что отмечает Дилакторская

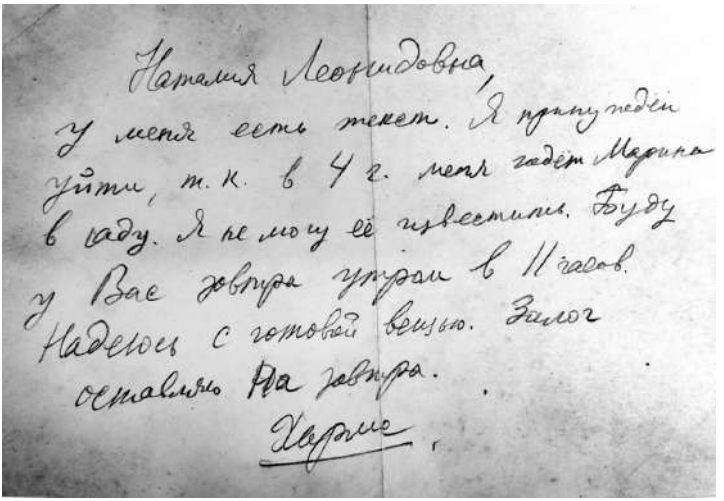
[19] Так в оригинале *(прим. автора).*

в дарственной надписи на своей книжке «Хлеб» [1]. Спустя годы эта забота сохранилась.

Второй педагог, Ольга Иеронимовна Капица, писатель, специалист по детской литературе и фольклору, пишет *(11 июля 1926 г., Ленинград*): *«Дорогая, дорогая Наташа <> я почти отдохнула и подумывала ехать к Вам <> Я очень усердно работаю над фольклором, получила кое-какие материалы из Англии, разбираю полученные от разных авторов записи – а Ваши все-таки лучше и интереснее всех, одна беда – Ваш почерк. Не бросайте, дорогая, собирания; думаю, что в Тотьме и окрестностях можно найти много интересного <>». В конце письма наставление – «PS. Не забывайте фольклор, собирайте, работайте».*

Дилакторской приходилось постоянно вести записи, часто конспектировать, что-то быстро записывать. С течением времени почерк ее стал трудночитаемым. Вот что по этому поводу писала в 30-е годы некая Саня, коллега по работе, в своей записочке: *«Милая Наташа! Давно надо бы написать тебе ответ на твое письмо, из которого (прости за кощунство) мы сделали неплохую игру (из-за неразборчивого почерка). Игра заключалась в том, чтобы читать твое письмо быстро, без запинки, успевая подобрать любые слова, похожие внешне на написанные тобой, но чтобы получались фразы. И так было придумано много разнообразных тем».*

После окончания института Дилакторская работала в Брянцевском ТЮЗе, потом в ленинградских детских журналах, была редактором многих известных поэтов и писателей. Это также отразилось в переписке. Письма от Маршака (1938 г.) в основном серьезные, содержат распоряжения по редакторской работе: макет, правка текстов и подготовке к печати материалов. Маршак дает много ссылок на разные названия произведений для детей того времени и наставляет: *«Очень прошу Вас отнестись внимательно ко всем моим замечаниям».* Искрометный и жизнерадостный характер Наталии Леонидовны попускает ей писать шуточные стихи Маршаку, к которым тот всегда относился благосклонно. Многие писатели и поэты обращались к ней как к редактору и согласовывали деловые вопросы. Среди известных адресантов – Д. Хармс, В. Бианки (который также был ее большим другом), Е. Чарушин, Е. Шварц, Н. Гернет, Л. Квитко, К. Чуковский, Л. Варковицкая, Л. Пантелеев, Н. Сладков (ему Дилакторская давала рекомендацию на вступление в Союз писателей СССР), приятельницы Л. Будогоская, Э. Паперная и иные. Любопытны письма от Корнея Чуковского: в одном из них он сетует на то, что у него «пропало дарование писать сти-

Наталия Леонидовна,
у меня есть текст. Я принужден
уйти, т.к. в 4 г. меня ждет Марина
в саду. Я не могу ее известить. Буду
у Вас завтра утром в 11 часов.
Надеюсь с готовой вещью. Залог
оставлю на завтра.
Хармс.

Записка от Д. Хармса

хи» к старости, 60-ти годам, и он теперь планирует «писать (прозой) продолжение «Доктора Айболита». *«Д-р Айболит попадает у меня на север – на льдину, спасает советского летчика и братается с белыми медведями»,* письмо от 14 июля 1939 г. К сожалению, нам неизвестно, сохранился ли черновик этой задумки. Начинающие писатели советовались по поводу своих произведений, благодарили за стихи и советы. А тяжело больная, прикованная к постели поэтесса и детская писательница М. Пожарова в 1951 году просит навестить ее, поскольку никто к ней не приходит из писателей, а она настоятельно нуждается в общении.

Среди художников контакт был также большой – это Н. Тырса, Н. Радлов, Л. Юдин, Н. Войтинская, Е. Эвенбах, проф. П. Суворов, Е. Сафонова и многие иные. Теодор Иосифович Певзнер, известный художник, ученик Сварога, пишет: *«Друг художников Наталия Леонидовна! Пишу Вам под аккомпанемент обсуждаемых работ. <> Буду Вам писать без всякого порядка, что на ум придет <> и потому не серчайте на бессознательность».* Данное письмо – о работе в области художественных иллюстраций.

Но «другом художников» Дилакторская может считаться и по иной причине. В архиве сохранились ее воспоминания 50-х годов о репрессированном и расстрелянном художнике, с которым они сотрудничали в журнале «Чиж» – Брониславе Малаховском, его

кисти принадлежат многие иллюстрации для детей. Наталия Леонидовна призывает коллег *«собрать все, вплоть до журнальных мелочей, чтобы сохранить о нем память, обрадовать новые поколения ребят его жизнерадостными, мастерски сделанными рисунками».* По тем временам это очень смелое заявление. Аналогичные слова она писала в те годы и в отношении Хармса и Зощенко, тогда «запрещенных» литераторов. Поэт Николай Тихонов, отвечая ей (25 июля 1955 г.), пишет, что «Чевычелов в обморок упал от Вашего смелого предложения», но конкретно сам Тихонов не собирается помочь и всячески уходит от темы.

Одним из самых страшных и трагичных писем военного времени можно считать послание-крик от бывшей сотрудницы ТЮЗа (курьера), некой Яковлевой, которая умоляет Наталию Леонидовну дать ее умирающему от голода ребенку хоть крошку хлеба, сама она лежит больная, карточек нет, и уже два с лишним дня они ничего не ели. Даты на записке нет, но время написания очевидно.

Из писем мы также узнаем, что в конце 30-х годов Дилакторская лечила больную ногу (была проблема со связками) и даже претерпела операцию. О ее здоровье беспокоились друзья и коллеги по перу. Э. Паперная даже спрашивала, нуждается ли она в деньгах, готова была поддержать ее материально. Тем не менее, с начала войны Наталия Леонидовна ушла добровольцем на фронт, она была единственной женщиной-писателем, причем, детским, из числа защитников Ленинграда, кто в офицерском звании провел войну на передовой. В переписке с бойцами, как редактор и военкор, от имени Кузьмы Смельчакова, а позже – Еремы Грома, она поддерживала боевой дух фронтовиков, а также раненых бойцов, писала им в госпиталя. Ее литературный псевдоним обыгрывался: «ваша Кузя», «тетя Кузя» – так подписывала она некоторые письма. Сама она претерпела ранение, о характере которого мы можем судить по стихам от имени ее персонажа – Еремы Грома: *«Воевал я под Пулковым, под Старо-Пановым. Был стрелком, был связным... Да вот ранило ранением сквозным! Нога навылет и бок рваный – ни встать, ни пойти с такой раной».* Далее «Гром» она рифмует со

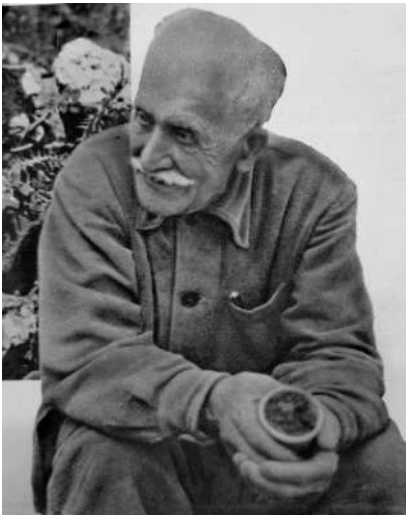

Н. Дилакторская в годы войны

словом «хром». После войны Дилакторская многие годы ходила в военной одежде, хромала, тяжело опираясь на трость.

Однако творческая жизнь не прекращалась. В планах было – издать детские книжки, в частности, «Упрямую луковицу [1]». Она обратилась к специалистам-растениеводам в солнечной Грузии, профессорам А. Джавахивили и А. Макашвили и иным ученым и садоводам, и те стали поддерживать ее в литературном поиске. Обширная переписка с садоводом, заслуженным деятелем искусств Грузии Михо Мамулашвили [2] сначала носит официальный тон. Но после ее визита в Грузию в 50-х годах официальные лица, а также члены их семей стали замечательными друзьями. Мамулашвили присылает Дилакторской письма-гербарии, трогательно беспокоится о ней и именует ее в шутку «Ленинградской Гремучей Змеей». Дилакторская на протяжении нескольких лет помогала Мамулашвили и иным ученым-растениеводам, присылая необходимые семена из Ботанического сада, часто покупая их за свой счет. Сама она упрекала профессора Макашвили, что тот забыл о старом Михо: *«Почему не звоните старику? Очень что-то там грустно у него. Дров нет. Сжег уже все пеньки – сиденья из сада. Хоть Вы ему позвоните! Он так любит Вас, а Вы его забыли... Хорошо ли это?» (черновик письма)*. Чтобы прочитать интересующую ее научную литературу, не переведенную на русский язык, она

Дорогая Наталия Леонидовна
поздравляю с новым годом
желаю здоровья
многих лет
М. Мамулашвили

М. Мамулашвили, письмо к Н. Дилакторской

стала изучать грузинский. Ее упорством и профессиональным интересом восхищались новые друзья. Тот же профессор написал ей: *«Многоуважаемая Натали (так в оригинале) Леонидовна! Ваше письмо доставило нам большое удовольствие – посмеялись мы вдоволь. Однако, надо сказать правду, в той же степени мы были изумлены колоссальному успеху. Вам надо теперь немного почитать грамматику и все будет в порядке (дан совет по учебникам грузинского языка). И далее читаем: «Я никак не думал, что Вы в ботанике разбираетесь не хуже квалифицированного ботаника» (9 февраля 1953).*

Книжка наконец вышла в свет в 1956 г. Пятью годами позже, благодаря поддержке заслуженного деятеля искусств РСФСР, доктора искусствоведения Ю. Кремлева, вышла и долгожданная «Повесть о Гайдне» [3], задуманная еще в 30-е годы. Книжкой сразу же заинтересовался Маршак, о чем мы узнаем из письма Розалии Вил, его секретаря, которая просит оставить ей книжку для приболевшего Самуила Яковлевича. Интересно письмо музыковеда из Выборга А. Здановского, 1972 г. Он отмечает недочеты книги и просит учесть их в переиздании, но сообщает не в редакцию, а лично автору, сохраняя конфиденциальность информации. Много прекрасных отзывов приходило на эти книги от детей и взрослых. Написали даже двое рабочих, которые собирали библиотеку советских писателей. Не обошлось и без курьезов: так, Колпянский краеведческий музей (Орловская обл.) просит Дилакторскую прислать им ее книгу «Повесть о Гайдаре» *(23 авг. 1974)*.

Занималась Наталия Леонидовна и переводами: в архиве хранятся ее переводы стихов Джона Рида и письма от В. Шошина, профессора-филолога, с которым она обсуждает переведенные ею тексты.

В 60–70-е годы Дилакторская создала музыкальный салон, приобретала редкие пластинки и приглашала в гости как любителей, так и профессионалов в области музыки. С ней вели переписку органисты Хуго Лепнурм и Рольф Уусвяли, многие пианисты, дирижеры, композиторы – И. Образцова, Э. Фейертаг, Ф. Бронштейн, Д. Башкиров, Л. Ройзман, Е. Даттель, А. Барон, А., Искосов и иные. Все эти люди состояли с ней в теплых дружеских отношениях.

В конце 70-х годов Дилакторская тяжело заболела и вынуждена была переехать к брату Николаю Леонидовичу в Таллин, где проживала его семья, взявшая о ней заботу. Поправившись благодаря стараниям родни, Наталия Леонидовна прожила еще почти 10 лет, вела переписку с друзьями, принимала гостей. Об этом, последнем периоде ее жизни можно подробно узнать из писем

Э. С. Паперная

Эстер Соломоновны Паперной, ее давнишней приятельницы. Та поддерживала Наталию Леонидовну теплыми ободряющими словами и даже навещала ее, в числе прочих близких друзей, в Эстонии.

Таким образом, мы видим, что на протяжении всей своей жизни Наталия Леонидовна сохраняла удивительный, располагающий к себе, характер: доброта, искренность, способность понять другого человека, поддержать его в трудную минуту. Подкупал и жизнерадостный мягкий юмор, бодрость духа. При всем при этом – глубокий профессионализм в разных областях: литература, музыка, искусство, иностранные языки, военное дело; трудоспособность, желание нести творческую искорку людям, для которых она творила и жила – взрослым и детям.

В завершение отметим, что более подробное освещение многих упомянутых выше писем, а в перспективе – еще не просмотренных – могло бы представить большой культурологический интерес. Отдельно требует глубокого изучения и обязательного освещения военный архив Наталии Дилакторской.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дилакторская, Н. Л.* Упрямая луковица. Л.: Детгиз [Ленингр. отд-ние], 1956. 184 с.

2. Сад Михаила Мамулашвили // GeoRoute.ge. Online-путеводитель по Грузии. [сайт]. URL: georoute.ge›mamulashvili_garden (дата обращения: 17.12.2022).

3. *Дилакторская, Н. Л.* Повесть о Гайдне.– Л.: Детгиз [Ленингр. отд-ние], 1961. 157 с.

Дилакторская Елена Станиславовна,
кандидат геолого-минералогических наук, член Союза писателей России, г. Санкт-Петербург

ТОТЬМИЧКА НАТАЛИЯ ДИЛАКТОРСКАЯ И ВИТАЛИЙ БИАНКИ. ДРУЖБА И СОТРУДНИЧЕСТВО

В статье рассматриваются творческие и дружеские отношения между тотьмичкой Наталией Дилакторской и Виталием Бианки, становление её творческого пути под влиянием Бианки, учителя и друга. Раскрыта многогранная творческая личность самого Бианки. Изучаемый по 31 письму из архива Н. Л. Дилакторской (ИРЛИ РАН) временной период охватывает 1924–1953 гг.

Наталия Дилакторская, будущая писательница и редактор, в детские и юношеские годы получала большую наставническую поддержку от друга семьи Дилакторских, известного художника Ф. М. Вахрушова, которого считала своим учителем и принимала как очень близкого человека. В дальнейшем ее характер и профессиональные черты продолжали формироваться уже во время учебы в Ленинграде с 1921 по 1925 гг. Кем же были ее новые наставники? Изучение писем, хранящихся в архиве писательницы (ИРЛИ РАН), позволяет говорить об особой и неоценимой роли Виталия Бианки в творческой жизни Наталии Дилакторской.

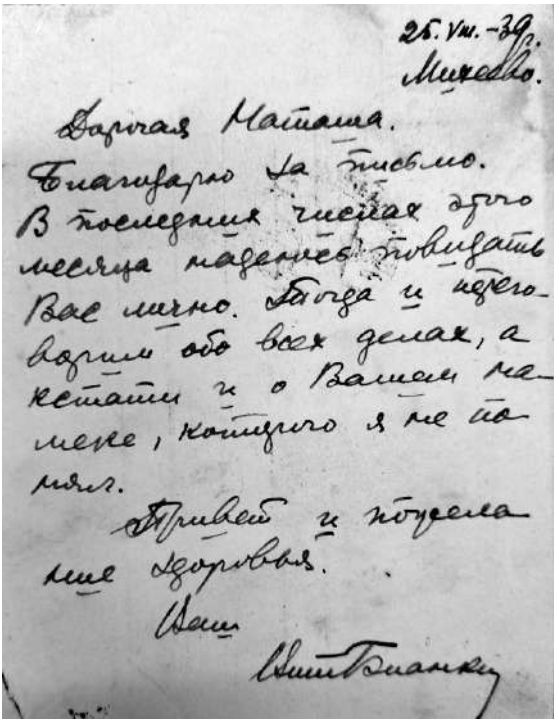
В студенческие годы, проведенные в стенах Ленинградского педагогического института дошкольного образования (ныне РГПУ им. А. Герцена), на юную Наталию большое влияние оказали её учителя, друзья и коллеги по перу. Среди педагогов – Ольга Иеронимовна Капица, преподаватель детской литературы, ученый-фольклорист, инициатор и организатор Показательной библиотеки детской литературы при институте; Елизавета Иринарховна Кальвайц, преподаватель и исполняющая обязанности библиотекаря и заведующей этой библиотекой; Екатерина Петровна Привалова, доцент кафедры дошкольной педагогики пединститута, зав. детской читальней, и иные [1]. Показательная библиотека по детскому чтению была организована осенью 1919 г. при Педагогическом институте. При этой библиотеке в 1922 году создается кружок, или студия детских писателей. Инициатором идеи и руководителем студии, вместе с О. И. Капицей, был С. Я. Маршак, считающийся основоположником литературы для детей в СССР [2].

Студентка Наталия Дилакторская была членом этого литературного кружка. Именно там она познакомилась с писателем Виталием Бианки, который также состоял в составе кружка. Письма Бианки к Дилакторской охватывают временной период от 1924 по 1953 гг. Это и открытки, и клочки бумаги с записками «на ходу», и сравнительно длинные письма-рассуждения. Отличают их две особенности. С одной стороны, Виталий Бианки испытывал к юной Наталии нежные теплые чувства и не скрывал их. Его дружеское и сердечное отношение, полное человеческого доверия как к другу и единомышленнику, с которым можно обсудить всё наболевшее, поговорить о красоте природы, пофилософствовать и т. д. – прослеживается на протяжении всей переписки. Понятно, что Виталий Валентинович старше и опытнее, его писательский дар уже вполне раскрыт, в то время как Наталия находится в самом начале творческого пути. С другой стороны, Бианки, как мы видим из писем, обладал удивительной проницательностью – юная двадцатилетняя студентка получает от него руководство к дальнейшей работе, вместе с его уверенностью в том, что Наталия станет глубоким профессионалом в своей области.

Приведем некоторые отрывки из письма от 17 июля 1924 г. (здесь и далее – письма из архива Н. Л. Дилакторской, ИРЛИ РАН). Бианки находится в Валдайском уезде, хутор Хвата. Он некоторое время отдыхает, восстанавливая силы. *«И эти дни безделья так успешно разогнали все мои мысли, что, когда я сел за стол, я не мог найти и следа их. Но мудрая, полная бессознательной жизни тишина леса уже заполнила подсознание. Я как-то сразу почувствовал, что отдохнул и набрался сил. И вдруг стало писаться. И я пишу, пишу, пишу...»* Далее он рассуждает о своем будущем рассказе «Мурзук», затем деликатно разбирает достоинства и критикует недостатки какого-то, неизвестного нам, произведения юной Наталии. В целом, рецензия отрицательная, рассказ разобран по косточкам; пионеры, как ненужная деталь повествования, названы им *«пивонерами»*... Но сколько в этом письме замечательных афоризмов и мудрых высказываний! И как они нужны и важны для будущего редактора и писателя. *«Художник читает свой материал из глубоко подсознательной сферы. Когда он берется за перо, поднимаемый им вопрос для него давно уже решен где-то там, внутри. Если нет – ему не поверят»*. < > *«Анекдот – форма рассказа для взрослых. Детям вообще не годятся вещи без начала и конца. Целостность, целостность им необходима. Без этого они всегда отходят неудовлетворенными. Выхваченный из жизни эпизод для них не рассказ»*. < >

«...Современность и мода часто различные вещи. Мода – от лукавого». < > «...Нужно прежде самому точно разобраться, что в человеке относительные, а что абсолютные ценности. < > ... Вопрос о культуре, губящей природу, о месте человека в мироздании, о Боге, если хотите. Так вот, перефразировать такие вопросы я не желаю поверхностным, торопливым отношением к делу».

В этом же письме Бианки сетует на жизнь и говорит простые и теплые, полные искренности, слова: *«Хочется мне сказать Вам несколько слов серьезно, Наташа. Вы – славный человек. А у меня дурная привычка оч. быстро привязываться к людям, и все как-то хочется собрать хороших людей в кучу и пусть полюбят друг друга крепко, живут и борются вместе». <> «...давайте разговаривать больше, чаще. Вы мне очень нужны внутренне. М. б. и Вы из меня что-нибудь выжмете. Наташенька (ничего, что я так Вас? Право же – от души!), пишите мне. Прежде было иначе (надрывец-то, все же, получился за эти лютые годы), мне легче, когда инициатива дружбы идет не от меня. У меня ненасытимая жажда говорить с людьми «по душам». Так вот пока, до новой встречи в городе, хочется мне только просить Вас подойти ко всем нам, ко мне, в частности, поближе. Давайте вместе работать, вместе думать, «как жить праведно». <> Вам многое дано, и Вы должны чувствовать эти обязательства и свои «прихоти».*

25. VIII.-39 г.
Москва.

Дорогая Наташа.
Благодарю за письмо.
В последних числах этого
месяца надеюсь повидать
Вас лично. Тогда и погово-
рим обо всех делах, а
кстати и о Вашем на-
меке, которого я не по-
нял.
Привет и пожела-
ние здоровья.
Ваш
Вит. Бианки

Одно из писем В. Бианки, 1939 г.

Мы знаем, что Виталий Валентинович переживал аресты, семейные проблемы [3], ему, по природе чистому и открытому человеку, была

нужна такая же открытая душа, способная его понять и не способная предать.

Годом позже он пишет: *29/I-25. 11. ч. веч. «Наташа, был я здесь, чего и Вам желаю. Хотелось поболтать – вообще. По пути зашел. Вит. Б.»* – записка на клочке бумаги. А вот еще письма того же года:

18/II-25. Наташенька, думаете, что я правильно чувствую, что Вас расстроило. Писать об этом не стоит, а поговорить с Вами оч. и оч. хочется. Помню, как Вы,– едва ли не по той же причине,– расстроились весной? И тогда мне страшно было досадно, что мы сразу не поговорили. Наташенька, люблю я Вас очень и больно мне, ох как больно, когда так грубо Вас встречает жизнь, люди. Я говорил о Вас с Верикой (Вера Николаевна, жена – прим. автора статьи). Она оч. рада будет, если Вы поселитесь у нас. Право, это было бы чудесно! Мы и работали бы хорошо рядышком, играли бы на рояле, и чаще бы беседовали. Подумайте. У меня большая потребность быть к Вам поближе.

Я буду ждать Вас каждый вечер – попозже, с ночевкой (часам к 11 буду возвращаться домой). Приходите, родная, поскорей! Крепко целую Вас. Папе кланяйтесь. Ваш Вит.

3/VI-25, Волга. г. Мышкин. Милый друг, пишу без дела просто потому, что захотелось поговорить с Вами и еще раз позвать сюда, к нам, на Волгу. Тут хорошо. <> А приедете сюда – мы уж побродим. Больше не могу писать – Верика набрала охабки (так в оригинале – прим. автора статьи) ландышей, и от них такое благоухание, что мозги улыбаются. Мы все Вас целуем, Наташа, и ждем, ждем.

Практически в каждом из писем Бианки неизменно просит передавать привет С. Я. Маршаку, Е. И. Кальвайц, Б. С. Житкову и многим-многим другим.

Наталия Леонидовна всегда была тем человеком, которому можно было полностью доверять. Ей, как редактору, часто писали на домашний адрес, поскольку в те годы страна была одержима паранойей поиска «шпионов» и «врагов народа».

1/VII-38. Михеево. Дорогая Наташа! < > Пишу Вам на дом, т.к. как мне не хочется, чтобы кто-нибудь из Редакции прочел это письмо: как и прежде я смотрю на Вас как на добрую приятельницу, а не как на оффициального[20] *редактора, с которым всегда приходится держать ухо востро.*

В этом же письме Бианки, с увлечением орнитолога, неожиданно делится своим научным экспериментом, проводя глубокую

[20] Так в оригинале – прим. автора статьи.

параллель с человеческим миром. Он клал в птичьи гнезда яйца чужих птиц, для высиживания, наблюдая, как матери и отцы будут относиться к птенчикам-подкидышам. Потом помещал и маленьких птенчиков к «чужим» мамам.

«Впервые в мире производится такой опыт и результаты его так неожиданны, что совсем по-новому во многом заставляют взглянуть на «психологию», «этику» и «эстетику» птиц. Оказывается, что материнские качества птиц одного и того же вида далеко не одинаковы, очень разнообразны, т. е. индивидуальны, как и у людей. Одна мать просто выкидывает из гнезда подкидыша, другая – того же вида! – не только выкармливает подкидышей, но из-за них преодолевает свой инстинктивный страх к человеку. Сейчас я уже мог б написать целый фолиант о птицах-матерях. И на первое место среди них я поставил бы <> маленькую серенькую чечевичку-мать, которая слетает с гнезда при моем приближении и бьет меня крылышками по рукам (а ведь даже орлица не решается напасть на человека, разоряющего его гнездо, даже волчица!): «Не смей трогать моих маленьких!» А маленькие-то у нее не свои: она высидела и выкормила славочку, чекана, дрозда и хищного сорокопута!

Да, много чудесного, так похожего и так непохожего на наше человечье – в жизни этих крылатых двуногих!»

Делится Бианки и своим философским подходом к литературе. Данные строки были отпечатаны на машинке, год неизвестен, текст приводим полностью:

«Нат Дилак'у – нач прозаику, буд-му универ магу и волшебнику. На память! Вит. Бианки.

Хорошо сделанная вещь.

Всякая вещь имеет три измерения. Художественная – тоже.

1. Длина. Длина рассказа должна быть ровно такой, как требует то, о чем рассказываешь. Никаких длиннот! Длинноты вызывают скуку, скука – зевок, первый зевок – на потолок, второй – на стенку, третий – в постельку.

В хорошо построенной вещи все части должны быть соразмерны, не длиннее, чем того требует необходимость при самых экономных средствах рассказа, т.е. минимуме слов.

Построение вещи – сюжет. Хорошо построенный сюжет – половина гарантии, что вещь «дойдет» до слушателя (читателя).

Непостроенная вещь – просто куча бумаг, груда листов. В хорошо построенной вещи все листы пронумерованы, сложены в порядке, прошнурованы,– тут ни одного нельзя ни вынуть, ни прибавить, не испортив всей вещи. Название заключает ее в переплет.

Построение вещи легко переводится на язык графики.

2. Ширина. Ширина языковых (словесных) возможностей сочинителя измеряется его чутьем языка и количеством красок на его художественной палитре. Широкий размах разнообразия выражений, оборотов речи – при строгом стилевом их единстве (отборе) – вторая половина гарантии успеха вещи.

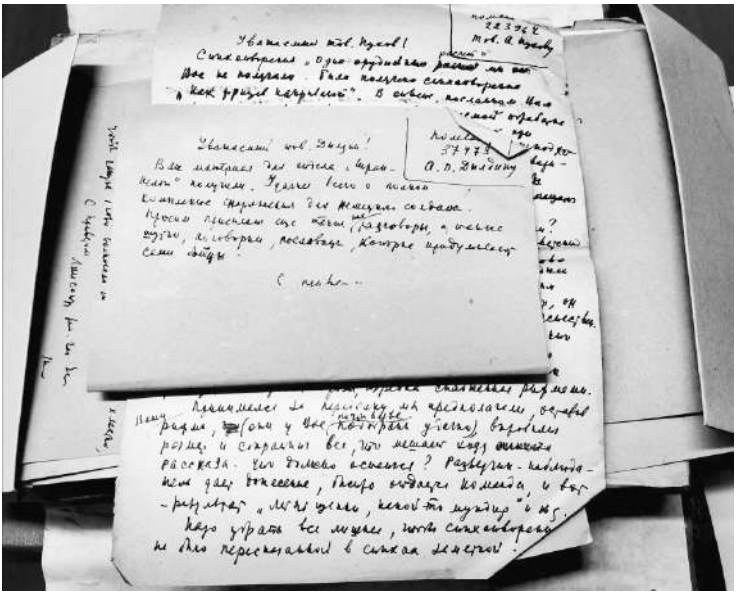
3. Высота (глубина). Высота парения мысли сочинителя, или, что то же,– глубина идеи вещи чем больше, тем дальше вещь от плоскости (пошлости). Тем значительнее и прекраснее вещь. Высота, с которой смотрит художник на жизнь, глубина его проникновения в жизнь определяет силу его искусства. Для истинно высокого искусства нет в жизни ничего мелочного, ничего незначительного, ничего ничтожного. Всё возвышено и, значит, возвышенно. Глубина проникновения художественного глаза «ин модиас рос» («в сердцевину вещей») создает высоту вещи.

Кроме указанных трех измерений, всякое произведение искусства имеет еще и четвертое измерение, ту неизъяснимую, неопределимую словами красоту, под которой подразумевается поэзия или музыка. То непостижимое уму, что зовем душой вещи» (архив ИРЛИ РАН).

Разумеется, все наставления учителя, изложенные то в лаконичной и строгой, то чаще в мягкой и даже ироничной форме, были крайне важны. «Мой уважаемый редактор и дорогая Наташа!» – пишет он своей ученице и другу, подчеркивая ее профессиональный статус (*30/V-38. Михеево).*

В конце 30-х годов Бианки узнает, что у Наталии Леонидовны проблемы со здоровьем: больная нога, и она перенесла операцию. Он очень беспокоится и пишет ей ободряющие слова. А с первых дней войны Н. Л. Дилакторская, несмотря на слабое здоровье, отправилась добровольцем на фронт в качестве военного корреспондента. Она постоянно находилась на передовой, была ранена. Труд военкора, который она вела, не оценить никакими словами. Сохранилась огромная кипа бумаг – черновиков ее переписки с бойцами, которые присылали свои стихи в редакцию дивизионных газет «Удар по врагу» и «Вперед». На каждое письмо Наталия Леонидовна не просто отвечала, она анализировала каждый текст, консультировала, подсказывала, как нужно писать стихи, давала советы начинающим военкорам, дружески поддерживала наших воинов. Многие из ее фраз перекликаются с советами и жизненным подходом ее учителя Виталия Бианки.

Дарственный автограф писателя на книжке «Лесная газета» был сделан в Ленинграде в январе 1941 года. В послевоенное время

Военная корреспонденция

Автограф на книге

дружеские и теплые отношения между Бианки и Дилакторской сохранялись. Наталия Леонидовна планировала издать две замечательные книги для детей – «Повесть о Гайдне» [4] и «Упрямая луковица» [5]. Первая книга была задумана еще в начале 30-х годов. Бианки написал тогда небольшую рецензию в письме и деликатно намекнул: «Мне кажется, окунись Вы беззаветно (без желания поучать читателя, приблизить его к пониманию) во всю эту подлинную романтику Вены 18 века,– понимание музыки Гайдна придет само собой» (*22/V-33)*. Характерно, что в этом же письме прослеживается печальная для перспективы выхода такой книги тенденция: *«Еще вот какое дело: 27 мая в 7 час. веч. в Оргкомитете у Данько с маршаковскими девочками (Гоббе, Задунайская, Чуковская) будет спор по поводу книжки Гершензона «Две жизни Госсека». Эти чуриковки (маршаковки) стоят на том общем положении, что для детей вообще нельзя писать об искусстве, в частности, о музыке. (Дескать, всегда получается пошлость). Единый голос синклита редакторов монопольного ныне детского издательства!.. Будет очень хорошо, если Вы придете и выступите. Итак, жду звонка. Крепко жму руку. С искренней любовью, Вит. Бианки».*

Вторая её книга, посвященная растениеводству, также долго не могла выйти, и за успех «Упрямой луковицы», вместе с Виталием Валентиновичем, переживала и его дочь Елена, которая была художницей. Оказывается, дочь Бианки начинала иллюстрировать «Упрямую луковицу» сама, по зову сердца, без официального заказа и оплаты труда.

«Дорогая Наталия Леонидовна! < > Работала с черновиком (рукописью). Но пока книга не была утверждена». Рукопись Ваша (I ч.) со мной. <> буду делать рисунки к Вашей вещи «в кредит», те, что мне покажутся необходимыми. < > Будьте здоровы. И дай бы Вам побыстрее победить Дет ГИЗ.

Рис. Елены Бианки

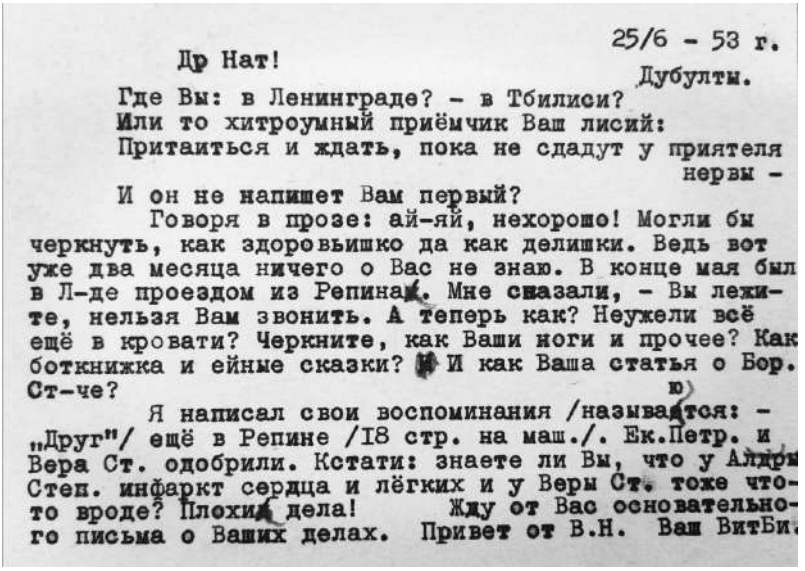
Мне Ваша победа очень нужна. Целую. (*Из письма Елены Бианки, 20/I-55, в письме рисунок амариллиса*). Впоследствии книга вышла с рисунками двух других художников; сохранились ли иллюстрации Елены Бианки, нам неизвестно.

Добрые, полные тепла и доверия письма, чувства искренней дружбы и глубокого уважения, желание общаться, сотрудничать – прослеживается на протяжении всей переписки.

2/XII-38. < > пишешь, горишь, ответственность чувствуешь громадную, а Изд-во обдает холодным душем полного равнодушия. Вас это не касается: Вы чутко реагируете на принесенные рукописи. За это – спасибо.

20/VI-39. Дорогая Наташа! В Англии есть чудный обычай: там отвечают на письма. Как жаль, что Вы не англичанка...

25/VI-53. Дубулты. Др Нат!
Где Вы: в Ленинграде или в Тбилиси?
Или то хитроумный приемчик Ваш лисий:
Притаиться и ждать, пока не сдадут у приятеля нервы –
И он не напишет Вам первый?

25/6 - 53 г.

Др Нат!

Дубулты.

Где Вы: в Ленинграде? - в Тбилиси?
Или то хитроумный приёмчик Ваш лисий:
Притаиться и ждать, пока не сдадут у приятеля
нервы -
И он не напишет Вам первый?

Говоря в прозе: ай-яй, нехорошо! Могли бы черкнуть, как здоровьишко да как делишки. Ведь вот уже два месяца ничего о Вас не знаю. В конце мая был в Л-де проездом из Репина. Мне сказали, - Вы лежите, нельзя Вам звонить. А теперь как? Неужели всё ещё в кровати? Черкните, как Ваши ноги и прочее? Как боткнижка и ейные сказки? И как Ваша статья о Бор. Ст-че?

Я написал свои воспоминания /называются: - „Друг"/ ещё в Репине /18 стр. на маш./. Ек.Петр. и Вера Ст. одобрили. Кстати: знаете ли Вы, что у Алдр Степ. инфаркт сердца и лёгких и у Веры Ст. тоже что-то вроде? Плохи дела! Жду от Вас основательного письма о Ваших делах. Привет от В.Н. Ваш ВитБи.

Последнее письмо В. Бианки

29/IV-53. С праздником весны, света, радости! Всего лучшего, здоровья, больших творческих успехов и хорошего отдыха летом. Вот мои пожелания тебе, дорогая Наташа. Крепко-крепко обнимаю. Спасибо за книгу. Твой В. Бианки. Л-д, Наб. Черной речки, д. 12, кв. 1.

Тональность писем от всех других корреспондентов не носит столь теплого сердечного оттенка. Забота, глубокая симпатия и – передача духовного, несложно видеть – глубоко нравственного подхода к жизни и литературе – все это, на наш взгляд, благодаря Виталию Бианки, другу и учителю, очень во многом повлияло на становление юной Наташи, помогло ей состояться замечательным писателем и редактором, которому доверяли и к которому обращались М. Зощенко, Д. Хармс, А. Ахматова и многие другие выдающиеся литераторы того времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Страницы истории фундаментальной библиотеки РГПУ им. А. И. Герцена: Показательная библиотека по детскому чтению. // РГПУ им А. И. Герцена. Фундаментальная библиотека имени императрицы Марии Фёдоровны. [Электронный ресурс]. URL: https://lib.herzen.spb.ru/p/exhibition-1-183 (дата обращения: 19.12.2022).

2. *Привалова, Е. П.* У истоков. // «Я думал, я чувствовал, я жил». Сборник воспоминаний о С. Я. Маршаке.– М.: Советский писатель, 1971. С. 156–161.

3. Бианки Виталий Валентинович // Википедия. Свободная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: ru.wikipedia.org›Бианки, Виталий Валентинович. (дата обращения: 19.12.2022).

4. *Дилакторская, Н. Л.* Повесть о Гайдне.– Л.: Детгиз [Ленингр. отд-ние], 1961. 157 с.

5. *Дилакторская, Н. Л.* Упрямая луковица.– Л.: Детгиз.– 1956. 184 с.

Макарова Ольга Николаевна,
научный сотрудник отдела фондов
МБУК «Тотемское музейное объединение»,
г. Тотьма

ОТ МАХОВОЙ ПИЛЫ ДО «УРАЛА». КОЛЛЕКЦИЯ ПИЛ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ИСТОРИЯ ПОСТУПЛЕНИЯ

Основным богатством нашего северного края является лес. Заготовкой и переработкой леса наши предки занимались с древнейших времен. В советское время ведущей отраслью в экономике

Тотемского района продолжала оставаться лесная промышленность. В краеведческом музее в советскую эпоху значительная часть экспозиции отражала достижения народного хозяйства и промышленности. Это было требование времени. При этом нужно было в срочном порядке комплектовать фонды предметами на данную тему. Отдел советского периода Тотемского краеведческого музея в 1950–1980-е гг. XX века занимал пять залов. Второй зал рассказывал о лесной промышленности, создании Тотемского ЛПХ, Чуриловской подвесной дороги, химлесхоза, организации первых колхозов.

Для оформления данной экспозиции сотрудники музея направлялись в научные командировки в колхозы и лесопункты Тотемского района, чтобы сделать фотосъемку героев производства и собрать хоть какой-то вещественный материал. Среди поступавших экспонатов были и различные инструменты, в том числе пилы: от самых примитивных лучковых, до бензопил.

Всего в собрании Тотемского музейного объединения на данный момент (2023 г.) насчитывается 35 пил. Большая их часть подарена местными жителями. Шесть поступили в дар от организаций: 2 пилы поступили из Лесного техникума, 2 из Тотемского леспромхоза и ещё 2 – от Тотемского лесозавода. Их изучение позволяет говорить о развитии лесной отрасли в крае, так как объёмы лесозаготовки постоянно росли в рамках соцсоревнований. Инструменты вместе с этой гонкой постоянно совершенствовались, что видно на примере нашей коллекции пил.

Вплоть до середины 30-х годов XX века лесозаготовки велись в основном ручным способом. На вооружении у лесозаготовителей были топор и ручная пила, крестьянская лошадь и дровни. Производительность была очень низкой.

Ручные пилы делятся на маховые, лучковые, двуручные и пилы-ножовки.

МАХОВАЯ ПИЛА. В собрании Тотемского музейного объединения их две. Обе поступили в 1990 году из Тарногского района.

Маховая пила использовалась для продольного распиливания брёвен, состояла она из полотна около 2 метров в длину и двух рукояток, расположенных на разных концах пилы. Верхняя рукоятка называлась румпелем, а нижняя – ящиком, потому что ее можно было снять, когда пилу вынимали из одного пропила и помещали в другой. Пилили бревно вдвоем – один человек находился на помосте сверху бревна (верхний пильщик), второй – внизу. Распил бревна был физически очень тяжёлым и долгим занятием, к тому

же на нижнего пильщика сыпался ворох опилок, а верхний должен был обладать недюжинной физической силой [1].

Следующая пила **ДВУРУЧНАЯ** (поперечная). В собрании ТМО их всего 3 ед. хр., все они бытовали в Тотьме. Поступили в фонды пилы в 1995 и в 2001 гг.

Этот инструмент в просторечии имеет название «дружба». Для распиловки древесины данной пилой нужны два человека, причем их действия должны быть хорошо слаженными, одним словом, как у друзей. Отсюда и название. Этот инструмент для двоих еще называют поперечной пилой, которая относится к категории ручных устройств. Применяется преимущественно для распиливания древесных материалов разных размеров и толщины. Для этого пила имеет разную длину полотен – от одного метра до двух. Удерживать такое длинное полотно одному человеку неудобно, поэтому в конструкции прибора имеется две рукоятки. Полотно имеет не прямую форму, а закругленную, что сделано специально для повышения эффективности распиливания, а также уменьшения нагрузки. Зубья на полотнах большие по сравнению с ручными ножовками, и их размер составляет 20 мм. Даже если использовать метровую пилку, то работать ею самостоятельно неудобно [2].

На лесозаготовках в Тотемском районе в 1933–1934 гг. вместо поперечных широко стали применяться **ЛУЧКОВЫЕ** пилы. В одном только Нижне-Печенгском лесопункте использовалось 95 лучковых пил со средней производительностью на заготовки леса в день 6–7 кбм на человека [3, л. 56].

В собрании ТМО насчитывается 11 таких пил. Лучковая пила – это старинный инструмент, которым пользовались многие поколения мастеров. Устроен он оригинально и просто: заточенное металлическое пильное полотно крепится к основе. Основа такой пилы называется лучком, отсюда и ее название. Основа состоит из трех стоек: две с боков и одна размещена горизонтально (она называется средником). Стойки чаще всего делаются из твердой

Пила лучковая. ТМО-37459. М-525

древесины. Внизу у вертикальных стоек есть однотипные отверстия, чтобы закрепить на них рукоятки. В вертикальных стойках на специальных шпильках закрепляют пильное полотно, а сами стойки вставляют в средник с пазами. Противоположные концы стоек стягивают тетивой. Обычно такую тетиву производят из натуральных материалов, например, льняной веревки или пеньковой бечевки: синтетические материалы на ее место подходят значительно хуже. Ручки лучковой пилы имеют округлую форму, а с торца имеются пропилы и отверстия, чтобы закрепить пильное полотно. На центральной оси, в промежутке между средником и тетивой, расположена вспомогательная планка – она называется стрелка. Вращая эту деталь, столяр меняет натяжение тетивы, из-за чего пильное полотно накрепко застывает между рукоятками. Резьбовые крепления рукояток и надежная конструкция делают такую пилу удобной как для коротких, так и длинных распилов, а также для распила лесоматериалов вдоль и поперек древесных волокон. Лучковая пила может справиться с твердыми сучками и пилить по радиусам и криволинейным лекалам [4].

Качество пил часто было среднее, ибо они изготавливались кустарным способом. Лучковая пила, по сравнению с обыкновенной двуручной, давала увеличение производительности в среднем на 1,02 кубометра. Некоторая часть лесорубов первоначально не слишком дружелюбно встретила применение этого инструмента, но факты показали, что применение лучковых пил дает весьма положительные результаты [5, с. 55–56].

В собрании ТМО лучковые пилы отличаются по форме зубьев. Это является достаточно важной характеристикой при выборе и использовании полотна. Зубья полотна могут иметь различную форму – трапециевидную или треугольную. Это также могут быть зубья с раздвоенным треугольным наконечником (зубья «кремлевской» формы) и так далее. Кроме того, особенностью полотен для лучковой пилы по дереву является то, что оно имеет разное количество зубьев на один дюйм полотна. Этот показатель указывает на то, насколько аккуратным будет срез, сделанный с помощью этого полотна. Чем большим будет количество зубьев на один дюйм полотна, тем более аккуратным будет спил, соответственно, чем меньше зубьев – тем спил будет более «грубым».

Ещё один вид ручной пилы – это **ПИЛА-НОЖОВКА.** В собрании ТМО их насчитывается 4 ед. хранения. Одна из первых пил поступила в 1987 году от Брагина Вячеслава Павловича из д. Бобровица Мосеевского с/с (НВ-6387). Ножовки по дереву различают формой

полотна и креплением ручки. Широкую ножовку используют для распиливания вручную крупногабаритных заготовок из древесины и деревянных материалов при выполнении столярных и слесарных работ.

Узкой ножовкой распиливают тонкие пиломатериалы, выпиливают криволинейные детали и выполняют сквозные пропилы [6]. Такая пила у нас одна. Поступила в музей в 1999 году от Шестаковой Анны Андреевны из д. Шульгино Никольского с/с.

Постепенно ручные пилы стали заменяться электрическими. Они работали от передвижных электростанций. В 1950 году в Тотемском леспромхозе их было 24.

В 1936 году начали серийное производство электропил ПЭП-3, разработанных АЛТИ (Архангельский лесотехнический институт). Также АЛТИ изготовил опытные образцы пил ПЭП-2, ПЭП-4 (для подводных работ), ПЭП-5 с поворотными рукоятками и ПЭП-6 – безредукторную лучковую, управляемую двумя людьми. В собра-

Электропила ПЭП-3. ТМО-16031. М-537

нии ТМО хранится один образец пилы **ПЭП-3** 1938 года выпуска. Она использовалась для валки с корня и раскряжовки леса в условиях работы на лесозаготовках. К раме с рукоятками присоединен электродвигатель с редуктором, выключателем, с левой стороны которого крепится пильная шина с цепью. На конце рамы защищенный кожух с рукоятками для второго моториста. Вес пилы составлял 38–40 кг [7, с. 52].

Вскоре после Великой Отечественной войны Центральным научно-исследовательским и проектно-конструкторским институтом механизации и энергетики лесной промышленности была разработана новая модель электропилы – **ВАКОПП**. Пилы работали от передвижной электростанции на токе частоты 50 герц. По плану на первую послевоенную пятилетку должно было быть выпущено 40 тыс. электропил.

Данная электропила выпускалась в нескольких модификациях на разных заводах: Ликинском, Ижевском, Тамбовском, Таллинском и др. Будучи почти вдвое легче своих предшественниц, она с 1946 года находит широкое применение в лесной промышленности [8].

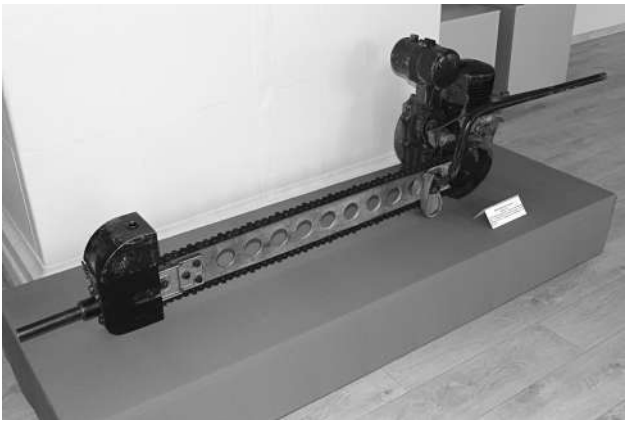
С этого же года пилу начали использовать и на лесозаготовках в Тотемском районе. В собрании ТМО одна такая пила, поступившая из Тотемского леспромхоза. Инструмент обслуживали два человека. Она могла использоваться и на валке, и на раскряжевке. Однако из-за большой массы (22 килограмма) и необходимости обслуживания двумя рабочими пилы ВАКОПП не удовлетворяли лесозаготовителей. Кроме того электропила имела недостаточную рабочую длину шины (500 мм) и малую мощность двигателя – 1,3 кВт.

Производству требовалась более легкая пила одиночного управления. В результате совместных разработок коллективов ЦНИИМЭ и Архангельского лесотехнического института в 1949 году была создана легкая электропила **ЦНИИМЭ-К5**. При несколько большей по сравнению с пилой ВАКОПП мощности (1,4 киловатта) она весила в два с лишним раза меньше – 9,4 килограмма. Для питания новых электропил были созданы передвижные электростанции повышенной частоты тока и преобразователи частоты тока. Производительные и надежные электропилы быстро завоевали признание лесозаготовителей [7].

В 1949 году за разработку и внедрение в лесную промышленность новых типов электропил создателям электропилы К-5 была вручена Сталинская премия.

В начале 1930-х годов Советским Союзом было закуплено несколько сотен моторных пил, в том числе и пил **«Штиль»**. В 1950 году компания выпустила существенно облегченную бензопилу весом всего в 16 кг. Данные пилы предназначались как для лесозаготовок, так и для обучения будущих специалистов в лесотехнических учебных заведениях. Бензопилы использовались редко на лесозаготовках, так как бензин стоил дорого. Поэтому долгое время доминировали электропилы.

6 ноября 1930 года состоялось официальное открытие Тотемского лесотехнического техникума. Оно было приурочено ко дню празднования 13-й годовщины Октябрьской Революции. Первоначально в техникуме функционировало два отделения: лесозаготовительное и лесохозяйственное. Учебное заведение готовило техников – для проведения механизации и рационализации лесозаготовительных производственных процессов и техников-

Бензопила «Штиль», тип А. ТМО-16030. М-538

лесоводов – для проведения лесохозяйственных и лесокультурных работ по уходу за лесом, охране лесов от пожаров и вредителей, а также по подготовке и учету лесосечного фонда. В 1957 году в музей поступили 2 пилы из Лесного техникума: «Штиль» и ПЭП-3.

Собственное производство бензопил было развёрнуто в СССР в середине 1930-х годов на Пермском заводе имени Ф. Э. Дзержинского и Ижевском мотоциклетном заводе. В конце 1930-х годов велись работы по созданию бензопил для одного человека. Однако из-за начавшейся Великой Отечественной войны эти планы не были реализованы. В 1950-х в СССР было налажено производство пилы «Дружба». Со временем её модификации менялись и совершенствовались.

В собрании Тотемского музейного объединения 3 пилы «Дружба». Первый её экземпляр поступил в музей в 1964 году из Тотемского леспромхоза.

Ещё одна модель бензопилы, представленная в собрании Тотемского музейного объединения – **«Урал»**. Поступила она в музей в 1985 году из Тотемского леспромхоза, а выпускалась на Пермском машиностроительном заводе им. Ф. Дзержинского как замена устаревшей «Дружбе». Увеличенная мощность двигателя, уменьшенный вес, улучшенные характеристики по сравнению с предыдущей моделью делали эту пилу незаменимой на всех лесозаготовках страны.

«Уралы» незаменимы до сих пор в сложных условиях работы – пилке больших объёмов древесины и распиловке в глубоком

Пила «Урал». ТМО-29933. М-532

снегу с прямой спиной, благодаря своему высокому профилю с рогами. Двигатель на деле оказывается очень мощный, и стихия этой пилы – не обрезка сучков, а распиловка огромных стволов деревьев [9].

В настоящее время в экспозиции Тотемского краеведческого музея представлено две модели пилы. Остальные экземпляры хранятся в фондах. Но коллекция пил всё же остаётся востребованной. Лучковая пила демонстрируется на тематических занятиях для школьников. Пилы разных модификаций были представлены на выставке «Индустриальная тема на полотнах репрессированных художников» в 2019 году. К изучению пил из собрания музея обращаются и исследователи. В частности, наша коллекция изучалась М. М. Елисейкиным [10]. Он же помог хранителям с атрибуцией предметов и их описанием.

Нужно отметить, что в собрании Тотемского музейного объединения представлены все основные модели пил, используемых на лесозаготовочных работах в Тотемском районе. Их изучение позволяет проследить переход от ручного труда с пилами кустарного производства до обработки больших объёмов леса механическими инструментами значительной мощности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маховая пила из фондов Артемовского исторического музея // Артёмовский исторический музей. МБУК Артёмовского ГО. [сайт]. URL: https://artmuzei.ru/museumexhibit/media/2021/9/17/mahovaya-pila-iz-fondov-artemovskogo-istoricheskogo-muzeya/. (дата обращения: 15.12.2022)

2. Почему пила называется «Дружба-2» // Мои инструменты. [сайт] URL: https://moiinstrumentu.ru/kak-rabotat-dvuruchnoj-piloj-i-izgotovlenie-udobnoj-nozhovki-svoimi-rukami.html. (дата обращения: 15.12.2022)

3. Тематико-экспозиционный план отдела Советского периода Тотемского краеведческого музея.– Тотьма, 1956.

4. Пила лучковая. // Артефакт. [сайт] URL: https://ar.culture.ru/ru/subject/pila-luchkovaya-2/. (дата обращения: 15.12.2022).

5. *Коренева, Н. И.* Тридцатые годы. Индустриализация и современность // Осколки времени: Тотьма на фотографиях 1917–1953 годов**:** краеведческий альбом / Тотемский районный совет ветеранов; Тотемское музейное объединение; А. М. Новосёлов, Н. И. Коренева.– Вологда : Древности Севера, 2019.

6. Для чего нужна выкружная пила // У мастера. [сайт]. URL: https://masterieltsonline.ru/osnastka-i-zapchasti/vidy-luchkovyh-pil.html. (дата обращения: 15.12.2022)

7. *Шегельман, И. Р.* Лесные трансформации: (XV–XXI вв.).– Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008.

8. Из истории происхождения электропил // «Лесное Братство». Союз лесопромышленников. [сообщество в социальной сети «Вконтакте»]. URL: https: vk.com/wall-36164423_36 (дата обращения: 15.12.2022).

9. Бензопила «Урал». Сделано в СССР; сделано сейчас // Drive2.ru. [сайт]. URL: https://www.drive2.ru/b/3087986/ (дата обращения: 16.12.2022).

10. *Елисейкин, М. М.* Моторные пилы МП-220, МП-180 производства завода им. Дзержинского. Происхождение, развитие, использование в лесной промышленности СССР // Город Пермь в промышленном развитии России: исторический опыт и современный потенциал.– Пермь: Изд-во Пермского национального исследовательского политехнического университета. 2018. С. 214–227.

Филиппова Елена Валерьевна,
заведующая архивным отделом
МБУК «Тотемское музейное объединение»,
г. Тотьма

ОБЗОР КОЛЛЕКЦИИ ПЛЕНОЧНЫХ НЕГАТИВОВ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

В 2021 году при подготовке краеведческого альманаха «Соль Тотемская: от Средневековья до наших дней» потребовались изображения, которые были сделаны на пленке. Обращение к данным материалам позволило частично оценить хранящиеся в фонде музея негативы. При оцифровке стало понятно, что часть негативов

выцвела, и источник изображения не читается. Именно данный аспект и стал толчком к более детальному изучению и описанию этой коллекции.

Пленочные негативы обычно остаются за рамками внимания исследователей. Объясняется это следующими причинами. Во-первых, трудно установить без специального оборудования содержание кадров. Во-вторых, в качестве иллюстративного материала он проигрывает другим изобразительным источникам (фотографии, живописным и графическим произведениям).

Исходя из вышесказанного, для характеристики содержания пленочных негативов чаще всего используется учетно-хранительская документация (акты и книги поступлений), а также оцифровка.

В фонде «Фотонегатека» Тотемского музейного объединения фотоплёнка представлена трёх основных видов: чёрно-белая негативная, цветная негативная, цветная обращаемая (диапозитивная, слайдовая).

Первые поступления фотодокументов на пленке в тотемский музей относятся к 60-м годам XX века. В настоящее время в фонде насчитывается более 1000 единиц хранения основного и научно-вспомогательного фонда: черно-белые и цветные оригинальные негативы и репродукции. Коллекция охватывает период с 1960-х по начало 2000-х и включает в себя материалы, отражающие различную тематику.

Самая активная работа по комплектованию пленочных негативов велась в период с 1965 по 1993 годы, позднее фонд пополнился большим поступлением в 2020–2021 гг. Основную долю оригинальных фотодокументов составляют негативы 1960–1990-х годов.

Источники поступления были различные. Чаще всего негативы поступали в музей от авторов съемки. Автор, передавая фотоотпечатки в музей, вместе с ними передавал и негативы, которые принимали в фонд. Благодаря этому данные негативы имеют четкую атрибуцию: название, дату съемки, имя автора.

В разное время в штате музея числились техники, художники-оформители, которые занимались и фотографированием: В. Н. Черницын, А. А. Щукин, Я. М. Кучеренко. С музеем сотрудничали внештатные фотографы: Е. А. Баландин, П. А. Филёв, Б. Н. Коробейников, Б. У. Попов, Н. Б. Трофимова, Л. А. Кринкин.

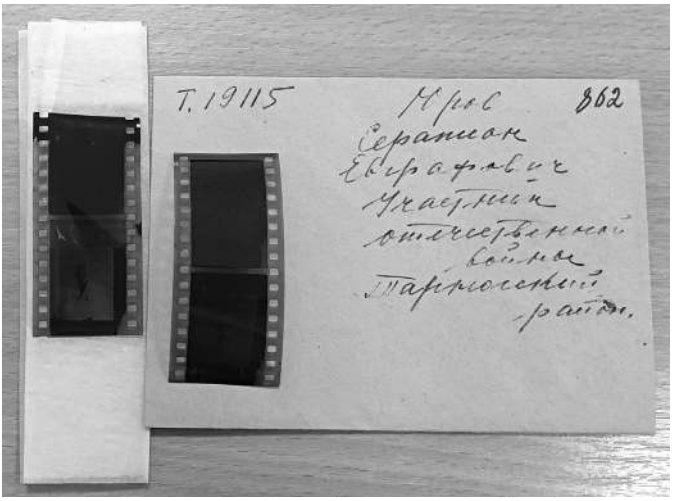
Часть пленочных негативов поступила в музей благодаря собирательской работе сотрудников. Так, выезжая в экспедиции по сбору экспонатов, они не только комплектовали музейный фонд

предметами, но и сразу делали фотофиксацию, передавая в музей негативы. Снимки были сделаны сотрудниками музея: З. Н. Мальцевой, С. М. Зайцевым, Н. Л. Рычковым. Так, в начале 1960-х годов от З. Н. Мальцевой, заведующей отделом природы, поступили пленочные негативы с документальной съемкой:

– строительство мясокомбината и маслозавода,
– портреты ударников сельского и лесного хозяйства,
– строительство тотемского льнокомбината,
– строительство инфраструктуры и жилья на селе и многое другое.

Огромный пласт негативов передавался музею постепенно, по мере создания, П. А. Филёвым. Об этом неугомонном энтузиасте я подробно рассказывала в статье «Тотемские фотографы второй половины XX столетия: люди и судьбы» [1, с. 8–21].

Павел Алексеевич занялся изначально фотографией, как хобби, но постепенно съемка стала смыслом его жизни. Благодаря Павлу Алексеевичу 1/3 коллекции пленочных негативов периода 1960–1990-х пополнилась изображениями, освещающими памятные даты и события Тотемского района, портретными снимками передовиков. Из его работ можно выделить такие: 29 негативов из деятельности Тотемского мясокомбината 1969 года, 21 ед. – будни

Пленочный негатив. Юров Серапион Евграфович. Участник ВОВ. Тарногский район. Пленка. Фотограф П. А. Филев. 1966 г. МБУК «Тотемское музейное объединение» (МБУК ТМО). ТМО-19115

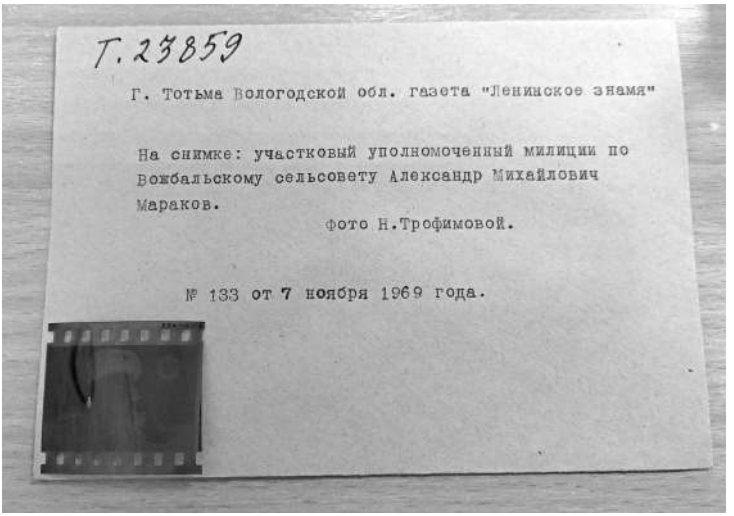
Тотемского льнокомбината 1958–1969 годов, передовики Тотемского леспромхоза, лесной промышленности и сельского хозяйства.

Отдельный блок составляют фотопленки, зафиксированные в книге поступлений № 27: «Авторские фотопленки – негативы по описи, 1972–1982–1992 гг., всего 58 ед.» Замечу, что это фотопленки по 24–36 кадров, а если разделить их по кадрам, как того требуют правила приема данных материалов в фонд музея, количество увеличится в десятки раз.

Целый массив негативов поступил в музей от П. А. Филева незадолго до смерти в феврале 1995 г. Всего более 60 пленочных негативов периода 1968–1992, атрибутированные самим автором. Среди них следующие сюжеты: «День молодежи» (1968), «Церкви Тотьмы», «Большая вода» (1986), «Строительство телевышки», «45-летие Победы» (1990) и др.

В период с 1968 по 1971 год из редакции газеты «Ленинское знамя» бывшим фотокорром Н. Б. Трофимовой были переданы более 500 негативов, имеющие точную атрибуцию: название, статья в которой опубликовано фото, автор.

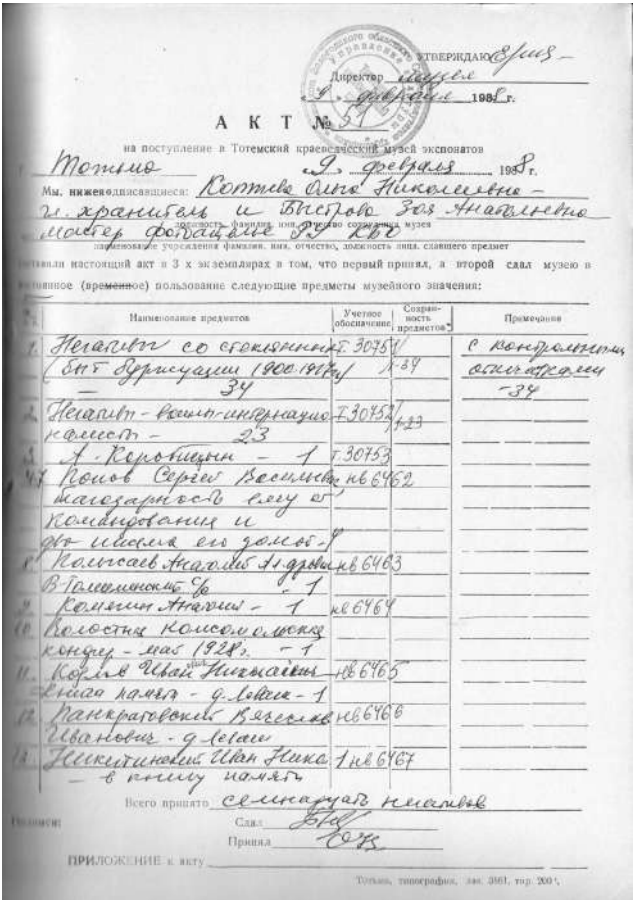
Наталия Борисовна Трофимова родилась в 1948 году в Тотьме. Окончила факультет журналистики Ленинградского государствен-

Пленочный негатив. Участковый уполномоченный по Вожбальскому сельсовету А. М. Мараков. Пленка. Фотограф Н. Б. Трофимова. 1969 г. МБУК «Тотемское музейное объединение» (МБУК ТМО). ТМО-23859

ного университета. Работала в редакциях газет «Ленинское знамя» (Тотьма), «Северный рабочий» (Ярославль), «Красный Север» (Вологда), в Верхневолжском книжном издательстве, была корреспондентом газеты «Советский патриот» в Германии. С 1999 года руководит творческим объединением «Объектив» (Вологда), в которое входят поэты и фотохудожники.

Из книг поступлений становится очевидным, что часть негативов была выполнена по заказу музея в 1985 и 1988 гг. Например, согласно Актам поступления за № 39, 40 от 12, 13 июля 1985 г. –

УТВЕРЖДАЮ
Директор
9 февраля 1988 г.

АКТ № 51

на поступление в Тотемский краеведческий музей экспонатов

Тотьма 9 февраля 1988 г.

Мы, нижеподписавшиеся: Коптева Ольга Николаевна – гл. хранитель и Быстрова Зоя Анатольевна – ноябрь фотоальбом 99 лет

(должность, фамилия, имя, отчество сотрудника музея)

составили настоящий акт в 3 х экземплярах в том, что первый принял, а второй сдал музею в (наименование учреждения, фамилия, имя, отчество, должность лица, сдавшего предмет)

постоянное (временное) пользование следующие предметы музейного значения:

№ п/п	Наименование предметов	Учетное обозначение	Сохранность предметов	Примечание
1.	Негатив со стеклянной (Быт Вурнусами (1900-1917 гг.) — 34	Т 30752	Х-34	с контрольной отпечатками -34
2.	Негатив - военно-инженерный комплекс - 23	Т 30753	Х-23	
3.	А. Керостелин - 1	Т 30753		
4.	Попов Сергей Васильевич благодарность ему о командировании и фотоснимка его домов - 1	№6462		
5.	Колесов Анатолий Федорович В Тотьме - 1	№6463		
6.	Конкин Анатолий - 1	№6464		
10.	Волостных комсомольских конгресс - мая 1924 г. - 1			
11.	Корнев Иван Николаевич Снимал камеру - д. Лобаск - 1	№6465		
12.	Панкратовский Вячеслав Иванович - д. Селаги	№6466		
13.	Никитинский Иван Никол — в полку нашем	1 №6467		

Всего принято семнадцать негативов

Подписи: Сдал

Принял

ПРИЛОЖЕНИЕ к акту

Тотьма, типография, зак. 3961, тир. 200 т.

Акт № 51 от 9 февраля 1988 г. на поступление в Тотемский краеведческий музей экспонатов

ТМО-29887/1-11 – фотографии и документы Н. Рубцова, негативы 9×12, ТМО-29886/1-34 – участники Великой Отечественной войны поступили от фотографа Районного управления Комбината бытового обслуживания (РУ КБО) Перевязкина Льва Александровича, всего – 53 ед. В 1988 г. – ТМО-31139/1-106, согласно Акту № 229 от 06.12.1988, ТМО-30751/1-34 Быт буржуазии, ТМО-30752/1-23 – воины-интернационалисты и др., были выполнены мастером фотоателье РУ КБО Быстровой Зоей Анатольевной, с контрольными отпечатками. Размеры негативов 8,8×11,7 см, фотоотпечатков – 8,7×14,2 см. Все негативы хранятся вместе с оригиналом – стеклянным негативом, пленочной копией и фотоотпечатком. Всего – 188 ед. хранения основного и научно-вспомогательного фонда ТМО.

Пленочный негатив. Крупное чиновничество у беседки общественного собрания. МБУК «Тотемское музейное объединение» (МБУК ТМО). ТМО-30751

Еще один из работников РУ КБО – Е. А. Баландин выполнял оцифровку уже имеющихся фотографий, передавая негативы в фонд музея. Так, Еварестом Александровичем были сделаны копии фотографий периода становления советской власти в районе.

Большой интерес представляют негативы, к сожалению, не имеющие авторства. Это кадры размером: 11,8×8,8 см, которые

были созданы непосредственно для строительства экспозиции музея И. А. Кускова, всего более 30 ед. Предположительно, автором этих фотокопий является С. М. Зайцев, так как они представляют собой фотофиксацию материалов архивов, копии карт, позднее использованных при создании экспозиции музея.

В 90-е годы XX века в музее работала Т. В. Мишуринская, начинавшая свою трудовую деятельность на фотографическом поприще в Тотемском КБО. Именно в этот период Татьяна Васильевна плотно занималась съемкой коллекций музея и музейных экспозиций, фиксацией научных командировок сотрудников по Тотемскому району, мероприятий, проходивших в городе и районе. Благодаря ее работе у нас сохранились интереснейшие негативы и отпечатки с них. Например: фотографии акции «Спасем и сохраним» 4 июня 1993 г. под девизом «300 лет спустя дорогой Петра I»: 26 кадров, размером: 2,4×3,6 см; командировка в д. Моссево в июне 1991 г., благодаря которой есть негативы и снимки здания церковно-приходской школы и Воскресенской церкви в Мосееве, встреча с членами общества «Русская Америка» и профессорами Н. Рокятинским и Д. Петровым. Имеется большой массив снимков с изображением архитектурных памятников как каменного, так и деревянного зодчества.

Татьяна Васильевна занималась фондовой работой: атрибуцией и маркировкой пленочных негативов, фиксировала предметы, представленные на фондово-закупочную комиссию, а также негативы и фотоотпечатки сотрудников отдела фондов за сбором экспонатов в Тотьме. Уже не работая в музее, Т. В. Мишуринская продолжала сотрудничество с ним. Так, с 1995 поступили цветные негативы, на которых зафиксированы виды постоянных экспозиций музеев города, деятельность музея: экспедиция в Тарногский район (1995), субботник на Входоиерусалимской церкви (1996), реставрация гостиницы «Тотьма» (дом Киренкова), детская елка для детей сотрудников музея (1997), венчание в Троицкой церкви 90-е г., отчетный концерт музыкальной школы (1996), празднование дня матери (1998), здание налоговой инспекции и кабинеты сотрудников, презентация песен на стихи Н. Рубцова в Центральной районной библиотеке (1996), акция протеста в поддержку общероссийской забастовки работников бюджетной сферы, участники военных конфликтов и др. Большая часть из этих снимков – уже ушедшая в прошлое история.

В 2000 году, согласно Акту поступлений за № 80 от 17.02.2000 в научно-вспомогательный фонд музея поступили 63 цветных

слайда от вдовы художника К. Г. Андреева Елены Георгиевны. Коллекция насчитывает 63 не атрибутированных цветных слайда с картин художника.

В фонде имеются слайды, сделанные С. М. Зайцевым, изображающие объекты архитектуры города. Конечно, их нельзя расценивать как негативный снимок, но по характеру материала, их можно отнести к данной коллекции пленочных негативов.

В 2021 году лично авторами: Т. В. Мишуринской, Л. А. Кринкиным и И. Б. Медведевым были переданы пленки, альбомы с негативами на пленке советского периода с атрибуцией авторов. В настоящее время коллекция продолжает пополняться.

Даже при первом приближении к теме изучения пленочных негативов как исторического источника становится понятно, что невнимание к ним исследователей не умаляет их значимости, поскольку они являются носителем, отражающим исторические события города и района. Благодаря авторской атрибуции они могут быть образцовыми при сопоставлении с другими видами изобразительных источников.

Аналоговые фотоматериалы требуют более трепетного и внимательного обращения. Фотоплёнка, как и фотобумага, имеет ограниченный срок годности. К сожалению, химическая неустойчивость является главным фактором разрушения пленочных материалов, особенно ранних. Наибольший вред им может нанести неправильное хранение. Хранить фотоплёнку лучше всего в холодильнике – это идеальные условия – темно и прохладно. Оптимальные условия для хранения исходников на пленке – температура от +10 до +12, относительная влажность 30–40%. Неправильное хранение, перепад температур может привести к образованию конденсата и склеиванию с материалом, в котором он хранится.

Ухудшение качества негативов – процесс естественный и неизбежный, но в наших силах провести ряд мер, замедляющих этот процесс. В настоящее время продлить срок хранения фотодокументов может применение сканирования и последующая запись на диски.

Среди уже принятых мер по улучшению условий хранения негативов можно назвать замену в 2022 году деревянных стеллажей на металлические драйверы и шкафы с порошковым полимерным покрытием, что позволяет максимально бережно хранить, работать с предметами и быстро находить необходимое изображение. В настоящее время руководством музея в отдел фондов приобре-

тён холодильник для соблюдения температурного режима хранения негативов на пленке.

Работа по изучению и инвентаризации данной коллекции будет мной продолжена. Негативы на пленке будут введены в научный оборот и впоследствии смогут активно использоваться в издательской деятельности музея.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Филиппова, Е. В.* Тотемские фотографы второй половины XX столетия: люди и судьбы // Осколки времени: Тотьма на фотографиях 1953–1985 гг.– Вологда: Древности Севера, 2021.

Норина Наталья Павловна,
научный сотрудник отдела фондов
МБУК «Тотемское музейное объединение»,
г. Тотьма

КОЛЛЕКЦИЯ БОТАНИЧЕСКИХ МУЛЯЖЕЙ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ. СОСТАВ И ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ

Муляж – это объемное воспроизведение внешнего вида предмета, точно передающее его форму, размер и цвет. Кажется, что муляжи в музеях – это предметы очень неприметные и не представляющие ценности. Но в естественно-научных коллекциях они выполняют очень важную роль. Благодаря им можно показывать в экспозиции те объекты, которые не подлежат длительному хранению.

Экспозиция отдела природы Тотемского музея, несмотря на, казалось бы, аполитический характер представленных в ней материалов, решала определённые, в том числе и агитационно-просветительские задачи. В советское время проводились выставки достижений народного хозяйства, необходимо было показать развитие в СССР селекции и демонстрировать пригодные для выращивания на северных территориях сорта фруктов, овощей, плодово-ягодных растений. Существовали целые списки утверждённых для распространения на территории Вологодской области плодово-ягодных растений [1, л. 1].

Музей занимался просветительской работой среди рабочих, колхозников и лесорубов. Посредством стационарных и передвиж-

ных выставок освещалась тема выбора семян, их посева, способов улучшения почвы для получения хорошего урожая в растениеводстве, посеву кормовых трав и по составлению посевных смесей. Особое внимание уделялось качеству экспонатов, возможности замены плоскостного материала объёмным с целью сделать выставку привлекательной, доступной и понятной для восприятия [2, л. 4–5, 9–10].

Первоначально фонды музея пополнялись образцами естественного происхождения, что вызывало трудности в обеспечении их сохранности. Растения приходилось засушивать, фрукты помещать в раствор спирта или формалина, что приводило к утрате первоначальных свойств, изменению характеристик и внешнего вида. Кроме того, хрупкость растений после объёмной сушки затрудняет их экспонирование и дальнейший уход не только за ними, но и за витринами, в которых они размещены [3, с. 3]. Отсюда возникла необходимость имитации предметов посредством использования муляжей.

Коллекция ботанических муляжей Тотемского музейного объединения в настоящее время насчитывает 119 единиц хранения. Среди представленных образцов муляжи овощей и фруктов, грибов и корнеплодов, плодов бобовых и плодово-ягодных растений (шт.): баклажан (3), брюква (5), вишня (1), горох (1), грибы (13), груши (2), картофель (4), морковь (3), огурцы (9), помидоры (6), редис (4), редька (2), репа (2), свёкла (7), томат (8), топинамбур (2), турнепс (3), яблоки (44). На 23 экземплярах демонстрируются повреждения плодов. Сделаны они из парафина, глины, папье-маше, пластика, резины. Художница музея Лидия Федюшина (работала с 1983 по 2002 год) изготавливала муляжи грибов из обычного детского пластилина для оформления экспозиции отдела природы.

Первые муляжи в количестве 6 штук поступили в музей из Вологды в 1939 году. В 1940 году был осуществлён самый крупный заказ. Из государственной фабрики «Агропособие» (г. Солнечногорск Московской области) музей выписал 64 экземпляра. Этому событию посвящена статья в № 4 газеты «Рабочий леса» от 05.01.1941 года, где даётся высокая оценка «художественности исполнения муляжей, которые передают натуру как в форме, так в цветах и даже на ощупь изумительно точно» [4]. Они были включены в экспозицию отдела социалистического строительства. В учётной документации музея содержится информация о небольшой коллекции муляжей, потупившей в 1958 г., и о поступлении ещё 23 единиц в 1959 году, изготовленных на этой же фабрике.

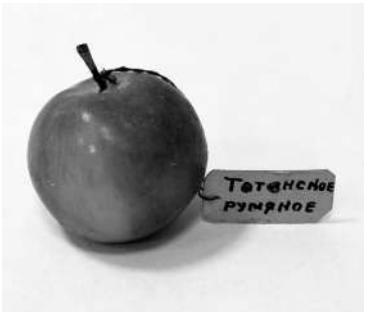
Важную роль в пополнении фондов муляжами сыграл первый директор музея Н. А. Черницын. Он занимался селекцией и выведением новых сортов яблонь, адаптированных к условиям нашего региона, обладающих свойствами повышенной морозоустойчивости и хорошими показателями урожайности. В результате появились местные сорта яблонь [5]. Копии их плодов в количестве 14 штук были заказаны во Всесоюзном НИИ садоводства им. И. В. Мичурина Министерства сельского хозяйства СССР в 1964 году. Вот названия некоторых из них: «Черницына № 7», «Ёлочное», «Тотемское румяное».

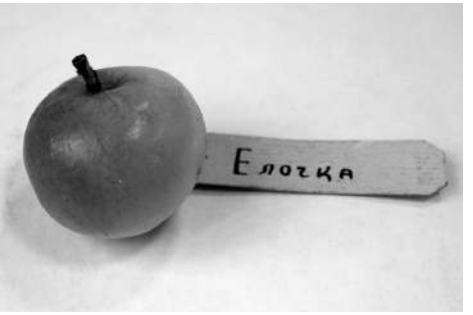
Муляжи фабрики «Агропособие»

В саду у Н. А. Черницына росли и плодоносили не только яблони, но и груши, чернослив, вишня, абрикос, ирга, черёмуха, облепиха, малина, лещина, смородина и крыжовник.

Из воспоминаний сотрудницы Тотемского музейного объединения В. А. Притчиной[21].

Муляж яблока «Тотемское румяное»

Муляж яблока «Ёлочка»

[21] Автор выражает большую признательность Валентине Алексеевне за предоставленные воспоминания.

Н. А. Черницын в саду.
Из архива В. А. Притчиной

«Бывший директор музея, когда был на пенсии, занимался садом, который располагался около дома Черницыных по ул. Клочихина и занимал целый квартал. Это было удивительно, мы ходили с учительницей всем классом к нему в сад на экскурсию. Черницын Н. А. рассказывал о том, как надо прививать деревья. Один из новых сортов вишни он назвал именем своей внучки «Зоя». Помню, после таких экскурсий, мы, школьники, придя домой, тоже пытались привязывать к деревьям прутики, бинтовать и следить за тем, как дальше будут «развиваться события...».

В 1940-х годах около здания краеведческого музея был разбит собственный сад.

Значение муляжей не стоит недооценивать. Казалось бы, они играют незначительную роль, являются чем-то второстепенным.

Фрагмент выставки «Хрупкое очарование былого». 2018.

Но именно они создают необходимую атмосферу, антураж выставки, помогают детально воспроизвести обстановку. Муляжи гармонично дополняют общую картину при построении экспозиции, проявляют назначение уже вышедших из употребления предметов быта, будь то фрукты в вазе в гостиной купеческого дома, или многообразные растения в экспозиции отдела природы. Именно они способствуют воссозданию естественной среды обитания животных, демонстрирует богатство нашей флоры. Кроме того, свойство муляжа замещать оригинал помогает сохранить ценнейшие коллекции для потомков. В настоящее время ботанические муляжи представлены в экспозиции Тотемского краеведческого музея в отделе природы, а также присутствуют в оформлении купеческого зала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список стандартных плодово-ягодных сортов, утвержденных для Вологодской области. [машинопись]. (Архивный отдел МБУК «Тотемское музейное объединение». Дело № 988).

2. *Черницын, Н.А.* Роль музеев в уборочную и посевную кампанию.– Тотьма, 1935. (Архивный отдел МБУК «Тотемское музейное объединение». Дело № 270).

3. *Курилин, Г.Н.* Изготовление муляжей растений, грибов и объёмная сушка растений для экспозиции: Методическое пособие.– М.: ГДМ, 2018.

4. Новые экспонаты музея. // Рабочий леса.– № 4.– 05.01.1941.

5. Сады украшают жизнь. // Ленинское Знамя.– № 121.– 10.10.1964.

Пригодина Ольга Борисовна,
заместитель директора по науке ГБУК АО «Каргопольский музей», г. Каргополь, Архангельская область

МОИ ТОТЕМСКИЕ КОРНИ

Так получилось, что все мои предки: бабушки и дедушки из Вологодской области. Я это знала с детства. По папиной линии – бабушка Александра Яковлевна и дедушка Иван Павлович Евсеевы из Великого Устюга. По маминой линии бабушка Александра Александровна и дедушка Александр Семенович Власовы из д. Кулибарово Бабушкинского района Вологодской области. В 1930-е годы и Евсеевы и Власовы по разным причинам уезжают из Вологодской

области и переезжают в Архангельскую область. Евсеевы поселились в д. Юрас Приморского района, недалеко от Архангельска. А Власовы в д. Дедов Полой того же Приморского района. Мои родители родились уже в Архангельской области.

После окончания Архангельского педагогического института, мою маму Людмилу Александровну, направляют на работу учителем химии и биологии в д. Тихманьга Каргопольского района Архангельской области, куда они с моим отцом приезжают в 1970 году. Я родилась уже в Тихманьге, была старшим ребенком в семье. Так получилось, что мои родители остались жить в Тихманьге и эта деревня стала для них второй родиной.

Поисками своих корней и составлением родословной занялась моя мама после того, как вышла на пенсию. Она очень хотела составить свое родословное древо, узнать имена своих прадедов и дедов, где и как жили. И так как я работаю в музее, то мне было поручено делать запросы в архивы. Первый запрос я сделала в архив Великого Устюга, откуда мне довольно быстро пришел ответ. Сотрудники архива составили подробную справку, указав предков не только по мужской, но и по женской линии. Предки по папиной линии – Евсеевы. Фамилия в XIX веке писалась немного по-другому: Евсевьевы, с мягким знаком. Род Евсевьевых удалось проследить до середины XVIII века. Все они проживали в д. Лобаново и были черносошенными крестьянами.

Деревня Лобаново, в настоящее время не жилая, находилась в 34 км от Великого Устюга. Евсевьевы были прихожанами Луженской Николаевской церкви, которая была основана не позднее 1755 г. и первоначально была деревянная [1]. Каменная двухэтажная церковь была построена в 1825–1845 гг., рядом находилась колокольня, построенная в 1845 г. Главный храм был освящен в честь свт. Николая Чудотворца архиепископа Мирликийского. К началу XX века храм обветшал, и с 1900 по 1906 г. богослужение в храме не совершалось. В 1906 г. здание церкви было капитально отремонтировано.

Мой дед – Евсеев Иван Павлович родился 7 января 1907 года в д. Лобаново Великоустюжского уезда. Его родители: Евсеев Павел Яковлевич и Лобанова Марфа Ильинична. Иван Павлович был женат на Дяткинской Александре Яковлевне, 1909 года рождения. Род Дяткинских происходит из деревни Есюково, в настоящее время деревня находится в Грязовецком районе Вологодской области на реке Кохтыш. По архивным документам самое раннее упоминание о Дяткинском Родионе из д. Евсюково – 1740 год. К сожалению,

не удалось установить, в каком году поженились мои дедушка и бабушка Евсеевы Иван Павлович и Александра Яковлевна и когда переехали в Архангельск. Известно только, что у них родилось семь детей, из которых выжило двое: мой отец Борис и его брат Владимир. Иван Павлович был призван на фронт 14.06.1943 года и погиб через пару месяцев на Ленинградском фронте. Своего сына – Бориса, он так и не увидел, погиб, защищая Ленинград.

По маминой линии предки – Власовы. Долго не получалось направить запрос в Вологодский государственный архив. Интересная система отбора: на год берут сто первых запросов, отправленных 1 января. Пришлось пробовать отправлять запрос не один год, никак не могла попасть в первую сотню. В 2020 году мой запрос взяли в работу и через полтора года из Вологодского архива пришел ответ, я с удивлением узнала, что род Власовых из деревни Кулибарово, которая до 1929 года входила в Тотемский уезд.

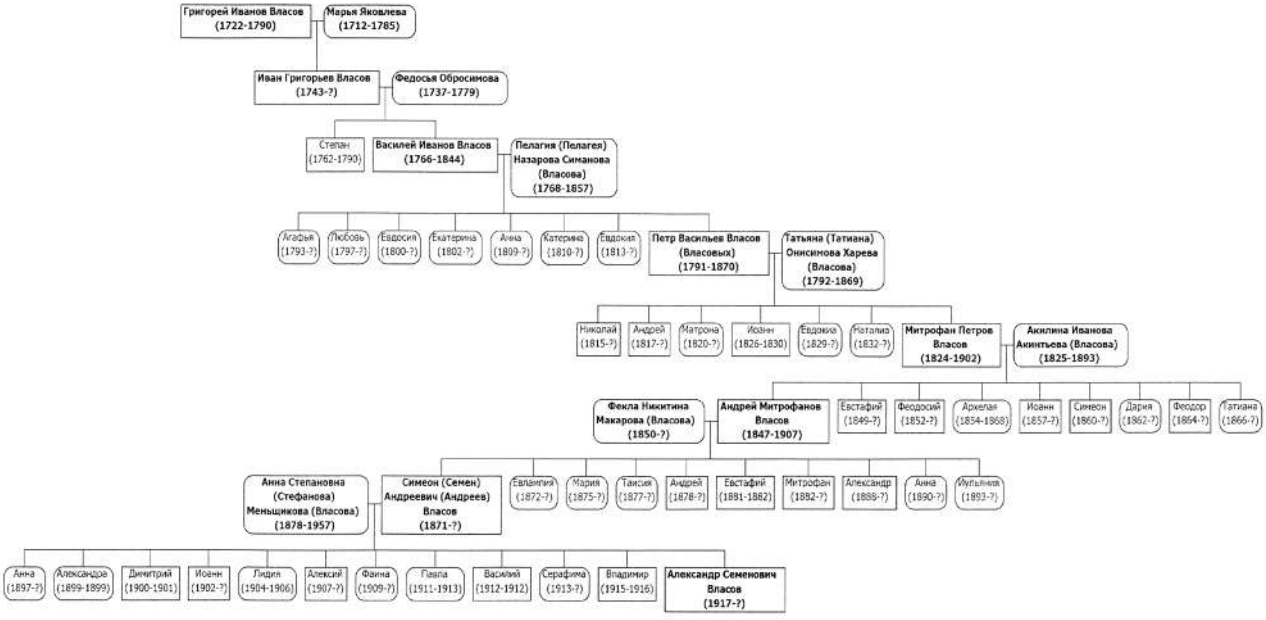
В настоящее время деревня Кулибарово входит в состав Бабушкинского района Вологодской области. Район образован 15 июля 1929 года как Леденгский район Вологодского округа Северного края на части территории прежнего Тотемского уезда Вологодской губернии. С 1941 переименован в Бабушкинский.

Деревня Кулибарово Тотемского уезда Вологодской губернии, в которой жили Власовы, располагалась между Никольской торговой дорогой и рекой Тотьмою при речке Вотче в 65 верстах от уездного города Тотьмы. Была казенной. На 1859 г. в деревне насчитывалось 40 дворов, в которых проживали 147 мужчин и 152 женщины. Интересно название деревни, видимо, название от прозвища Кулубар и имеет тюркское происхождение.

Власовы были прихожанами Воскресенского прихода, который находился в Вотчинской волости Тотемского уезда и упоминался в Окладной книге монастырей и церквей Великоустюжской епархии 1755 года. Сайт «Православные приходы и монастыри Севера» дает следующую информацию: «Вотчинская Воскресенская каменная церковь, 1805 года. Престолы в честь: Воскресения Христова и святителя Николая Мирликийского. Холодный храм во имя Воскресения Христова освящён 18 октября 1864 г. Придельный храм во имя вмч. Пантелеймона освящён 2 ноября 1880 г. В 1907 году был открыт при Кулибаровской церкви самостоятельный приход» [2].

Самое раннее упоминание о Власовых относится к началу XVIII века. Григорей Иванов Власов (1722–1790) был женат на Марье Яковлеве (1712–1785). В Вологодском архиве составили поколенную схему рода Власовых, которую прилагаю. Еще одно

Поколенная схема рода Власовых

небольшое для меня открытие – нашла упоминание, что прадед Андрей Митрофанов Власов в 1906 году владел мельницей [3].

Мои дедушка и бабушка по маминой линии – Власовы. Александр Семенович и Александра Александровна. По линии бабушки Александры Александровны, к сожалению, информации не много. Ее девичья фамилия Пятовская. Ее отец – Пятовский Александр Степанович был участником I Мировой войны. В семейном архиве хранится фотокарточка с надписью: «На память жене и детям, здравствуйте и прощайте мои дорогие. Александр Степанович Пятовский. 1915 года февраля 14 дня». К сожалению, больше мне ничего о нем не известно, и на сайте Тотемского музея в разделе об участниках I Мировой войны фамилии моего прадеда нет.

Еще по бабушкиной линии о ее брате Пятовском Алексее Александровиче мы узнали совсем недавно. В 2007 году при проведении поисковых работ в г. Демянск Новгородской области были обнаружены останки военнослужащего, имя которого удалось установить по смертному медальону. Пятовский Алексей Александрович 1910 года рождения, уроженец Вологодской области Бабушкинского района, хотя проживал в Вологодской области, но был призван на войну Холмогорским РВК. Это можно объяснить тем, что, возможно, он был на заработках в Архангельской области. Алексей Пятовский был красноармейцем 254 стрелковой дивизии, погиб 6 ноября 1941 года. Поисковики опубликовали эту информацию в газете «Правда Севера». Статью увидела моя тетя, и поняла, что речь про нашего солдата... Останки воина были захоронены 4 ноября 2007 года. Вот такая история...

Родители моего деда: Анна Степановна Меньщикова (1878–1957) и Семен Андреевич Власов (1871–?). В их семье родилось 12 детей, но до зрелого возраста дожили пятеро. Первый сын – Иван – первенец, любимчик, вся его жизнь была связана с торговлей. Его жена, Александра Дмитриевна, занималась воспитанием дочерей. Вторая дочь (сестра моего деда) – Анна Семеновна. Вышла замуж за Павла Алексеевича Макарова, жили в Киеве. Павел Алексеевич был участником Великой Отечественной войны. У них было трое детей: Иван, Таисия и Юлий. Третий ребенок – дочь Фаина (вторая сестра моего деда). Она рано уехала из родного дома и вышла замуж за башкира Константина, родила сына Альберта (Алика). Муж их оставил после возвращения с войны, и она воспитывала Алика одна. После службы в армии, Алик прожил с матерью два года и уехал на Дальний Восток. Тетя Фая искала его, думала, что он пропал без вести, даже подавала запрос во Всесоюзный розыск: его нашли

и сообщили ей, что он жив-здоров, живет в Магадане. Но он так и не стал общаться с матерью. Еще одна дочь – Серафима Семеновна (третья сестра моего деда) – всю жизнь прожила одна. Ещё до войны устроилась работать на Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат, где трудилась до пенсии. Самый младший в семье был мой дед Александр Семенович (1917–1985). Он был двенадцатым ребенком в семье. Так как старший Иван рано отделился от родителей, то вся мужская работа легла на плечи Александра. В 1934 году в 17 лет он женился на Пятовской Александре Александровне, которая была старше его на два года. Вероятно, в это же время они переехали в Архангельскую область, Приморский район в поселок Дедов Полой. Там у них родились их дети: Нелли, Людмила, Маргарита, Анна, Владимир, и оттуда Александр Власов был призван в армию в 1939 г. Когда началась Великая Отечественная война, он служил в армии, и поэтому с первых дней войны воевал. Был в плену, предпринимал несколько попыток побега, но только на третий раз удалось убежать. Вернулся домой в 1946 году.

После войны дед работал мастером леса в Архбумкомбинате в г. Новодвинске. Но случилась авария на р. Двина и плот с лесом унесло в море, это и послужило причиной для переезда всей семьи в 1955 году в Холмогорский район д. Среднеконская, где они и прожили всю жизнь. Дед работал на многих работах: на сплаве, в колхозе бригадиром, председателем сельпо, возчиком, сторожем. Его жена Александра работала сначала в колхозе, а затем в школьном буфете. Мой дед и его сестры Фаина и Серафима всегда жили дружно, постоянно общались, помогали друг другу. Серафима Семеновна так и не вышла замуж, и всю свою любовь подарила племянникам, т. е. детям Александра Семеновича: Людмиле, Анне, Рите, Александру. Я ее очень хорошо помню. И хотя она была мне бабушкой, мы ее всегда называли тетя Сима, а иногда и просто по имени: Серафима. Моя мама Людмила с детства была частой гостьей у тети Симы. С ней нянчились очень многие, поэтому о родителях она не скучала. После окончания семилетки в деревне Ракула Людмила училась с 8 по 11 класс в г. Новодвинске и жила у тети Симы. После школы поступила в Архангельский педагогический институт на учителя химии и биологии. А как мои родители оказались в Каргопольском районе, я уже рассказывала.

Мои яркие детские воспоминания о большом доме моего деда и бабушки: он действительно был большой, двухэтажный, с крутой лестницей на второй этаж, с русскими печками... Деда и бабушку я очень хорошо помню, в детстве, почти каждое лето, мы проводили

у них. Летом в их доме было всегда много народа: дети, внуки... Бабушка печет в русской печи пироги... Дед молчаливо смотрит в окно... На ночь бабушка рассказывала нам страшные сказки про жихарку, про медведя с липовой ногой... ...Прожили дедушка и бабушка вместе долгую жизнь, отметили золотую свадьбу. Мы, их внуки, помним их, общаемся, ездим друг к другу, вспоминаем дни, проведенные в деревне... Хочется отметить отличительную особенность семьи Власовых, начиная с моего деда и бабушки и их сестер, и братьев: очень тесное общение, всегда вместе, рядом, поддерживая и помогая друг другу. Это же сохраняется и у их детей: Анны, Маргариты, Володи и моей мамы Людмилы, несмотря на то, что живут в разных регионах, всегда общаются, ездят в гости на дни рождения и юбилеи, помогают друг другу. И мы, уже внуки Александра Семеновича и Александры Александровны, также продолжаем общаться, следим за новостями друг друга через соцсети, ездим в гости, вспоминаем дни, проведенные в деревне у деда и бабушки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Православные приходы и монастыри Севера. [сайт]. URL: http://parishes.mrezha.ru/ (дата обращения: 25.12.2022)

2. Вотчинская Воскресенская церковь // Православные приходы и монастыри Севера. URL: http://parishes.mrezha.ru/parish_history.php?id=436 (дата обращения: 25.12.2022)

3. Кулибарово // Википедия. Свободная энциклопедия. [электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кулибарово (дата обращения: 25.12.2022)

Раздел II

РУССКИЙ СЕВЕР: ИСТОРИКО-АРХИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Черкасова Марина Сергеевна,
доктор исторических наук,
профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии
ФГБУ ВО «Вологодский государственный университет»,
г. Вологда

СКОМОРОХИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Одним из ярких явлений народной смеховой культуры средневековой Руси являлось скоморошество. Скоморохов, в чем-то аналогичных западноевропейским комедиантам, менестрелям, шпильманам, шутам, жонглерам, фокусникам, циркачам ученые считают проводниками и хранителями народно-языческого и игрового начала [1, с. 73–89; 2, с. 93–94]. С ними можно также связать культурно-информационный обмен в средневековом обществе, они словно размыкали замкнутость составлявших его социальных ячеек.

В предлагаемой статье автор попытается совместить социокультурные и демографические аспекты в исследовании этого самобытного феномена главным образом по кадастровым источникам конца XV–XVII в. (писцовым и переписным книгам). Наряду с данными по Русскому Северу (Белоозеро, Вологда, Тотьма, Устюг, Онега, Сольвычегодск, Двинская земля), будут широко привлекаться сведения, относящиеся и к другим городам, уездам, регионам России.

По этимологии этого слова в литературе высказан ряд различных мнений (начиная с классика славяноведения П. И. Шафарика), а историография проблемы (включая зарубежные исследования) была рассмотрена В.В. Кошелевым [3, с. 10–36]. В 1836–1837 гг. в ряде своих работ П. Шафарик указывал на «скамари» – племя на Нижнем Дунае в V–VI вв. В русском переводе программной монографии Й. Хёйзинги «Homo Ludens» (Человек играющий) скоморох приводится как эквивалент англо-саксонского (или древнеисланд-

ского ?) «scurra» – придворный поэт и оратор, произносящий религиозный текст, колдующий, бормочащий [4, с. 141]. А. С. Фаминцын термин *скомрах/скомрох* связывал с арабским maskhara – смех, насмешка [5, с. 84–85]. К такому объяснению близок и А. М. Панченко, выводящий данный термин из арабо-славянских параллелей (через тюркское посредничество) «масхара» – фигляр, шут, гаер, смех как таковой и объект смеха [6, с. 109–110]. Первым подробную сводку упоминаний о скоморохах среди крестьян, холопов и посадских людей представил в своем Словаре Н. М. Тупиков [7, с. 358]. В 2000 г. в очередном томе академического «Словаря русского языка» была размещена содержательная статья с анализом терминов скоморох, скомрах, скоморошный, скомрашество и т. п. [8, с. 226].

Нельзя пройти мимо возможного упоминания (хотя и не явленного напрямую) скомороха в «Слове о полку Игореве». Д. С. Лихачев дал своё прочтение одного спорного места из него, когда полоцкий князь-оборотень-язычник-волхв Всеслав со своим скоморохом Дудой бежит на р. Немигу, где происходит кровавый бой, поэтически уподобляемый обмолоту зерна на току [9, с. 138–140]. Ученый привел также летописное известие о холопе Дудике, клеветавшем в 1050-е годы на новгородского епископа Луку Жидяту. Таким образом, ещё в эпоху Древней Руси были придворные княжеские певцы разного типа – более христианского и более языческого. К последнему типу в то время преимущественно и относились скоморохи.

Отмечены они и в Повести временных лет под 1068 г. (в статье «О казнях божиих»), и в цикле былин о Добрыне. В одной из них, записанной на Онеге, Добрыня переодевается («...принести велел платьице-то скоморовчато»), принимает «псевдоним» Скоморох Скоморохович, приходит на «почестен пир» ко кн. Владимиру, где за столом уже были скоморохи. Добрыня садится на место «скоморовское», начинает петь-играть, и слушатели словно путешествуют вместе с ним в стольный Киев, затем в Царьград и Иерусалим... Заворожённая пением Добрыни группа скоморохов «приумолкнула и поразслушалась» [10, с. 106–109].

Следует учитывать разветвлённую специализацию скоморохов, включая не только мужчин, но и женщин (скоморошиха, плясица, рожешница, шутиха) и имущественную дифференциацию среди них. Барабаны, бубны, гудки, гусли, дудки, домры, рожки, свирели-сопели, скрипки, трубы, цинбалы – это были инструменты народных, а также придворных артистов и музыкантов («игрецов»). Отсюда и более специализированные их обозначения

типа барабанщик, бубен/бубенник, гудочник, домерник/домерщик, скрыпочник, струнник, рожечник, трубач, цинбальщик и т. п. Кроме того, приведённые термины могут указывать на мастеров, их изготовлявших. В кадастровых источниках содержится обильный материал по ономастике (имена-прозвища-фамилии, названия населённых пунктов), отражающей бытование разных сторон феномена скоморошества.

Более всего сведений о скоморохах как владельцах городских и сельских дворов. Раннее их упоминание выявлено В. В. Кошелевым в новгородских писцовых книгах 1495–1500 гг. (39 чел.). В описании Старой Руссы 1497/98 г. читаем: «во дворе Любивец скоморох, позема 7 алт.; во дворе Огибало скоморох с соседями, позема гривна» [11, с. 19–27]. Поземом в данном случае называется оброк за землю. В 1490 г. в Устюге случился пожар: «погоре посад от *Скоморошьи* мовницы» (бани.– *М. Ч.*) и 4 церкви» [12, с. 17].

В Нижегородском уезде Дудин Амвросиев монастырь в 35 верстах вверх по Оке возник в XV в. близ села Скоморошьего и дер. Дудиной/Дуденевой. На соседних с ним землях, согласно правой грамоте 1555 г., проживали Яков Ожгибес, Зинов рожечник, Нечай Дударин [13, с. 177–178]. С названием Дудин известен ещё один – Никольский монастырёк на р. Шоше в Тверском крае, что отмечено в дозорной книге 1551–1554 гг. [14, с. 168, 230–231]. Территориальное сближение мест возможной скоморошьей игры и пребывания «игрецов» с последующими церковно-монастырскими учреждениями требует специального объяснения. Не выражалось ли тем самым некое «вытеснение» одного (как народно-языческого) другим – как более дисциплинарно-церковным, упорядоченным? В Устюженском крае (Железопольского) недалеко от с. Долоцкое до 1612 г. существовал жальник-могильник-погост Скоморохово и при нём Скоморошья ярмарка [15, с. 221, 246, 306–307].

Более всего скоморохов – 135 чел., по подсчетам В. В. Кошелева, приходится на XVI век (по 63 и 72 чел. на его первую и вторую половину соответственно) [16, с. 9 и табл. 1 на с. 23]. В центре России в описании села Клементьева в начале XVI в. (вотчина Троице-Сергиева монастыря в подмосковном Радонеже) отмечены два непашенных двора: в одном Смыкарь скоморох, в другом Олешка скоморох [17, Т. 1. № 364]. В писцовой книге Торопца 1540 г. фигурируют три человек, названные скоморохами, а ещё один смычник и один рожечник [18, с. 284]. В Сотной 1544 г. на торгово-ремесленное село Медное, расположенное на большой дороге от Твери до Новгорода и принадлежавшее Троице-Сергиеву

монастырю, среди массы мастеровых людей указаны – каждый в своем дворе – Митюк скоморох и Мартынко смычник. Спустя полвека, в писцовой книге 1593/94 г. в том же селе проживал только один скоморох – Иванко Иванов [19, с. 20, 40]. С невольным удивлением пришлось увидеть инока Иакова Скомороха под 1544 г. в братском Помяннике Троице-Сергиева монастыря [20, с. 237]. В разрубном списке Куростровской волости 1549 г. указаны: Некрас скоморох и Истома скоморох с сыном, значит они считались тяглыми людьми [21, с. 404]. В Сотной на Каргополь 1561–1564 гг. в одном дворе упомянута «Овдотка Тимохина жена Скоморохова», а в другом – Сенька Омельянов домерник [22, с. 292, 293].

Группа скоморохов в г. Кореле (Водская пятина Новгородской земли) отнесена переписчиками к «молодым людям», т. е. к «молодшим», неплатежеспособным, живущим на посаде без промысла. К экономически ослабленной группе – бобылям – причислен единственный упомянутый в переписных книгах Яренского уезда Петрушка Микифоров с. Скоморох. Чаще в них встречаются Веселковы/Веселовы, которых, исходя из ещё одного распространённого определения,– *веселые* – также относят к скоморохам [23, с. 43, 77–78, 81–82]. В Свияжске среди стрельцов в 1566-1568 гг. в двух дворах указаны – в каждом – гусельник и струнник, а в Туле в 1588–1589 гг. в кельях при церкви Спаса-Преображения на Ржавце отмечены, скорее всего, тоже скоморохи – Гаврилко *гудочник* и Савостька Горбун *струнник* [24, с. 270, 356, 376].

В Сотной на Устюжну 1567 г. среди посадских людей названы три живущих по соседству скомороха: Прибыток, Докучка и Якуш [25, с. 153–154]. Преобладали как раз такие их именования – одночленные и в уменьшительной форме. Заметным подобное именование будет и в дальнейшем, чем оттенялся, вероятно, их невысокий в целом социальный статус. В вотчине двинского Антоньево-Сийского монастыря в 1578 г. упоминается дер. Скоморошье Печище на р. Мезени, в Юровском стане Егорьевском приходе [22, с. 215]. В Сотной на посад Галича 1578 г. отмечены два дворовых места – Дудоладовское, Гришки трубника и Суворка скомороха [26, с. 175–176]. Высокая частотность номинации Скоморох по источникам Северо-Западной Руси XV–XVII вв. отмечена в Словаре И. А. Кюршуновой. Вместе с тем она понимает скомороха не только как актёра народного театра, но и в переносном смысле (вслед за В. А. Никоновым) как просто паясничающего, кривляющегося человека [27, с. 491].

Наиболее раннее для Вологды упоминание скоморохов находим в купчей грамоте Ив. Дм. Хмелевикова на двор во Владычной

слободе, проданный Юр. Еремееву в июле 1579 г. При описании межи у церкви св. Климента папы Римского отмечен «Родионов двор скомороха» [28, № 708]. В писцовой выписи 1561/62 г. по Дмитровскому у. на вотчинных землях фигурирует «во дворе Ивашко скоморох» [29, № 490]. В одном поместье в Деревской пятине в 1588/89 г. среди бобыльских дворов указан «двор Максимки скомороха» [30, № 14]. В Мещерском уезде в одном из поместий в 1609 г.– «во дворе Иванко Фролов сын скоморох» [30, № 297]. В писцовой книге Заонежских погостов 1582/83 г. удалось обнаружить в своём дворе Иванка Степанова скомороха [31, с. 155].

Подобные сведения кадастровых источников, «помещающих» скоморохов в их собственные дворы (городские и сельские, слободские; крестьянские и бобыльские) делают понятным упоминание их в Севернорусском судебнике 1589 г. как *описных*, т. е. учтённых в ходе переписных работ. Они имели довольно высокий уровень правовой защиты за «бесчестье» (оскорбление словом или действием) – 2 руб. В. В. Кошелев обратил внимание на такой же его размер, как и за сотского,– весьма значимого по статусу выборного лица крестьянской и городской общины [32, с. 62–67]. Это было в 4 раза больше, чем другим выборным лицам волости,– десятским и пятидесятским.

Само признание скоморохов «описными» отразило определенную степень их социальной интеграции к концу XVI в., что существенно уточняет традиционные о них представления как, якобы, о всегда только *гонимых* официальными властями (государственными и церковными). Данное наблюдение В. В. Кошелева заслуживает несомненного внимания. В самом деле, ведь 2 руб. возмещения за бесчестье – это в двести раз больше 2 денег (=1 коп.), установленных судебником 1589 г. маргинальным слоям населения Поморья – незаконнорождённым детям, их матерям, в 33 раза больше, чем «каликам перехожим» и в 16 раз больше, чем «нищим кликунам». Значит, в социальной структуре севернорусского общества в конце XVI в. статус скоморохов не был так уж низок.

В. В. Кошелев собрал сведения о категории описных скоморохов с 1490-х по 1590-е гг. по 15 поморским уездам, составил базу данных на 85 лиц, среди которых 52 чел. были горожанами, остальные – селянами. Фиксация скоморохов в своих дворах, как будто, противоречит пословице о них: «Скоморох голос на гудке настроит, а житья своего не устроит». Ценная сводка документальных свидетельств о скоморохах в актовых и правовых источниках, кадастровых и таможенных материалах, научно-справочной литера-

туре, словарях была издана Пушкинским домом в 2007 г., хотя не всегда качество публикаций источников и принципы их подачи в этой сводке безупречны. Данный сборник был подготовлен специалистами по фольклору [15]. Интересный сборник статей авторов разных специальностей (музыковедов, историков, источниковедов, культурологов, этнографов) был издан к 140-летию выхода первой русской книги о скоморохах. Издана она была историком славянофильского направления И. Д. Беляевым в 1854 г. [33].

Ко второй группе в судебнике 1589 г. отнесены *неописные* скоморохи, т. е. не записанные в официальном кадастре, не имеющие постоянного места жительства. Видимо, именно они в Стоглаве 1551 г. характеризовались как ватаги по 60–70–100 человек, т. е. гулящие, бродячие «бригады народных артистов». При этом они (или часть их) были людьми семейными. Им за бесчестье была предусмотрена компенсация значительно меньше – 1 гривна (10 коп.). Жене описного скомороха никакого возмещения за бесчестье почему-то вообще не полагалось, тогда как жене неописного – в двойном размере. Возможно, в составе упомянутых ватаг бродячие скоморохи работали-играли в паре («Коза и Баран» – жена/муж?). А. М. Панченко приводит поговорку «Из доброго меха добра и потеха». Она имеет в виду «мехоношу» (своего рода казначея?) подобных ватаг, который собирал в мех-мешок плату за представление или какие-то подачки от зрителей. Мехоноша мог быть и вожаком Козы [34, с. 67, 72].

Следует учитывать, что скоморохов приглашали играть на пирах и братчинах. Под *пирами* нами понимается более семейно-частное событие (свадьба – «*играть* свадьбу», неслучайно свадьба по-украински – это «весілля», весіляне – гости на ней) или крестины ребёнка, а также поминки на кладбище в Троицкую родительскую субботу [35, с. 129–130; 36, с. 200, 387], а под *братчинами* – коллективно-ритуальное действо, народный праздник всей деревни-села-прихода. Здесь перед нами переплетение индивидуальных и коллективных форм средневековой культуры, в каждой из которых скоморохи могли быть и были востребованы.

В. В. Кошелев считает, что была ещё одна группа скоморохов – «походные» (за их бесчестье возмещение было минимальное – 2 ден., хотя в официальной редакции судебника 1589 г. этой нормы нет). Она занимала промежуточное положение между двумя названными выше либо слово это употреблялось ситуативно. С бродячими скоморохами можно связать прозвище Гуляйко (и вообще гулящего человека). А. С. Фаминцын привёл интересный факт,

относящийся к 1656 г., когда ватага весёлых гулящих людей была обложена пошлиной «головщиной» – по 5 алт. 2 ден. с «головы» плюс по 2 «полозового» (с возов) да 4 алт. *с медведя* [5, с. 67–68].

Информация о скоморохах нарастает в кадастровых источниках 1560–1590-х гг. по центру и северо-западу страны – Коломне (их там около 10), Кашире, Орешку, Ладоге, Холму [5, с. 27, 29, 133, 149, 161, 227]. В писцовой книге 1580 г. по Тверскому уезду в разных его местах отмечены в своих дворах: Первушко *Веселой*, Гаврилко *Бубен*, *Потешко* Иванов [14, с. 532, 599, 609]. Не исключено, что и они могли быть скоморохами. Во всяком случае топонимика Тверского края (сельца, деревни, пустоши, починки) особенно плотно насыщены «скоморошьими» наименованиями.

Семь скоморохов упомянуто в писцовой книге Великого Новгорода конца XVI в. и один в 1646 г.: «дворовое место Давыдка скомороха и Иевки кузнеца» [37, с. 109, 169, 173]. В дозорной книге Софийской стороны Новгорода 1586 г. отмечено пустое тяглое место «Михалка домрачея Бабы», умершего в 1570/71 г. [38, с. 105]. Несколько Домрачеевых упомянуты в писцовой книге Рузского уезда времени опричнины, правда, это были отнюдь не посадские, а служилые люди – помещики и вотчинники. За одним из них, Жихорем Микитиным с. Домрачеева, была даже поместная дер. Скоморошкова [39, с. 82–83, 127].

В дозорной книге Белоозера 1616/17 г. отмечен пустой двор «Мартынки Торопова скомороха, а он сшел безвесно во 125-м году» [40, с. 64]. В дозорной книге Вологды 1616/17 г. упоминаются, правда, уже покинувшие свои дворы Тонкушка Веселово с пасынком, Перша Веселого и Богдашко Веселка [41, с. 256, 260, 261]. В писцовой книге 1627/28 г. фигурируют Петрушка Веселов и Фома Веселово, а ещё бобыль Гришка Домерник [41, с. 50, 55, 64, 116, 145]. В переписной книге 1646 г. в ул. Новинке показаны два бобыльских двора: в одном проживала вдова Анисьица Домерщикова, в другом – Игнашка Иванов с. Цынбальщик [42, с. 21].

В 1678 г. в Вологде на Верхнем посаде, в Васильевской улице известен Гараска Федоров с. Цынбалщик. Набираются и некоторые штрихи к их семейной характеристике. В Сретенской улице во дворе у бабушки, бобыльской вдовы Акилинки Дощечки было три внука 18, 15 и 13 лет «дети цынбальщика» [42, с. 138, 151]. Это позволяет предположить семейно-потомственный характер данной «профессии». Заниматься скоморошеством могли все три брата в семье: «Гриша да Гришка, да Гридя Филимоновы дети Дуткина»; «Васка Дудин да Федка Дудин». Аналогично в Устьянских

сохах 1645/46 г.: «во дворе братья Ферапонтко Фёдоров с. Дудин, во дворе Иевко Федоров с. Дудин», «Родка Евсевьев с. Дудинской, Митка Евсевьев с. Дудинской». Есть люди и с другими фамилиями, но важнее то, что все они проживали в деревне с показательным названием Будино-Дудино [43, л. 259–266 об., 298 об.].

В некоторых источниках описывается внешность скомороха, отмечается его возраст, семейное положение. В кабальных книгах Шелонской пятины 1602/03 г. фигурирует Игнатей Софонтиев с., «прозвище Барабан: рожаем и волосом рус, глаза серы, ростом середней, год в 50». В тех же книгах указаны два скомороха-землепашцы: «Ерёмка скоморох, сеет ржи четвертку; дали льготы Якиму Терентьеву скомороху на 5 лет от Семена дни лета 7076-го». И как здесь не вспомнить классическую былину «Вавило скоморох», в которой подчеркивается его крестьянское происхождение:

...А поехал Вавилушко на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Ишша белую пшеницу засевати,
Родну матушку хочё кормити...

В этой, записанной А. Ф. Гильфердингом на Онеге, былине Вавило ходит-скоморошничает втроём, с ним два «товарища», святые бессеребряники и покровители ремесленников Козьма и Демьян [44, с. 37–42]. Районом наибольшего расселения скоморохов в Новгороде было место около церкви Козьмы и Демьяна. Интересный штрих к истории Вавилы-скомороха выявил Д. С. Лихачев в одной книжной записи. Там речь идёт о раскаянии Вавилы за свою распутную жизнь, раздаче имения *двум* своим женам, пострижении в монахи. Его благочестивому примеру последовали и обе жены [45, с. 335–336].

Немного известий имеется о занятости скоморохов в торговой сфере. В расходной книге Важского Иоанно-Богословского монастыря 1597/98 г. записана покупка казначеем Елисеем у Пятого Скомороха 10 локтей сукна за 5 алт. 3 ден. [46, с. 215]. Локоть включал в себя обычно 46–48 см. Обращение к таможенным книгам второй четверти – середины XVII в. ряда городов (Великого Новгорода, Курска, Устюга, Сольвычегодска) показывает активный оборот на внутреннем рынке России скоморошьих инструментов и материалов: «...явил 300 струн, ...1000 струн домерных... 50 дудок глиняных...полдюжины варганов...30 свирелей» [15, с. 327–331]. Варган – смычковый инструмент.

Выплаты *весёлыми людьми* пошлин по 5 ден. с человека фиксируются в таможенных книгах Тотьмы 1627/28–1630/31 гг. Значит, они занимались куплей-продажей, двигаясь по Сухоно-Двинскому пути небольшими группами, по 4–5 чел. Иногда указаны братья: «веселые Данило и Калина Федоровы»; а вологжанин с характерным именованием Налива (Наливай) Демидов упоминается несколько раз. Последний купил однорядку брусничного цвета с шелковой опояской. По таможенной книге Великого Устюга 1634/35 г. несколько «весёлых» из Комарицкой и Черевковской волостей платили по 4 ден. с человека «пешей явки» [47, вып. 1, с. 254, 263, 303; вып. 3, с. 52, 60, 63, 178, 120, 256; вып. 4, с. 52, 97, 101, 123, 134; вып. 7, с. 121, 126].

Приведём название одной из монастырских варниц и соляной трубы в Тотьме – *Веселуха*. У нас нет прямых данных об её связи с изучаемым явлением, но и не упомянуть её мы не могли [48, с. 46, 49, 52]. Ю. И. Чайкина считала её этимологию неясной [49]. Ею же отмечен Дудинский переулок в Тотьме. Среди топонимики укажем также Скоморохов ручей в вол. Уфтюге Тотемского у. в 1620-е гг. [50, л. 360]. В нижнем Подвинье на посаде Ненокса в 1621 г. известна варница Скоморошица «с варничным заводом и с угодьями» [33, с. 89; 44, приложение на с. 111; 22, с. 231–232]. Она находилась в долевом владении у Антоньево-Сийского и Николо-Корельского монастырей.

Запретительные интонации в отношении скоморохов были включены в Стоглав 1551 г., царские указы послесмутного времени 1627, 1636, 1648 гг., некоторые грамоты патриарха Филарета. Первую половину XVII в. А. М. Панченко считает наиболее тяжёлым («репрессивным») временем для скоморохов [34, с. 64]. В церковных запрещениях скоморошьей игры «сильно» (т. е. навязываемой обитателям в сёлах и деревнях, что нередко сопровождалось правонарушениями) выразилось некоторое культурное равновесие официального, по преимуществу церковного, начала и смеховой народной культуры, менее маркированной, с более живым, ненормативным языковым самовыражением.

Поп и скоморох – это ритуальное соперничество, обусловленное изначальным дуализмом русского культурного сознания, противоположностью в нём «чистого» и «нечистого» поведения («Иереи с крестами, а скоморохи с дудами»). А. М. Панченко приводит широко известную пословицу: «Бог создал попа, а бес – скомороха» [6, с. 358]. Корень «бес» легко угадывается в топо- и антропонимических номинациях типа Полубес/Полубесово, Голибесы, Гонибесы,

Убейбесов, Обернибесов Страх. Рожечник Яков Ожгибес выше упоминался. Некоторые из приведённых примеров могут быть отнесены к явно императивным конструкциям, экспрессивным высказываниям, проанализированным в статье Е. Н. Варниковой [53, с. 55–62]. Средствами языка выражались: у одних – церковное красноречие и благочестивое созерцание, у других – фривольная, а порой непристойная игра и «матерный лай» [6, с. 95]. Такого же мнения относительно двухполюсности русской культуры до Петровских реформ придерживается И. А. Чудинова [33, с. 49–59]. Вероятно, в этом можно видеть и разграничение письменной и устной культуры, верха и низа её ТЕЛА, о чем много написано М. М. Бахтиным, Д. С. Лихачевым, А. М. Панченко, А. Я. Гуревичем [52–55].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кошелев, В. В.* К вопросу о медведчиках, медведниках и скоморохах // Зрелищно-игровые формы народной культуры.– Л., 1990.
2. *Плетнева, А. А.* Скоморохи и скоморошество. К истории слов и понятий // Эволюция понятий в свете истории русского языка.– М., 2012.
3. *Кошелев, В. В.* Проблема скоморошества в истории науки (1854–1994) // Скоморохи. Аннотированный библиографический указатель.– СПб., 1994.
4. *Хейзинга, Й.* Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / перев. с нидерланд. В. В. Ошиса, общ. ред. Г. М. Тавризян.– М., 1992.
5. *Фаминцын, А. С.* Скоморохи на Руси.– М., 1889.
6. *Панченко, А. М.* О русской истории и культуре.– СПб., 2000.
7. *Тупиков, Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имён.– СПб., 1903.
8. Словарь русского языка XI–XVII вв.: вып. 24.– М., 2000.
9. *Лихачев Д. С.* Скоморох Всеслава и ток на Немиге // Древности славян и Руси.– М., 1988.
10. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года.– Архангельск, 1983.
11. Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII в.– М., 2009.
12. *Чебыкина, Г. Н.* Великий Устюг. Летописная книга XII – начала XXI века.– Великий Устюг, 2007.
13. *Антонов, А. В.* Правая грамота 1555 г. из архива нижегородского Дудина монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 6.– М., 2000.
14. Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / сост. А. В. Антонов.– М., 2005.
15. Скоморохи в памятниках письменности / сост. З. И. Власова, С. П. Фрэнсис (Гладких).– СПб., 2007.

16. *Кошелев, В. В.* Скоморохи и скоморошья профессия.– СПб., 1994.

17. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 1.– М., 1952.

18. *Тихомиров, М. Н., Флоря, Б. Н.* Писцовая книга Торопца 1540 г. // Археографический ежегодник за 1963 г.– М., 1964.

19. *Рубцов, М.* К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края в XV–XVI вв. Вып. 2.– Старица, 1905.

20. *Николаева, С. В.* Троице-Сергиев монастырь в XVI – начале XVIII в.: Вклады, вкладчики, состав монашеской братии.– Сергиев Посад, 2009.

21. *Копанев, А. И.* Куростровские столбцы XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера: Северный Археографический сборник. Вып. 1.– Вологда, 1970.

22. Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник: вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платёжницы.– Вологда, 1972.

23. Документы по истории народа коми (Писцовая и переписные книги Яренского уезда XVII в.) / сост. Н. П. Воскобойникова, М. А. Мацук.– Сыктывкар, 1985.

24. Города России XVI века. Материалы писцовых описаний / изд. подг. Е. Б. Французова.– М., 2002.

25. Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период) / отв. ред. П. А. Колесников.– Вологда, 1981.

26. *Кистерев, С. Н.* Сотная на посад Галича 1578 г. // Русский дипломатарий: вып. 4.– М., 1998.

27. Кюршунова, И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний в Северо-Западной Руси XV–XVII вв.– СПб., 2010.

28. Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг.– Л., 1990.

29. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. Т. 2. / сост. А. В. Антонов.– М. М., 1998.

30. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. Т. 3 / сост. А. В. Антонов.– М., 2002.

31. Документы по истории Карелии XVI–XVII вв. Вып. 3 / ред. И. Чернякова, К. Катаяла.– Петрозаводск-Йоэнсуу, 1993.

32. *Кошелев, В. В.* Писцовые книги, акты и Судебник 1589 г. о скоморохах Поморья // Рефераты докладов и сообщений VI Всеросс. научно-практич. совещания по изучению и изданию писцовых книг и других историко-географических источников.– СПб., 1993.

33. Скоморохи. Проблемы и перспективы изучения (К 140-летию со дня выхода первой работы о скоморохах). Сборник статей и рефератов Международ. симпозиума.– СПб., 1994.

34. *Панченко, А. М.* Русская культура в канун петровских реформ.– Л., 1984.

35. *Белкин А. А.* Русские скоморохи.– М., 1975.

36. *Гура, А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика.– М., 2011.

37. *Соловьёва, Т. Т.* Некоторые аспекты изучения русских антропонимов в XVII веке // Скоморохи. Проблемы и перспективы изучения (К 140-летию со дня выхода первой работы о скоморохах). Сборник статей и рефератов Международ. симпозиума.– СПб., 1994.

38. Великий Новгород во второй половине XVI в. Сборник документов.– М.– СПб., 2001.

39. Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 годов / сост. С. Н. Кистерёв, Л. А. Тимошина.– М., 1997.

40. Белозерье. Краеведческий альманах: вып. I / отв. ред. Ю. С. Васильев.– Вологда, 1994.

41. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в. Т. 3 / отв. ред. И. В. Пугач.– Вологда, 2018.

42. Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в. Т. 1 / отв. ред. И. В. Пугач.– М., 2008.

43. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 510.

44. *Кривополенова, М. Д.* Былины, скоморошины, сказки.– Архангельск, 1950.

45. *Лихачев, Д. С.* Возможный случай скрытой полемики фольклорного произведения с книжным // Из истории русских литературных отношений XVIII–XIX в.– Л., 1959.

46. *Иванов В. И.* Приходо-расходные книги XVI в. Важского Иоанно-Богословского монастыря // Вестник церковной истории. 2018. № 3–4 (51–52).

47. Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в.: вып. 1, 3, 4, 7.– СПб., 2016–2018.

48. Деловая письменность Русского Севера XVI–XVII вв. Вып. 2 / отв. ред. Ю. И. Чайкина. Вологда, 1986.

49. *Чайкина, Ю. И.* Старая Тотьма: географические названия и именование жителей (на материале Переписной книги 1677–1678 гг.) // Тотьма. Краеведческий альманах: вып. 2.– Вологда, 1997.

50. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 480.

51. *Варникова, Е. Н.* К вопросу об «императивных» конструкциях в славянской ономастике // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы V международ. науч. конф.– Екатеринбург, 2022.

52. *Бахтин, М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса.– 2-е изд., дополн.– М., 1990.

53. *Лихачев, Д. С., Панченко А. М.* Смеховой мир Древней Руси.– М., 1976.

54. *Гуревич, А. Я.* Проблемы средневековой народной культуры.– М., 1981.

Матасова Татьяна Александровна,
кандидат исторических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой истории России до начала XIX века
исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;
Ручкина Анна Юрьевна,
магистрант кафедры истории России до начала XIX века
исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
преподаватель кафедры истории и МХК Школы ЦПМ

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБ АРОМАТАХ В ЖИТИЯХ ВОЛОГОДСКИХ СВЯТЫХ

В последние десятилетия в мировой науке наблюдается поиск новых подходов и методов, позволяющих дополнить наше понимание и восприятие прошлого. После антропологического поворота второй половины XX в. историки обратили большее внимание на историю повседневности, получила развитие методология микроанализа. Одной из тем, находящихся на стыке, с одной стороны, истории повседневности, а с другой – истории идей, является проблема запахов и ароматов в историко-культурном контексте. В западной историографии уже есть ряд комплексных исследований по истории и роли ароматов в культуре [13], выполненных в том числе на средневековом материале [14]. В России же данная тема только начинает изучаться: недавно было предпринято обстоятельное исследование символического значения ароматов на примере соловецкой средневековой литературной традиции [6], а также отмечалось особое значение запахов в создании сакрального пространства храма [5, с. 13]. Однако большая часть отечественных работ, посвященных ольфакторной проблематике, основывается на материалах Нового времени, что связано с большим количеством и разнообразием источников [10].

Тем не менее, изучение свидетельств об ароматах в русской средневековой книжности с историко-культурной точки зрения может значительно дополнить и разнообразить понимание восприятия окружающего мира, реального быта, культурных практик и связей, религиозных представлений русских людей той эпохи. Ведь очевидно, что тексты того времени, определявшие понимание мироустройства (Шестодневы свт. Василия Великого и Иоанна экзарха Болгарского, Толковая Палея и мн. др., а также некоторые апокрифы) преизобиловали свидетельствами о благоухающем Райском саде, а древнерусский монах на богослужении

ежедневно ощущал запахи ладана и масла... Эти ароматы, символизирующие благоухание Эдема, обозначали особый, сакральный статус пространства храма, создавая уникальную – таинственную, в известном смысле мистическую – атмосферу, рождавшуюся, по тонкому наблюдению о. Павла Флоренского, в том числе благодаря присутствию сочетания ароматов благовоний и колеблющегося дыма из кадильниц [12, с. 58–66]. Средневековые книжники знали и свидетельства о символических функциях ароматов, богато представленные в Священном Писании, в житиях восточных и западных святых, а также в других текстах. Надо сказать, что старинные кадильницы – в том числе происходящие из разных регионов Русского Севера – традиционно отличает изящество форм, нередко – богатый декор. Такое внимание к этим предметам, выраженное через художественное оформление – далеко не случайно: эти сосуды были вместилищем того *невидимого, но ощущаемого* (и символически воспроизводимого посредством ароматов) присутствия в храме Духа Святого и ангелов, *невидимо предстоящих*[22] рядом с молящимися.

Вологодский край – как часть Русского Севера, *Русской Фиваиды* – издревле украшен подвигами сотен праведников и процветающими обителями. Памятники, прославляющие вологодских святых, составлялись и такими знаменитыми агиографами, как Пахомий Логофет, и неизвестными книжниками. В некоторых из этих памятников есть упоминания об ароматах, которые и будут в центре внимания данной заметки.

Представляется, что чаще всего в русской средневековой книжности упоминания об ароматах связаны с повседневной жизнью человека, в рамках которой он может столкнуться как с приятными запахами, так и со зловонием, а также с райскими ароматами, маркирующими присутствие божественного. На стыке этих двух случаев находится упоминание ароматов в связи с монастырской трапезой, где запахи могут быть как сакральными, так и профанными в зависимости от контекста. В нашей работе основное внимание будет уделено именно райским ароматам, которые с определенной осторожностью можно считать близкими к топике. С одной стороны, свидетельства об ароматах встречаются в житиях далеко не всех подвижников, что объясняет, почему современные исследователи не выделяют их в отдельный топос [11, с. 497–

[22] В христианском благочестии традиционный ответ на пожелание вкушающим пищу «Ангела за трапезой!» звучит так: «[Ангел Господень] Невидимо предстоит!»

499]. В то же время, повторяемость свидетельств об ароматах в определенных ситуациях, имевших сакральный смысл, позволяет задуматься о необходимости дальнейшего исследования данной проблематики с целью выявления возможных текстологических сходств, источников заимствований в Библии, в русских или иностранных текстах, которыми были вдохновлены авторы житий вологодских подвижников. Однако проблема выделения ароматов и запахов в отдельный новый житийный топос, безусловно, выходит за рамки данной статьи.

Известия об ароматах содержат далеко не все памятники вологодской агиографии. Рассмотрим свидетельства житий прпп. Кирилла Белозерского, Мартиниана Белозерского и Дионисия Глушицкого. В двух случаях «благоюхание» исходит от только что преставившегося подвижника, маркируя таким образом святость Кирилла Белозерского (*«Отсуду же бяше благоюхание нѣкое всѣмъ слышатися»* [2, с. 192]) и Дионисия Глушицкого (*«излия же ся тогда благоухание от телесе святого»* [4, с. 138]). Интересно, что при типологически сходных упоминаниях ароматов между данными известиями нет текстуальных совпадений. Можно предположить, что на упоминание благоухания в подобном контексте агиографа могли подтолкнуть строки из Евангелия, например, фраза апостола Павла: *«Яко христово благоухание єсмы богови въ спасаемыхъ и въ погибающихъ: овѣмъ оубо воня смертная въ смерть, овѣмъ же воня животная въ животъ»* (2 Кор: 2: 15–16). Таким образом, говоря о благоухании, источаемом телом умершего старца, автор жития подчеркивает праведность, богоугодную жизнь человека. Эти традиции восходят к раннехристианской литературе. Похожий смысл, на наш взгляд, несет фраза, содержащаяся в «Слове похвальном преподобному отцу нашему Дионисию Глушицкому»: *«от многообразнаго изряднаго жития к богу, яко от различных благоуханных цвѣтовъ вѣнца томоу плетоуше»* [4, с. 142]. В данном случае ольфакторный признак святости дополняется образом венца, символически обозначающего почести, оказываемые подвижнику, бессмертие и жизнь вечную. Сам же день памяти прп. Дионисия характеризуется как время, *«исполнь веселия духовнаго, исполнь благоухания»* [4, с. 141].

Ольфакторные свидетельства русских житий могут быть связаны не только с людьми, но и с сакральными пространствами, например, с монастырем. Автор Жития Мартиниана Белозерского пишет, что в Кирилло-Белозерский монастырь *«мнозии отвсюду стекахуся, якоже пчелы нѣкыя, слышаще цвѣтъ медовный»* [3,

с. 218]. Яркая метафора «медоносного цветка» отсылает сразу и к зрительному, и к чувственному восприятию мира, однако в данном случае именно обоняние играет ключевую роль. Интересно, что прямых текстуальных заимствований в «ароматных» свидетельствах житий белозерских святых нет, хотя известно, что автор Жития Мартиниана Белозерского опирался на текст Пахомия Логофета: не повторяется даже контекст свидетельств.

В Житии прп. Дионисия Глушицкого также есть подробность о том, что святой поставил келью под кустом черемухи, причем подчеркивается, что черемуха приносила плоды, от которых люди получали исцеление. Это подразумевает, что дерево цвело (и источало аромат!) каждую весну: *«Обыде место и различние по лаврьскому строению и, преже постави келеицу малу, нача жити въ неи въ трудехъ (...) Келеица же малаа при некоемь древе, внутрь же юду есть монастыря то древо и до сего дне. Ягодичие имат черно, зовомо черемошие. И некыи человекъ име зубом болезнь и с верою снесть ягодичие от того древа, абие получи здравие. Под то древо вселися яко крепкыи адамантъ душею, преподобныи отец наш Дионисие»* [4, с. 103]. Благоухание цветущей черемухи в русском народном обиходе традиционно символизирует июньские заморозки («Когда цветёт черемуха – всегда живёт холод»,– гласит пословица). Но цвет черемухи обещает – по народным представлениям – и *изобилие плодов земных*[23] (за этим, в свою очередь, скрывается аллегория изобильного Райского сада): «Богатый цвет черёмухи обещает богатое лето». Так черемуха в Житии прп. Дионисия становится не просто символом божественного присутствия, но оказывается древом, словно предсказывающим будущее райское блаженство. Для христианской литературы традиционным образом цветка, источающего божественный аромат, является роза – «благоуханный шипок» в русской агиографической традиции. В Житии Дионисия Глушицкого символическая роза заменена вполне реальной черемухой.

Источники свидетельствуют, что еще одной функцией упоминаний об ароматах в русской агиографии является указание на познание Божественных откровений. Данный смысл также можно

[23] Показательно, что в этих словах ектеньи, возглашаемой дьяконом на богослужении, «изобилие плодов земных» соседствует с «благорастворением воздухов» (то есть о хорошем, чистом, «*незловонном*», воздухе, который приятно, благостно вдыхать): «Господу помолимся... О благорастворении воздухов, о изобилии плодов земных и временех мирных, Господу помолимся. О плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и о спасении их, Господу помолимся...»

связать с цитатой из 2 Послания к коринфянам (2:14): *«Богу же благодарение, всегда побѣдители насъ творящему о Христѣ Иисусѣ и воню разума его являющу нами во всяцѣмъ мѣстѣ»*. Говоря о трапезе, устроенной прпп. Кириллом и Мартинианом, агиограф сообщает, что она была *«въистину в воню благоюханиа божественыхъ заповѣдей Господнихъ»* [3, с. 216]. С одной стороны, в трапезной вполне физически могли распространяться ароматы церковных благовоний и, несомненно, присутствовали запахи готовившейся и потребляемой пищи, однако в данном случае, очевидно, что подразумевается метафорический, духовный смысл: возведение трапезной палаты – важное, богоугодное дело. Этот возвышенный контекст в связи с темой трапезы не случаен. Замечено, что в житиях многих подвижников братская трапеза – это не только способ утоления голода, а важное символическое действие. Идеал аскезы, воплощающийся в том числе через воздержание в пище и питии сосуществовал в памятниках русской средневековой агиографии с весьма развитыми представлениями об изобильной и благоуханной пище как символе Божьего благословения [7; 8, с. 52–54; 9]. Подобные настроения нашли отражение в том числе в Житии прп. Сергия Радонежского – духовного наставника прп. Кирилла [1, с. 336–338]. О прп. Кирилле известно, что он в начале своего монашеского пути долгое время нес весьма тяжелое послушание в поварне. Много позже – уже в положении игумена – прп. Кирилл не оставил любви к труду в трапезной, воспринимая приготовление пищи для братии как важное и возвышенное служение [2, с. 144–146, 160].

Таким образом, исследование свидетельств об ароматах в ряде житий святых Вологодской земли обнаруживает, что они укладываются в уже замеченную, традиционную картину агиографических памятников Востока и Запада: через образ райского благоухания подчеркивается святость подвижника, акцентируется мысль об особой сакральности пространства обители или указывается на познание богооткровенных истин. Несомненно, агиографы в своих размышлениях о святости вологодских подвижников использовали богатую смыслами символику Нового Завета, в том числе, Второго Послания апостола Павла к коринфянам. Интересно, что в известиях о райских ароматах подчас заметны реалии русской природы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко.– СПб., 1999. Т. 6: XIV – середина XV века.

2. Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко.– СПб., 1999. Т. 7: Вторая половина XV века.

3. Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко.– СПб., 2005. Т. 13: XVI век.

4. Жития Дмитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского / Сост. И. В. Азарова, Е. П. Алексеева, Л. А. Захарова, К. Н. Лемешев, под ред. А. С. Герда.– СПб., 2003.

5. *Лидов, А. М.* Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре.– М., 2009.

6. *Матасова, Т. А.* «Дыханье северных садов»: свидетельства об ароматах как символах преображения пространства в соловецкой средневековой книжности // Вестник Университета Дмитрия Пожарского.– М., 2020. № 1 (17). С. 109–136.

7. *Матасова, Т. А.* Поварня и трапезная как особые части сакрального пространства севернорусского монастыря // Поморские чтения - III.– Мезень; Архангельск, 2021. С. 86–93.

8. *Матасова, Т. А.* Поварня и трапезная как особые части сакрального пространства Соловецкого монастыря // Соловецкое море: историко-литературный альманах: вып. 20.– Архангельск; М., 2021. С. 52–59.

9. *Матасова, Т. А.* Соловецкая трапеза в воспоминаниях путешественников и паломников рубежа XIX–XX веков: социокультурные аспекты // Соловки в истории и культуре Севера. Соловки; Архангельск, 2023. В печати.

10. *Пироговская, М.* Миазмы, симптомы, улики: Запахи между медициной и моралью в русской культуре второй половины XIX века.– СПб., 2018.

11. *Руди, Т. Р.* О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ.– СПб., 2006. Т. 57. С. 431–500.

12. *Флоренский, П. А.* Храмовое действо как синтез искусств // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1989. № 2. С. 58–66. [Первое изд.– Сергиев Посад, 1922.]

13. Classen C., Howes D., Synnott A. The cultural history of smell. L., NY., 1994.

14. Palazzo E. L'invention chrétienne des cinq sens dans la liturgie et l'art au Moyen Âge. Paris, 2014.

Ромашкина Светлана Николаевна,
ведущий искусствовед отдела по изучению
истории и культуры Русского Севера
культурно-исторического центра «Светочъ»,
г. Великий Устюг, Вологодская область

ИКОНОПИСЦЫ ДУХОВНОГО ЗВАНИЯ ВЕЛИКОГО УСТЮГА XVIII ВЕКА

Великоустюжская епархия, существовавшая с 1682 по 1788 гг., включала четыре уезда: Великоустюжский, Тотемский, Сольвычегодский (Усольский) и Яренский. Три из них исторически были частями Устюжского уезда, а вычегодско-пермские области имели древние связи с устюжской землей. Город Великий Устюг в разные времена был крупным военным, административным, экономическим и духовным центром обширной округи на северо-востоке Руси. Устюжское искусство развивалось не только на упомянутых территориях, но и в тех местах, которые устюжане осваивали, где торговали и занимались «отхожими» промыслами. Священнослужители внесли в него значительный вклад, особенно в иконопись. С учетом публикаций в статью включены только новые имена или новые сведения об известных мастерах.

Аленев Афанасий Васильев (1712–1782), ключарь, священник устюжского Успенского собора, позже – его протопоп, из рода, представители которого около 200 лет служили при этом соборе. Отец В. А. Аленева. Иконописец [1, с. 426; 2, с. 294]. В 1737 г., 27 мая, в Спасской церкви, «что в девич монастыре», священник Петр венчал «первобрачных Устюга Великого Успенского собору ключарского сына Афонасья Василева Аленева з девицей Устюжанкой Евдокией Дмитриевой дочерью Шергиных» [3, л. 48 об.].

Аленев Василий Афанасьев (1740 или 1741–1819), псаломщик, поддиакон, диакон, священник, протопоп устюжского Успенского собора. Сын А.В. Аленева. Иконописец [4, с. 16–28; 5, с. 291, 292; 6, с. 97; 2, с. 294–298]. С 1779 по 1790 гг. писал святые образа «из масла» в тотемский Богоявленский собор в верхнюю церковь, в новый иконостас. Задержка в исполнении этого заказа рассматривалась Вологодской духовной консисторией по жалобе церковнослужителей из г. Тотьмы. Последние сообщали, что после заключения договора в 1778 г. с Василием Афанасьевым о написании икон, они приготовили и увезли к нему доски. При этом он денег взял 220 рублей, *«но и по сие время чрез одиннадцать лет с прибавкою ничего*

не исправил». Тотьмичи просили «понудить» Аленева к написанию и доставке икон. Духовная консистория через Великоустюжское духовное правление требовала дать ответ, сколько *«имеется в написании»* икон и почему так долго не выполняется договор. В. А. Аленев объясняет, что заказ получил в Великом Устюге через тотемского купца Василия Талашева и начал работу в 1779 г., *«но за частыми моими отлучками в Москву и протчия города по приказанию преосвященнаго Иоанна Епископа, бывшаго тогда на епархии, для украшения соборной церкви за изысканием мастеровых людей и материалов малой имел в той работе успех»*. Среди причин задержки протопоп называет пожар 1782 г., в котором погорели собор, архиерейский дом, *«притом и мой дом с протчими обывателскими сгорел; и тогда оные д[о]ски хотя и вынесены были, но лежали на поле дня три и от случившихся дождей многие расклеились, и которые писаны были повредились, то из оных двадцати трех образов принужден был по исправлению цкей писать уже снова...»*. Иконописец сообщает, что после пожара у него не было места для работы, а в дальнейшем он писал святые образа по приказанию Его Преосвященства. *«К настоящему времени иконы почти готовы, осталось только покрыть их лаком»*. 5 марта 1790 г. Василий Аленев подпиской обязался закончить иконы и своим *«коштом» «в следующем майе месяце во оной тотемский собор для поставления в свои места доставить непременно»* [7, л. 1–8 об.]. Из истории Тотьмы известно, что после пожара 1743 г. выстроили с 1744–1749 гг. каменый двухэтажный собор. «*В нижнем этаже теплом, престол был освящен во имя Богоявления Господня, а в верхнем, холодном,– во имя Рождества Пресвятой Богородицы... Особенно роскошною отделкою отличался верхний холодный храм... Иконостас был резной, вызолочен до самого свода, из шести ставов*». Во время пожара 1815 г. верхняя церковь выгорела. С 1816–1822 гг. здание собора было перестроено по новому плану [8, с. 144–145]. Нет сведений, смогли ли что-либо спасти после пожара из интерьера верхней церкви. Умер протоиерей 21 июля 1819 года 80 лет.

Протопопов Илья Прокопьев (1730 – ум. до 1805), диакон Успенского собора, позже – священник Прокопьевского собора, затем – священник Спасо-Преображенской церкви Устюга Великого. Иконописец [2, с. 331]. В 1768 г. в клире Успенского собора числится *«диакон Илиа Прокопиев сын Аленев, женат, 39 лет, у него сын Василий 6 лет»* [9, л. 1 об.]. Умер *«Варваринской церкви священник Илья Прокопьев сын Аленев 60 лет, естественной смертью»* [10, л. 12]. Таким образом удалось уточнить фамилию, годы жизни и служение. Аленев Илья Прокопьев (1724 или 1730–15.07.1784).

Бобров Василий Гаврилов (1744 – после 1768, но до 1780), дьячок Сретенской церкви Сольвычегодска. Отец П. В. Боброва. В 1768 г. в градской Сретенской церкви числится *«дьячек Василей Гаврилов сын Бобров дватцати четырех лет, женат, у него сын Петр трех лет»* [11, л. 14 об.]. Он внук священника Благовещенского собора Ивана Григорьева Боброва, внучатый племянник диакона того же собора Василия Григорьева Боброва и сын пономаря этого же собора Гаврилы Иванова Боброва [12, л. 2 об., 3, 5]. Его имя упоминается в деле диакона Успенской церкви Сольвычегодска, иконописца Шушнина Андрея Петрова (см. ниже), которое рассматривалось в 1780 г. в Великоустюжской духовной консистории. Диаконом Андреем Петровым были названы свидетелями «отдачи» ему красок в 1766 г. двое иконописцев, в том числе *«градской Сретенской церкви дьячек Василей Бобров»*, но при этом сообщалось, что *«однак из них дьячек помер»* [13, л. 11 об.].

Бобров Петр Васильев (1766 – после 1788), пономарь церкви Космы и Дамиана Благовещенского собора Сольвычегодска. Сын дьячка Сретенской церкви, иконописца В. Г. Боброва. В 1768 г. ему 3 года. В документах ревизии 1782 г., с внесенными изменениями по 1788 г., числится по Усольской округе в Космоидамиановский церкви *«пономарь Петр Васильев сын Бобров, холост, 16 лет»* [14, л. 116 об.]. Властями Коряжемского Николаевского монастыря Сольвычегодской округи 24 августа 1785 г. *«плачено по учиненному договору Усолскаго Благовещенскаго собора пономарю Петру Боброву за написание в олтаре Благовещенския церкви на холсте на царския двери образа Коронования Пресвятыя Богородицы и за крашение пяти железных затворов шесть рублей... оные денги шесть рублей Космоидамиановской церкви пономарь Петр Бобров принял и росписался»* [15, л. 6].

Литвинов Иван Васильев (уп. 1773–1795), дьячок Успенской церкви г. Сольвычегодска [2, с. 319 (Литвинов Иван); 16, с. 267]. В 1768 г. в Успенской церкви числится *«дьячек Иван Васильев сын Литвинов, холост, 17 лет»* [11, л. 4]. У священника Кресто-Воздвиженской церкви Соли Вычегодской Стефана Козмина сына Литвиновых на 1736 г. был внук Василий Иванов 12 лет [12, л. 8]. Правнук Иван Васильев с семьей также состоял в приходе Кресто-Воздвиженской церкви. Литвинов Иван Васильев родился в 1751 г.

Попов Василий Никитин (уп. 1815–1823), дьячок Ильинской церкви Великого Устюга. В 1815 г., 30 августа, властями Иоанно-Предтеченского монастыря *«заплачено градской Ильинской церкви дьячку Василью Попову за поновление образа Отечества на мона-*

стырские двери 5 рублей». В источнике есть подпись с полным именем, отчеством и фамилией мастера. В апреле 1823 г. там же ему заплачено «*за расписание двух артосов*» 2 руб. [17, л. 61 об.; 18, л. 7]. В Будринской Ильинской церкви в сентябре 1823 г. *«за золоченье и за золото на церковной главе глобуса, плачено устюжской Ильинской церкви дьячку Василью Никитину 4 рубли»*. В подписи – Попов [19, л. 47].

Попов Семен Никитин (1756 или 1757–1805 или 1806), псаломщик Успенского собора Великого Устюга. Сын канцеляриста Великоустюжской духовной консистории. Иконописец [5, с. 290; 2, с. 323–324].

Попов Федор, дьячок. В 1781 г., 17 декабря, в Шемогодской Николаевской церкви *«отдано Леонтиевской церкви дьячку Федору Попову за работу двенадесять праздников в доплату»* 12 руб. [20, л. 4 об.].

Прокуратов Семен, псаломщик. Синегодской Богородской церковью *«5 апреля 1785 г. дано за поновление образа пресвятой Богоматери псаломщику Семену Прокуратову»* 30 коп. [21, л. 5 об.].

Протопопов Александр Данилов (1734 – ум. между 1804 и 1806), пономарь, диакон Прокопьевского собора, затем священник Иоанновского собора Устюга Великого. Иконописец, живописец [22, с. 391; 23, с. 195; 24, с. 92–94, 97; 2, с. 329–331]. Вероятно брат П. Д. Протопопова. Отец С. А. и П. А. Протопоповых. *«Устюжскаго градского Иоанновскаго собора защтатной священник Александр Данилов помре 76 лет»* [25, л. 107 об.]. Фамилию часто записывали, как Попов. Протопопов (Попов) Александр Данилов (1733 или 1734–1.09.1809).

Протопопов Дмитрий Степанов (5.02.1781 – после 1812), дьячок, затем диакон Иоанновского собора Устюга Великого. Сын С. А. Протопопова, внук А. Д. Протопопова. В 1800 г., 14 октября, женился на дочери священника Успенского собора Стефана Семенова девице Александре 18 лет первым браком [25, л. 5,56 об.]. В 1807 г. в Щекинской Спасской церкви *«выдавано в разные месяца и числа города Устюга Иоанновского собора диакону Димитрию по договору за золочение иконостава»* 160 руб. В подписи назван диаконом Димитрием Стефановым. [26, л. 5] В 1812 г., 23 мая, в Пятницкой Погореловской церкви выдано *«за позолоту двух клеем резьбы устюжского Иоанновского собора диакону Дмитрию Протопопову»* 13 руб. [27, л. 2 об.].

Протопопов Петр Александров (1767 – после 1834), диакон устюжского Иоанно-Предтеченского монастыря. Сын А. Д. Протопопова. Иконописец [2, с. 332]. В Клировой ведомости устюжской

Воскресенской церкви 1834 г. записан *«Диакон Петр Александров Протопопов 66 лет»*. В период с 1776–1789 гг. был певчим при Великоустюжской епархии, в 1780 г. посвящен в стихарь, с 1789–1797 гг. служил дьячком Великоустюжского Иоанно-Предтеченского девичьего монастыря, затем с 1797–1836 гг. – диаконом Великоустюжской Воскресенской церкви, а с мая 1836 г. «*за старостию лет уволен от должности*». В 1837 г. *«проживает в городе Устюге на пропитании своем»* [28, л. 16 об. – 17 об.; 29, л. 11 об.]. Занимался иконописью. Протопопов (Попов) Петр Александров (1767 – после 1841).

Протопопов Петр Данилов (уп. около 1796–1798), штатный священник устюжского Михайло-Архангельского монастыря. Вероятно брат А. Д. Протопопова. Иконописец [2, с. 332]. Пономарь Александро-Невской церкви, дьякон, затем священник церкви Варлаама Хутынского. После смерти в январе 1795 г. жены Анисьи Герасимовой, в сентябре 1795 г., по личному прошению, Петр Данилов был пострижен в иеромонахи Михайло-Архангельского монастыря «на свободное место» и был определен штатным священником [30, л. 1–10]. В связи с этим в 1797 г. его сыновья Григорий и Александр, по заявлению отца, были записаны «в великоустюжское гражданство» из духовного звания. В 1800 г. ездил в Тотьму в Спасо-Суморин монастырь, где подал прошение строителю игумену Изрилю о принятии его в число братии. Игумен обратился за резолюцией к Его Преосвященству Арсению, епископу Вологодскому и Великоустюжскому. В связи с этим Вологодская духовная консистория запросила в Устюжском духовном правлении сведения «о священнике Петре Данилове», с предписанием прислать ему в Тотемское духовное правление копию с *«уволнителного билета»*, если таковой имеется, так как он у него «дорогою потерян» и по его словам был дан ему на два месяца. После чего выяснилось, что в последних числах октября 1800 г. священнику Петру Данилову было позволено в письменном виде казначеем священником Исидором Герасимовым отлучиться из устюжского Архангельского в тотемский Суморин монастырь *«для поклонения преподобному Феодосию»* на 10 дней. По резолюции Его Преосвященства велено было *«выслать священника в свое место, а за ложное показание в допросе в Устюжском Соборе положить двести поклоном земных»*. Указ «об оном» от «генваря, 17 дня, 1801 года» был выслан в оба духовные правления [31, л. 6–6 об.]. Остается задаться вопросом, зачем нужно было два месяца монаху-иконописцу, священнику Петру Данилову в Тотьме, что он мог успеть за это время сделать. Протопопов (Попов) Петр Данилов (1740 – после 1800).

Протопопов (Попов) Стефан Александров (1755–11.09.1805), диакон Дымковской Дмитриевской церкви. Сын А. Д. Протопопова. В 1784 г. в Троицком соборе Гледенского монастыря выполнил позолоту двух резных киотов у столпов [32, л. 3 об.]. *«Дымковской Димитриевской церкви диакон Стефан Александров помер 49 лет»* [25, л. 82 об.].

Слоев Иван Карпов (1750 – после 1788) пономарь, дьячок Пермогорской Воскресенской церкви. В документах ревизии 1782 г., с внесенными изменениями по 1788 г., числится в Пермогорской Воскресенской церкви «пономарь Иван Карпов сын Слоев 32 лет». Он сын священника этой же церкви Карпа Федорова сына Слоева, который после 1784 г. *«определен в Архангельской монастырь по ево вдовству»*, его старший брат Фока Карпов был диаконом в этом же приходе, но переведен в священники Белослудской церкви, а младший брат Яков, находившийся при отце, *«отослан в казенную палату»* служить в Вологду [14, л. 119 об.– 221]. Устьевской Троицкой церковью Красноборской округи 20 июня 1781 г. *«за подряд иконописной работы в Троицкой церкви поновления святых образов и в трапезе иконостаса в церкви вверху на пятнатцати цках за все иконописцу Пермогорской Воскресенской церкви пономарю Ивану Слоеву отдано денег»* 5 руб. [33, л. 8 об.]. Николаевской церковью Дмитриевской волости Красноборской округи *«1 марта 1787 г. отдано Пермогорской волости дьячку Ивану Слоеву задатком за подряд образов»* итого 2 руб. 25 коп. [34, л. 9].

Шапошников Андрей Степанов, пономарь. В октябре 1767 г. властями устюжского Иоанно-Предтеченского монастыря *«выдано того ж монастыря пономарю Андрею Степанову сыну Шапошникову за работу монастырскую за росписание царских врат нижния теплыя церкви и за беление в трапезе иконостава, и за крашение седми дсков на церковном осмерике, и за протчее»* 1 руб. 25 коп. [35, л. 11].

Шушнин Андрей Петров (уп. 1776–1779), диакон Успенской церкви г. Сольвычегодска. Иконописец [2. с. 342–343]. На 1736 г. в Воскресенской церкви Сольвычегодска числится *«диакон Петр Иванов сын Шушниных, в подушный оклад написан в Николаев Прилутцкой монастырь. У него дети: Василей 11, Иван 8, Андрей 2 лет»* [12, л. 6 об.; 36, л. 469 об.]. Вероятнее всего его прадед был священником Щекинской Спасо-Преображенской церкви. По писцовой и межевой книге писца И. И. Пояркова 1676–1699 гг. в Щекино *«на погосте во дворе поп Афонасей Захарьев Шушниных, у него дети Васка, Андрюшка, Ивашка, длина двора восемь сажен, поперег три сажени»* [37, л. 276]. Дело «о взыскании города Соли Вычегодской Успен-

ской церкви с диакона Андрея Петрова за взятые им в 766 году у усольского купца... Жданова разные для иконного писма краски 22 рублей 75 копеек и об отдаче оному купцу» после разбирательства в 1779 г. в Усольском духовном правлении [2, с. 343] рассматривалось в 1780 г. в Великоустюжской духовной консистории.

Из документа узнаем, что в 1766 г. Андрей Петров был дьячком Кресто-Воздвиженской церкви Соли Вычегодской и взял у купца Алексея Жданова разных красок на 32 руб. 8 коп. *«с тем, чтобы оные употребить в продажу желающим и по выручке денги отдать оному Жданову, а не с тем чтобы те краски купил он от него себе и обещал за оные заплатить показанное число денег, при каковой тех красок отдаче были свидетели иконописцы градской Сретенской церкви дьячек Василей Бобров, да мещанин Иван Максимов Пономарев [о Пономареве см.: 2, с. 322 (Пономарев Иван); 16, с. 312], однак из них дьячек помер, а Пономарев отлучился в сибирския города, которой и поныне в дом не возвратился»*. При этом по просьбе Жданова диакон расписался «в принятии» красок в купеческой книге с обязательством отдать за них указаную сумму, но по *«недознанию»* не записал устной договоренности о взятии тех красок для продажи. Краски были дорогими, поэтому покупали их мало, остальной товар Андрей Петров неоднократно предлагал Жданову забрать обратно, но тот не принимал, оставляя их у дьячка *«до жедающих к покупке»* и денег с последнего никогда за них не требовал, и *«просбы об оном чрез одиннитцать лет в присутственных местах нигде не имел»*. Неожиданно для дьякона в 1778 г. Жданов прошением в Усольское духовное правление просил взыскать с него полную сумму за краски. После проведенного дознания купец «добровольно признался», что диакон продал красок на 9 руб. 35 коп. и отдал ему эти деньги. Не согласный с решением Усольского духовного правления о выплате Жданову оставшейся суммы за непроданные краски в течение года, диакон Андрей Петров прошением обратился в Великоустюжскую духовную консисторию о снятии с него этой выплаты и предложением *«оные краски отдать Жданову обратно»*. Решением консистории, согласно 44 статьи Манифеста от 10 марта 1775 г., т. к. прошло более 10 лет, в течение которых о «проступке» не было известно и по делу производства не было, то диакона *«от платежа показанному купцу Жданову объявленного числа денег уволить»*. Остаток красок предписывалось вернуть купцу по весу, с учетом уже проданных, и если будет недостача, то диакону следовало ее оплатить [13, л. 11 об.–13 об.].

В 1778 г., 20 марта, Пырской Преображенской церковью Усольского уезда *«отдано Усолской Успенской церкви диакону Андрею Шушнину кои подрядился поновлять обветшалыя Святыя образа, в задаток»* 3 руб.; там же 17 декабря отдано ему же «*за поновление образов в уплату*» 2 руб. 25 коп. [38, л. 2,3 об.]. Диакон числится в клире по ревизии 1782 г. [14, л. 110 об.]. В 1784 г. 24 февраля, из Усольского духовного правления «Всепокорнейшим доношением» обращались к епископу Великоустюжскому и Тотемскому Иоанну об определении на свободное место дьячка к загородной кладбищенской Знаменской церкви *«праздно живущаго»* Василия Андреева Шушнина. В документе он назван сыном *«города Соли Вычегодской Успенской церкви умершаго диакона Андрея Петрова»*, значит отца его к этому времени уже не было в живых [39, л. 31]. Шушнин Андрей Петров (1733 – после 1782, но до 24.02.1784).

Шушнин Емельян Петров (уп. 1758–1772 или 1773), иподиакон, позже – священник Успенского собора. Иконописец [24, с. 75, 230 (Петров Емельян); 40, с. 190–191 (Емельян Петров); 2, с. 343]. В 1768 г. в клире Успенского собора Шушнин Емельян Петров не числится ни в штатных, ни в заштатных священниках, следовательно, скорее всего к этому времени он умер [9, л. 1–4].

Хохлов Лука Стефанов (1793 – после 1822), дьячок Пятницкой Параскевинской церкви Устюга Великого. Иконописец. [41, с. 10 (Хохлов); 42, с. 375]. В 1815 г., 9 августа, в Пятницкой Параскевинской церкви *«плачено оной Пятницкой церкви пономарю Луке Хохлову за поновление церковнаго образа Архидиакона Стефана»* 2 руб. [43, л. 36]. В марте 1822 г. властями Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря *«плачено Устюжской градской Пятницкой церкви пономарю Луке Хохлову за написание образа на доске полуаршинной Священномученика Тимофея Епископа Прус[с]каго его красками 15 руб. Оные деньги ... дьячек Лука Стефанов Хохлов получил*» [44, л. 3]. В 1828 г., 30 марта, в Успенском соборе «*за написание образа Воскресения Христова Пятницкой церкви дьячку Луке Хохлову»* заплачено 8 руб. [45, л. 109]. Был пономарем, затем дьячком в клире.

Шаламов Максим (уп. 1818), дьячок устюжского Сретенско-Мироносицкого собора. Иконописец [46, с. 31]. Был певчим третьей станицы в Успенском соборе, «пономарской сын». Пономарь, дьячок в клире. В 1786 г., 6 февраля, венчались *«Сретенского собора пономарь Максим Харлампиев Шаламов 23 лет Симеоновской церкви покойнаго диакона Иакова Григорьева с дочерью девицей Наталией первым браком»*. В 1787 г., 7 января, у них родился сын Иван, а в

1788 г., 30 октября,– сын Димитрий [25, л. 16, 17, 22]. В сентябре 1822 г. поновил стенопись в холодном алтаре Успенского собора, за работу получил 40 руб. [47, л. 51 об.]. Шаламов Максим Харлампиев (1763 – после 1822).

В Великоустюжской епархии иконописью занимались священно-церковнослужители всех ступеней иерархии. В духовенстве, также, как и в других слоях населения, складываются кровнородственные династии иконописцев (Аленевы, Бобровы, Протопоповы). Наблюдаются и межсословные свойственно-родственные связи мастеров (Аленевы и Шергины). В Сольвычегодске Шушнин Андрей Петров начинал служить дьячком Кресто-Воздвиженской церкви, в приходе которой подрастал Литвинов Иван, и в дальнейшем оба состояли в клире Успенской церкви.

Как правило, иконописанию обучали кустарно, часто навыки передавались внутри семейств. Известно, что из духовного звания только Василий Афанасев Аленев получил светское художественное образование, скорее всего в Санкт-Петербурге. Авторитет его был очень высок, по решениям архиерея, он постоянно участвовал или проводил экспертизы и осуществлял контроль по вопросам, связанным с иконописью и архитектурно-строительным делом. К сожалению, икон Василия Аленева – одного из ведущих иконописцев Великого Устюга XVIII в., до наших дней в Тотьме не сохранилось. Его работами украшен иконостас устюжского Успенского собора. Со временем контроль за качеством и «правильностью» иконописания стали поручать священнику Иоанновского собора Протопопову Александру Данилову.

Сильнейшие мастера задавали высокий уровень иконописания в уездах Великоустюжской епархии, и Великий Устюг, ее главный и крупнейший город, по-прежнему оставался значительным художественным центром ремесел на Русском Севере в XVIII в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Попов, А.* Церковь преподобного Симеона Столпника в г. Устюге // ВЕВ.– 1885.– № 21.

2. *Сорокатый, В. М.* Иконописцы и живописцы Великого Устюга XVIII в. Материалы для словаря // Иконы Русского Севера: Двинская земля, Онега, Каргополье, Поморье: Статьи и материалы / Ред.-сост. Э. С. Смирнова. М., 2005.

3. ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 375.

4. *Румовский, Н.* Описание Великоустюжского Успенского собора. Вологда, 1862.

5. *Сорокатый, В. М.* Вопросы биографии Г. Островского и искусство портрета в Великом Устюге XVIII в. // Памятники культуры. Новые открытия. 1989. М., 1990.

6. *Зенкова, О. Б.* Троицкий игумен // «Бысть на Устюзе...». Историко-краеведческий сборник.– Вологда, 1993.

7. ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 757.

8. *Григоров, Д. А.* Тотьма и ее окрестности. (Подготовка к публикации С. П. Белова) // Тотьма: историко-литературный альманах: вып. I.– Вологда, 1995.

9. ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1331.

10. ВУЦА. Ф. 584. Оп. 19. Д. 1.

11. ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1332.

12. ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 58.

13. ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 4383.

14. ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 5545.

15. ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6459.

16. *Кольцова, Т. М.* Церковная живопись Архангельской губернии второй половины XVIII – начала XX века: история, памятники, мастера.– СПб, 2020.

17. ВУЦА. Ф. 435. Оп. 1. Д. 25.

18. ВУЦА. Ф. 435. Оп. 1. Д. 34.

19. ВУЦА. Ф. 584. Оп. 31. Д. 4.

20. ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 4411.

21. ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6836.

22. *Попов, А.* Варлаамовская церковь, что в городище, в г. Устюге // Вологодские епархиальные ведомости.– 1881.– № 22.

23. *Дедюхина, В. С., Рузавин, Ю. А.* История создания и реставрации иконостаса Троицкого собора Гледенского монастыря г. Великого Устюга // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация.– М., 1980. 6 (36).

24. *Евдокимов, И.* Север в истории русского искусства.– Вологда, 1921.

25. ВУЦА. Ф. 584. Оп. 15. Д. 3.

26. ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 2711.

27. ВУЦА. Ф. 584. Оп. 51. Д. 12.

28. ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 5601.

29. ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 5860.

30. ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 1267.

31. ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6295.

32. ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 5936.

33. ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6189.

34. ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6873.

35. ВУЦА. Ф. 435. Оп. 1. Д. 2.

36. ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 365.

37. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 935.

38. ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 4119.

39. ВУЦА. Ф. 363. Д. 5142
40. *Рыбаков, А.А.* Реставрация произведений масляной живописи XVIII в. из интерьера Вологодского Софийского собора // V Грабаревские чтения. Доклады, сообщения.– М., 2003.
41. *Лебедев, В.* О святынях Вологодской епархии // Вологодские епархиальные ведомости.– № 1.– 1901.
42. Сводный словарь иконописцев и живописцев, работавших в XVI – начале XIX века на устюжской земле / Сост. Л.Н. Сыровацкая // Сокровища Великого Устюга: из собрания Великоустюжского музея-заповедника / Под ред. И.Д. Соловьевой.– М., 2020.
43. ВУЦА. Ф. 584. Оп. 16. Д. 3.
44. ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 4796.
45. ВУЦА. Ф. 584. Оп. 21. Д. 17.
46. *Попов, А.* Сретенско-Мироносицкая церковь в г. Устюге. // Вологодские епархиальные ведомости.– 1875.– № 1.
47. ВУЦА. Ф. 584. Оп. 21. Д. 18.

Квирам Анна Александровна,
младший научный сотрудник отдела этнографии
Национального музея Республики Коми, г. Сыктывкар

ВЫСТАВКА «КРЕСТ – ХРАНИТЕЛЬ ВСЕЯ ВСЕЛЕННЫЯ»: К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ ФОТОГРАФИЙ ДУХОВЕНСТВА ИЗ СОБРАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

В сентябре 2022 г. Национальный музей Республики Коми (далее НМ РК) презентовал выставочный проект «Крест – хранитель всея вселенныя». Выставка была посвящена одной из главных христианских святынь и традиции почитания креста у коми. Христианизация Коми края началась в XIV в. Коллекция православных крестов из музейного собрания насчитывает около 100 предметов. Также на выставке были представлены фотографии обетных крестов, духовенства. Предметом целенаправленного музееведческого исследования данной статьи стали некоторые фотографии духовенства, связанные с историей Крестовоздвиженского Кылтовского женского монастыря – единственного женского монастыря на территории Коми края в к. XIX – нач. XX вв. На первом этапе он просуществовал с 1894 г. до 1918 г. Монастырь был вновь открыт в 1995 г. Предыстория обители началась с поездки Архипастыря Великоустюжского Иоанникия, который писал: *«Обозревая церкви*

и приходы Яренского уезда, на всём громадном пространстве не встретил ни одного монастыря – ни мужского, ни женского. Между тем населяющий его народ – зыряне – весьма религиозны, искренне набожны и в детской простоте глубоко преданы Церкви» [1, с. 18].

В собрании музея хранятся групповые и портретные фото монахинь, сделанные в нач. XX в. (НВ-2447/1-10). Уникальные снимки были переданы в музей жителем дер. Верхний Койтыбож Сыктывдинского р-на РК Изьюровым П. Н. в 1977 г. Легенда отсутствует.

Известно, что в 1925 г. коми писатель И. Шергин направил обращение председателю ВЦИК Калинину в защиту униженных, ограбленных и оскорбленных властью насельниц Кылтовского монастыря: «*Сто сестер-тружениц разбежались во все стороны из созданного ими гнезда*». Также по рассказам местных жителей известно, что после закрытия монастыря в период массовых гонений на православную церковь, а также репрессий 1930-х гг. монахини и послушницы жили небольшими общинами в разных уголках Коми АССР, в том числе в с. Зеленец [2, с. 78], в состав сельского совета которого входила дер. Койтыбож. Можно предположить, что до Изьюрова П. Н., возможно вместе с ним в одном доме, снимала комнату одна из насельниц монастыря. Тогда становится понятно, откуда в доме оказались эти фотографии. Снимки из коллекции были отобраны для выставки. Фотография – это визуальный источник, созданный с целью зафиксировать значимые моменты жизни. Смотря на снимок исследователь задается вопросом: кто на нем изображен, когда и где он сделан? Снятые объекты «узнаваемы» для исследователя по одежде (облачению), особым атрибутам (наперсному кресту). Но чтобы установить личность человека на снимке этого мало, нужно больше информации.

На первой черно-белой фотографии изображена женщина в монашеском одеянии. Она сидит, облокотившись левой рукой о стол, на запястье монашеские четки. По наличию наперсного креста на груди можно предположить, что на фото игуменья – настоятельница монастыря, так как ни монахини, ни послушницы такой крест не носили. Портретные фотографии к. XIX – нач. XX вв. в большинстве своем делались в ателье. На паспарту данной фотографии имеется штамп: «Я. Лейцингеръ. Архангельскъ». Известно, что с 1882 по 1914 гг. в г. Архангельске работала фотография Я. И. Лейцингера (1885–1914 гг.). Его предки были родом из Швейцарии. В 1882 г. Яков Лейцингер подал прошение архангельскому губернатору и получил разрешение на производство фоторабот. В 1883 г. он купил дом... и организовал хорошо оснащенный фото-

Игуменья Рафаила (Пышкина). Настоятельница Шенкурского Свято-Троицкого монастыря, г. Архангельск. Конец XIX – начало XX вв. (1)

салон. Фотостудия пользовалась большой популярностью у жителей города. [3, с. 8–12]

Могла ли быть игуменья, запечатленная на фото, настоятельницей Крестовоздвиженского Кылтовского монастыря? По архивным данным, за всю историю обители ее возглавляли три игуменьи: Филарета (1899–1918 гг.), Ермогена (1918 г.) и Стефанида (с 1995 г. по настоящее время). Сравнительный анализ фотографий из разных источников показал, что на исследуемом снимке запечатлен кто-то другой.

Из истории Кылтовского монастыря известно, что из старинного и благоустроенного Свято-Троицкого Шенкурского монастыря Архангельской губ. в 1894 г. прибыли 2 мантийные монахини и 9 рясофорных послушниц [4, с. 20]: одна из них – Филарета была возведена в сан игуменьи и стала первоосновательницей коми монастыря. Так как Троицкий Шенкурский монастырь просуществовал до 1924 г. и возрожден не был, поиски продолжились перепиской с сотрудниками Шенкурского районного краеведческого музея. Сравнительный анализ фотографий духовенства из собраний двух музеев позволил установить, что на фотографии запечатлена игуменья Рафаила (Пышкина), настоятельница Шенкурского Свято-Троицкого женского монастыря с 1892 по 1919 гг. В миру – Александра Никандровна Вальнева, из крестьянского сословия. Игуменья Рафаила вела большую попечительскую деятельность об устройстве и нуждах Шенкурской церковно-приходской школы, состояла действительным членом Православного Императорского Палестинского Общества, награждена многочисленными наградами. Рафаила умерла в г. Ленинграде 28 февраля 1928 г. [5, с. 10]. Получается, что монахини и послушницы, приехавшие в Кылтово с целью «поднять» монастырь, взяли с собой на память о Шенкурской обители фото ее наставни-

цы. После закрытия монастыря, насельницы унесли с собой и сохранили эти памятные снимки там, где обосновались.

На второй черно-белой фотографии изображена женщина в монашеском одеянии с игуменьским наперсным крестом на груди, в левой руке она держит четки. Портрет поколенный, женщина сидит на стуле. В нижнем правом углу имеется штамп фотоателье «A Matisen». Работ этого фотографа мало, так как норвежский подданный Альберт Матисен работал в г. Архангельске всего три года с 1900 по 1903. Фотография игуменьи сделана или в 1906 г., или немногим позже, поскольку на фото у нее на груди слева висит медаль Красного Креста в память Русско-японской войны 1904–1905 гг., учрежденная в нач. 1906 г. С 1906 по 1908 гг. А. Матисен проживал в г. Петрозаводске Олонецкой губернии. Из вышеизложенного можно предположить, что игуменья была наставницей одного из монастырей Олонецкой или Архангельской губерний. Сложность найти информацию о фотографируемом состоит в том, что не у всех игумений начала XX в. имеются прижизненные фото, кто-то известен только по имени. Многие снимки были уничтожены в эпоху репрессий и гонений на православную церковь. Затрудняет поиск и тот факт, что некоторые монастыри Севера после закрытия в I пол. XX в. не были возрождены. На оборотной стороне фотографии имеется надпись: «Казначея. Мон. Сусанна». В Крестовоздвиженском Кылтовском женском монастыре ни монахини с таким именем, ни игуменьи не значится. Однако наличие единственного женского монастыря в округе явилось причиной того, что в акте принятия записали «монахиня-игуменья Крестовоздвиженского монастыря», что не соответствует действительности. С целью найти сведения о ее личности, были направлены запросы в Шенкурский районный краеведческий музей, краеведческий музей и епархиальное

Монахиня-игуменья. Начало XX в.

управление г. Архангельска, епархиальное управление г. Вологды, Национальный музей Республики Карелия, Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей, также были сделаны запросы в Сяндемский Успенский женский монастырь (совр. Республика Карелия), Введенооятский женский монастырь (совр. Ленинградская обл.). Поиск продолжается.

Еще одна коллекция фотографий (КП-6397/276-2881) в количестве 6 ед. хр. поступила в музей в 1974 г. из с. Серегово Княжпогостского р-на РК, расположенного в 15 км от Кылтовского монастыря. Это фотографии алтаря и собора во имя преп. Соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия, находящегося на территории монастыря, групповые и портретные снимки монахинь. По информации из акта принятия: «фото собрано в доме, где жила монахиня. Она умерла». Интерес вызвал черно-белый групповой снимок представителей духовенства. В акте поступления записано: «священники Кылтовского женского монастыря. Коми АССР, г. Сыктывкар. 1950-е гг.». Для совершения богослужений и таинств в Кылтовский монастырь епархиальными властями действительно определялись священнослужители с 1896 г. Но не в таком количестве, как на фото. Это мог быть священник с женой и детьми, чуть позже еще и псаломщик. Таким образом, на фотографии, предположительно, запечатлены священно- и церковнослужители одного из храмов г. Сыктывкара.

На снимке запечатлены семь человек. У четверых из них – наперсные кресты, что говорит о второй ступени священства – перед нами священники. Голова одного из низ покрыта скуфьей – остроконечной шапкой, покрывающей голову до бровей, ее складки образуют знамение креста. Головы четырех служителей культа покрыты камила́вками – высокими твердыми головными уборами. На фотографии у представителя духовенства, сидящего в центре, на груди, помимо наперсного креста, имеется панагия – небольшой ковчежец округлой формы с изображением Иисуса Христа или святых. Епископские крест и панагия являются знаками высшей власти в Церкви. У него же в руках посох. Епископы в небогослужебное время носят посохи – длинные деревянные трости с накладками из резной кости, ценных пород дерева, серебра. Фотография сделана на улице – видна трава, под ногами собравшихся расстелен ковер, что может свидетельствовать о важности встречи и выказанном уважении гостю. Зная, что фотография была сделана в 1950-х гг. в г. Сыктывкаре, определив высокий статус

Епископ Гавриил (Огородников) с духовенством возле храма в честь Казанской иконы Божией Матери. Коми АССР, г. Сыктывкар. 1953 г.

духовенства на фото, удалось выяснить, что с 1953 г. временно окормлял Архангельскую епархию епископ Гавриил (Огородников). Вот что пишет об этом Василий Чугунов: *«21 января 1953 г. временное управление епархией было поручено епископу Вологодскому Гавриилу, который решил совершить путешествие по восточной части епархии. 2 июля 1953 г. наша делегация поездом выехала из Вологды в Котлас. В состав делегации входили епископ Гавриил, протодьякон Евлампий Павлович Спасский, старший иподьякон Виктор Иванович Львов, студент МДА Василий Васильевич Чугунов (автор настоящих строк) и мальчик Ваня Тимофеев (теперь игумен Михей, насельник Троице-Сергиевой лавры). Посетив Котлас, наша группа, включив в себя о. Николая Пулькина и о. Модеста Мелентьева, на пароходе по р. Вычегде плывет в г. Сыктывкар. Сопровождающие нас... говорят нам, в какое прекрасное место мы едем. В пригороде Сыктывкара, поселке Кочпон, настоятель Казанской церкви – молодой священник о. Владимир (Жохов) создал православный рай.*

... религию поднял высоко. Там все верующие. Безбоязненно в черной рясе и скуфье ходит он по улицам города. Видные люди общества идут к нему под благословение. Множество молодежи и детей наполняет храм» [6, с. 16]. Таким образом, сравнительный анализ фотографий духовенства 50-х гг. XX в. и поиски событийного ряда привели к выводу, что фото было сделано в начале июля 1953 г. Епископ Гавриил (Огородников), в центре, запечатлен возле храма в честь Казанской иконы Божией Матери г. Сыктывкара. Сидит справа – протоиерей Владимир (Жохов), слева настоятель Котласского прихода протоиерей Николай (Пулькин), стоит первый справа – диакон Иоанн (Холопов). Фото было сделано иподиаконом Василием (Чугуновым), который сопровождал Владыку в поездке в Архангельскую епархию.

Подводя итог вышесказанному, хочется отметить, что работа над атрибуцией музейной фотографии – кропотливый и трудоемкий процесс. Изыскания по идентификации личностей духовенства позволяют определить историческую ценность визуального источника, узнать больше об истории православной церкви, а также расширить возможности дальнейшего использования фотографии во время музейных выставок и публикаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Протоиерей Владимир (Пономарев).* Выпускная квалификационная работа. История Кылтовского Крестовоздвиженского женского монастыря.– Ярославль, 2018. С. 18.

2. *Рожина, А. В., Рожина, Т. Я.* Женская обитель.– Сыктывкар, 2018. С. 78.

3. *Вехов, Н. В.* «Светописцы» старого Архангельска. Из истории фотодела в столице Поморья (середина XIX – начало XX века) // Московский журнал.– 2018.– № 10 (334). С 8-12.

4. *Рожина, А. В., Рожина, Т. Я.* Женская обитель.– Сыктывкар. 2018. С. 20.

5. *Кузнецова, С.* Последняя игуменья // Важский край.– 2016.– № 29.– С. 10.

6. *Протоиерей Василий (Чугунов).* По следам далеких воспоминаний. О преосвященном Гаврииле, епископе Вологодском и Череповецком. 28 февраля 1970 // «Вера»-«Эском». Христианская газета Севера России.– 2000.– № 1 (354). С. 16.

Стародубов Юрий Валерьевич,
руководитель благотворительного просветительского краеведческого проекта «Строгановский амбар», г. Москва – г. Тутаев

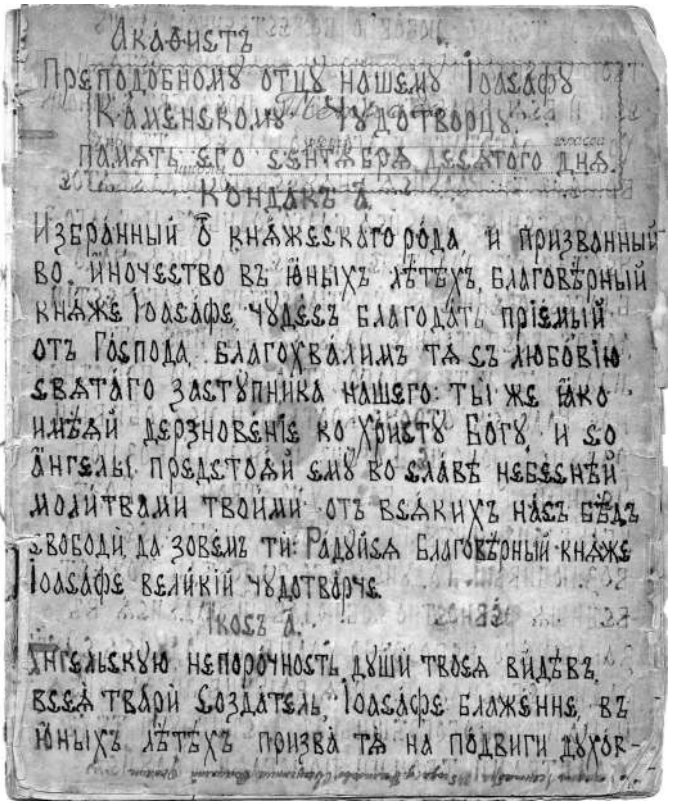
РУКОПИСНЫЙ АКАФИСТ ПРЕПОДОБНОМУ ИОАСАФУ КАМЕНСКОМУ ИЗ ЧАСТНОГО СОБРАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ 1940-х ГОДОВ

Рукопись «Акафист Преподобному отцу нашему Иоасафу Каменскому Чудотворцу» [1] с многочисленными надписями на полях была обнаружена автором этого доклада в 2021 году в антикварном магазине города Тутаева (до 1918 г. – Романов-Борисоглебск) Ярославской области среди церковной литературы и в настоящее время находится в его собрании (владелец магазина великодушно подарил её, но не смог сообщить, откуда она поступила).

Документ представляет собой простую ученическую тетрадку из 12 листов в клетку с обложкой. Размеры листа: ширина 165 мм, высота 202 мм. На обороте заднего листа обложки внизу напечатано «Республиканский трест школьных письменных принадлежностей НКМП (Наркомата местной промышленности – прим. авт. доклада) РСФСР. Цена 18 коп. Ф-ка «Светоч», Ленинград, Б. Пушкарская, 18». Такие тетради печатались с 1935 по 1946 год.

Бумага пожелтевшая, загрязнена многочисленными пятнами, в том числе от растёкшихся чернил рукописи, листы имеют небольшие надрывы. Оба листа обложки отделены от блока. У первого листа блока отрезана нижняя половина. У заднего листа обложки обрезано около 2 см снизу. В тетради сохранились две металлические скрепки. Блок также прошит ниткой, вероятно уже после написания акафиста и записей на его полях – в одном месте игла прошила текст записи.

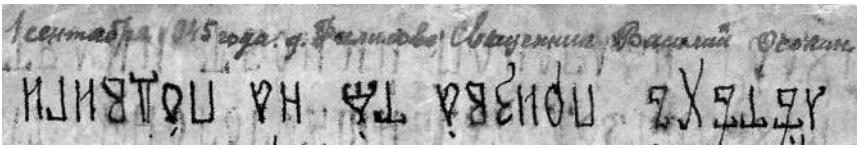
Текст акафиста начинается уже на обложке (заголовок написан поверх печатных граф «Тетрадь ... по ... учени... класса...школы...») и занимает всю тетрадь кроме заднего листа обложки и оборота первого листа блока. Написан аккуратно достаточно крупным церковно-славянским шрифтом (высота заглавных букв – 8 мм, строчных – около 5 мм), большая часть – чёрными чернилами, а заголовок, наименование частей акафиста «Кондакъ», «Икосъ», первые заглавные буквы этих частей (буквицы), а также заглавные «Р» в слове «Радуйся» написаны красно-лиловыми чернилами.

Акаѳистъ
Преподобному отцу нашему Іоасафу
Каменскому Чудотворцу.
Память его сентября десятого дня.
Кондакъ а.
Избранный отъ княжескаго рода, и призванный
во иночество въ юныхъ лѣтѣхъ, благовѣрный
княже Іоасафе, чудесъ благодать пріемый
отъ Господа, благохвалимъ тя съ любовію
святаго заступника нашего: ты же яко
имѣй дерзновеніе ко Христу Богу, и со
ангелы предстоиши ему во славѣ небесней
молитвами твоими отъ всякихъ насъ бѣдъ
свободи да зовемъ ти: Радуйся благовѣрный княже
Іоасафе великій чудотворче.
Икосъ а.
Ангельскую непорочность души твоея видѣвъ,
всѣхъ творій Создатель, Іоасафе блаженне, въ
юныхъ лѣтѣхъ призва тя на подвиги духов-

Первый лист акафиста преподобному Иоасафу Каменскому. Рукопись. 1945 г. Из собрания автора доклада

Ими же, только очень мелкой скорописью написаны записи на полях. Эти записи, как увидим ниже, содержат ценные сведения о происхождении текста акафиста, создателе рукописи и его служении на территории Вологодской епархии в 1945–1946 годах.

В нижнем поле первого листа (обложки тетради) расположена запись, перевернутая по отношению к тексту акафиста: «[Нача]л писать 1 сентября 1945 года д. Филисово, священник Василий Осокин.» [1, л. 1]. На обороте последнего листа рукописи в нижнем поле частично сохранилась запись лиловыми чернилами, сделанная мелким почерком: «Сп[исано] [с руко]писи СпасоКа[мен]ного монастыря.». На том же листе в правом поле снизу вверх (под прямым углом к основому тексту) идет надпись: «Окончил писать

Фрагмент записи на первом листе рукописи: «[Нача]л писать 1 сентября 1945 года д. Филисово, священник Василий Осокин.»

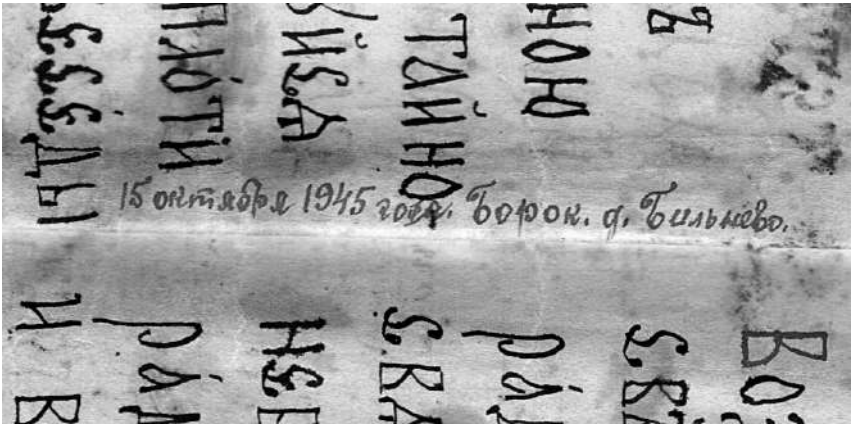
19 октября 1945 г.» и ниже «Шера. (?) д. Починок (?) Юлия Алексеевна [Ку]рочкина.» [1, л. 13 об.].

Священник Василий Осокин упоминается в работе историка Алексея Петровича Жамкова «История Вологодской епархии в 1943–1991 годы». В главе, посвящённой духовенству епархии в 1943–1953-х гг., автор, основываясь на отчёте уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Вологодской области И. М. Игнатова от 12 января 1949 года, пишет о результатах работы местных властей по выявлению незарегистрированных (нелегальных) молитвенных домов и священников. «Вполне очевидно, что они не признавали Патриаршую Церковь, были последователями иосифлянского, иерофеевского или иного катакомбного направления. «Попу-передвижнику» Василию Осокину епископ Иустин неоднократно предлагал оформить регистрацию у уполномоченного и служить законным порядком, но тот категорически отказывался» [2]. Надо отметить, что определение «поп-передвижник» даёт в своём отчете сам И. М. Игнатов.

В архивном деле, на которое ссылается А. П. Жамков, удалось обнаружить и другие упоминания Василия Осокина из отчёта уполномоченного: «...опытные постоянные нелегальные служители переезжают с места на место, из района в район, не имея постоянного места жительства («проживают» у кого-либо), как, например, Осокин» [3, л. 117]. В документе приводится таблица «Сведения о незарегистрированных (нелегальных) молитвенных домах и церковных службах, совершаемых незарегистрированными служителями культа в Вологодской области на 1/I – 1949 г.» [3, л. 127]. В списке под № 4 значится «ОСОКИН Василий, бывший монах, священник», а в графе «Наименование населённого пункта и районов и фамилия владельца дома, где проводятся службы» – «Службы церковные проводит во многих районах. Проживает (происхождение) дер. Семеновская, Вологодского района (с. Прилуки)». Судя по этой записи, можно предположить, что Василий Осокин

был иеромонахом Спасо-Прилуцкого Димитриева монастыря, закрытого в 1924 году [4]. В документе также указано, что службы он проводит с 1934 года, но не регулярно, подоходным налогом не облагается [3, л. 127]. Получается, что о. Василий нелегально служил в разных уголках Вологодской земли как минимум в течение 15 лет, причём в самые страшные годы сталинских репрессий! То, что именно он создал (переписал) в 1945 году изучаемый акафист, не вызывает сомнений. Содержание записей на полях с упоминанием сельских населённых пунктов Вологодской области лишь подтверждает сведения о частых переездах священника. Все записи, кроме одной, относятся ко времени создания рукописи.

На втором листе в левом поле перпендикулярно основному тексту снизу вверх записано: «24 февраля 1946 года М. Сизьма. д. Еремина.» [1, л. 2], а на следующем листе в левом поле, но сверху вниз следует запись: «2 сентября. д. Семенково.» [1, л. 3], очевидно, относящаяся к 1945 году. На пятом листе в левом поле внизу перпендикулярно основному тексту снизу вверх записано «7 сентября 1945 года. д. Дулово Высоковского с/с.» [1, л. 5]. А на обороте в правом поле снизу вверх записано «8 сентября. д. Жилино. Вас. Ал. Прокуронов.» [1, л. 5 об.]. Следующая запись находится на обороте шестого листа в правом поле снизу вверх: «15 октября 1945 года. Борок. д. Бильнево.» [1, л. 6 об.], а рядом, на соседнем листе, только в левом поле также расположена запись: «16 октября 1945 года. Борок. деревня Турбаево.» [1, л. 7]. На девятом листе в левом поле снизу вверх следует запись: «17 октября 1945 года. Шера,

Запись на обороте шестого листа рукописи

д. Калиново.» и там же, после пробела в 13 мм: «о уп. дев. Зои 21 л. Максимова.» [1, л. 9]. На обороте одиннадцатого листа в правом поле снизу вверх в две строки записано: «18 октября 1945 года» и второй строкой: «Село Святая Лука А. Вас. Патралов» [1, л. 11 об.]. Последней на обороте 13 листа следует приведённая выше запись о завершении работы над акафистом 19 октября 1945 года.

Сопоставление названий населённых пунктов в записях на полях акафиста с картографическими данными Вологодской области позволяет частично реконструировать маршруты Василия Осокина осенью 1945 года. Можно предположить, что д. Филисово, где о. Василий начал писать акафист,– это нынешняя деревня Филисово Усть-Кубинского района, расположенная восточнее районного центра [5, с. 70-Г], а Семенково – деревня, которая находится примерно на полпути от Устья Кубенского до Сокола [5, с. 71-Д]. Деревня Дулово Высоковского сельсовета (запись от 7 сентября 1945 г.) находится в северо-западной части Вологодского района и ныне относится к Кубенскому сельскому поселению [5, с. 93-А]. Местоположение деревни Жилино, которую священник посетил на следующий день, 8 сентября, установить не удалось, поскольку деревень с таким названием в Вологодской области несколько. Одна из них расположена в Кирилловском районе на берегу р. Порозовицы [5, с. 68-Б], а другая – в Вологодском районе, южнее Вологды [5, с. 94-Е]. Вполне точно определяются селения заключительной части маршрута, которые священник посетил во второй половине октября. Деревня Бильнево – это, вероятно, нынешнее Бильново Боровецкого сельского поселения Сокольского района, расположенная в семи километрах к западу от Сокола. Рядом, ещё западнее и ближе к Кубенскому озеру находится Турбаево [5, с. 71-Д]. Далее по направлению к озеру следуют деревни Починок, Калиново, Шера и Лука (Святая Лука) [5, с. 70-Е]. Упомянутое в записи от 18 октября село Святая Лука – место разрушенного Святолуцкого Николаевского мужского монастыря, известного с XIV в. и восстановленного преподобными Дионисием Глушицким и Пахомием Великоозерским в XV в.– ныне Погост Лука Усть-Кубинского района [6, с. 250]. Упомянутые в записи от 24 февраля 1946 года Сизьма и Еремино расположены рядом в Шекснинском районе к северо-востоку от районного центра [5, с. 92-Б]. Как видим, о. Василий постоянно переезжал, причем останавливался в небольших отдалённых деревнях, где совершал тайные богослужения и работал над акафистом. Эта поистине подвижническая деятельность проходила в условиях сильнейшего духовного голода – в 1948 г.

во всей Вологодской области действовало лишь 19 храмов, причем в 27 районах не было ни одной действующей церкви! В области не действовал ни один монастырь [3, л. 119].

Дальнейшая судьба о. Василия Осокина неизвестна. За рамками данного исследования остался и вопрос о рукописи Спасо-Каменного монастыря, с которой был списан акафист. В недавно изданном труде С. А. Семячко «Преподобный Иоасаф Каменский и Спасо-Каменный монастырь в памятниках средневековой русской письменности» [7] акафист не представлен. Вероятно, он написан позднее, в XVIII–XIX вв. Не определена и дальнейшая судьба изучаемой рукописи: автор доклада и её нынешний обладатель полагает, что в будущем она должна найти своё место в государственном или церковном собрании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акафист Преподобному отцу нашему Иоасафу Каменскому Чудотворцу. [рукопись] 1945. (Собрание Ю. В. Стародубова).

2. *Жамков, А. П.* История Вологодской епархии в 1943–1991 годы. Часть 2. Духовенство Вологодской епархии в 1943–1953-е годы // Православие.ru [электронный ресурс]. Режим доступа: https://pravoslavie.ru/31686.html (дата обращения 11.04.2022).

3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 320. Информационные отчеты и секретная переписка по Вологодской области. 1948–1949 гг.

4. История Спасо-Прилуцкого Димитриева мужского монастыря // Спасо-Прилуцкий Димитриев монастырь [электронный ресурс]. URL: https://spas-priluki.ru/o-monastyre/istorija/ (дата обращения: 24.12.2022).

5. Церковно-исторический атлас Вологодской области. Т. II: Картографический материал / Автор-составитель Н. М. Македонская / Вологодское Православное Духовное училище.– Вологда: Древности Севера; М.: 439 ЦЭВКФ, 2007.

6. Церковно-исторический атлас Вологодской области: Т. 1: Списки церквей и монастырей. / Автор-составитель Н. М. Македонская / Вологодское Православное Духовное училище.– Вологда: Древности Севера, 2007.

7. Преподобный Иоасаф Каменский и Спасо-Каменный монастырь в памятниках средневековой русской письменности / Вступ. ст., подгот. текстов и пер. С. А. Семячко.– Вологда, 2021.

Вишнякова Дарья Викторовна,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник сектора историко-демографических
и историко-географических исследований Российского Севера
Института языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения Российской Академии наук,
г. Сыктывкар, Республика Коми

САНИТАРНЫЕ УСЛОВИЯ, МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ И МЕРЫ БОРЬБЫ С ИНФЕКЦИОННЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ В г. УСТЬ-СЫСОЛЬСКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В XIX – начале XX в. основными причинами смертности населения были инфекционные заболевания. В научной литературе факторами, способствовавшими снижению общей и детской смертности населения, считаются – улучшение водоснабжения и санитарии, изменения в гигиеническом восприятии и поведении, а также общее социально-экономическое развитие, включая рост качества питания. В связи с этим исследование в историческом ключе изменений санитарно-эпидемиологических условий, а также мер по профилактике и борьбе с распространением инфекционных заболеваний населения в Российской империи и ее отдельных регионах представляется важной научной проблемой.

В отечественной историографии в настоящее время активно рассматриваются вопросы санитарно-эпидемиологической обстановки и противоэпидемических мероприятий, проводимых в городах в XIX – начале XX в. [1, с. 49–52.; 2; 3, с. 452–468 и др.]. Тем не менее, малые провинциальные города с точки зрения их санитарного состояния и благоустройства, в настоящее время остаются малоисследованной темой при выявлении демографических, социальных и экономических изменений, происходивших в тот период в России. В данной работе будет уделено внимание санитарному состоянию г. Усть-Сысольска Вологодской губернии, а также медицинским и противоэпидемическим городским мероприятиям второй половины XIX – начала XX в. Основным материалом для исследования послужили данные, включающие в себя отчёты, прошения и донесения Врачебной управы. Также были привлечены отчеты земской управы, официальные постановления властей.

Усть-Сысольск в рассматриваемый период являлся уездным городом Вологодской губернии. По численности он относился к

малым городам, но находился на 4-м месте по количеству жителей среди других городов губернии. В начале исследуемого периода, в 1851 г., численность Усть-Сысольска насчитывала 3015 чел. [4, с. 19]. В 1914 г. количество жителей составляло уже 5597 чел. [5, с. 205]. Наибольшую часть населения Усть-Сысольска составляли коми-зыряне. Жители Усть-Сысольска испытывали те же трудности, что и население многих других городов Российской империи: отсутствие доступной медицинской помощи, незнание или невозможность соблюдения правил гигиены, некачественное питание и т. п. Эти обстоятельства приводили к вспышкам острозаразных инфекций, которые зачастую являлись причиной смертности. Эпидемии брюшного тифа, дизентерии, эпидемического гастроэнтерита носили регулярный характер. Также были распространены корь, ветряная оспа и другие заразные болезни. Общий уровень смертности городского населения был высоким, но постепенно наметились тенденции к его снижению. Так в 1856 г. общий коэффициент смертности составил 42 на тысячу чел. населения, в 1871 г. – 26,4, в 1894 г. – 24,3, в 1914 г. – 19 [6, с. 194]. Вероятно, для снижения смертности имело большое значение улучшение санитарной среды, стремление к обеспечению соблюдения санитарных законов и правил, просвещение населения.

Негативное влияние на возникновение и продолжительность эпидемических заболеваний оказывала малодоступность медицинской помощи и дефицит медицинских кадров. В г. Усть-Сысольске в 1850 г. была обустроена городская больница на 10 кроватей. В 1870 г. земская управа приняла эту больницу со следующими характеристиками: «Больница помещалась в ветхом, гнилом деревянном общественном доме. В палатах и вообще во всем доме господствовал невыносимый спертый запах, происходящий как от близости и дурного устройства ретирадных мест так и от гнилости самого здания» [7, с. 524]. В этом же году больница была переведена в дом купчихи Трениной. Далее при больнице были назначены не только врач, но и два фельдшера, а затем четыре, устроена аптека, освобождены от платы малоимущие. С 1875 г. лечение и отпуск медикаментов стали бесплатными для жителей. Уже в 1874 г. в «Правительственном вестнике» усть-сысольская больница была признана губернской администрацией одной из лучших в губернии [8, с. 532]. В 1877 г. под больницу был принят дом купчихи П. А. Латкиной. Выделено 30 кроватей. В 1887 г. – было установлено 35 кроватей. В дальнейшем построен барак для заразных больных. В конце XIX – начале XX в. больница была

оснащена специальной машиной для сушки и дезинфекции белья, устроены операционные, ванная с нагревателем, ватерклозеты, баня. Было начато устройство водопровода для снабжения водой больничных зданий [9, с. 333, 334].

Тем не менее, больничных палат не хватало. Большая часть населения лечилась амбулаторно. За 1884 г. в больнице лечилось 314 чел., приходящих за советом было 3292 чел. [10, с. 74], в 1902 г. стационарно – 658 чел., амбулаторно – 10 851 чел. [11, с. 198]. Основными инфекционными заболеваниями, регистрируемыми усть-сысольской городской больницей были грипп, корь, скарлатина, тифы, кровавый понос. Ветряная оспа не была зафиксирована в значимых количествах. Один врач усть-сысольской городской больницы на рубеже веков обслуживал население в размере около 5 тысяч городского и также жителей близлежайших сельских пунктов. Уже в 1870-е годы Вологодским губернским земством была открыта должность санитарного врача. Однако ни г. Усть-Сысольске, ни в уезде должность особого санитарного врача не была введена, несмотря на все усилия. Основную работу по санитарному надзору осуществляли участковые врачи.

В Усть-Сысольске, как и большинстве городов Вологодской губернии, отсутствовали городские водопроводы, мостовые, практиковалась вывозная система отходов, а удаление стоков осуществлялось через открытые канавки, расположенные вдоль улиц.

В период до введения обязательных санитарных постановлений в городах вводились «Временные правила по предметам городского благоустройства». Вопросы санитарного благоустройства городов не были представлены в них в полной мере, и потому не могли существенно повлиять на улучшение санитарных условий. В Вологодской губернии к началу 1880-х гг. обязательные для городских жителей постановления, в том числе по ассенизации, были изданы только в Вологде, Кадникове и Вельске. В Усть-Сысольске такие постановления отсутствовали. Обязательные постановления по санитарной части в г. Усть-Сысольске появились только в 1912 г. [12]. Постановления были направлены на улучшение санитарной обстановки в городе. Они включали требования о содержании в чистоте придомовой территории, своевременной очистки помойных и выгребных ям. Горожанам предписывалось возвышать низменные улицы, обустраивать канавы для стока воды, вывозить мусор на специально отведенные места. Устанавливались сроки для очистки дворов. Содержатели торговых и промышленных заведений, гостиниц, трактиров, скотобойнь обязаны также были соблюдать установленные санитарные правила.

За нарушение санитарных правил предусматривались наказание и штраф. Также проводились попытки организации регулярного общественно-медицинского надзора за состоянием городов. Для проверки состояния источников водоснабжения, выгребных ям, ревизии промышленных и торговых заведений создавались особые санитарные комиссии, санитарно-эпидемические отряды, а город находился под наблюдением попечителей. На страницах губернской печати все чаще появлялись материалы по санитарному просвещению населения, заметки о способах профилактики заразных болезней, средствах дезинфекции и др. Несмотря на увеличение в 1900-е годы расходов на медико-санитарное дело, выделяемых средств для решения всех вопросов, связанных с городским благоустройством и здравоохранением, не хватало.

Санитарный надзор в исследуемый период носил нерегулярный характер. В жизнь не были претворены системные решения по улучшению санитарного состояния г. Усть-Сысольска. Но, в целом, несмотря на существовавшие трудности, постепенно формировались механизмы взаимодействия властей, местного самоуправления, врачей и населения для решения санитарно-гигиенических проблем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кискидосова, Т.А.* Санитарное состояние городов Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Томского государственного университета.– № 403.– 2016.

2. *Агафонова, А.Б.* Санитарное состояние и благоустройство городов Вологодской и Новгородской губерний в 1870–1914 гг.: автореферат дис. на соиск. уч. степ. кандидата исторических наук.– Череповец, 2019. 27 с.

3. *Татарникова, А.И.* Противоэпидемические мероприятия органов городского самоуправления в Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков // Научный диалог.– 2021.– № 3.

4. *Кеппен, П.И.* Девятая ревизия. Исследование о числе жителей России в 1851 г.– СПб.: ЦСК МВД РИ, 1858.

5. Памятная книжка Вологодской губернии на 1916 г.– Вологда, 1916.

6. *Игнатова Н.М., Вишнякова Д.В., Обедков А.П., Силин В.И.* Численность и воспроизводство населения Республики Коми во второй половине XIX–XX в.: историко-демографические и историко-географические исследования Российского Севера: вып. I. Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022.

7. Систематический сборник постановлений Усть-Сысольского уезда Вологодский губернии, уездного земского собрания за 30 лет (1869–1898): по поручению Устьсысольской Уездной Земской Управы.– Вологда: Тип. Вологодского Губернского Правления, 1899.

8. Там же.
9. Сборник постановлений Усть-Сысольского уездного земского собрания за 13 лет (1898–1910 гг.).– Усть-Сысольск: издание Усть-Сысольского уездного земства, 1913.
10. Усть-Сысольское уездное Земское Собрание. Заглавие: Журналы XVI очередного Усть-Сысольского уездного земского собрания 1885 года и экстренного Уездного Земского Собрания 28 декабря 1885 г. Вологда: Типография Вологодского Губернского Правления. 1886.
11. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания, очередной сессии 1902 года и доклады Управы с приложениями / Усть-Сысольское уездное Земское Собрание. Вологда: Типография Вологодского Губернского Правления, 1903.
12. Обязательные постановления по санитарной части в г. Усть-Сысольске.– Усть-Сысольск, 1912. 12 с.

Вербин Олег Гавриилович,
главный хранитель историко-краеведческого музея,
г. Полярный, Мурманская область

АРХИТЕКТУРНЫЕ ЛИКИ АЛЕКСАНДРОВСКА

1. Александровск – форпост русского государства на Мурмане.

В конце XIX в. созрело мнение о том, что некоторые северные архипелаги и острова (Шпицберген, Новая Земля и др.) являются спорными по государственной принадлежности территориями. Появились высказывания о том, что Лапландия – т. е. и Кольский полуостров, должна входить в состав Финляндского княжества.

Поэтому для Российского правительства стало особенно важным утвердить присутствие русского государства на Мурмане. Это и стало одной из главных причин основания города Александровска и нашло отражение в архитектурном облике города. Город задумывался как некий русский противовес соседним норвежским портам.

2. Псевдорусский и новорусский стиль в архитектуре.

В XIX в. в русской архитектуре появляется и развивается направление, обращающееся к народным традициям. В нем, зачастую эклектично воспроизводились народные художественные элементы. Со временем это направление получило наименование «псевдорусский стиль».

К концу XIX в. псевдорусский стиль был преобразован стилем модерн в новорусский стиль. Вопрос о рождении новорусского стиля в архитектуре является спорным и до сих пор вызывает дискуссии среди искусствоведов. Нам важно знать одно – в новорусском стиле важным стало не цитирование элементов древнерусского искусства, а их стилизация и интерпретация.

3. Дом для зимовки команды административного парохода «Мурман».

С конца 1880-х гг. в Екатерининской гавани стал базироваться административный пароход «Мурман», в задачи которого входило разъезжать по Мурманскому берегу и вносить там законность и государственный порядок. С течением времени в гавани были построены деревянный дом для зимовки команды «Мурмана», несколько подсобных помещений и сараев для складирования судового имущества [1].

Нам пока не известно ни точное время строительства этого дома, ни имя его архитектора. Можно точно утверждать, что это здание уже стояло в 1894 г. На мой взгляд, в этом здании явственно проступают некоторые черты новорусского стиля. Именно этот дом задал весь тон для строений будущего Александровска.

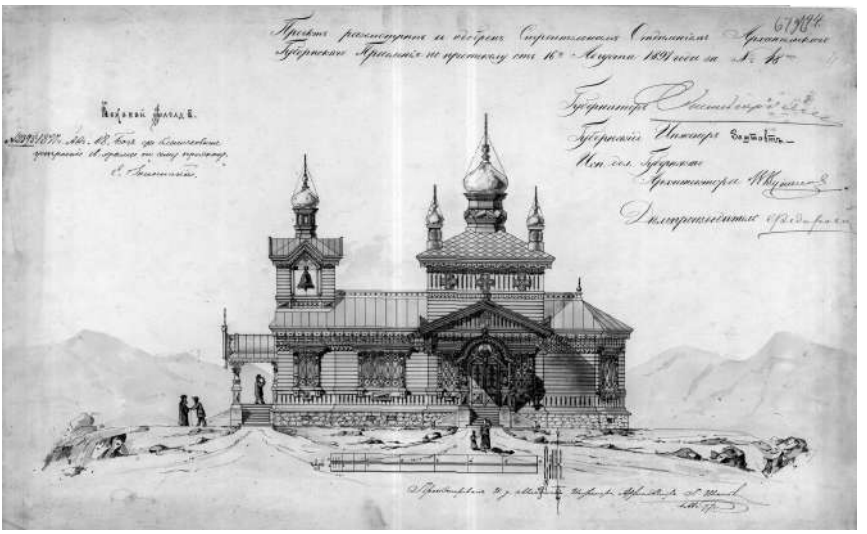
4. Влияние Абрамцевского художественного кружка на архитектуру будущего Александровска.

В том же 1894 г. Екатерининскую гавань посетил министр финансов Сергей Витте с большой группой сопровождающих лиц, в которую входили неизвестный еще тогда живописец Александр Борисов, а также промышленник и меценат Савва Мамонтов. Мнение Витте стало решающим при вопросе о строительстве города в Екатерининской гавани.

Пораженный красотами Севера Мамонтов, вернувшись в Москву, посоветовал художникам Валентину Серову и Константину Коровину посетить Русский Север, в том числе Мурманский берег. Побывали они и в Екатерининской гавани.

Впечатлениями о посещении Русского Севера художники делились в Абрамцевском художественном кружке, созданном в имении Саввы Мамонтова еще в 1874 г. Участники этого кружка внесли значительный вклад в формирование и развитие новорусского архитектурного стиля. Активным участником этого кружка был Виктор Васнецов.

Когда возник вопрос о строительстве церкви в новостроящемся городе на Мурмане, члены Абрамцевского кружка активно к нему подключились. Существует мнение о том, что эскизы церкви в Александровске нарисовал сам Виктор Михайлович, однако доку-

Боковой фасад

ментальных свидетельств этому пока не обнаружено [2]. На мой взгляд, художественные мотивы церкви в Александровске очень близки к деревянным теремам Ивана Павловича Ропета, близкого к Абрамцевскому кружку.

Долгое время не удавалось обнаружить цветное изображение церкви Николая Чудотворца в Александровске. Вот как она описывается в «Архангельских губернских ведомостях»: *«Оригинальностью архитектуры, яркостью и пестротою красок, поражает приезжего церковь в честь св. Николая Чудотворца»* [3]. В «Московских ведомостях» (за 3 июня 1899 г.) о церкви Александровска говорится: *«Она производит чрезвычайно приятное впечатление своим прекрасно выдержанным архитектурным стилем в духе древнерусских расписных построек»* [4]. Это говорит о том, что церковь была расписана красками разных цветов. Недавно в Архангельском архиве удалось обнаружить цветные чертежи церкви [5].

Если вопрос об архитекторе церкви пока является открытым, то о внутреннем ее убранстве нам известно больше. Савва Мамонтов принес в дар церкви икону св. Николая Чудотворца, иконы Северных святителей работы художника Константина Коровина. Иконостас был расписан по рисункам Виктора Васнецова с образами Спасителя и Божией Матери – копиями его образов из Владимирского собора в Киеве.

Сам иконостас представлял собой выдающееся произведение искусства. Вот как о нем пишет норвежская газета «Morgenbladet»: *«В русских городах, даже самых незначительных, храмы всегда устраиваются с особой роскошью; поэтому, получив на днях удобный случай, мы с интересом осмотрели иконостас, предназначенный для церкви в Екатерининской гавани. Мы ожидали увидеть что-нибудь выдающееся и не ошиблись. Этот иконостас представляет собой одно из замечательнейших произведений, какие нам когда-либо случалось видеть в этом роде в России. Резная работа в старинном русском стиле, тонкая и выдержанная до малейших деталей, без вычурного блеска позолоты и камней – отличается крайней простотой и вместе с тем изяществом»* [6].

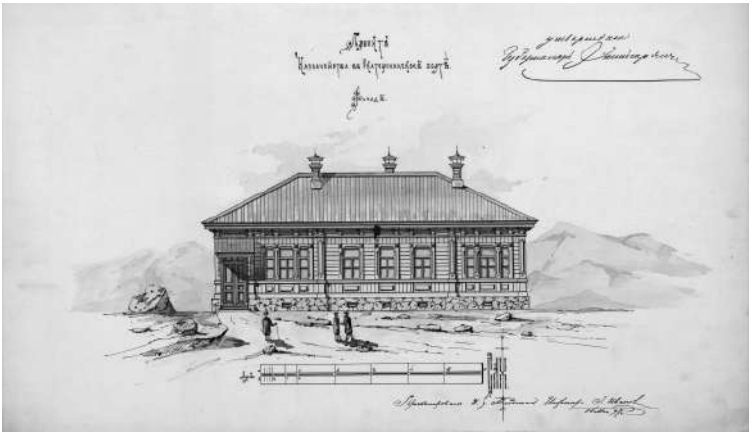
Этот иконостас был подарен церкви супругой Саввы Мамонтова – Елизаветой Мамонтовой. В Абрамцеве она заведовала столярной мастерской, в которой стремилась возрождать старинную русскую резьбу по дереву. Именно в ней иконостас и был изготовлен.

5. Административные строения.

Возникает вопрос о влиянии новорусского стиля на облик города Александровска в целом. Строительство города, создание

чертежей его строений было возложено на Григория Кузьмича Иванова – младшего архитектора архангельского губернского правления [7]. Вероятно, именно он являлся автором зданий административного парохода «Мурман».

На мой взгляд, в проектах зданий явно прослеживаются элементы новорусского стиля. Это заметно в проектах казначейства,

Казначейство

камеры мирового судьи, почтово-телеграфной конторы, больницы, позже построенной тем же архитектором, здания Мурманской биологической станции.

Мурманская биологическая станция

Те декоративные элементы новорусского стиля, которые были запланированы Григорием Ивановым, заметны на фотографиях.

В целом можно подвести некоторые итоги:

– элементы новорусского стиля появились в Екатерининской гавани еще до основания города (здание для экипажа парохода «Мурман»);

– Абрамцевский кружок значительно повлиял на облик церкви в г. Александровске;

– административные здания города были спроектированы с элементами новорусского стиля;

– элементы новорусского стиля продолжают появляться в архитектурном облике города и после открытия (здание МБС).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1460. Лл. 18–22.
2. *Лобанова Л.* «Храм» // «Вымпел Заполярья» от 24.02.1993 г.
3. Архангельские губернские ведомости.– 1889.– № 66.
4. «Московские ведомости» от 3 июня 1899 г.
5. ГААО. Ф. 29. Оп. 38. Д. 281. Лл. 1–5.
6. «Архангельские губернские ведомости» от 19.05.1899 г.
7. ГААО. Ф. 75, оп. 1, д. 2470, л. 20.

Гришина Светлана Викторовна,
сотрудник Благотворительного фонда
«Центр возрождения культурного наследия «Крохино»,
г. Вологда

ОСВЕЩЕНИЕ ТЕМЫ ПРЕДСТОЯЩЕГО ЗАТОПЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ БЕЛОЗЕРЬЯ В СВЯЗИ СО СТРОИТЕЛЬСТВОМ ВОЛГО-БАЛТА В РАЙОННОЙ ПРЕССЕ В ПЕРИОД С 1950 ПО 1962 гг.

В период 1950–1960-х годов районная печатная пресса играла роль одного из главных источников информации о событиях, происходящих в стране, одновременно вписывая события местного масштаба в общесоюзные процессы. Для сельской глубинки, где в это время даже радио было не везде доступно, районная газета приобретала особое значение. При этом выбор тем для публикаций и их трактовка подчинялись задаче не столько проинформи-

ровать читателей о чем-либо, сколько сформировать «нужный» взгляд на те или иные события.

Анализ публикаций местной прессы является одним из путей изучения истории затопления территорий Белозерского района, в том числе села Крохино, в начале 1960-х в результате строительства Волго-Балтийского водного пути. Промежуточный итог этого исследования – ответ на вопрос о том, как отразилась тема затопления в газете Белозерского района Вологодской области «Белозерский колхозник» (с июля 1962 года – «Новый путь») с 1950 по 1962 год. Газеты этого периода изучались по подшивкам, имеющимся в фондах Вологодской областной универсальной научной библиотеки.

Забегая вперед, необходимо отметить, что тема предстоящего затопления территорий Белозерья и переселения людей в публикациях районной газеты практически не представлена. Как известно из архивных документов и воспоминаний переселенцев, жители деревень, подлежащих затоплению, официально извещались об этом в частном порядке. Однако отсутствие темы в публичном поле тоже является своего рода «высказыванием», дающим определенную установку на отношение к проблеме затопления. Поэтому при анализе газетных публикаций указанного периода к сведению принимались любые сообщения о строительстве Волго-Балта, а также любые упоминания о селе Крохино. Это помогает реконструировать общую картину жизни села до затопления, а также представить масштаб и характер изменений, связанных с ним.

Так, из публикаций 1950–1951 гг. явствует, что на территории Крохинского сельсовета работают колхозы «Крохино» и «Победа», Крохинская семилетняя школа, медпункт, лесоучасток Шекснинского леспромхоза, боенская площадка, в период выборов функционирует избирательный участок. В 1952 году газета сообщает о проведенных в колхозе «Победа» работах по поверхностному улучшению лугов и пастбищ на 140 га. Из публикаций 1954 года узнаем о том, в Крохино работают судоремонтные мастерские, а библиотека имеет в своих фондах свыше 3,5 тысячи книг. В 1955 году сообщается о кинопоказах на линии Глушково – Третьяково – Чайка – Крохино и об устройстве в Крохино отгонных пастбищ, о чем не раз упоминается в дальнейшем. На протяжении нескольких лет встречаются заметки о посевах льна и других работах в крохинской бригаде колхоза имени Сталина.

В сентябре 1957 года появляется большая статья об археологических раскопках на территории «Старого города», подписанная их руководителем Л. Голубевой: *«С 20 июля по 24 августа в с. Крохино работала Белозерская археологическая экспедиция, раскапывавшая местность на правом берегу реки Шексны под названием «Старый город». Это пятый сезон работы экспедиции, проводившей здесь раскопки в 1949–1952 гг.»* [1, с. 4]. Подробные отчеты о раскопках публикуются и в 1959 году, в каждом из них сообщается о предстоящем затоплении места раскопок.

Сообщения о возобновлении «реконструкции» Волго-Балтийского водного пути появляются в 1956 году (здесь под этим названием подразумевается Мариинская водная система). Новости о работах на Волго-Балте сообщают читателям и в 1957 году – примером может служить публикация от 24 марта: *«В этом году путейцы заканчивают дноуглубление новой трассы в Ковжском баре Белого озера, увеличивают габариты пути в Крохинском броду»* [2, с. 1].

Тема предстоящего затопления неожиданно всплывает в номере от 15 января 1958 года. В короткой заметке сообщается, что *«в связи с мероприятиями по реконструкции Волго-Балтийского водного пути часть земель в зоне Белозерского канала будет затоплена. Соответственно сократится и объем земельных угодий и особенно сенокосных площадей в колхозе «Красный рыбак» <...> При этом приходится учитывать то обстоятельство, что будут затоплены лучшие земельные площади»* [3, с. 3]. О том, сколько таких «лучших земельных площадей» в окрестностях Крохино планировалось к затоплению (и было затоплено) в процессе строительства Волго-Балта, мы знаем из документа 1935 года: Заключение экспертизы Госплана СССР по проекту реконструкции Волго-Балтийского Водного пути, включающее переписку с различными учреждениями, содержит ведомость затопляемых угодий – речь идет почти о 9 тыс. га [4, л. 116].

В период с января 1960 по январь 1962 года о предстоящем строительстве Волго-Балта в газете не упоминается. При этом отдельные темы, признаваемые актуальными, прорабатываются детально и планомерно. К ним относится, например, переход хозяйств с травопольной системы земледелия на пропашную, внедрение кукурузы и сахарной свеклы. В начале 1961 года в течение трех месяцев идет активная информационная кампания по разъяснению денежной реформы. Широко освещается тема первого полета человека в космос. Значимое место в газетных

публикациях занимает обзор международной ситуации и критика капиталистического строя. Детально освещаются пленумы ЦК КПСС, приводятся объемные выдержки из докладов первых лиц государства.

Первое упоминание предстоящего перекрытия Шексны с целью поднятия уровня воды в связи со строительством Волго-Балта появляется в номере от 6 января 1962 года: *«Череповецкое водохранилище, которое будет создано в результате реконструкции Волго-Балтийского водного пути, превысит по площади Рыбинское водохранилище»* [5, с. 4].

С этого момента тема строительства Волго-Балта начинает постоянно звучать в районной газете, которая с июня 1962 года была переименована в «Новый путь». Предстоящее строительство Череповецкого гидроузла подается как одно из важных, но вместе с тем рядовых событий «создания материально-технической базы коммунизма», как неизбежный и единственно верный, а потому не обсуждаемый вариант экономического развития данной территории в контексте развития страны в целом. Эта тема освещается преимущественно с производственной точки зрения: в какие сроки предстоит выполнить определенный объем работ по выемке грунта и укладке бетона, какие коллективы участвуют в строительстве плотины, как идет социалистическое соревнование и пр.

В номере «Нового пути» от 5 августа 1962 года опубликован подробный очерк об участии московских школьников в археологических раскопках на территории Белоозера [6, с. 4]. Автор очерка – Б. Ригин, его фамилией в дальнейшем подписаны несколько публикаций об археологии и строительстве Волго-Балта. Примечательно, что в подписи к этому материалу впервые с начала 1960 года появляется название Крохино, хотя в самом тексте о селе и его будущей судьбе нет ни слова. Археологическим раскопкам на территории Белоозера посвящена еще одна объемная публикация «Путешествие в прошлое», также подписанная Б. Ригиным [7, с. 4]. Текст начинается с названия деревни Крохино и указания на место ее расположения, однако о том, что она вскоре будет затоплена вместе со «старым городом», не говорится.

С июля 1962 года организован выпуск многотиражной газеты «Строитель Волго-Балта», которая издавалась до октября 1964 года. На страницах «Нового пути» периодически появляются отсылки к ее публикациям, носящим, в основном, агитационный характер и призванных активизировать борьбу за перевыполнение плана и ускорение сроков работ.

Интересно отметить, что тема строительства Волго-Балта находится в контексте целого потока сообщений о других грандиозных объектах социалистического строительства, в частности, гидроэлектростанций и оросительных систем на всей территории СССР. Так, в период с 1950 по 1962 год в районной газете публикуются заметки о строительстве Куйбышевской, Сталинградской, Каховской, Камской, Горьковской, Братской, Мингечаурской, Чебоксарской, Кременчугской, Нарвской и других ГЭС, Волго-Донского канала и Цимлянского водохранилища, Южно-Украинского и Главного Туркменского канала. Очевидно, что строительство подобных объектов влекло за собой переселение с обжитых территорий значительного числа людей, однако эта тема практически не звучит. Упоминание о переселении находим только в одном коротком сообщении ТАСС о строительстве Сталинградского водохранилища: *«Одновременно с работами по сооружению сталинградского гидроузла ведется подготовка зоны затопления будущего водохранилища. По берегам Волги на протяжении 600 километров вырубаются лес и кустарник, переносятся населенные пункты, предприятия, линии связи. Уже заготовлено и вывезено из зоны затопления около 3 миллионов кубометров леса, перенесены десятки сел»* [8, с. 1]. Видим, что проблемам частного человека, чья устоявшаяся жизнь оказалась на пути технического прогресса, здесь места нет.

Единственное обнаруженное за весь рассматриваемый период упоминание предстоящего переселения жителей с затапливаемых территорий Белозерья встречается в номере от 20 ноября 1962 года – речь идет о срыве сроков переселения жителей поселка Кемский рейд: *«Поселок Кемский рейд ввиду завершения строительства Череповецкого гидроузла весной 1963 года будет затоплен. Следовательно, до нового года жители этого поселка должны переселиться на новое место. И эта работа проводится. Но как? Из-за беспробудной пьянки начальника стройучастка Ф. В. Кочнева и нераспорядительности начальника Кемского рейда Б. Н. Белова план переселенческих работ сорван»* [9, с. 2]. Из текста явствует, что переселение происходило *(«работа проводится»)* и затрагивало многих *(«там еще свыше тысячи человек»)*. Однако никакого освещения в газете тема не получала, и данная публикация выглядит проскользнувшей случайно.

Таким образом, судя по изученным публикациям, в рассмотренный период тема затопления и переселения в районной газете практически не освещается. В качестве возможных причин можно указать следующие: 1) тема не считалась важной, т. к. переселение

касалось статистически «небольшого» количества людей; 2) проблемы конкретных семей, чей налаженный быт и привязанность к родным местам приносились в жертву техническому прогрессу, немыслимо было сравнивать с глобальными целями экономического развития, а проблема сохранения наследия и памяти в принципе не осознавалась и не ставилась; 3) переселение на самом деле ощущалось и воспринималось как болезненная проблема, публичный разговор о которой был невозможен.

Всё это не могло не отразиться на отношении самих переселенцев к этому событию. Благотворительный фонд «Центр возрождения культурного наследия «Крохино», помимо работ по спасению затопленного храма Рождества Христова в селе Крохино, на протяжении 11 лет проводит интервью с переселенцами и их потомками, чтобы восстановить, как выглядели эти события в восприятии тех, кого это непосредственно касалось. Эта работа вскрыла неожиданную проблему – замалчивание и даже отрицание самого факта затопления территорий Белозерья. Людям трудно делиться воспоминаниями о вынужденном переселении, а их потомки зачастую знают об этом очень мало. Возможно, мы имеем дело с последствиями своего рода коллективной травмы: навсегда теряя малую родину, подчиняясь обстоятельствам непреодолимой силы, проще было вытеснить это событие из памяти целого сообщества. Анализ публикаций в белозерской районной газете позволяет предположить, что такая реакция не в последнюю очередь вызвана «официальным» замалчиванием темы затопления и переселения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Голубева, Л.* Белозерская археологическая экспедиция / Л. Голубева // Белозерский колхозник.– 1957.– 4 сентября.– № 105.– С. 4.

2. Путейцы – Волго-Балту // Белозерский колхозник.– 1957.– 24 марта.– № 36.– С. 1.

3. *Бузин, М.* Этот вопрос заслуживает внимания / М. Бузин // Белозерский колхозник.– 1958.– 15 января.– № 7.– С. 3.

4. Заключение экспертизы Госплана СССР по проекту реконструкции Волго-Балтийского Водного пути и переписка с УНКВД ЛО и другими учреждениями по личному составу. 1935 год // ЦГА СПб. – Ф. Р-7080.– Оп. 1.– Д. 14.– Л. 116.

5. Знаете ли вы?.. // Белозерский колхозник.– 1962.– 6 января.– № 3.– С. 4.

6. *Ригин, Б.* Новая улица «старого города» / Б. Ригин // Новый путь.– 1962.– 5 августа.– № 55.– С. 4.

7. *Ригин, Б.* Путешествие в прошлое / Б. Ригин // Новый путь.– 1962.– 7 августа.– № 56.– С. 4.
8. На месте будущего водохранилища // Белозерский колхозник.– 1955.– 22 мая.– № 61.– С. 1.
9. Кемскому рейду грозит весенний паводок // Новый путь.– 1962.– 20 ноября.– № 114.– С. 2.

Зверева Юлия Владимировна,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Пермского федерального исследовательского центра
Уральского отделения Российской Академии наук,
г. Пермь

ЛЕКСИКА ОБРАБОТКИ ЛЬНА, ПРЯДЕНИЯ И ТКАЧЕСТВА В ПЕРМСКИХ И ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ[24]

Русские говоры Пермского края относятся к говорам вторичного заселения. Исследователи истории края отмечают, что территория Пермского Прикамья осваивается русскими в XV веке, и заселение происходило в основном с Русского Севера, поэтому в основе пермских лежат севернорусские говоры (архангельские, вологодские, вятские и другие). Этнографы отмечают сходство многих деталей быта, а также называющей их лексики Северного Прикамья и Поморья [1, с. 122–139].

Предметом анализа в статье стали зафиксированные в вологодских и пермских говорах языковые единицы, которые связаны с тематической группой лексики, относящейся к производству льняной ткани в крестьянском хозяйстве. Как и во многих регионах России, в прошлом на территории Пермского края было развито льноводство. В пермских говорах отмечается большое количество языковых единиц, обозначающих процессы обработки льна, изготовления пряжи и ткани, а также называющих различные орудия труда и их части. Сравнение лексики этой тематической группы в пермских говорах с материалами других диалектов показывает, с одной стороны, большое количество совпадений, с другой стороны, свидетельствует о региональной специфике. Об этом пишет и Н.С. Ганцовская, которая сопоставляет лексику

[24] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья» (проект № 19-18-00117).

прядения в вологодских и костромских говорах: «в разных русских говорах она имеет много общих компонентов и вместе с тем, даже в близкородственных диалектах, на уровне плана выражения – большое количество номинативных вариантов, что позволяет их сравнивать и использовать для составления лексических атласов» [2, с. 192].

Прядение и ткачество относятся к древнейшим ремеслам, поэтому лексика этих тематических групп часто является общерусской и восходит к праславянской основе. Так, в работе О. Н. Трубачева приводятся славянские параллели таких терминов, как *бёрдо*, *кросна*, *куделя*, *мотовило*, *пачесы*, *уток*, *челнок*, *ткать* и др. [3, с. 433–443]. Часть лексем фиксируется во многих севернорусских говорах (*бородка* ‘нижняя часть кудели, из которой при прядении вытягивается нить’, *векошки* ‘часть ткацкого станка – род блока, опускающего и поднимающего поочередно обе нитяные основы’, *копыл* ‘широкое основание прялки, ее нижняя часть, на которую садится пряха во время работы’, *лопасть* ‘верхняя часть прялки, к которой привязывают кудель’ и др.). Однако в некоторых случаях слова с одинаковым значением фиксируются только в вологодских и архангельских, а также в пермских говорах (если судить по данным существующих диалектных словарей).

В вологодских и архангельских говорах отмечаются лексемы ***брусни́ть*** / ***брусну́ть*** ‘отбивать вручную или с помощью специальных приспособлений головки с семенем льна (конопли) от стеблей’ [4, с. 209]. В этом значении они также зафиксированы в русских говорах севера Пермского края: *Бруснут его, лён, чтоб головки отпали, а потом их сушат и семя из них получают* (перм.) [5, с. 94]. Слово имеет праславянское происхождение (из *brusiti), в разных славянских языках глаголы с этим корнем имеют значение ‘сбивать, срывать (плоды с дерева)’ [6, с. 48]. Эта семантика привела к специализации значений: в говорах Русского Севера *брустнуть* –‘обрывать ягоды целой кистью, захватив их всей горстью’ и ‘очищать лен, коноплю от головок’. В пермских диалектах также отмечаются оба значения слова. Интересно, что в архангельских и пермских говорах были широко распространены наименования приспособления для отделения головок льна (конопли) от стебля: *брусну́ля, брусну́ха*, *брусну́шка* (арх.) [7, с. 191–192] и *брусни́ло*, *бру́сник*, *брусни́лко*, *бру́сень*, *брусня́лка* (перм.). В существующих словарях вологодских говоров однокоренные лексемы с этим значением не отражены, возможно, это связано с неполнотой диалектных записей.

В русских говорах зафиксированы наименования пучка отрепанного / очесанного льна, приготовленного для прядения: *горсть*,

деся́ток свя́сло (повсеместно), *ку́кла* (севернорус.) и др. В вологодских и пермских отмечается слово ***коклю́шка*** в значении ‘закрученный жгутом и перевязанный узлом пучок очесанного льна’: *Коклюшку вязать не так просто; самое трудное не перегнуть, а закрутить, чтоб один стебелёк наползал на другой, чтоб коклюшка не рассыпалась, даже если узел развяжется* (волог.) [8, с. 78]; *Коклюшкима свёртывали, заиваем – зовётся кукла* (перм.) [9]. Скорее всего, значение появляется в результате переноса от *коклюшка* ‘деревянная палочка с выемкой на одном конце, используемая для плетения кружев’. Основанием для такого сравнения становится процесс скручивания, свертывания кольцом (нитей на деревянную палочку и волокон льна в связку). Возможно и другое объяснение: слово *коклюшка* близко по звучанию к *ку́кла* ‘пучок льна, подвергшийся первичной обработке (трепанию и т. п.)’, т. е. новое значение могло появиться у лексемы *коклюшка* в результате смешения паронимов.

Обработка льна была очень трудоемким занятием, поэтому была распространена практика взаимопомощи, совместных работ (*по́мочей*). В пермских говорах отмечены наименования коллективных работ, на которых околачивали и трепали лен: *колоти́ха*, *копоти́ха*, *куде́льница* / *куде́льня*, *потрепу́ха* / *потрепу́хи*, *почесу́ха*. В пермских говорах из этого ряда наиболее распространено слово ***копоти́ха*** (*Раньше-то куделю делать соседей звали на помощь. Копотихой это называлось. Копотиху-то в бане делали. Пыли было столько! Копотиха-то только на лён. На копотихе-то лён чесали и трепали,* мяли [10, с. 415]), которое встречается также в уральских говорах. Лексема *копоти́ха* является производной от *ко́поть* ‘пыль от трепания льна, конопли’ или от *копоти́ть* ‘поднимать пыль’. Общей для пермских и вологодских говоров является лексема ***потрепу́ха*** / ***потрепу́шка*** ‘добровольная коллективная помощь за угощенье при трепании льна’: *Бывало, всей деревнёй на потрепуху ходили; Потрепуху заводили, какой бабе нековды* [11, с. 214]. Видимо, на Русском Севере такие наименования чаще образовывались от корня *трепн-*, в архангельских говорах в этом же значении фиксируется слово *дотрёпки*. Отметим, что термин ***потрепу́ха*** встречается только в говорах Соликамского района Пермского края, который находится на севере и относится (наряду с Чердынским) к территориям раннего русского заселения.

Лексика прядения в вологодских и пермских говорах в основном относится к общерусской и севернорусской. Это такие слова, как *веретено*, *пре́сница*, *пря́слица* ‘ручная прялка’, *про́стень* ‘веретено

с напряденными на него нитками' *пя́тка* 'нижний конец веретена' и др. В пермских и вологодских говорах отмечаются лексемы ***гу́зно*** и ***гу́зево*** 'нижняя часть прялки, на которой сидели' [12, с. 208]; слова с корнем *гуз-* в этом значении зафиксированы также в архангельских говорах и русских говорах Карелии. Интересно, что другое наименование этой части прялки – *до́нце* – распространено гораздо шире и встречается во многих русских говорах.

Еще одна языковая единица, которая свидетельствует о генетической связи говоров Русского Севера и пермских,– ***посте́го́льница*** 'плотная кручёная льняная нить'. Лексема отмечается в архангельских, вологодских и пермских говорах: *Постегольницами катаники подшивают* (волог.) [13, с. 9]; *Постегольницей зашивали боле, тожно крепко дёржится* (перм.) [14, с. 185]. В пермских диалектных материалах слово *постегольница* фиксируется один раз, вероятно, это связано с тем, что оно было вытеснено заимствованным термином *дратва*, который (и его фонетические варианты *драпа*, *драпка*) встречается повсеместно.

Лексика ткачества в пермских говорах содержит бо́льшее число регионально специфичных языковых единиц, чем лексика обработки льна и прядения. Чаще всего такая лексика служит для наименования различных небольших деталей ткацкого стана (*дзял*, *зели́нка*, *бичу́лька*, *ку́рочка*, *ле́сенка*, *тавалёшка* и др.). Конечно, на территории Пермского Прикамья отмечаются также распространенные в различных русских говорах (в том числе вологодских) такие наименования ткацкого стана и его частей, как *ве́кошки, кро́сна́*, *притужа́льник*, *при́швица*, *навой* / *навóя*, *набе́лки*, *ни́ченки* / *ни́ченицы*, *подно́жки* и др. Кроме этих, общих для многих русских говоров языковых единиц, в пермских, вологодских и архангельских говорах встречаются слова ***наби́вки*** 'часть ткацкого станка, представляющая из себя две дощечки, в которые вставляется ткацкое бердо; набелки' и ***па́сынок*** 'деталь ткацкого стана – стержень навоя, на который наматываются нити основы'. Если лексема ***набивки*** является фонетическим вариантом общерусского *набелки*, то термин ***пасынок*** зафиксирован только в диалектах Русского Севера (архангельских и вологодских) [15, с. 271] и в северных (чердынских) говорах Пермского края [9].

Таким образом, лексика обработки льна, прядения и ткачества имеет много общего в вологодских и в пермских говорах. В основном такие совпадения связаны с общерусской основой, в таком случае языковые единицы отмечаются во многих русских диалектах. Часть пермских диалектных лексем этой тематической

группы соотносится только с вологодскими и архангельскими говорами, что связано с историей заселения Пермского края и подчеркивает генетическую связь пермских с названными выше говорами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Чагин, Г. Н.* Природная среда и особенности культурно-бытовых традиций народов Среднего Урала в середине XIX – начале XX века // Материальная культура народов России.– Новосибирск, 1995. С. 122–139.

2. *Ганцовская, Н. С.* Лексика прядения льна в поунженских костромских и вологодских говорах (на материале «Словаря лексики льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» А. В. Громова и «Словаря вологодских говоров»). [электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/folk/data/gancovskaya.pdf. (дата обращения: 28.12.2022).

3. *Трубачев, О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. Термины текстильного производства // Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 3.– М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. С. 393–527.

4. Словарь русских народных говоров: вып. 3. / гл. ред. Ф. П. Филин.– М.; Л.: Наука, 1968. 360 с.

5. Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь): вып. 1.– Пермь, 1984. 399 с.

6. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд: вып. 3. /под ред. О. Н. Трубачева.– М.: Наука, 1976. 199 с.

7. Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Т. 1. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 252 с.

8. Словарь вологодских говоров: учебное пособие по русской диалектологии. Т. 3. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда, 1987. 128 с.

9. Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края» (кафедра теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь).

10. Словарь пермских говоров: вып. 1. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой.– Пермь: Книжный мир, 2000. 480 с.

11. Вологодское словечко. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. Л. Ю. Зориной.– Вологда: ВГПУ, 2011. 344 с.

12. Словарь русских народных говоров: вып. 7. / гл. ред. Ф. П. Филин.– М.; Л.: Наука, 1972. 356 с.

13. Словарь вологодских говоров: учебное пособие по русской диалектологии. Т. 8. / под ред. Л. Ю. Зориной, Т. Г. Паникаровской.– Вологда, 1999. 120 с.

14. Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Вып. 1. Пермь: Книжный мир, 2002. 574 с.

15. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. Вып. 15.– Л.: Наука, 1990. 352 с.

Раздел III

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО СЕВЕРА И ВОПРОСЫ ЕГО СОХРАНЕНИЯ

Федоринова Ирина Леонидовна,
независимый исследователь,
г. Тольятти, Самарская область;
Пригодина Ольга Борисовна,
заместитель директора по науке ГБУК АО «Каргопольский музей»,
г. Каргополь, Архангельская область

НАПРЕСТОЛЬНЫЕ РЕЗНЫЕ КРЕСТЫ С ШЕСТИЛЕПЕСТКОВЫМИ РОЗЕТКАМИ КОНЦА XVII–XVIII вв. НОВЫЕ АСПЕКТЫ ТЕМЫ

Среди деревянных напрестольных крестов с миниатюрной резьбой, сохранившихся до нашего времени в музейных собраниях, находятся редкие экземпляры, привлекающие особое внимание – это четырехконечные кресты с шестилепестковыми розетками на концах и миниатюрной резьбой в медальонах, расположенных по кругу в виде венца. Датируются они, примерно, концом XVII–XVIII вв. Технология их создания традиционна: ажурная резьба на просвет выполнялась из кипариса и вставлялась в розетки - ковчеги, фон которых прокладывался цветной фольгой и слюдой, а впоследствии мог заменяться цветной бумагой. По общему ряду признаков к ним относится большая группа резных деревянных складней и иконок, местом производства которых считается Русский Север. Изучение данных памятников осложняется большой проблемой – отсутствием подписных и датированных произведений.

Обратиться к этой теме позволила одна находка: в 2016 г. подобный крест был обнаружен в столичном храме Новомучеников и исповедников Российских в Новокосино[25]. Сохранность его, к сожалению, не полная, отсутствует поперечная перекладина. Текст,

[25] Благодарим за предоставленные материалы протоиерея Владимира Клюева, настоятеля храма.

Двусторонний крест 1790 г. Первая публикация

Текст на рукояти креста 1790 г.

вырезанный оброном в верхней части рукояти на лицевой стороне в восемь строк, стал для нас ценным источником информации.

«РАБОТАНЪСЕЯ // КРЕСТЪКАРГОПО // ЛСКАГОУЕЗДА // АРХАНГЕЛСКОІВЛ // РЕЩІКАМІНИКІТ // ОИРУИМОВЫМЪ // ІАФАНАСЬЕМЪБО // ДУХІНЫМЪ1790».

Он акцентировал сразу несколько моментов: имена резчиков – Никита Руимов и Афанасий Бодухин, место их проживания – Каргопольский уезд Архангельской волости и дату – 1790 год. Надо отметить, что указанные имена не упоминались в работах Мальцева Н. В. и Кольцовой Т. М., много лет посвятивших исследованию памятников Русского Севера. Архивные поиски позволили выявить имя одного из них – Афанасия Бодухина [1, л. 1–2]. Документы, в которых указывался бы род его занятий, на данный момент не обнаружены.

Полученные сведения позволили определить и дальнейшую цель работы: расширить круг аналогий, выявить письменные источники, акцентировать отдельные вопросы изучения темы.

Публикаций, посвящённых памятникам данного типа, оказалось три. Первой была статья Мидлер Н. Е. о кресте из собрания Дмитровского музея [2, с. 151–187]. Главной целью являлась реконструкция идейного замысла. Среди аналогий автор указала

на крест из собрания музеев Московского Кремля, но его рассмотрение не входило в круг её задач. Две другие принадлежали Давыдовой Е. В., зав. сектором ДПИ отдела хранения музея имени А. Рублёва, и были написаны на основе изучения коллекции резных напрестольных крестов Каргопольского музея. Она затронула аспект многообразия памятников с многолопастными завершениями ветвей [3, с. 335–344], отметила кресты с медальонами как одну из разновидностей и описала крест из каргопольского собрания [4, с. 159–163]. В качестве аналогий дополнительно привела кресты из музеев Архангельска и Великого Устюга. Таким образом, по публикациям определились пять крестов медальонного типа. На основе дальнейшей работы с фондами и каталогами музейных собраний было выявлено ещё девять. С учётом креста 1790 г. сформировалась группа из пятнадцати памятников. Приводим их перечень с указанием места хранения и публикации.

1. Храм Новомучеников и исповедников Российских в Новокосино, г. Москва. Крест 1790 г.
2. Музей-заповедник «Дмитровский кремль». КП 1728/1 [2, с. 167].
3. ГИКМЗ «Московский Кремль», инв. ДК 1153.
4. Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей. КП 891 [4, с. 161], [5, с. 410–411. Кат. 295].
5. ГМО «Художественная культура Русского Севера», инв. 8-Д [6, с. 168. Кат. 142].
6. ГМО «Художественная культура Русского Севера». НВФ-1360[26].
7. Великоустюгский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. КП 8816 [7, с. 156–157. Кат. 112].
8. Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник. КП 29615 [8, с. 68–73. Кат. 19].
9. Государственный Русский музей, инв. ДРД 309.
10. Государственный Русский музей, инв. 1398 Д[27].
11. Государственный Исторический музей, инв. ОК 6964.
12. Вологодский государственный музей-заповедник. КП 5470/1.
13. Вологодский государственный музей-заповедник. КП 5470/16.
14. МБУК «Вытегорский объединённый музей». КП 9642[28].

---

[26] За указание на данный экземпляр благодарим Кольцову Т. М.
[27] За указание на памятники ГРМ благодарим Кольцову Т. М.
[28] За указание на данный экземпляр благодарим сотрудника ГРМ Антропову И. А.

15. МАУК «Череповецкое музейное объединение». КП 3809/45[29].

По архивным источникам на данный момент удалось установить два креста (местонахождение не известно).

1. Каргопольский уезд, д. Агафоновская Верхнечурьегского прихода [9].

2. Кемский уезд Архангельской губ. [10, л. 4–7][30].

В рамках данной статьи рассмотрим два вопроса, связанные с новыми аспектами художественного образа и мастерской Русского Севера.

Предварительный осмотр памятников, несмотря на разную степень их сохранности, позволил выделить наиболее интересные экземпляры и примечательные особенности.

Крест 1790 г. оказался двусторонним[31]. Таких было выявлено ещё три: в собрании ГИМ, ГРМ (ДРД 309), ГИКМЗ «Московский Кремль» (к сожалению, в статье Мидлер Н. Е. это было не указано). Характерно, что каждая розетка оборота представляла по одному отдельному сюжету. До этого были известны кресты с расположением подобных клейм, но только на лицевой стороне[32]. Общая схема расположения изображений на обороте крестов оказалась следующей: в средокрестии в прямоугольных клеймах помещался образ Спаса Нерукотворного и предстоящих ангелов. Над ним – поясной образ Саваофа в три четверти или херувим. Ниже по вертикали располагались святые в рост (преп. Зосима и преп. Савватий – ГИМ ОК 6964, крест 1790 г., св. Алексий человек Божий – ГРМ ДРД 309) или поясные образы Богоматери в типе Умиление и Одигитрия (ГИКМКЗ, инв. 1153)[33]. В шестилепестковых розетках сюжеты варьировались: «Преполовение Господне», «Сошествие св. Духа», «Вознесение», «Уверение Фомы», «Жены-мироносицы у гроба Господня», «Снятие со креста».

У креста 1790 г. оказались не характерные для аналогичных памятников иконографические особенности. Над не сохранившимся Распятием помещён сюжет «Воскресение Христово» в изводе «Восстание от гроба». На нижней розетке в центре венца

---

[29] За указание на данный экземпляр благодарим сотрудника ГРМ Антропову И. А.

[30] За указание на данный источник благодарим сотрудника ГРМ Антропову И. А.

[31] На данный момент крест расчищен и реконструирован, поэтому изучение его в полном объёме затруднено.

[32] Как уникальный такой двусторонний крест (КП 887) отметила Давыдова Е. В. в коллекции Каргопольского музея, но с утратами на обороте всех клейм в розетках [3, с. 338]. Можно предположить, что в процессе бытования они могли быть перенесены на лицевую сторону.

[33] Такие же образы Богоматери сохранились и на обороте каргопольского креста КП 887.

из медальонов – поясной образ свт. Николая, но с разведёнными в стороны руками как в типе Николы Зарайского, и поворотом головы в три четверти влево (почти в профиль)[34].

На кресте из Рязанского музея в середине розеток поперечной перекладины вместо поясных образов Богоматери и Иоанна Предтечи представлены «Спас Нерукотворный» (слева) и «Богоматерь Знамение» (справа). В центр верхней розетки вместо поясного образа Спасителя вписан сюжет «Воскресение Христово» в изводе «Сошествие во ад». Такую же особенность ранее отметила Давыдова Е. В. у креста из каргопольской коллекции. Она также указала, что в центре его левой розетки находится поясное изображение Богоматери в типе Одигитрия[35]. На аналогичных крестах Богородица изображалась без Младенца.

Крест 1790 г. Фрагмент. Нижняя розетка с медальонами (лицевая сторона)

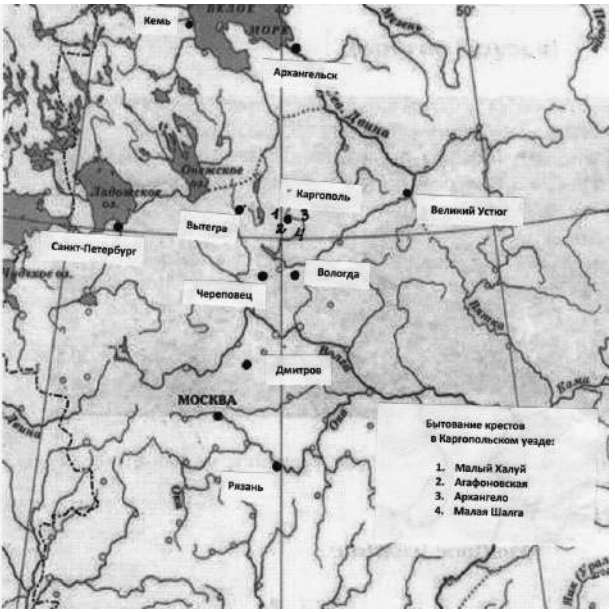
Из всей группы памятников выделяется крест из собрания ГИМ. Он практически полный по сохранности: присутствуют все резные изображения на лицевой и оборотной сторонах, сохранилось Распятие. Многоуровневая резьба поражает высоким профессиональным мастерством. Крест имеет серебряный оклад, на рукояти которого с лицевой стороны изображены орудия Страстей. Возможно, памятник сделан в царских мастерских и мог служить образцом для последующих, но происхождение его не установлено: известно, что поступил в музей из коллекции Лихачёва Н. П. в 1931 г.[36]

Предварительные итоги осмотра аналогий показали, что среди них можно выделить экземпляры, сделанные по особому заказу, и те, которые можно отнести к тиражной продукции мастерской

[34] Аналогия такому изображению была обнаружена на трёхстворчатом складне из ГИМ (ДV-857).

[35] Подобные изображения встречаются на резных складнях этого времени.

[36] Благодарим за консультацию хранителя ГИМ Крюк Г. М.

Карта современного и исторического бытования крестов медальонного типа

Русского Севера. Границы её существования определила Давыдова Е. В. (конец XVII–XVIII вв.) и изложила гипотезу Кольцовой Т. М. о том, что центрами производства могли быть Вологда или Великий Устюг [3, с. 343–344]. Если нанести на карту места современного и исторического бытования памятников, то увидим, что наибольшее количество крестов будет сосредоточено на каргопольских и вологодских землях. В общей сложности их окажется девять и семь из них будут иметь данные о своём происхождении.

У двух оно было известно ранее: крест из каргопольской коллекции (КП 891) поступил из неизвестной церкви города в 1920-е гг. и крест из Архангельского музея (АМИИ 8-Д) вывезен экспедицией из села Малая Шалга Каргопольского района. Происхождение остальных было установлено в процессе работы. Два креста из Вологодского собрания происходят из городских церквей: Никольской Глинской (инв. 5470/1) и церкви Рождества Богородицы на Верхнем Долу (инв. 5470/16)[37]. Крест из коллекции

[37] Благодарим ст. научного сотрудника отдела фондов Вологодского музея-заповедника Е. А. Виноградову.

Череповецкого музея вывезен экспедицией из часовни д. Малый Халуй Каргопольского района. Деревня Агафоновская, в храме которой зафиксирован крест в 1887 г., и место проживания резчиков, Архангельская волость (Архангело), также относятся к этой территории. Происхождение крестов из музеев Великого Устюга и Вытегры не установлено.

Наличие в каргопольской коллекции группы резных крестов с клеймами разной модификации дало возможность Бургановой М. А. высказать предположение и о каргопольской мастерской [11, с. 94], но этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Таким образом, представленные материалы, связанные с находкой подписного и датированного произведения, позволят в будущем расширить тему изучения крестов с шестилепестковыми розетками и вернуться ко многим вопросам, которые затрагивались в предыдущих исследованиях. В большой степени это будет зависеть от реставрации памятников и их публикации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный архив Республики Карелия. Ревизские сказки. Ф. 4. Оп. 18. Д. 17/182. Л. 1–2.

2. *Мидлер, Н. Е.* Деревянный резной крест второй половины XVII века в собрании Дмитровского историко-художественного музея. К вопросу об идейном замысле. // Древнерусская скульптура. Сб. статей: вып. 2. Часть I.– М., 1993.

3. *Давыдова, Е. В.* Резные кресты с многолопастными завершениями ветвей и трехстворчатые складни XVII–XVIII веков. К вопросу о неизвестной мастерской и её продукции. / XVII век в истории и культуре Русского Севера. Материалы XII Каргопольской научной конференции (14–16 августа 2012 г.) / Науч. ред. Н. И. Решетников; Сост. Н. И. Тормосова.– Каргополь, 2012.

4. *Давыдова, Е. В.* Деревянная резьба / Каргопольское путешествие: Семь маршрутов по севернорусской земле с Каргопольским историко-архитектурным и художественным музеем.– М.: Программа «Первая публикация» Некоммерческой благотворительной организации «Благотворительный фонд В. Потанина». ИНТЕРРОС. 2014 г.

5. Красота резного образа / Каталог выставки 29 июня – 15 августа 2018.– Кириллов, 2019.

6. Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера: Каталог выставки.– Архангельск – Москва, 1995.

7. *Бурганова, М. А.* Русская скульптура XVI–XIX вв.: Великий Устюг: Собрание скульптуры Великоустюгского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.– М.: Бурганов-Центр, 2012.– 176 с.

8. Рязанская деревянная скульптура и резные иконостасы XVI–XIX веков. Каталог выставки / Авт.-сост. О. М. Сахарова.– Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2014.– 160 с.: ил.

9. Каргопольский музей. Метрики церквей. НВФ 3601/6.

10. ГААО. Ф. 510. Оп. 1 Д. 66. Архангельский Епархиальный церковно-археологический кабинет Переписка с консисторией, Кемско-Александровским отделением епархиального совета, священниками о старинных вещах...

11. *Бурганова, М. А.* Русская скульптура XVI–XIX вв.: Собрание скульптуры Тотемского музейного объединения.– М., 2013.

Миронова Ирина Николаевна,
заведующий Ивангородским филиалом
ГБУК ЛО «Музейное агентство» –
Ивангородский музей, г. Ивангород, Ленинградская область;
Коновалова Ирина Владимировна,
старший научный сотрудник Ивангородского филиала
ГБУК ЛО «Музейное агентство» –
Ивангородский музей, г. Ивангород, Ленинградская область

РУССКИЙ СЕВЕР ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА БИЛИБИНА В КОЛЛЕКЦИИ ИВАНГОРОДСКОГО МУЗЕЯ

«*Билибин во многом отличался от других. На фоне нашего «европеизма» он был (если не считать Рериха) единственный «истинно русский» в своем искусстве».*
М. В. Добужинский [1, с. 205]

Иван Яковлевич Билибин. **Иван**город. Символично, что коллекция произведений истинно русского художника была передана в дар истинно русскому городу, основанному московским князем Иваном III более пяти веков назад.

Как любил повторять Мстислав Николаевич Потоцкий, приемный сын И. Я. Билибина, выбор пал на Ивангород неслучайно. Неслучаен был и выбор здания для музея – особняк купцов Пантелеевых постройки XIX века. Существует легенда, что И. Я. Билибин останавливался в этом доме во время одного из своих путешествий, с балкончика любовался впечатляющим зрелищем противостояния двух исполинов: русской крепости и рыцарского замка.

Вид на Ивангородскую крепость и Нарвский замок. Фото Р. Фатихова

Появление билибинской художественной экспозиции в Ивангородском музее – результат определенного стечения обстоятельств. И все же в этом случайном событии есть своя закономерность. В 1976 году на персональной выставке И. Я. Билибина директор Ивангородской художественной школы знакомится с М. Н. Потоцким и получает его согласие на экспонирование семейной коллекции в Ивангороде. Уникальная коллекция впервые попадает в Ивангород, с этого момента судьба ее предрешена. Весной 1980 года в освободившихся помещениях особняка открываются первые три зала художественного музея.

Сегодня коллекция Ивангородского музея – наиболее полное, многогранное и значительное собрание произведений и личных вещей русского художника в современной России. Это книжная, журнальная и прикладная графика, монументальная и театральная живопись, пейзаж и портрет, фотография, предметы быта, документы и письма. Но среди этого многообразия есть собрание старинных вещей, которыми особенно дорожил И. Я. Билибин. История этого собрания началась в 1902 году, когда И. Я. Билибин по заданию этнографического отдела Русского музея оправляется в экспедицию по Русскому Северу. В путешествиях по Вологодской губернии он посещает Вельский, Сольвычегодский и Тотемский уезды.

И. Я. Билибин в экспедиции по Русскому Северу. Из фондов музея

Ученица И. Я. Билибина Рене О'Коннель писала в своих воспоминаниях: *«Фотографии и зарисовки Ивана Яковлевича из его странствий по северу России, Вологодской, Олонецкой и Архангельской губерниям вошли в «Историю русского искусства» под редакцией Игоря Грабаря. <...> У Ивана Яковлевича дома имелось шесть полных комплектов русских женских костюмов с головными уборами, хранившихся в кипарисового дерева сундуке, купленном в Бахчисарае. Сундук был турецкой работы, старинный, с перламутровой инкрустацией.*

Эта коллекция служила ему подсобным материалом при его работах над иллюстрациями к сказкам и былинам. Часто мне приходилось позировать в этих костюмах для персонажей его сказок. Так я позировала ему для Стрельчихи в иллюстрациях к сказке "Поди туда, не знаю куда"» [2, с. 154–155].

И. Я. Билибин. Стрельчиха. Эскиз-иллюстрация к сказке «Пойди туда, не знаю куда...». Из фондов музея

Художник не расставался с содержимым сундука. Спасаясь от революционных событий, Билибин с осени 1917 года живет и работает

на своей крымской даче в местечке Батилиман. Но в декабре 1919 года обстоятельства заставляют его покинуть любимый Крым и перебраться в Ростов, затем в Новороссийск. Собираясь к отъезду, Билибин оставил заветный сундук на хранение крестьянину из села Хайто (ныне Тыловое), что находилось неподалеку от Батилимана. В феврале из Новороссийска 1920 года он пишет письмо своему другу писателю Е. Н. Чирикову, в котором просит вывезти сундук со старинными вышивками и сарафанами с собой в эмиграцию. В письме была вложена записочка с указаниями для хранителя сундука:

«*12 февраля 1920 г.*

Дорогой Минай Никанорович,

Передайте, пожалуйста, мой сундук со старинными вещами Евгению Николаевичу Чирикову или кому он прикажет.

Буду Вам очень благодарен. Я собираюсь ехать за границу. Не знаю, когда увидимся, ну, Бог даст, когда-нибудь снова встретимся.

Желаю Вам и Анне Ивановне всего хорошего.

Ваш И. Билибин.» [3, с. 86]

Совершенно случайно в фондах Дома-музея Марины Цветаевой в Москве удалось отыскать и прочитать письмо И. Я. Билибина от 25 ноября 1926 года, адресованное супруге Е. Н. Чирикова Валентине Георгиевне, обращаясь к которой он пишет:

«С Божьей помощью, с понедельника я буду ходить по улицам Праги. Приеду я на одну неделю. В ближайшие же дни буду у Вас. <...> Очень жалею, что осенью, когда вы проезжали через Париж, мы были в Бретани. На этот раз я уже, будучи сам в Праге, получу от Вас мои долгожданные русские вещи (сарафан и пр.). Это мне ужасно нужно для моих текущих работ.

Целую Евгения Николаевича и привет всем Вашим.

Всего хорошего.

Ваш И. Билибин.»

В фондах Ивангородского музея хранится письмо В. Л. Кубацкого, адресованное художнику и проливающее свет на один из последних эпизодов этой полудетективной истории. Оно содержит довольно любопытные исторические факты, поэтому есть смысл познакомиться с его содержанием полностью. Орфография и пунктуация автора сохранены.

«*27/I 37*

Глубокоуважаемый Иван Яковлевич.

Спешу ответить на В/[аше] письмо, хотя и неисчерпывающе.

Завтра я найду след и подробнее разузнаю – напишу. Думаю не лишне довести до В/[ашего] сведения обстоятельства, касающиеся этого дела. В 1920 г. я был командирован тов. Луначарским в Крым, для установления порядка в делах охраны научно-художественных ценностей. В Севастополе я встретил т. Михайлова, если не ошибаюсь он был зав. Отделом Народного образования. Он мне разсказал о крестьянине Бацура проживавшем в каком-то селении под Байдарами, у которого он скрывался при владычестве Врангеля. Этот крестьянин, питая доверие к коммунисту поведал с гордостью, что вы ему доверили хранить В/[ашу] коллекцию. Вместе с Михайловым мы решили, что хотя Бацура и честный ч-[елове]к, но при тех обстоятельствах сохранность коллекции почти от него не зависить. Прожили мы у него два-три дня, все уговаривали отдать нам сундук для доставки в Москву. Наконец – распропагандировали. В Москве я сдал по описи в музейный Отдел Наркомпроса. Принимала это дело специальная комиссия в которой был известный искусствовед Абрам Эфрос (он жив) и несколько музейных сотрудниц фамилий которых я не помню. На днях я встретил Эфроса, спросил где находится коллекция, он предположительно назвал Музей Народностей. Помню при составлении акта возник вопрос о регистрации, записывать ли вышивки поштучно или по количеству картонов (на каждом 20–30 вышивок) и решили записать поштучно – если не изменяет память шт. 740 или более. Были там кокошники и одеяния. О дальнейшем извещу. Жму руку. В. Кубацкий.»

Содержание последнего письма свидетельствует о том, что полностью выполнить просьбу художника Е. Н. Чирикову не удалось. Может быть, частично. Также неизвестно, увенчались ли успехом поиски коллекции, предпринятые И. Я. Билибиным по возвращении в Россию из эмиграции. Как бы то ни было, но потомками художника переданы в дар музею отдельные предметы одежды Русского Севера, имеющие принадлежность к вышеупомянутой коллекции: сарафан, коротены, юбка, кокошники, шугаи, рубахи, передник. Некоторые из них узнаваемы по иллюстрациям художника в печатных изданиях. Но только один комплект костюма сохранился практически полностью, таким, каким его видел и рисовал И. Я. Билибин. Впервые изображение этого наряда появилось на лицевой стороне открытки 1905 года, выпущенной Обществом Святой Евгении по эскизу художника. В верхнем углу старославянскими буквами им сделана надпись: «Вологодская девушка в праздничном наряде».

Костюм и сегодня, по прошествии более ста с лишним лет, вызывает восхищение и притягивает восторженные взгляды. В нем, говоря словами И.Я. Билибина, чувствуется «сказочная красота». Широкая юбка-андарак из синей парчи с пышным растительным орнаментом, вытканным золотной нитью и распашная коротена из голубой парчи с серебряным цветочным узором. Бретели, середина передней и задней полочек коротены отделаны позументом с геометрическим орнаментом из серебряных нитей. Головной убор – в виде венца дугообразной формы, именуемый головодец. Лицевая сторона его орнаментирована плотным рельефным узором, сплошь зашитым золотной нитью. Рельефные швы дополнительно украшены пайетками.

Открытка «Вологодская девушка в праздничном наряде» из серии «Русский костюм Севера». Художник И.Я. Билибин. Из фондов музея.

По утверждению специалистов Российского этнографического музея, *«головодцы были распространены в Вельском уезде Архангельской губернии и в Тотемском уезде Вологодской губернии»* [4, с. 61]. Сегодня аналогичные головодцы с одинаковым рисунком вышивки находятся в собраниях Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника и Тотемского музейного объединения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Добужинский, М.В.* Воспоминания.– Москва, 1987.

2. *Билибин, И.Я.* Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Ленинград. 1970 год.

3. Материалы научно-практической конференции, посвященной 140-летию со дня рождения И.Я. Билибина.– Ивангород, 2016.

4. *Соснина, Н., Шангина, И.* Иллюстрированная энциклопедия. Русский традиционный костюм.– СПб., 2006.

Лобзова Раиса Викторовна,
ведущий научный сотрудник
Государственного научно-исследовательского института реставрации,
г. Москва;
Лисенкова Юлия Юрьевна,
кандидат искусствоведения, независимый исследователь,
г. Москва

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗРАЗЦОВ XVIII ВЕКА ИЗ ВЕЛИКОГО УСТЮГА

В 2022 году на базе Государственного научно-исследовательского института реставрации было проведено исследование состава и технологии изготовления декоративной керамики второй половины XVIII века, поступившей от частного лица из Великого Устюга. Данное исследование является продолжением проведённого ранее технико-технологического изучения великоустюжских изразцов конца XVII – первой половины XVIII веков, фрагменты которых были отобраны с фасадов Спасо-Преображенского собора (1689–1696), собора Иоанна Устюжского (около 1713)[38], Сретенско-Мироносицкой церкви (1714–1722) и церкви Николы Гостунского (1720-е гг.). Результаты исследования этих фрагментов комплексом естественно-научных методов были доложены на конференции, опубликованы в отчёте и статьях [1; 2; 3; 4].

В данной работе рассмотрены фрагменты красноглиняной керамики второй половины XVIII века, относящиеся к группе гладких расписных керамических изделий. Это облицовочная плитка (ВУс-1) с растительным орнаментом в виде закрученного тонкого стебля с листьями и цветами, выполненным зелёной и фиолетовой красками по белой с зеленоватым оттенком поливе, с зелёной живописной рамкой по периметру; печной изразец (ВУс-2) с отступающей от края румпой, с расположенной на белом эмалевом фоне растительным орнаментом в виде ветки с листьями, цветами

[38] Сам собор был возведен в 1663 г. Около 1713-го года датируются ремонтные работы в храме, в результате которых окна южного фасада и алтарной апсиды получили изразцовые обрамления. Данные фрагменты и были предоставлены на экспертизу.

А) Фрагмент облицовочной плитки ВУс-1.
Б) Облицовочная плитка из коллекции ВУИАХМЗ

и ягодами, выполненными зелёной и фиолетовой красками. Аналоги данным фрагментам находятся в коллекции Великоустюгского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (ВУИАХМЗ), в печном комплекте из дома купца С. И. Захарова (ВУМЗ-23927, ВУМЗ-23928)[39].

А) Фрагмент изразца ВУс-2. Б) Изразец из коллекции ВУИАХМЗ

[39] Приносим глубокую благодарность научному сотруднику отдела хранения фондов ВУГИХМЗ Л. А. Скупченко.

Исследования проводились в ГОСНИИР комплексом методов оптической микроскопии с помощью стереомикроскопа Leica EZ4 D (Германия) и поляризационного микроскопа Olympus (США), и аналитической электронной микроскопии (СЭМ и ЭДРС) сканирующего электронного микроскопа Hitachi TM4000 Plus с приставкой для энергодисперсионного микроанализа Quantax 75 (Bruker). Для минералого-петрографического анализа были сделаны прозрачно-полированные шлифы. Основное внимание было уделено изучению микроструктуры и элементного состава проб и прозрачно-полированных шлифов. Характерные особенности облицовочной плитки ВУс-1: фон – белая полива, роспись – зеленая и фиолетовая краски, черепок красный, и изразца Вус-2: фон – белая полива, роспись – зеленая и фиолетовая краски, черепок красный, приводятся ниже.

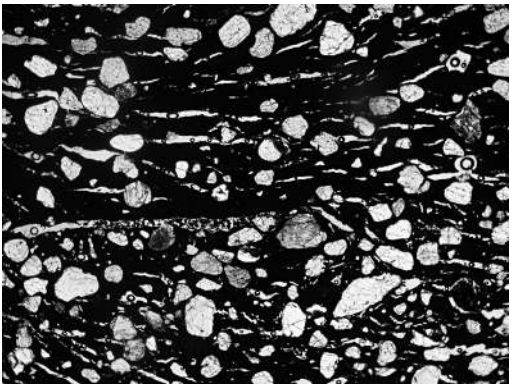
Для сравнения керамической основы (черепка) фрагментов был исследован фрагмент румпы красноглиняного изразца XVIII в.[40]

Керамическая основа. Состав и структура. Петрографические исследования фрагмента облицовочной плитки (ВУс-1) показали, что черепок пористый, слоистой текстуры, в минеральном составе песчаной примеси помимо несортированных зерен кварца от мелких фракций до крупных отмечается наличие полевого шпата и метаглинистых стяжений. По данным ЭДРС в составе черепка содержание кремнезема колеблется в узких пределах (норм. масс. %) – 53.5–56.4, глинозема – 19.5–21.5. В суммарном содержании оксидов щелочных элементов – 9–11 преобладает оксид калия; щелочных земель – 5.7–6.3, при преобладании оксида кальция (5.2–8.3) над оксидом магния (0.5); оксидов железа в пересчете на FeO – 1.2–2.7, в тонкозернистом участке оно возрастает до 10.5%. В этом же участке отмечается наличие оксида титана – 0.4%. Высокое содержание оксида калия (7.6–11.0%) свидетельствует о наличии в первичном составе глины гидрослюдистого компонента. В черепке, в зоне между черепком и поливой, обнаружена примесь свинца, не превышающая 5%. Наличие свинца свидетельствует о некотором перераспределении этого плавня и обогащении им зоны контакта черепка поливы. В этом же промежуточном слое среди включений, кроме кварца, обращает внимание материал с высоким содержанием оксида титана.

Черепок изразца (ВУс-2) отличается от черепка плитки цветовыми оттенками: красный цвет с оранжевым оттенком краевой

[40] Черепок от рельефного изразца устюжского производства XVIII в. предоставлен из частной коллекции Ю. Ю. Лисенковой.

части более светлый, постепенно сменяется более темным. Структура черепка (лицевой пластины и румпы) слоистая, неоднородная, микропористая, с большим количеством крупных кварцевых зерен отощителя. Кроме кварца и полевого шпата в качестве отощителей обнаружены мелкие стяжения охристого и темно-коричневого цвета – реликты неоднородного состава первичной глины (метаглины). Состав керамической массы алюмосиликатный: содержание (в норм. масс. %) кремнезема от 48.5 до 62.3, глинозема – 13.2–18.7. Суммарное содержание оксидов щелочных элементов 3–4, при незначительном преобладании оксида калия (2.4–4.2) над оксидом натрия (0.9–1.6), оксидов щелочных земель 6.5–10 при близком их количественном соотношении. Характерно наличие оксида титана (0.7–5.6) и значительная концентрация оксидов железа (7.1), что обуславливает красный цвет черепка при обжиге. По составу данный черепок от состава черепка плитки отличает относительно высокая магнезиальность. Выявлена примесь фосфора и свинца.

Структура черепка лицевой пластины и румпы. Различное количество отощителя и разная ориентировка микропор удлиненной формы. Прозрачно-полированный шлиф изразца ВУс-2. Поляризационный микроскоп Olympus-BX-51 (США), без анализатора

Анализ черепка румпы (ВУс-3) показал, что общая тенденция состава основных породообразующих элементов сохраняется: содержание кремнезема (норм. масс. %) – 54.3, глинозема – 19.0, оксидов железа – 8.4, суммы оксидов щелочных элементов 5, при преобладании оксида калия (3.6) над оксидом натрия (1.4), суммы щелочно-земельных элементов 10.5 при близком соотношении извести к магнезии. Особенности черепка состоят в наличии сульфата и повышенном общем содержании оксида кальция. По содержанию окислов состав черепка румпы близок черепку исследованных образцов.

Сравнение данных с результатами исследования фасадных изразцов показало близость керамических масс. Так, во всех образцах

наблюдалась песчаная примесь, составляющая по объему 50–60%. Сама керамическая масса – красножгущаяся, алюмосиликатная. Слоистость наблюдалась в образцах из Никольской церкви и Сретенско-Мироносицкой. Как и в исследуемых образцах второй половины XVIII века, в элементарном составе фрагментов конца XVII – первой трети XVIII века кремний (11–23) преобладает над алюминием (2.7–11.5), калий (1.7–3.0) – над натрием (0.7–2.3), кальций (1.7–11.21) – над магнием (1.1–3.3), содержание железа колеблется (3.1–7.3), характерна примесь титана (0.2–0.5) [2, с. 128–129].

Подобные вариации состава отражают неоднородное строение залежей красножгущихся глин – сырья для керамического производства. В пределах Великого Устюга и его окрестностей известны залежи красной глины с подобными характеристиками (например, Красная горка). Сходность всех составов позволяет предположить, что при изготовлении этих керамических изделий использовалась глинистая масса местного происхождения, которую, вероятно, и использовали в керамическом производстве.

Поливы[41] **и красочный слой. Состав и свойства.** У обоих образцов были исследованы пробы декоративного слоя, представленные белой непрозрачной поливой фона, зеленой и фиолетовой красочной росписью с разной интенсивностью цвета.

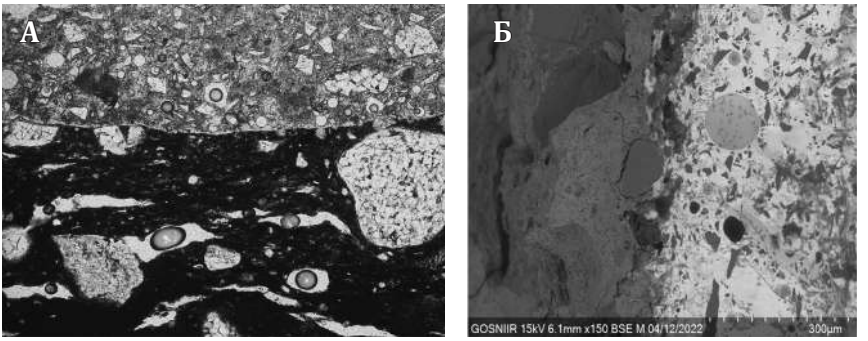
Толщина поливы облицовочной плитки (ВУс-1) составляет доли миллиметра. Красочный слой – тонкий; его текстура неоднородна, микрозернистая. На поперечном сколе белой поливы фона, в толще, видны пузырьки газов – округлые поры, равномерно распределенные по всей толще поливы.

Основой состава поливы является кремнезем и свинцовый плавень. В целом, по площади, содержание оксида свинца и кремнезема близкие (норм. масс. %) – 44.6 и 46.6. Но в некоторых участках соотношение кремнезема и оксида свинца различаются, с превышением последнего практически в 1.5 раза.

Щелочные добавки, вводимые для снижения температуры плавления стекольной массы, представлены соединениями натрия и калия с преобладанием последнего: оксида натрия – 0.6–1.3, оксида калия – 1.5–2.8 (в некоторых спектрах по точкам доходит до 5.6). В составе глазури присутствуют соединения щелочноземельных элементов – кальция и магния, с повышенным содержанием оксида кальция.

---

[41] Глазурью называют цветное или бесцветное стекловидное покрытие поверхности изделия керамики, закрепленное обжигом.

А) Контакт поливы и черепка. Крупные зерна кварца в черепке и мелкие в поливе. Круглые поры в поливе и тонкие удлиненные в черепке. Прозрачно-полированный шлиф изразца ВУс-2. Поляризационный микроскоп Olympus-BX-51 (США), без анализатора; Б) Микроструктура контакта черепка и поливы. СЭМ-изображение участка пробы 6 изразца ВУс-2

Цвет зеленой глазури обусловлен медью (2.7). Для фиолетовой глазури хромофором является марганец (1.5), в одной из точек спектра до 10.6.

Содержание олова колеблется от 3 до 5.4, распределение в массе поливы непостоянно, что видно на СЭМ-изображениях.

Полива изразца (ВУс-2) неоднородная, пятнистой микроструктуры с включениями различной формы, размеров и ориентировки, с округлыми порами от маленьких до крупных, в отличие от тонких удлиненных пор в черепке.

Составы поливы на изразце и на плитке близкие. Это натрий-калий-свинцово-силикатное стекло с варьирующим содержанием олова в пределах первых процентов 5.5–5.9. Суммарное содержание оксидов щелочей чуть 1.5–1.7 при преобладании калия. Примесь глинозема (1.4–2.1), оксида кальция (2.1) и оксидов железа (0.4–1.2) несколько ниже, чем в облицовочной плитке. Красящий компонент в зеленой части поливы – медь (1.2), в фиолетовой полосе марганец.

Таким образом, глазури исследуемых образцов относятся к классу свинцово-кремнеземных стекол – традиционному на данной стадии технологической изученности плавню различных центров производства. И если особенность поливы устюжских изразцов XVII–XVIII веков заключалась в составе хромофор, отличных от других производственных центров [1, с. 15], то в настоящих

образцах хромофоры – медь и марганец – являются традиционными для окраски эмалей в России в XVIII веке [5, с. 70].

В целом, проведённое исследование позволяет с большой вероятностью отнести данные керамические изделия к Великому Устюгу, являвшемуся в XVIII веке одним из центров изразцового производства. Дальнейшее технологическое изучение керамики из Великого Устюга вместе с определением источников сырья, с петрографическим анализом керамической основы и химическим анализом поливы позволит дополнить историю местного производства, выделив особенности, характерные для отдельно взятого региона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ярош, В. Н., Лобзова, Р. В., Магазина Л. О.* Исследование и технологии изготовления изразцов фасадного декора храмов XVII–XVIII вв. города Великий Устюг. Отчёт. М., 2010.

2. *Лобзова, Р. В., Ярош, В. Н.* Петрографические исследования изразцов фасадного декора храмов Великого Устюга // Вестник Российского университета дружбы народов.– М., 2011.– № 1.– С. 217–131.

3. *Ярош, В. Н., Лобзова, Р. В.* Технологические особенности поливных изразцов в архитектурном декоре храмов Великого Устюга // Экспертиза и атрибуция объектов изобразительного и декоративно-прикладного искусства: материалы XV–XVI науч. конф. ГТГ.– М., 2014. С. 309–314.

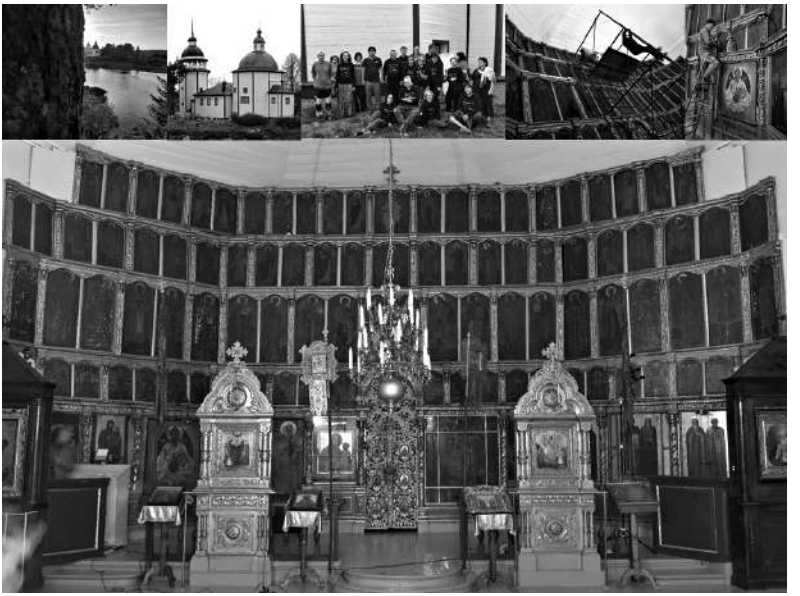
4. *Лобзова, Р. В.* От Москвы до Устюга: особенности состава и строения поливной керамики // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России. Т. 2.– Омск, 2021. С. 138–142.

5. *Раковский, Д. О.* Печные изразцы XVIII века с надписями в собрании Государственного Русского музея // Народное искусство: материалы и исследования: сборник статей. Вып. 5 / Государственный Русский музей.– СПб, 2005. С. 67–80.

Антропова Ирина Анатольевна,
Журавлева Анастасия Ивановна,
Максименко Жанна Аркадьевна,
Сирро Сергей Владимирович,
Торопов Вячеслав Юрьевич,
Государственный Русский музей,
г. Санкт-Петербург

ИНТЕРЬЕР ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНИЯ ВАЖИНСКОГО ПОГОСТА НА МАТЕРИАЛАХ ОБСЛЕДОВАНИЯ 2022 ГОДА[42]

Церковь Воскресения Важинского погоста Подпорожского района Ленинградской области является одной из самых известных и изученных деревянных культовых построек Присвирья [1]. Однако ее интерьер никогда не становился предметом отдельного иссле-

Иконостас ц. Воскресения Важинского погоста. Фото В.Ю. Торопова, 2022

[42] Исследование стало возможным благодаря поддержке гранта «Экспедиция по берегам р. Свирь и волонтерские выезды на объекты культурного наследия» Губернатора Ленинградской области. Также сердечно благодарим Арину Георгиевну Носкову за оказанную помощь в изучении памятника.

дования, несмотря на то, что в храме, построенном в 1630 году, на своем историческом месте до настоящего времени остаются три иконостаса. Первый из них, деревянный резной золоченый пятиярусный иконостас был поставлен по заказу прихожан государственным крестьянином Острочинской волости Петрозаводского уезда Петром Филипповым в 1817 году[43]. Еще два объединенных резных двухъярусных иконостаса появились при перестройке храма и организации отдельных приделов (Ильинского и Никольского) в 1872–1874 годах[44]. Исполнителями стали художник Постемский[45], писавший иконы, и выступивший в качестве резчика Терентий Глазухин[46]. Кроме того, в конце XIX века в убранство Воскресенского храма были включены несколько ставов с иконами, некогда стоявших в иконостасах других погостских церквей. Большой исторический интерес представляет и храмозданная надпись[47], расположенная ныне на стенах по периметру паперти храма [1, с. 51–53]. Упомянем также хранящиеся в подклете церкви фрагменты резного иконостаса, принадлежащего, предположительно, Богоявленской церкви, разобранной в 1880 году.

Богатый церковной живописью, в том числе древними и историческими памятниками, интерьер храма давно требовал внимания исследователей и реставраторов. Участие в гранте губернатора Ленинградской области позволило специалистам Русского музея, используя современные технические возможности и оборудование, впервые комплексно обследовать внутреннее убранство Воскресенской церкви[48].

Приоритетной задачей стало изучение уникального для этого региона главного храмового иконостаса, остающегося малоизвест-

---

[43] ЦГИА. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 6. Л. 73–73 об. Предположительно, этот иконостас сменил первоначальную тябловую конструкцию, существовавшую с момента постройки храма.

[44] ЦГИА. Ф. 2124. Оп. 1. Д. 75.

[45] Вероятно, речь идет о Савве Васильеве Постемском (1825–1894), санктпетербургском художнике. Он закончил Академию художеств в 1857 г., получив звание художника в 1858 г. [2, с. 413]. Известны его работы для многих церквей в Санкт-Петербурге [3] и за его пределами: Выборге, Доложске [4, с. 178].

[46] Осташковский художник и резчик Терентий Евгениев Глазухин известен по нескольким работам в г. Осташкове [5, с. 45].

[47] На данный момент надпись состоит из 7 неравномерных по длине фрагментов. Общая ее длина – ок. 12 м. Первоначальное местоположение ее точно неизвестно. Предположительно, надпись находилась между рядами тяблового иконостаса [1, с. 53].

[48] Три двухдневные экспедиции состоялись летом и осенью 2022 года. В группу входили все авторы статьи, являющиеся сотрудниками разных подразделений ГРМ: искусствовед, художник-реставратор, химик, инженер, фотограф.

ным даже для знатоков древнерусского искусства[49]. На сегодняшний день резной Важинский иконостас сохранил свою историческую конструкцию начала XIX века, состоящую из местного[50] (10 икон, Царские и пономарские врата), праздничного (22 иконы), деисусного (21 икона), пророческого (24 иконы) и праотеческого (22 иконы) рядов. Он занимает три грани десятерика, закрывая не только алтарь, но и примыкающие к нему с обеих сторон стены. Общая ширина иконостаса – 12 м, высота – 6,5 м.

Отметим, что данные об иконах Важинской церкви в литературе практически отсутствуют, а в неопубликованных архивных документах они назывались памятниками то XVII, то XIX веков[51]. Важно понимать, что высота иконостаса серьезно затрудняет осмотр икон выше праздничного ряда, а сильно потемневший покровный лак делает практически невозможным обозначение всех чиновых образов. В связи с этим в описаниях сотрудников музеев и надзорных органов Ленинградской области приводилось лишь общее количество икон, без их названия.

С помощью переносных строительных лесов появилась возможность добраться до каждого образа всех пяти рядов иконостаса. Первоочередной задачей стало фотографирование икон в видимом диапазоне (с использованием длиннофокусного объектива), в инфракрасной области спектра, а также в ультрафиолетовом диапазоне. Инфракрасные фотографии, совместно с обработкой методом цветоделения изображений, выполненных в видимом диапазоне, позволили прочитать под толстым слоем потемневшего лака имена святых в верхнем живописном слое, а в некоторых случаях обнаружить и наличие нижележащих надписей. Таким образом, впервые были определены названия всех икон (вопрос вызывает только один образ из праотеческого ряда), входящих в состав сохранившегося Важинского Воскресенского иконостаса (см. Приложение).

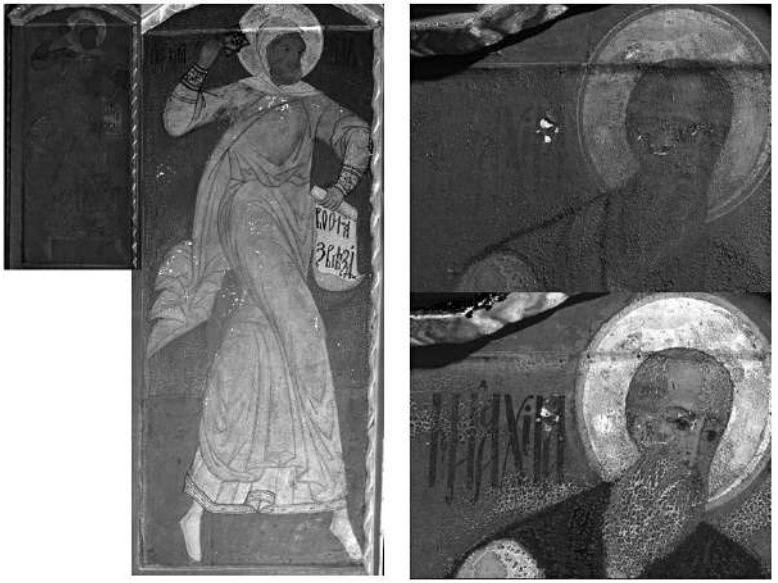
[49] Исключение составляет нескольких образов местного ряда, хранящихся в собраниях Русского музея [6, с. 79, 126] и Эрмитажа [7, с. 7, 386–388].

[50] Очевидно, что сейчас местный ряд состоит из разновременных икон, часть из которых, возможно, была принесена из утраченных Важинских церквей. Вопрос их происхождения может стать темой отдельного исследования.

[51] НА ОДРИ ГРМ. Отчет экспедиции в ЛО по выявлению произведений древнерусского искусства. Подпорожский район. 1962 г.; НА Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. Ед. хр. 122-11 (Акт инвентаризации культурных ценностей, находящихся в пользовании Воскресенской церкви п. Важины Курповского сельсовета от 21.09.1982 г. (С приложениями 1–3).

Схема иконостаса ц. Воскресения. Сост. И. А. Антропова, В. Ю. Торопов

Съемка в ИК диапазоне иконы «Пророк Валаам».
Использование метода цветоделения на иконе «Пророк Малахия».
Фото В. Ю. Торопова

Визуальный осмотр доступных памятников местного и праздничного чинов вкупе с качественными фотографиями верхних ярусов помогли установить степень повреждения икон и сделать их подробное описание. Также стало возможным выделить из 100 икон, находящихся на сегодняшний день в иконостасе, 30 памятников, характер отслоения красочного слоя которых требует проведения неотложных консервативных мероприятий.

Однако, помимо определения сюжета и состояния сохранности каждой иконы, важнейшими все же остаются следующие вопросы: являются ли образы верхних ярусов памятниками, созданными для первого храмового иконостаса (т. е. относятся ли к 1630 г.); представляют ли чиновые иконы единый ансамбль или были собраны из разных комплексов; могут ли они быть отнесены к одной художественной традиции?

Иконы, стоящие выше местного ряда, находятся под записью, поэтому поиски иконографических аналогий и стилистический анализ не позволяют однозначно ответить на вопрос времени создания памятников. В этом случае большой фактический материал могут дать естественнонаучные методы. Физические (РФА), оптические (поляризационная микроскопия) и химические (качественный анализ методами микро- и гистохимии) исследования ряда икон, проведенные в рамках экспедиции, позволили зафиксировать наличие грунта как на основе гипса, так и на основе мела. Примечательно, что в некоторых случаях меловой левкас служит перегрунтовкой. Тонкий красочный слой на основе протеинового связующего выполнен с использованием традиционных для древнерусских памятников материалов; в масляном живописном слое определяется ряд пигментов, датируемых не ранее XIX в. В проанализированных пробах присутствует как клеевое серебрение, так и масляное золочение, что дает основание предполагать наличие поновлений и в металлизированных разделках.

Таким образом, на сегодняшний день архивные и технико-технологические данные не противоречат предположению, что иконы из тяблового иконостаса были перемещены во второй иконостас, однако поставленные вопросы требуют дополнительных исторических и естественнонаучных изысканий.

Еще одной задачей экспедиции стало исследование храмозданной летописи. При ее фотофиксации в инфракрасной области спектра была обнаружена нижележащая надпись, с достаточной точностью воспроизведенная в слое записи. Техника и материалы более раннего слоя (протеиновое связующее, свинцовые белая и красная, кость жженая) не противоречат данным, относимым к XVII веку,

Фрагменты храмозданной надписи в ИК диапазоне. Фото В.Ю. Торопова

как и некоторые характерные особенности ряда хорошо видимых в ИК диапазоне букв (или их фрагментов), выявленные в результате палеографического исследования[52]. Это позволяет с большей уверенностью полагать, что время создания первого текста может совпадать с указанной в нем датой.

Определение названия всех образов сохранившегося иконостаса стали первым этапом комплексного изучения интерьера уникального памятника деревянного зодчества. Дальнейшие исследования и систематизация полученных данных о технике и материалах внутреннего убранства Важинского Воскресенского храма станут большим вкладом в изучение иконописного наследия Русского Севера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Носкова, А.Г.* Георгиевская церковь в Юксовичах и Воскресенская в Важинах: неизвестные страницы истории известных памятников // Деревянное зодчество. Новые материалы и открытия: вып. VI. / Отв. ред. А.Б. Бодэ.– СПб.: Коло, 2018. С. 239–259 (с литературой).
2. *Собко, Н.П.* Словарь русских художников. Т. 3, вып. 1.– СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899.
3. Санкт-Петербург. Энциклопедия. [электронный ресурс] URL: http://www.encspb.ru/object/2804682624?lc=ru4 (дата обращения: 28.12.2022).
4. *Андреев, Е.А.* Краткие историко-статистические сведения о церквях и приходах Гдовского уезда. Из записок крестьянина Ефима Андреева // Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Приложение III. Вып. X.– СПб. 1885.
5. *Успенский, В.П.* Описание Осташковского Знаменского женского монастыря.– Тверь: тип. Губ. правл., 1890.
6. *Смирнова, Э.С.* Живопись Обонежья XIV–XVI веков.– М., 1969.
7. *Косцова, А.С.* Древнерусская живопись в собрании Эрмитажа.– СПб., 1992.

[52] Сердечно благодарим Анну Александровну Макарову, проанализировавшую надпись.

Иконостас Воскресенской церкви в Важинах		
I. Местный ряд		
1. Богоматерь Тихвинская 2. Богоматерь с младенцем, в рост 3. Отечество 4. Ап. Петр и Павел 5. Дверь. Архидиакон Стефан 6. Богоматерь Тихвинская 7. Царские врата	8. Сошествие во ад 9. Крещение 10. Св. Александр Невский и св. Мария Магдалина 11. Избранные святые, в рост 12. Св. Илья Пророк и Св. Николай	
II. Праздничный чин		
1. Рождество Богоматери 2. Воздвижение креста 3. Покров 4. Введение во храм 5. Рождество Христово 6. Крещение 7. Сретение	8. Благовещение 9. Воскрешение Лазаря 10. Распятие 11. Вход в Иерусалим 12. Снятие со креста 13. Положение во гроб 14. Сошествие во ад 15. Уверение Фомы	16. Жены-мироносицы у гроба 17. Преполовение 18. Вознесение 19. Троица 20. Сошествие Святого Духа 21. Преображение 22. Успение Богоматери
III. Деисусный чин		
1. Мученик Георгий 2. Варлаам Хутынский 3. Зосима Соловецкий 4. Иоанн Златоуст 5. Василий Великий 6. Илья Пророк 7. Иоанн Богослов	8. Апостол Петр 9. Архангел Михаил 10. Богоматерь 11. Отечество 12. Иоанн Предтеча 13. Архангел Гавриил 14. Апостол Павел	15. Евангелист Лука 16. Григорий Богослов 17. Николай Чудотворец 18. Савватий Соловецкий 19. Александр Свирский 20. Алексей человек Божий 21. Мученик Дмитрий
IV. Пророческий чин		
1. Пророк Иона 2. Праотец Иафет 3. Праотец Иов 4. Пророк Софоний 5. Пророк Наум 6. Пророк Фарес 7. Праотец Иосиф 8. Пророк Валаам	9. Праотец Авиуд 10. Пророк Аввакум 11. Пророк Малахия 12. Царь Давид 13. Богоматерь на престоле 14. Царь Соломон 15. Праотец Иессей 16. Пророк Самуил	17. Пророк Даниил 18. Пророк Илия 19. Пророк Исайя 20. Пророк Иезекииль 21. Пророк Елисей 22. Пророк Захария 23. Пророк Иеремия 24. Праотец Сим
V. Праотеческий чин		
1. Князь Глеб 2. Софроний архиепископ Иерусалимский 3. Праотец Енох 4. Праотец Аарон 5. Праотец Ной 6. Праотец Мельхиседек 7. Праотец Иаков	8. Пророк Иаов 9. Пророк Моисей 10. Праотец Авраам 11. Праотец Адам 12. Саваоф 13. Праматерь Ева 14. Праотец Авель 15. Праотец Иисус Навин	16. Праотец Иосиф (?) 17. Пророк Гедеон 18. Праотец Иуда 19. Праотец Лот 20. Праотец Сиф 21. Праотец Исаак 22. Князь Борис

Филимонов Владимир Альбертович,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Память Поколений», доцент кафедры связей с общественностью и рекламы Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Республика Коми;
Иванов Фёдор Николаевич,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Память Поколений», доцент кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Республика Коми

«КНИГА ПАМЯТИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ» КАК КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Для сохранения национальной идентичности в современной России важное значение имеет поддержание исторической памяти о Великой Отечественной войне. Одной из форм её коммеморации являются общероссийская и региональные Книги Памяти, посвященные участникам войны 1941–1945 гг. Ключевые особенности региональных Книг проявляются в двух аспектах – ориентированности только на свой регион и активном участии местной общественности в их создании, что в очередной раз показывает ярко выраженное региональное измерение истории, которое в современной социокультурной ситуации подвергается научной рефлексии [1; 2; 3; 4]. В Республике Коми Книга Памяти развивается с 2017 г. на базе Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина как коммеморативный социально ориентированный мультимедиа интернет-проект, что подразумевает научный подход к его форме и содержанию. В данном случае необходимо ответить на вопрос, в какой мере подобный проект может являться краеведческим и какое это имеет для него значение.

Устоявшееся определение понятия «краеведение» раскрывается как *«изучение природы, населения, хозяйства, истории и культуры какой-либо территории («края») или объекта ... главным образом силами местного населения»* [5]. Следовательно, в этом отношении наш проект является краеведческим. В то же время, очевидно, что речь в данном случае идёт о локусе. Как показали С. И. Маловичко

и М. Ф. Румянцева, в структуре современного знания по истории локуса выделяются три направления – историческое краеведение, региональная история и новая локальная история, главное отличие между которыми заключается в том, что если историческое краеведение представляет из себя социально ориентированную форму исторического знания, то региональная и новая локальная истории являются уже формами научного исторического знания [3, с. 9].

Под историческим краеведением обычно понимается *«изучение истории какого-нибудь края... предприятия, учреждения, ... местного ... сообщества и т.д., производимое преимущественно силами местных или находящихся в рамках местных традиций исследователей»* [6, с. 235]. А. М. Пашков выдвигает 4 важнейшие характеристики исторического краеведения: *«1) локальный характер объекта исследования; 2) возможность проведения исследований на непрофессиональном уровне; 3) проведение исследований преимущественно местными жителями, либо ... исследователями, ... находящимися ... в рамках местной традиции...; 4) относительно массовый и независимый от официальных властей характер, что делает историческое краеведение не только явлением исторической науки, но и общественным движением...»* [6, с. 235–236].

Проверим, в какой мере наш проект соответствует или не соответствует приведенным характеристикам. Во-первых, мы, действительно, изучаем локальное сообщество фронтовиков, но не как таковое, а делаем это в связи с участием его представителей в значимом историческом событии общегосударственного масштаба и вне границ региона. Во-вторых, наш проект нацелен на сохранение исторической памяти об участниках войны, то есть является социально ориентированным по своей природе. Это подразумевает как создание возможности для населения региона реализовать свою потребность в сохранении семейной истории (как верно подметил С. О. Шмидт, *«настоящее краеведение – это всегда любовь к краю»* [7, с. 12]), так и формирование базы данных о фронтовиках для хранения, репрезентации и трансляции полученных сведений в общественную среду. Здесь и открывается широкая возможность для использования в проекте исследований по семейной истории, выполненных на непрофессиональном уровне, они важны для нас тем, что в них содержатся зачастую уникальные сведения о персоналиях.

В то же время, в случае работы непрофессиональных историков есть немалый риск создания некачественных исследований,

причина чего, как критично заметил С. А. Гладких, заключается в том, что *«методология современного любительского краеведения стоит на «трёх китах»: это провинциализм, провиденциализм и негационизм»* [2, с. 17–18]. Следовательно, прежде чем информация от населения попадёт в базу данных, она должна пройти через научную историческую экспертизу, которая в нашем случае организована через университетский научно-образовательный центр «Память Поколений».

В-третьих, хотя исследования в рамках проекта проводятся и местными силами, нельзя сказать, что мы находимся в рамках местной традиции: для работы привлекаются вполне себе типовые с точки зрения источниковедения источники как из центральных архивов и электронных баз данных, так и региональных и семейных архивов.

В-четвёртых, сам проект поддерживается и финансируется государством, но при этом одним из наиболее плодотворных способов сбора контента оказался краудсорсинг, когда выстроенная через площадку в социальной сети «ВКонтакте» информационная работа с целевой аудиторией проекта – жителями Республики Коми – создала такой уровень взаимодействия с ней, что люди самостоятельно и активно присылают свои материалы о родственниках-фронтовиках. Этот относительно массовый и независимый от официальных властей канал информации позволяет сохранять более полный образ Великой Отечественной войны, в котором одновременно присутствуют государственный и общественный дискурсы.

Необходимо обратить внимание ещё и на такой аспект: С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцева определяют историческое краеведение как *«область социальной деятельности, целью которой является обеспечение локальной коммеморации, формирование социальной памяти локуса и обеспечение на этой основе локальной идентичности»* [3, с. 9]. Проект «Книга Памяти Республики Коми», действительно, выполняет все эти задачи (за счет сбора, хранения и репрезентации данных о фронтовиках), но, поскольку раскрывает проблематику участия жителей региона в событии общегосударственного масштаба, работает как на формирование локальной идентичности малого (Республика Коми) и большого (Российская Федерация) локусов, так и на укрепление связей региона со всей страной.

Наконец, проект «Книга Памяти Республики Коми» связан так же и с научными формами исторического знания об истории локу-

са. В первую очередь, это сбор, научная экспертиза и сохранение массива данных об участниках войны, создание депозитария исторических источников по проблеме. На основе собранных сведений в базе данных можно проводить научное исследование различных сюжетов, связанных с тематикой проекта. Так, авторы данного доклада на примере Героя Советского Союза Василия Павловича Кислякова изучили проблему транзита исторической памяти от пропаганды к коммеморации [8].

Таким образом, реализуемый на основе научного подхода локальный интернет-проект, связанный с сохранением памяти об истории участия жителей региона в масштабном общегосударственном событии, является краеведческим. Однако, его характеристики при всем сходстве ряда из них (социальная ориентированность, направленность на локальную коммеморацию и формирование социальной памяти локуса, привлечение непрофессиональных исследователей на этапе сбора данных) не позволяют однозначно его атрибутировать как проект по историческому краеведению (научный подход к отбору, организации и репрезентации контента, опора на исторические источники, не являющиеся по своей форме и сути сугубо локальными, ориентированность на изучение участия представителей локального сообщества в общегосударственном событии). Такая амбивалентность не препятствует успешному решению собственно краеведческих задач проекта. Более того, научный подход к организации и наполнению базы данных делает возможным использование её контента для проведения исследований в форматах региональной и новой локальной историй.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Келлер, Л. И.* Современное краеведение (конец XX – начало XXI в.): теоретические аспекты, центры и формы изучения // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». Т. 9.– 2022.– № 1 (33). С. 107–115.

2. *Гладких, С. А.* О методологических основах современного любительского краеведения (на примере движения краеведов «Северное трёхречье») // Известия Общества изучения Коми края.– 2017.– № 1.– С. 16–26.

3. *Маловичко, С. И., Румянцева, М. Ф.* Терминологические проблемы истории изучения локуса // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания: сб. ст. и материалов Всерос. науч. конф.– Ижевск: Удмурт. ун-т, 2012. С. 3–10.

4. *Стрельникова, Н. В.* Электронный краеведческий ресурс как способ продвижения краеведческой деятельности библиотеки в социальном

пространстве (на примере интернет-проекта «Дети в эвакуации. Кировская область 1941–1945») // Культура: теория и практика. 2020. № 3 (36). [электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-kraevedcheskiy-resurs-kak-sposob-prodvizheniya-kraevedcheskoy-deyatelnosti-biblioteki-v-sotsialnom-prostranstve-na (дата обращения: 25.12.2022).

5. Краеведение // Большая российская энциклопедия. [электронный ресурс] URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2105499 (дата обращения: 25.12.2022).

6. *Пашков, А. М.* Краеведение историческое // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян.– М.: Аквилон, 2014. С. 235–237.

7. *Шмидт, С. О.* «Краеведение – дело, значение которого не может быть преувеличено» // Памятники Отечества.– 1989.– № 1. С. 12–18.

8. *Филимонов, В. А., Иванов, Ф. Н.* Мифогероическое конструирование как коммеморативная практика // Будущее нашего прошлого-7: Историческая память и коммеморативные практики. Материалы международной научной конференции. 26–27 ноября 2021 г.– М.: РГГУ, 2022. С. 156–163.

Раздел IV

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО СЕВЕРА

Дидковская Наталья Александровна,
кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии,
начальник Медиацентра ЯГПУ им. К.Д. Ушинского,
г. Ярославль

СИМВОЛИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ РУССКОГО СЕВЕРА: МЕТАПРОСТРАНСТВО И ЭСТЕТОСФЕРА

Роль символических ресурсов в актуальной практике социокультурного проектирования территории огромна. Феномен пространственного образа изучается сегодня вариативно и широко: философский, филологический, естественно-географический, социологический научный дискурс и культурные практики осваивают различные измерения метапространства. Непосредственно понятие «образ» развивает имажинальная география как междисциплинарное научное направление в рамках гуманитарной географии [1], а также «мифогеография» [2].

Д. Н. Замятин отмечает, что эстетосфера наиболее репрезентативна для изучения феноменологии географических образов: *«Фиксируемые на феноменологическом уровне представления о фундаментальных географических образах являются критерием уникальности культуры»* [3, с. 18]. Показателен процесс формирования в сознании и пространственном восприятии человека внутренней географии пространства, в которой *«сами образы, символы, мифы пространства конструируются, размещаются, соотносятся в метапространстве, создавая всё новые и новые метапространственные конфигурации. По мере развития культуры в процессе человеческой деятельности географическое пространство всё в большей степени осознаётся как система (системы) образов»* [3, с. 384]. Можно сказать, что эта система сама по себе имеет статус отдельного, особого и универсального комплекса культурных ресурсов, готовых к «употреблению».

Географические образы, взаимосвязанные между собой, могут формировать целые когнитивные системы (метасистемы),

из которых генетически формируется культурный ландшафт, а в содержательном плане – локальные, пространственные мифы. *«Можно сказать, что посетители социокультурных мероприятий любого плана сегодня идут не на строгую и фактологически доказанную историко-культурную информацию или «сценарии», а, скорее, на привлекательные пространственные образы, отражающие феномены интересующей их культуры. Именно здесь находится источник формирования базовых потребительских мотивов. Именно системой географических образов, связей между ними, выраженных, например, в мифах и легендах территории, можно привлечь сегодня значительное число посетителей. В этом аспекте речь идёт не только об особых, в чём-то виртуальных образах территории, но и о её конкурентном преимуществе»* [4].

В каждом регионе, муниципалитете, поселении, безусловно, обитают, пусть и локальные, но уникальные мифы, легенды, привлекательные сюжеты и образы, которые могут существенно изменить стратегию культурного развития этих территорий.

Символические ресурсы региона, их состав и образы, формируемые под влиянием мифов и легенд региона, являются важнейшим фактором развития культуры и туризма той или иной территории и обязательной составной частью регионального культурного продукта. Мифы и легенды в значительной мере определяют специфику и тематику развития культуры в регионе, направления и развитие ведущих культурных проектов: *«Каждому региону России и муниципалитету важно составить кадастр символических ресурсов, который в дальнейшем может стать объективной основой для разработки региональных долгосрочных концепций и программ по развитию культуры и туризма; краткосрочных стратегий по разработке эффективных социокультурных продуктов. Использование символических ресурсов — это значимый и в то же время малозатратный маркетинговый способ привлечения гостей в регион как в целом, так и по календарному плану социокультурных мероприятий»* [4].

Гуманитарный потенциал территории может рассматриваться двояко. С одной стороны, это видение государственных и общественных структур, полиморфное, узкоотраслевое и, при этом, явно переоцененное. С другой стороны, это реальный гуманитарный потенциал, питающий региональную идентичность, центрирующийся на мифологии места, образах и символах территории, соотносящихся в метапространстве. Этот потенциал зачастую уязвим под влиянием массовой культуры, но, вместе с тем, в силу

первородности и глубинности мифологического начала, чрезвычайно устойчив к воздействию внешней среды.

Качественное соотнесение изначально возникших внутри индивидуума образно-мифологических конструкций с набором мифов, легенд и интересных фактов, которые он получил, обнаружил, усвоил в качестве значимой для себя информации становится устойчивой основой позитивного бренда территории: *«Бренд не просто миф, а обещание реализации желаемых переживаний, волшебная история о магическом артефакте, обладание которым открывает дверь в царство мечты. И легендирование, связанное с брендингом, не просто формирует некий семантический контент турпродукта, а является месседжем, ответом на чаяния, надежды, мечты»* [5, с. 16].

Так формируется туристская легенда (миф) – управляемый и динамичный комплекс маркетинговой информации, разработанный на основе имеющихся туристских ресурсов территории, истории ее формирования и развития, эпосов, фольклора, культурных ландшафтов, которые продуцируют образы географического пространства и типичные метасистемы с целью достижения конкурентного преимущества, привлечения в регион потенциальных туристов и обретения статуса бренда [6].

В аспекте символических ресурсов образ Русского Севера неисчерпаем. Он неизменно привлекает внимание ученых, творцов, православных богословов. В последние десятилетия к нему все активнее обращаются политологи в поисках цивилизационной идентичности России, географы, развивающие на его основе новые представления о культурном ландшафте, социологи, пытающиеся использовать его для реконструкции исторической памяти народа, значительно ослабевшей в постперестроечное время. Образ Севера востребован обществом и выступает как объективная реальность. Этот образ формируется в результате соединения рационального опыта и художественного восприятия.

В традиционной культуре объективные характеристики и художественное восприятие образа Русского Севера не разделялись, а имевшаяся научная информация (традиционные знания) органично соединялись с художественным восприятием. На этом, например, построена выразительная поморская топонимика: *«У поморов сложились образы «Зимнего берега» и «Летнего берега» Белого моря, в которых отражены временные особенности их использования, а также образы природы, воспринимаемые как «зима» или «лето». Позднее использование объективных и художественных*

характеристик все чаще разделялось и было ориентировано на разных потребителей конечной информации. Рациональный образ Русского Севера, возникший в советский период, отличается от ранее сформированных. Акценты смещаются: снижается идентифицирующая роль северной природы, появляется гипертрофированный образ человека – властелина природы. Исчезает духовная составляющая образа Русского Севера, стирается его «русскость». Север предстает как ресурсная кладовая, сырьевой придаток центральной России, «покоренная стихия», «ничейная земля», которую надо осваивать» [7].

Духовные искания, порождаемые ситуацией развивающегося социально-экологического кризиса, в наше время актуализируют метафизический образ Севера как гиперборейской прародины человека, северной Шамбалы. Центр ее помещается на Кольский полуостров. Пересматриваются (правда, пока дилетантами) теории оледенения, происхождения человека, исторические события и т. п. для изыскания объективных характеристик, обеспечивающих этот гиперборейский образ. Мистический образ Русского Севера с успехом используется и в рациональных целях – для привлечения туристов, для обоснования идеи единой «циркумполярной» цивилизации.

Образ Русского Севера активно формирует эстетосфера. Можно сказать, что, прежде всего, литература и живопись культивировали подлинную мифологию Русского Севера. Творчество Ивана Шмелева, Бориса Шергина и Степана Писахова, Николая Клюева и Николая Рубцова, Федора Абрамова и Василия Белова, Ольги Фокиной и Владимира Личутина, ряд произведений Михаила Пришвина, Юрия Германа, Юрия Казакова, Евгения Евтушенко, Николая Тряпкина составляет Северный текст русской литературы, формирует одухотворенный образ Русского Севера. Благодаря этим произведениям «рациональный» образ Русского Севера, возникший в начале XX в., насыщается мифопоэтическим содержанием.

То же можно сказать и о живописном воплощении Русского Севера. Галерея полотен художников конца XIX – начала XX века создает образ безлюдного края с дикой природой, наделенной гордой, непокоренной красотой. Иван Шишкин, Иван Билибин, Исаак Левитан, Виктор и Апполинарий Васнецовы, Николай Рерих, Василий Верещагин, Константин Коровин, Валентин Серов, Василий Переплётчиков, Константин Васильев «говорят» на богатом, сказочном, экзотично прекрасном и, одновременно, сдержано суровом языке северного искусства. В середине XX века образная галерея

Русского Севера пополняется работами П. Никонова, Н. Андронова, В. Стожарова и многих других живописцев и иллюстраторов. «Звучит» Русский Север в многоголосье колокольных звонов, поморских распевов и «географических песен», многочисленных фольклорных коллективов, с разной степенью аутентичности вторящих народной музыкальной культуре.

Индустриализация Русского Севера в XX в. не смогла разрушить его мифопоэтический образ, подкрепленный мощной эстетосферой. Метатекст Русского Севера и сегодня остается одним из символов России. В переломные эпохи «деформации» смыслов, идеологии, верований люди стремятся обрести символический психологический ресурс в старинных мифах и легендах, создающих образ их территории, их места. В мифологии места они ищут новую методологию жизни и этническое самоопределение, пытаясь выработать механизмы противодействия или гармонизации своего «Я» с массовой культурой.

Главной проверкой качества вовлечения символических ресурсов и выбранных базовых мифов и легенд в социально-культурную деятельность будет укрепление региональной идентичности и активизация потребительского мотива, увеличение туристических потоков на конкретную территорию. Символические ресурсы, ставшие реальным потребительским продуктом – это подлинное конкурентное преимущество для территории, которая способна даже при скромных финансовых возможностях создавать привлекательный образ региона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Замятин, Д. Н.* Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Общественные науки и современность.– 2010.– № 4.– С. 128–138.

2. *Митин, И. И.* Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов.– Смоленск: Ойкумена, 2004.– 158 с.

3. *Замятин, Д. Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов / Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Дихачева; Российский государственный гуманитарный университет.– М.: Знак, 2006.– 487 с.

4. *Ширинкин, П. С.* Символические ресурсы в социально-культурной деятельности: аспект вузовской подготовки кадров. [электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/simvolicheskie-resursy-v-sotsialno-kulturnoy-deyatelnosti-aspekt-vuzovskoy-podgotovki-kadrov/ (дата обращения: 25.12.2022).

5. *Тульчинский, Г.Л.* Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре.– СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2013.– 280 с.

6. *Ширинкин, П.С.* Туристское легендирование: региональные аспекты (Пермский край) / Перм. гос. акад. искусства и культуры.– Пермь, 2014.– 136 с.

7. *Красовская, Т.М.* Образ Русского Севера: особенности формирования в современной географии и искусстве. [электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-russkogo-severa-osobennosti-formirovaniya-v-sovremennoy-geografii-i-iskusstve/ (дата обращения: 25.12.2022).

Лемак Анна Юрьевна,
учитель русского языка и литературы
МОУ «СОШ № 1», г. Вологда

СВЯЗЬ ЧЕЛОВЕКА И РОДИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.М. РУБЦОВА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА СТИХОТВОРЕНИЯ «ПРИВЕТ, РОССИЯ»)

Поэзия – это источник духовного самоутешения не только для автора, но и для читателя. Именно с помощью поэзии возможно осознать самого себя, посмотреть на свои отношения с окружающим миром по-новому.

Поэзия Н.М. Рубцова привлекает своей простотой и, казалось бы, незамысловатыми сюжетами стихотворений. Но так ли это на самом деле?

Цель данной работы – показать связь человека и Родины в поэзии Н. Рубцова на примере анализа стихотворения «Привет, Россия».

Поэзия Н.М. Рубцова духовна. Она интуитивна и строится на любви к Родине. Именно поэтому сегодня, как никогда, его поэзия актуальна: она воспитывает зрелую, нравственную личность, формирует творческого читателя, который черпает силы у себя дома, на родине, когда находится в мире родной природы.

При описании окружающего мира, мира Родины, поэт показывает внутренний мир лирического героя, поскольку в душе человека Н. Рубцов видит способность устанавливать связь с Богом. Лирический герой Рубцова доверяет душе и готов следовать за ней безотлагательно:

Но я пойду! Я знаю наперёд,
Что счастлив тот, хоть с ног его сбивает,
Кто всё пройдет, когда душа ведёт,
И выше счастья в жизни не бывает!

О личности Н. М. Рубцова и его стихах писали многие исследователи, в том числе В. Бараков, В. Дементьев, В. Кожинов, В. Коротаев, А. Ланщиков, В. Оботуров, В. Солоухин.

Так, В. И. Гусев считает, что в поэзии Н. Рубцова «господствует размеренное чувство, а не порыв и экспрессия, свойственные массовому сознанию нашего времени», «ощущение великой исторической переходности» [1].

В свою очередь, Л. Томашова говорит о стремлении Н. Рубцова «противопоставить разрушительным диссонансам войны гармонию мирной жизни»: в его поэзии наблюдается не просто «созерцательное раздумье», а живое участие во всём, что совершается вокруг; в этом и заключается главное отличие художественного мира Рубцова [2].

Судьба России – главная тема творчества Н. М. Рубцова. Она неразрывно связана с судьбой личности, души, поскольку сила человека – в его единстве с миром. Рассмотрим, как эта тема раскрывается в стихотворении «Привет, Россия», как поэт выстраивает в нём связь между человеком и Родиной.

В стихотворении «Привет, Россия» (1960) автор с удивлением и восторгом отмечает, как чудесна и прекрасна Родина. Россия – благословенное место, целый мир, по которому так скучал автор. Чувство душевного спокойствия, которое он здесь ощущает, помогает ему переосмыслить свои духовные ценности: ему не нужны слава и богатство, ведь это чувство душевного спокойствия и умиротворения нельзя купить ни за какие деньги.

За все хоромы я не отдаю
Свой низкий дом с крапивой под оконцем.
Как миротворно в горницу мою
По вечерам закатывалось солнце!

Уже в первой строфе звучит идея святости родной земли, ощущается её связь с космосом, с миром, со всей Вселенной. Чувство Родины – это чувство Бога:

И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое...

Много повидал на своём веку лирический герой: «ветер гнал меня по ней, / по всей земле», но остановился он только здесь, в том месте, где начался его Путь,– на Родине. Он понимает, что именно здесь, дома, никакие бури, никакие сложности не страшны. Потому что именно на этой земле он черпает силы для жизни, для вдохновения, именно здесь он счастлив.

Самое дорогое для лирического героя – «овины у жнивья», «изба в лазурном поле», холмы, «низкий дом с крапивой под оконцем», «горница», «простор небесный и земной», «достославная старина». Всё это приносит ему счастье и покой, поскольку здесь сокрыта великая сила, которая так необходима человеку для того, чтобы он жил**:** в стихотворении используются восклицательные предложения «родина моя!», «как под твоей мне радостно листвою!», «по вечерам закатывалось солнце!», «и ликовал под ливнями и зноем!».

«Образы близкие – образы «малой родины», проникнутые бесконечной любовью «к моим лугам, где травы я косил», в поэзии Рубцова не замыкаются в себе, в локальном художественном пространстве, они органично связаны с просторами России, со всей природой, миром, Вселенной. Вот почему именно так сказал поэт: «С каждой избою и тучею, / С громом, готовым упасть, / Чувствую самую жгучую, / Самую смертную связь //» [3].

Лирический герой ощущает себя частью своей страны. Его переполняет любовь ко всему, что его окружает, ему не хватает слов для выражения своих чувств, эмоции его переполняют, не всё возможно воплотить в слова, поэтому в конце первого и пятого четверостишия используется многоточие. Вот ради чего стоит жить! Вот к чему лежит его сердце! Вот оно счастье – быть дома!

«Каждая строка стихотворения поэта дышит любовью к родине, хотя эта любовь не декларируется. Голос природы и истории в стихотворениях естественно сливаются – в этом и есть гармония, хотя явный пейзаж отсутствует: поэт не ставил перед собой чисто изобразительных задач» [4].

В стихотворении «Привет, Россия» лирический герой и окружающая его природа – единое целое. Он наслаждается, сливается с ней, застывает. Видит каждую деталь природы и одновременно чувствует себя её частью. Подмечает малейшие изменения и радуется тому, что видит.

Для Рубцова характерны необычная лиричность поэзии, музыкальность строк; одушевлённость неодушевлённого; неразрывная связь с родиной: это корни, благодаря которым живёт человек. Простота и народность стихотворений создаются с помощью эле-

ментов разговорной речи, именно поэтому «совершенная и простая форма его стихов созвучна русской душе» [5, с. 9].

Таким образом, Н. Рубцовым поднимаются темы, которые характерны для настоящей России – поиск себя и своего места в мире, способы самовыражения, отношения с природой и Родиной. Описывая чувство радости и единения с природой, лирический герой благодарит за это свою Родину. Ощущение счастья переполняет его. Особенностью лирики Рубцова является глубина в простоте. В этом он следует традициям А. С. Пушкина.

По мнению исследователей, в настоящее время поэзии Николая Рубцова в школьных программах не отводится должное место одного из наиболее значительных поэтов второй половины XX века. Необходимо пробуждать интерес к поэзии Николая Рубцова в школах, техникумах, вузах, воспитывать в подрастающем поколении чувство Родины, учить любить её, поскольку его лирика духовно близка подросткам и юношеству. Читатели-подростки, познакомившись с творчеством поэта, не остаются равнодушными.

«Именно личностно значимое чтение ведёт по пути саморазвития и самопознания. «Способность человека целостно воспринимать окружающее, видеть себя в этом... сложном мире предопределяет его осознанную, целенаправленную деловитость, организованность и творческий потенциал, его веру в самого себя. Развитие этих ценных качеств во многом зависит от эстетически грамотной близости человека к подлинному искусству, от его потребности общаться с ним на личностном уровне». Образовательные учреждения – фундамент, на котором строится будущее, это то, что открывает путь в самостоятельную взрослую жизнь. Школы и высшие учебные заведения должны помочь растущему человеку встать на верный путь самосовершенствования под влиянием истинного искусства и, прежде всего – национальной классической литературы» [6].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гусев, В.И.* Стиль и авторская позиция писателя (советская поэзия и проза 60–70-х годов): Дис. ...д-ра филол. наук.– М., 1982.

2. *Томашова, Л.* Эстетико-нравственное своеобразие и актуальность поэзии Николая Рубцова // Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук [электронный ресурс]. URL: https://rubtsov-poetry.ru/critica/timashova1.htm (дата обращения: 28.12.2022).

3. *Скепнер, Л.С.* «Пусть душа останется чиста»: (лирика Николая Рубцова) / Л.С. Скепнер // Словесное искусство Русского Севера в литературном

образовании и развитии школьников: кн. для учителя / Л. С. Скепнер.– Архангельск, 2002. С. 207–222. [электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/rubtsov/metod9.htm (дата обращения: 28.12.2022).

4. *Бондаренко, М. А.* Поэзия Николая Рубцова в школе: уроки по творчеству Николая Рубцова в ст. классах // Бондаренко М. А. // Литература в школе.– 1998.– № 8.– С. 99–104. [электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/rubtsov/metod3.htm

5. *Бондаренко, В.* Неожиданное чудо Рубцова.– М., 1998.

6. *Тимашова, Л.* Поэзия Николая Рубцова в восприятии современных читателей // Тимашова Л. Исследования о жизни и творчестве Николая Рубцова: сб. докл. и сообщ. участников науч.-практ. конф. «Рубцов.чтения» / Департамент культуры Вологодской области [и др.].– Вологда, 2005. С. 88–94. [электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/rubtsov/metod2.htm

Раздел V

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Черненко София Сергеевна,
студентка 3 курса отделения культурологии
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет».
Научный руководитель – ***Пугач Иван Васильевич***,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

КАЛЕНДАРНЫЙ ЦИКЛ И ТОПОГРАФИЯ БРАКОВ В ВОЛОГДЕ В 1620/21 ГОДУ

Период конца XVI – первых двух десятилетий XVII века в Отечественной истории носит название «Смутного времени». Выбор такого эпитета можно объяснить сложностью социально-экономической жизни, массовой гибелью людей, масштабными разрушениями того времени. Северные уезды, в том числе Вологда, сильно пострадали в этот период. В Вологде были разрушены и опустошены более половины посадских и иных городских дворов [1]. Вследствие этого город в первой половине XVII века находился на этапе восстановления хозяйства.

Семья для человека того времени являлась фундаментом, опорой существования, прежде всего выполняла хозяйственные функции, являлась одним из универсальных органов управления человеком [2, с. 56]. Крестьянин не способен в одиночку справиться с распашкой земли, уходом за домашним скотом и различной промысловой деятельностью; учитывая то, что хозяйственные занятия имели чёткую гендерную привязку, создание семьи становилось определяющим фактором в жизни человека, а вступление в брак – центральным событием жизненного пути. Таким образом, можно заключить, что брак и брачность являлись важнейшим фактором существования натурального посадского хозяйства, экономического и демографического восстановления города в первой половине XVII века.

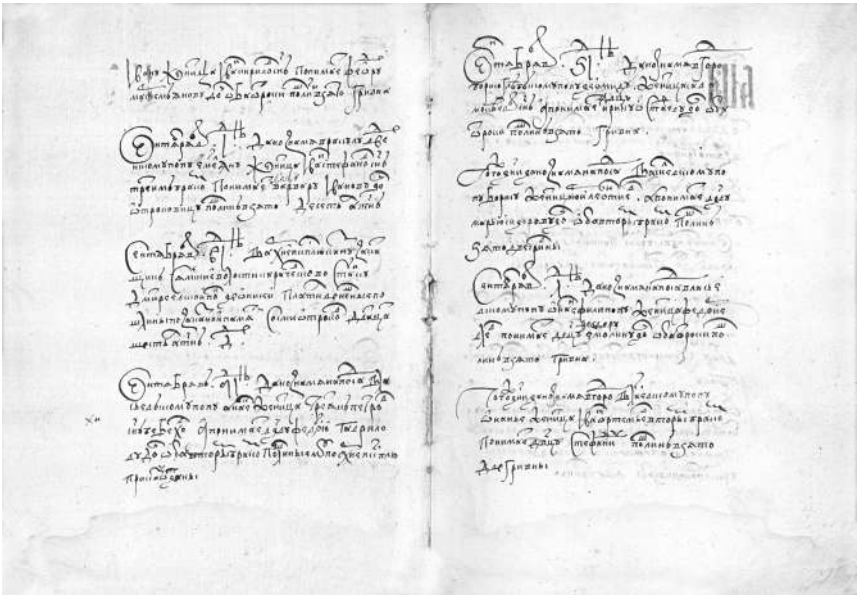
Информация о количестве и динамике браков в городе Вологде в указанное время представлена в архивных документах

Государственного архива Вологодской области – Приходо-расходных книгах Вологодского архиерейского дома. На материалах, находящихся в самой ранней из них – за 1620–21 год [3] – основана данная работа.

Необходимо отметить, что изучаемая книга является учётно-финансовым документом, который фиксирует доходы Вологодского архиерейского дома в виде венечных пошлин. Данная приходо-расходная пошлинная книга охватывает территорию всего Вологодского уезда, но в настоящей работе рассматривается только территория города Вологды.

Исследуемый документ позволяет рассмотреть многие вопросы, касающиеся брака и брачности в начале XVII века, но в данной работе рассматриваются только два вопроса: динамика заключения браков относительно календарного годового цикла и их распределение в городской топографии.

В записях приходо-расходной пошлинной книги указаны дата получения венечной памяти, приход и имя попа, которому она выдавалась, имена жениха и невесты, их статус (отрок, двоеженец, троеженец). Также в данном источнике представлена информация о размерах венечных пошлин, которая позволяет выявить их за-

Приходо-расходная пошлинная книга. Л. 2 об. – 3.

висимость от того, какой это брак по счёту у жениха или невесты. Например:

«Сентября в 16 день дано знамя в город борисоглебскому попу Деомиду, женитца Сава Мокеев сын, а понимает девицу Ирину Остафьеву дочь, оба отроки, пошлин взято гривна.

Того ж дни дано знамя на посад васильевскому попу Борису, женитца Юрий Леонтиев, а понимает вдову Марью Сидорову дочь, оба вторым браком, пошлин (в)зято две гривны.

Сентября в 30 день дано знамя на посад власьевскому попу Онанье Филипову, женитца Федор Иевлев, понимает девицу Феодору Ермолину дочь, оба отроки, пошлин взято гривна.

Того ж дни дано знамя в город власьевскому попу Онанье, женитца Иван Ортемьев вторым браком, понимает девицу Стефаниду, пошлин взято две гривны».

Топографически город Вологда в данном документе обозначен городом (под этим термином понимается территория, находящаяся внутри каменной стены, выполнявшей функцию защиты), посадами – Верхним, Нижним и Заречным (посад – это территория, находящаяся за пределами крепостных укреплений, где было сосредоточено торгово-ремесленное население города), слободами – Архиепископлей, Ивановской, Рассыльцкой, Гонной, Ямской, Охотней, Кирилловской (слобода – территория, жители которой пользовались временными льготами в уплате налогов и отбывании других повинностей).

Следует учитывать, что до XVIII века, в том числе и в 1620–21-х годах календарный и финансовый год начинался 1 сентября. По нашим подсчетам, с сентября 1620 по август 1621 года был заключён 141 брак, из них наибольшее количество браков было заключено на посадах – 80 браков [3, л. 2–59].

После посада второе место по количеству записей о браке занимает город – 44 брака [3, л. 2–59].

На третьем месте по числу браков находится Архиепископля слобода – 7 браков [3, л. 8, 9, 26, 30, 36, 51, 57 об.]. В источнике она упоминается в двух разных названиях – Архиепископля слобода и Владышня слобода. Находилась она на левом берегу Вологды, справа от современного пешеходного моста, где сейчас находится храм Николая Чудотворца. Четыре брака было заключено в Ямской слободе [3, л. 2 об., 9 об., 19, 30]. В Ивановской слободе записано два брака [3, л. 23 об.]. В Рассыльнической и Гонной слободах – по одной записи о заключении брака [3, л. 23 об., 4].

Данные источника позволяют определить также наименование приходов и имена священников, которыми заключался брак. Одними из самых крупных, по числу заключённых браков, являлись Мироносицкий приход (церковь Иоанна Златоуста 1664 года, находится на набережной, напротив Софийского собора), там было заключено 11 браков (поп Фёдор) [3, л. 6 об., 25, 27, 28, 29, 33, 37, 43, 46 об., 56 об.] и Благовещенский приход (приход основан не позднее XVII в., в начале XVII в. Благовещенская церковь не облагалась данью, поэтому в окладной книге 1618 г. не указана, церковь упоминалась в документах 1627 года, находилась на улице Малой Благовещенской, совр. улица Батюшкова), в нём было заключено 7 браков (попы Фёдор и Мокей) [3, л. 23 об., 27, 43 об., 44 об., 45 об., 47, 57].

Датировка заключения браков тесно коррелирует с церковным и аграрным календарём. Наиболее значительное количество браков заключено во второй половине января – 33 брака – феврале – 22 брака [3, л. 17 об. – 39 об.] – это более чем треть всех браков (39%). Это можно объяснить двумя факторами, один из которых – окончание Рождественского поста и ожидание начала Великого поста: православная традиция налагает строгий запрет на заключение браков в течение длительных постов. Также в указанный период года крестьяне, как правило, не испытывали серьёзной загруженности сельскохозяйственными работами и имели возможность посвятить время празднованию свадеб.

Второй значительный подъём количества заключаемых браков зафиксирован в конце октября – 11 браков – начале ноября – 13 браков [3, л. 3 об. – 12 об.], что объясняется завершением сезона хлебоуборочных работ и отсутствием многодневного поста. В связи с окончанием сбора урожая у крестьян появилось свободное время, в которое они могли заключить брак, а также имелись материальные возможности для проведения празднества и угощения гостей.

Высокий уровень заключения браков отмечается в апреле – 21 брак [3, л. 42–48], которые приходятся на период после окончания Великого поста. По данным работы Петра Васильевича Хавского «Месяцословы, календари и святцы, русские: в трех книгах» [4] Пасха в 1621 году приходилась на 1 апреля, соответственно, люди старались успеть заключить брак после окончания Великого поста, но до начала сельскохозяйственных работ.

Совсем не зафиксировано заключения браков в конце ноября – декабре – в указанный промежуток времени продолжается Рожде-

ственский пост (с 15 ноября по 25 декабря по старому стилю), и в марте – как правило, в это время длится Великий пост (время Великого поста зависит от переходящего праздника Пасхи и поэтому не имеет устойчивых календарных дат, но продолжительность его вместе со Страстной седмицей всегда 48 дней).

Также отсутствуют записи о браках в июне, что, учитывая климатические особенности региона, может быть связано с наиболее напряжённым периодом земледельческих работ – земледелие в то время являлось основой жизнеобеспечения, а также с двухнедельным Петровым постом (начинается через неделю после праздника Святой Пятидесятницы и продолжается до 29 июня по старому стилю).

Не заключались браки в первой половине августа – объяснением служит длящийся с 1 по 14 августа по старому стилю Успенский пост.

На каждый из остальных месяцев приходится 7–11 случаев заключения брака.

Таким образом, книга прихода венечных пошлин Вологодского Архиерейского дома позволяет выявить динамику заключения браков на протяжении всего календарного года, установить их соответствие православному и аграрному календарю или годовому календарному циклу, а также определить топографию и частотность браков по районам города Вологды и городским приходам. Можно заключить, что Приходо-расходная пошлинная книга Вологодского Архиерейского дома – важный источник для изучения повседневной и демографической жизни русского феодального города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Вологодские епархиальные ведомости.– № 21.– 1881. С. 377–378.

2. *Лещенко, В. Ю.* Русская семья (XI–XIX вв.): Монография.– СПб.: СПбГУТД, 2004.– 604 с.

3. ГАВО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 2. Приходо-расходная пошлинная книга Вологодского Архиерейского дома.

4. *Хавский, П. В.* Месяцословы, календари и святцы русские: В 3 [!4] кн. / Соч. хронол. и ист. Петра Хавского, д. чл. Моск. о-ва истории и древностей рос. ... – 2-е изд. Кн. 1–4.– Москва: Унив. тип., 1856–1860.– 1 т.; 23.

Лобашева Арина Сергеевна,
студентка 2 курса отделения культурологии
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет».
Научный руководитель – ***Якушева Людмила Алентиновна***,
кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

СОЦИАЛЬНЫЕ ФОТОПРОЕКТЫ ВОЛОГОДСКИХ АВТОРОВ: О. ЗАЖИГИН, А. КИРИЛОВСКИЙ, М. ТРАПЕЗНИКОВ

Данная статья посвящена рассмотрению творчества современных вологодских фотографов, которые работают на стыке социологии (исследования среды) и фотоискусства (авторского видения) в формате социальных фотопроектов. Идеологическую основу данного жанра определяет какая-либо социальная проблема, требующая разрешения: привлекается внимание к некой «теневой» стороне современного общества или освещается что-то забытое, близкое к утрате – то, что по мнению фотографа необходимого зафиксировать, запечатлеть во времени.

Олег Зажигин. Этот фотограф работает в жанре исторической фотореконструкции, соединяя две эпохи на снимках вологодских улиц. Вдохновителем вологжанина стали снимки Сергея Ларенкова, фотохудожника из Санкт-Петербурга, который одним из первых в России, в начале 2000-х стал работать в подобной технике, которую он именует таймерографией. Таймерография создается по принципу фотоколлажа, из совмещения двух кадров в рамках одного снимка. Особенностью ее является то, что для объединения берутся фотографии одного места, но из разных времён – прошлого и настоящего. Сложность работы заключается в нахождении точного ракурса, откуда был сделан исторический кадр, дабы удалось идеально точно сопоставить снимки. Жанр снискал огромную популярность у пользователей сети со всего мира, находя последователей во всех уголках России, став своеобразной франшизой в области современной фотографии.

Олег Зажигин сделал свою первую работу в жанре таймерографии в 2017 году. На свежих кадрах фотохудожника новостройки, современные празднества, техника соседствуют с ретроснимками, на которых запечатлены утерянные церкви, бытовые сцены из общественной жизни, транспорт прошлого. Художник подбирает идейно похожие фотографий сюжетно или/и композиционно, благодаря чему снимки являются очень ценными и занимательными,

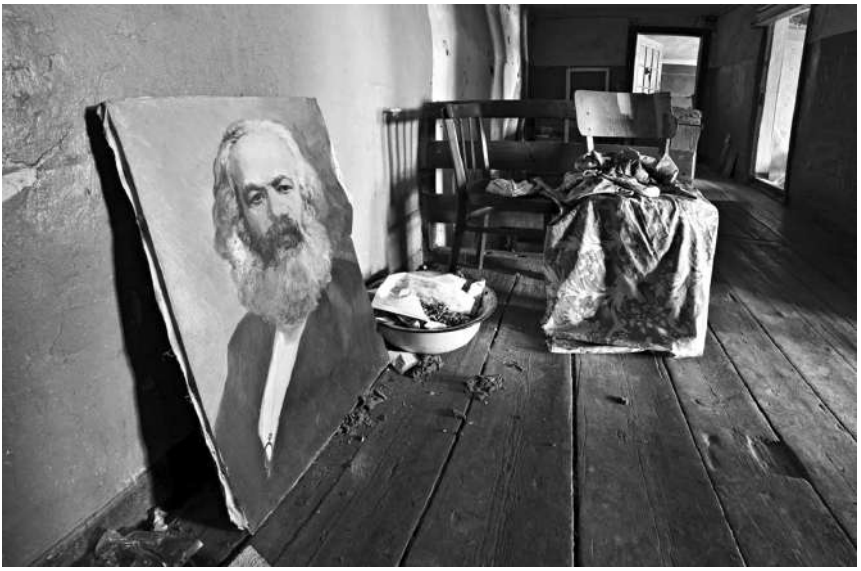
Прошлое и настоящее Вологды в объективе Олега Зажигина

не только с исторической точки зрения, но и, как полноценные художественные произведения. Например, «Железнодорожный вокзал. Фото 1900-х и 2017 года» и «Наводнения на ул. Чернышевского (Б. Архангельская)», где современным электропоездам и автомобилям, едущим по ровному асфальту, противопоставляются паровозы и конная повозка, пробирающаяся сквозь огромные лужи. Или работа «Молебен 1892 года и празднование Дня города в 2015 году», в которой демонстрируется разница мировоззрения горожан, особенности принципов их единения в городской среде.

Проект Олега привлёк внимания историков, краеведов, журналистов. Были выпущены краеведческие книги – «Вологда в объективе времени» (2018) и «Вологодская область. Душа Русского Севера» (2020), основу которых составили фотоколлажи Зажигина. Первая работа вошла в тройку призеров конкурса «Вологодская книга – 2018» в номинации «Лучшая книга о Вологодской области». Логичным продолжением «шествия» данного социального фотопроекта была бы идея физического размещения фотографий на баннерах городских улиц. У горожан и гостей города появилась бы возможность наблюдать историю привычных мест на прогулках, по дороге на работу, из окон своих квартир, что позволило бы охватить и познакомить с прошлым Вологды более широкую аудиторию, продемонстрировав, что история может быть представлена и в таком современном, технологичном формате.

В настоящее время данные предложения уже рассматриваются городской администрацией.

Алексей Кириловский. Проект, составленный из фотографий, сделанных в поселке Куркино «Здесь был рай», я бы назвала остросоциальным. Фотохудожник запечатлевает обычный день в Куркино, повседневность местных жителей. Здесь и пёстро одетые весёлые старушки, уютно сидящие на покосившихся, побледневших лавочках без нескольких досок. Детвора, свободно гуляющая во дворах с самых ранних лет. Мужчина, старательно косящий тра-

А. Кириловский. Фотопроект «Здесь был рай»

ву на придомовой территории. Старенькие, но проверенные временем автомобили, стоящие рядом с подъездами. Заброшенные дома без стёкол в окнах и пустующие уже немало лет. Всё это на фоне местной достопримечательности – усадьбы дворян Рязановых 19 века и русской северной природы, её бескрайних полей. Алексей не боится социальных контрастов на своих фотоснимках, демонстрирующих спящих прямо на земле посреди улицы мужчин. Во всем этом нуаре есть и обратная сторона. Сам фотохудожник охарактеризовал село следующей фразой: «Время в Куркино словно замерло». И это очень верное описание данного места, поскольку посещение посёлка предоставляет шанс попасть в другое, прошлое

время – советское, или даже еще глубже – дореволюционное. От современности здесь – только первоклассная техника в руках нашего современника.

Михаил Трапезников – ещё один известный вологодский фотохудожник, член Союза фотохудожников России. Широкой публике он известен своими коммерческими съемками фотосессий, оформлением глянцевых изданий. Но Михаил является автором достаточно большого количества интереснейших социальных фотопроектов. Одним из них является «Дом живой».

Вологда известна в России как город резных палисадов и деревянных особняков, однако фотограф не только восхищается городской архитектурой, оконными наличниками и резными деталями, он стремится показать «душу» исторической постройки, поведать историю его хозяев, их семей. Отсюда и название «Дом живой», отвергающее мысль об исключительно предметном восприятии реальности, а заявляющее о том, что Дом – это больше, чем строение, это – отдельно взятый организм. Жилых деревянных домов, имеющих историческую ценность, в городе осталось не так много – около тридцати, потому их фиксирование на фотоснимках представляется ещё более ценным и необходимым.

«Дом живой». Проект М. Трапезникова

Первоначально Михаил запечатлевает фасады домов, их внешний парадный облик. Он выбирает такие ракурсы (в основном, ракурс «снизу»), которые ещё больше подчеркивают их красоту и величественность, их яркость (в том числе, благодаря выбранным броским цветам для покраски домов) и необычность на фоне окружающей их среды – без шансов меркнущей в сравнении с представителями вологодского деревянного зодчества. Затем мы переходим во двор домов, видя их непарадную сторону, скрытую от быстро брошенного взгляда прохожего. Здесь взору открываются следы жизнедеятельности дома, доказательства его одушевленности и долгих лет жизни. Это и различные доски, мелочи, оставшиеся после ремонта, цветочные горшки, вёдра и другие «пожитки». Весь фотопроект «Дом живой» является неким сравнением с человеком, проведением метафорических параллелей на тему человеческой жизни. Конечно, сердцем дома являются его хозяева, которые также запечатлены Михаилом на фотографиях. Так например, жительницей солнечно-жёлтого «Дома Красильникова» по улице Благовещенской является экскурсовод, основатель экскурсионного бюро «Вокруг да около» Екатерина Хоботова. Михаил Трапезников запечатлел Екатерину и в рамках другого своего социального фотопроекта – «100 историй», в котором он рассказывает об интересных жителях города Вологды, в том числе и о Кате.

«100 историй» Михаила Трапезникова. Екатерина Хоботова

Девушка представлена на снимке в уютном пальто спокойных оттенков, с естественной лёгкой улыбкой на лице, вселяющей умиротворение и радость. В сочетании с фоном, на котором – солнечный зимний день, яркий золотистый фасад «Дома с виноградом» – от снимка исходит тепло, уют и мягкая энергетика гармонии.

Одним из хозяев другого дома, рассматриваемого Михаилом в рамках фотопроекта «Дом живой», является вологодский поэт, музыкант, драматург, научный сотрудник Вологодской областной картинной галереи – Андрей Таюшев. Он проживает в «Доме Давыдова» цвета морской волны, построенном в редком для Вологды стиле модерн. В ситуации с Андреем Таюшевым и домом чувствуется некоторая лиричность, таинственность и многозначность, что кажется очень органичным для поэта и его обители. Наблюдается удивительная взаимосвязь и взаимовлияние, наглядно продемонстрированное фотохудожником через свои работы. Примечательно, что Андрея также избирал героем своего социального фотопроекта под названием «В гостях у автора» другой вышеупомянутый вологодский фотохудожник А. Кириловский. Алексей похожим образом демонстрировал связь между творцом-поэтом и местом его проживания.

Резюмируя, хочется отметить, что социальные фотопроекты являются значимой частью общественной жизни Вологды. Они демонстрируются на интернет-платформах авторов (М. Трапезников, А. Кириловский), в социальных сетях (О. Зажигин), на традиционных вологодских осенних фотовернисажах, а могут быть представлены в качестве отдельных выставочных экспозиций («Простые вещи», «В гостях у автора» А. Кириловского).

Современный социальный фотопроект является результатом комплексного подхода фотохудожника, который умело совмещает актуальность, социальность и визуальную органичность предмета исследования. Не потерять при этом авторское видение, свой стиль, сохранить броскость композиции, возбуждающей у публики искренний интерес и способность вызывать эмоции, все это – признак профессионализма, реализуемого в данном формате.

Материал, представленный в подобных социальных фотопроектах, является ценнейший источником для исследователей различных областей знания (социологов, культурологов, историков, краеведов, этнологов, философов). Социально ориентированные проекты привлекают наше внимание не только из-за способа донесения информации, но и вследствие того, что обращаются к самой сути явления/проблемы, за которой скрываются живо-

трепещущие вопросы современности, требующие общественного резонанса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вологда в объективе времени / сост., предисл. Суханов Ф.А.; текст: Стариков Е.А.; фото, коллаж О.В. Зажигин, О.М. Узоров.– Вологда: Арника, 2020.– 95 с.

2. *Кудряшов, А.* В объективе времени // Газета «Вологда. РФ».– 1 июня 2022 года.– № 20 (268).

3. *Семенова, В.В.* Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: Учеб. пособие для студентов вузов / Ин-т социологии РАН.– М.: Добросвет, 1998.– 289 с.

4. *Штомпка, П.* Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник / пер. с польск. Н.В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н.Е. Покровский.– М.: Логос, 2007.– 168 с.

Лаврухина Софья Константиновна,
студентка 3 курса отделения культурологии
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет».
Научный руководитель – ***Якушева Людмила Алентиновна***,
кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

ИЗУЧЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА ТОТЕМСКИХ ХУДОЖНИКОВ Ф.М. ВАХРУШОВА И К.Г. АНДРЕЕВА

В Тотьме родилось немало талантливых художников, которые оставили значимый след в художественной культуре региона, поэтому в Тотемском музейном объединении активно занимаются изучением и популяризацией творчества своих земляков. Однако изначально от местного сообщества такого запроса не было. Со слов музейных сотрудников, горожане считают, что живопись является чем-то сложным и непонятным – элитарным. Согласно опросу о художнике Ф.М. Вахрушове, который проводился в 2020 году в рамках подготовки к выставке, среди молодёжи Тотьмы наиболее популярными ответами стали: «Вахрушов – пейзажист», «Вахрушов – тотемский художник», «Парк, названный в честь художника», «Вахрушов основатель краеведческого музея» [1]. Проанализировав данные, сотрудники ТМО решили отказаться от

академических выставок с линейной развеской, загруженностью искусствоведческой терминологией, посвящая больше времени художнику как личности. По похожему пути пошли музейные сотрудники и при создании выставки, посвящённой жизни и творчеству К. Г. Андреева.

Сопоставим эти экспозиции.

Ф. М. Вахрушов – уроженец Тотемской губернии. Как художник получил известность благодаря своим пейзажам. Родился он в 1870 году в мещанской семье М. А. и К. И. Вахрушевых. Помимо Феодосия Михайловича, в семье было ещё четверо детей. Приходилось нелегко: жили достаточно бедно. Одаренность и покровительство богатой купчихи Е. И. Хаминовой помогли Вахрушову отправиться в Санкт-Петербург постигать секреты художественного мастерства. В 1894 году он получил звание классного художника третьей степени. Обучение в классе И. Е. Репина сформировало его любовь к портретному жанру. В 1897 году Ф. Вахрушов получил диплом и свидетельство о праве преподавать рисование в средних учебных заведениях [2]. После он работал в штате профессора В. П. Верещагина, занимался росписью Киево-Печерской лавры на Украине. Вернувшись на малую родину, активно участвовал в жизни Тотьмы, часто изображал ее на полотнах, принимал участие в разнообразных выставках, воспевая родной край.

Ф. Вахрушов оставил очень большое наследие. В коллекции ТМО представлено около 1000 его работ. И хотя внушительную долю среди них занимают пейзажи, также отдельного внимания заслуживают академические и этнографические этюды, различные орнаменты, портреты и карикатуры. Интересной особенностью является то, что Феодосий Михайлович использовал обе стороны полотна. В двадцатые годы у него были сложности с приобретением художественных принадлежностей, поэтому всё чаще на холстах с готовыми работами использовалась и обратная сторона.

Первые шаги по сохранению памяти о художнике были сделаны вскоре после его смерти. В 1950 году, к 80-летнему юбилею, было положено начало проведению профессиональных выставок Вахрушова в Вологде. В 1960 году выходит первая книга о жизни и творчестве Вахрушова авторства С. Г. Ивенского (до выхода брошюры «Свобода быть собой» она оставалась единственной книгой, посвящённой художнику).

В шестидесятые годы тотемский Успенский сад стал носить имя Ф. М. Вахрушова. Вероятно, в это же время появилась первая

мемориальная табличка на доме, в котором проживал Вахрушов, в 2015 году, к 145-летию, мемориал был отреставрирован. В 2019 году была благоустроена пешеходная зона рядом с домом художника, которая получила название «Бульвар Дилакторских».

В 2020 году исполнилось 150 лет со дня рождения художника. Учёному секретарю ТМО М. Б. Правдиной была поручена инвентаризация коллекции работ художника. В результате работы было изучено, оцифровано и описано 980 ед. (899 – произведения, входящие в состав основного фонда, попутно выгружены в Гос. каталог, 81 ед. – научно-вспомогательного фонда), выявлены и введены в научный оборот 182 ранее не известные двусторонние работы, произведен анализ собрания, обозначены проблемы в атрибуции произведений Ф. М. Вахрушова [3]. Оформлением и проектированием выставки занималась заведующая художественно-оформительской мастерской О. Л. Егорова [4].

В 2020 году в Тотьме открылась выставка «Свобода быть собой». В рамках проекта демонстрировались сто живописных и графических работ, которые позволяли говорить о Ф. Вахрушове как об универсальном, многогранном художнике. Фотографии, автографы, семейные реликвии, документы, каталоги выставок, альбомы с зарисовками, образцами ткани и произведениями искусства демонстрировались в витринах. Это была не просто художественная выставка. Она наводила на размышления о Человеке, его предназначении, о свободе выбора и отношении к таланту как дару и бремени ответственности, о судьбе творческой натуры в эпоху перемен.

Помимо выставки в Юбилейный год вышел сборник с одноименным названием «Ф. Вахрушов: Свобода быть собой». Сборник, как и выставка, преследовал цель: сформировать новый взгляд на жизнь и творчество художника [3].

По подобному пути пошли и в 2022 году при создании выставки в честь К. Г. Андреева – художника, иллюстратора, живописца, графика, родившегося в городе Тотьма 7 ноября 1914 года. Как утверждает кандидат культурологии и учёный секретарь ТМО М. Б. Правдина, искусствоведческие данные о биографии и творческой деятельности художника крайне скудны. На момент издания статьи об Андрееве М. Б. Правдиной, была написана одна статья «Константин Андреев» Н. И. Лапидус, посмертные воспоминания его супруги Е. Г. Андреевой и небольшие вставки к выставочным буклетам. Удивительно в этой истории то, что частично биографию К. Г. Андреева восполнить позволили документы и материалы архивного фонда самого художника и его брата А. Г. Андреева,

который в свою очередь, оставил свой след в истории Красноярского края.

Первым человеком, который занимался наследием Андреева, как ни странно, стал сам художник. Он составил подробную картотеку своих работ, где описано подавляющее число картин. Андреев сам являлся музейным сотрудником, поэтому, понимая необходимость сохранения своих работ для будущих поколений, подробно описал их.

Художник работал кропотливо, посвящая каждому полотну достаточное количество времени. Никогда не увлекался многоцветием. Можно выделить основную гамму цветов: коричневато-охристая, серо-голубая с акцентами черного цвета. Наряду с масляными красками К. Г. Андреев использовал и темперу. Особое место занимали карандашная графика и тушь (19 ед.)

После смерти художника, его вдова передала в дар музею целую коллекцию картин, начиная с тридцатых годов XX века. В её составе сотня разноплановых живописных полотен, среди которых основной пласт занимают жанровые произведения. Во главу угла Андреев ставил человека из рабочего класса и лирические пейзажи. Зачастую, они тесно переплетались, создавая единое целое [6].

В 2022 году Тотьма отмечала 107 лет со дня рождения художника. Выставка, посвящённая жизни и творчеству К. Г. Андреева, стала ярким событием в ТМО. Она получила название «Время быть счастливым. Искренне Ваш, Константин Андреев». Автором концепции явилась М. Б. Правдина, архитектурно-художественное решение вновь было за заведующей художественно-оформительской мастерской О. Л. Егоровой. В работе также принимали активное участие хранитель фонда «Живопись. Графика» Н. И. Фирсова и хранитель естественно-научной коллекции Н. П. Норина.

Данная выставка, кроме всего прочего, явилась примером открытости музея. С помощью постов в социальных сетях сотрудники освещали обыкновенно закрытую тематику музейной деятельности по созданию выставки, описывая каждый этап. Например, давалась характеристика предметов, которые должны были быть задействованы в выставке. Параллельно куратор писала аннотации. Много времени было отведено работе с художником над архитектурно-художественным решением экспозиции. После того, как выставка была смонтирована, начался новый этап: к работе приступили музейные педагоги и экскурсоводы. Их основной целью явилось проведение адресных программ, разработка подходов к разным группам и аудиториям [7].

Целью данной экспозиции было показать путь человека, который пережил революцию, две войны и множество превратностей судьбы, которая не единожды разбивает все мечты и надежды вдребезги. При этом, биография К. Андреева является ярким примером того, что сама жизнь – это и есть путешествие, время для того, чтобы быть счастливым. Ведь когда человек влюблён в жизнь, находит своё настоящее признание, ему гораздо легче добиться и признания со стороны окружающих.

Немаловажной составляющей проектов явилось широкое освещение музейной деятельности в социальных сетях, привлечение студентов-практикантов как к разработке новых идей экспозиции по Ф. Вахрушову в 2021 году, так и во время музеологического лагеря и знакомству с выставкой, посвященной К. Андрееву в 2022. Все это создает не только дружественную интеллектуальную среду, в которой работает музей, но и позволяет посетителям музея получить новые впечатления и знания, а музейным сотрудникам привлечь аудиторию к важным проблемам, получить новый опыт, который может быть использован в будущем для запуска новых проектов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Марафон: «#Вахрушов150. Что знает о Вахрушове молодежь Тотьмы?» // Старинная Тотьма. Тотемское музейное объединение [официальная страница Тотемского музейного объединения в социальной сети в «Вконтакте»]. URL: https://vk.com/wall-9368277_25631

2. *Новоселов, А. М., Правдина, М. Б., Притчина, В. А.* Феодосий Вахрушов. Свобода быть собой. К 150-летию художника.– Череповец: Порт-Апрель, 2020. С. 5–9.

3. *Правдина, М. Б.* О пользе юбилеев, или Комплексный подход к изучению и популяризации наследия художника Ф. М. Вахрушова (1870–1931) // Русский Север-2021: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сборник материалов IV Всероссийской научной конференции с международным участием (Тотем. муз. об-ние, Вологод. гос. университет [редкол.: Полоцкая О. В. (отв. ред.) и др.].– Вологда: Полиграф-Периодика, 2020.

4. День рождения Ольги Леонидовны Егоровой // Старинная Тотьма. Тотемское музейное объединение [официальная страница Тотемского музейного объединения в социальной сети в «Вконтакте»]. URL: https://vk.com/wall-9368277_28307 (дата обращения: 10.12.2022).

5. Феодосий Вахрушов. Свобода быть собой // Тотемское музейное объединение [официальный сайт]. URL: http://totmamuz.ru/feodosij-vaxrushov-svoboda-byt-soboj/ (дата обращения: 10.12.2022).

Раздел VI

КНИГА В КНИГЕ

Вахрин Сергей Иванович,
член Союза писателей России,
Союза кинематографистов России,
Русского Географического общества,
г. Елизово, Камчатский край

ВЫХОДЦЫ ИЗ ТОТЬМЫ В ИСТОРИИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В XVII столетии выходцев их Тотьмы в Сибири называли тотменинами или тотмянинами. Это легко проследить по библиобиографическому словарю «Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века» [1], в котором упоминается порядка 20 тысяч имен казаков, служивших в разное время в городах Сибири, начиная со «златокипящей Мангазеи», которая в начальный период владения русскими Сибирью была центром пушной торговли.

И в числе первых имел свой двор на посаде города-крепости Мангазея стрелец Тотменин (Тотма, Тотьма) Иван Яковлев. В 1630 году он упомянут, как рядовой стрелец, но в 1652 году произведен в пятидесятники [1, с. 582].

Следующим по значимости был город Березов. И здесь в документах, датируемых 1681 годом, мы находим имя Тотменина Кузьмы Петрова сына – березовского казака с окладом 5 рублей 8 алтын 2 деньги [1, с. 582].

В 1604 году основным составом березовского гарнизона был основан город-крепость Томск – второй, после Тобольска, крупнейший административный центр Сибири. А по данным за 1626–1631 год мы имеем сведения об одном из первостроителей этого города:

«Фетке Тотменину четыре рубли один алтын з денгою *дано*» [2, с. 51]

«Фетка Семенов сын Тотметин. И маия в 18 день Фетке государево жалованье на нынешней на 139-й год оклад ево, четыре рубли с четю, *дано*. Взял сам» [2, 71].

Тотметин (Тотменин) Федор (Фетка) Семенов, пеший казак десятка Ф. А. Колмогора. Денежный оклад: 4 руб. с четью. Хлебное жалованье: 5 четей ржи, 4 чети овса. Служит без пашни. Женат (1626–1642 гг.) [2, 176].

Следующей ступенькой для продвижения промышленных ватаг и казачьих отрядов по Сибири стал Енисейск – центр освоения Якутии и Забайкалья, который был основан в 1619 году.

По данным за 1637 год в составе Енисейского гарнизона служили:

Тотменин Деветой Ермолов (Ермолин) – енисейский стрелец с хлебным жалованьем 5 четей ржи, 4 чети овса [1, с. 851];

Тотменин Иван Самойлов – енисейский стрелец с окладом 5 четей ржи, 4 чети овса [1, с. 851].

В 1639 году было образовано самое восточное воеводство Московского царства – Якутское. Воеводой был назначен представитель семьи хранителей царской казны Петр Петрович Головин. В составе его отряда пришли в Якутию тобольские казаки:

Тотмянин Гришка Иванов, казак станицы Степана Выходцова [3, л. 227].

Тотмянин Максимко Васильев, пеший казак станицы Мурзы Выходцова [3, л. 226].

Тотмянин Олешка Ермолин, казак станицы Клима Бобошина [3, л. 227].

Материалы Российского государственного архива древних актов позволяют нам проследить историю некоторых из них:

«Исачко Семенов сын Мещеряков в прошлом во 150м [1642] году убит и того ж 150го [1642] году в его Исачково место Парфенко Григорьев сын Тотменин и в прошлом во 155м [1647] году из Якутцково острогу збежал» [4, л. 59 об.].

«Ивашко Яковлев сын Усолец в прошлом во 150м [1642] году убит и того же 150го [1642] году в его Ивашково место поверстан **Архипко Максимов сын Аршин Тотменин** в прошлом во 155м [1647] году из Якутцково острогу збежал на море и в том же во 155м [1647] году велено быть в его Архипково месте промышленому человеку Левке Кирилову сыну прозвищем Щетку» [4, л. 64 об.].

«Гришка Иванов сын Тотменин на государеве дальней службе на Оленке реке послан в прошлом во 157м [1649] году» [4, л. 11].

«Олешка Ермолин сын Тотменин в нынешнем во 158м [1650] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых» [4, л. 56].

«Максимко Васильев сын Тотменин в прошлом во 155м [1647] году из Якутцкого острогу збежал на море» [4, л. 57].

Максимко Васильев сын Тотменин и Архипко Максимов сын Аршин Тотменин не просто сбежали – в 1647 году они стали участниками Ленского бунта: «И после, государь, того их челобитья ленские служилые люди, которым было на твои, государевы, службы на дальние и на ближние реки наряжены, и твое, государево, денежное и хлебное жалованье дано, а иным и двугодовые полные оклады даны, июля в 1-м числе нынешняго 155-го году ночною порою, отняв у торгового человека у Васьки Щукина кочи, пограбя у промышленых людей хлебные запасы, а у иных лодки, собрався со многими с промышленымі людьми воровски, пятидесятники: Ивашко Реткин, Шаламко Иванов, да десятники казачьи: Васька Бугор, Симанко Головачев, рядовые казаки: Ерофейка Киселев, Ивашко Пуляев, Павлик Кокоулин, Евсевейко Павлов, Гришка Онтонов, Филька Мартынов, Гаврилко Фролов, Митька Васильев, Ортюшка Федо-

тов, Васька Щукин, Ивашко Микитин сын Пушкарев, Ивашко Павлов сын Южак, Ивашко Яковлев, Гришка Вахромеев, Ивашко Борисов сын Пенега, **Архипко Максимов сын Аршин,** Васька Иванов сын Вилюй, Парфенко Григорьев, **Максимко Васильев сын Тотменин**, всех 23 человека, да ссыльной человек, которово по твоему, государеву, указу велено было на Лене устроить в пашню, Макушка Семенов, побрав с собою ружье и зделав на том кочю бой, на низ Леною» [5, док. 11].

А вот и подробности:

«Спускаясь вниз по Лене, ватага беглых грабила служилых, промышленных и ясачных людей. Повстречав дощаники с казаками, возвращавшимися с Алдана, беглецы обобрали с них паруса и снасти. У ясачных людей они отбирали имущество, коров, рыболовные сети, собак, «чем соболи промышлять». Так что в тех местах, где проходила ватага Бугра, у местных жителей остановился соболиный промысел, и они перестали вносить в казну ясак.

Около Жиган ватага встретила коч Матвея Акинфиева и Тихона Колупаева, казанских торговых людей, плывших с покрученики и товарами. Беглецы забрали судно со всеми товарами и имуществом, принадлежавшими как хозяевам, так и их покрученикам и оцененным в сумму более чем в 1200 рублей. Так ватага Бугра из группы людей, выражавших социальный протест против несправедливости, превратилась в разбойную ватагу, промышлявшую грабежами.

Из ленского устья Бугор с сообщниками, располагая двумя хорошо снаряженными кочами, с большим запасом съестного и всяких товаров, необходимых для торгового обмена с аборигенами, вышли в океан и направились на восток.

Реакция Сибирского приказа на отписку воеводы В. Пушкина о случившемся была сравнительно мягкой, как будто произошло самое заурядное, обыденное происшествие – «Отписать в якутский острог – будет те казаки вперед объявятся, и про то роспросить, и про грабеж всякими сыски сыскать, а по сыску, взятое без прибавки доправя на них, отдати истцам». Мы видим, что власти подходили к делу как к обычному случаю ограбления частных лиц казаками. На сам факт бегства с государевой службы внимание не акцентировалось, а лишь предлагалось «роспросить» беглецов, если те объявятся. Очевидно, центральные власти не хотели раздражать суровыми репрессиями служилых людей далекого края, считаясь с суровыми условиями их службы и постоянной нехваткой людей в Якутии» [6, с. 122–123].

В дальнейшем эта – уже разбойничая – ватага рассыпалась на более мелкие группы. Часть из беглых казаков ушла в бассейн реки Колымы, часть – на реку Анадырь, где группа вновь разделилась – кто-то из беглых остался с Семеном Ивановичем Дежневым, а кто-то отправился с Михаилом Васильевичем Стадухиным на реку Гижигу, где он построил острог, а затем – на собственноручно построенных морских судах – отправились покорять коренных жителей Охотоморского побережья.

К сожалению, следы тобольского казака Максима Васильевича Тотменина затерялись на этих северных дорогах. К слову сказать, многие из беглецов (особенно из той группы Василия Бугра, что осталась с Дежневым) были прощены и возвращены на службу – в том числе и Аршин Тотменин, который в 1658 году, как участник десятилетнего похода М. В. Стадухина был возвращен на казачью службу [7, док. 92]

Но мы знаем о судьбе другого тобольского казака – Григория Ивановича Тотменина, который был послан в 1653 году приказчиком на реку Оленек.

И вот перед нами документ:

1654 года не позже апреля 15. Отписка якутского служилого человека Григория Иванова Тотмянина, посланного с реки Оленек в Якутский острог, воеводе Михаилу Ладыженскому о том, что он потерпел на море крушение, растерял свои запасы и все идущие с ним люди оцинжали.

На обороте: *Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю да дияку Федору Васильевичю;* помета дьяка Тонково*: 162 году, апреля в 15 день, подал отписку гостиной сотни Бажена Балезина приказщик, Максимка Парфеньев.*

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю да дияку Федору Васильевичю Якутцкого острогу служилой человек Гришка Иванов Тотменин челом бьет. В прошлом во 161 году послан я, Гришка, с Оленька реки в Якутцкой острог и судом богом праведного на ходу на море погодою топили и судно розбило, а запасенко и борошнишко на море потопило и росполоскало все до основанья, одва голодною смертью не померли, а доволоклися по последнему осеннему пути судном до Ижиганского ясачного зимовья. А послано со мною с Оленька реки служилых людей: Ивашка Рябов, Харька Леготин, Ондрюшка Федоров, Кузька Иванов да Петрушка Дементьев Седой. И я, Гришка, с товарищи своими служилыми людьми все оцинжали з голоду и с морской нужи. А посланы со мною, Гришкою, с Оленька реки Ленского острогу от служилого человека от Кузьмы Суздольца отписка. И мне было своих товарищев послать в Якутской неково потому, что все перецинжали. И я тоя отписку послал гостиной сотни торгового человека Бажена Балезина, с приказщиком его, с Максимом Парфеньевым в Якутцкой острог в съезжую избу [5, док. 81].

А о реальных трудностях службы в Якутии тобольских казаков Тотмениных нам может рассказать коллективная челобитная, которую подписал, в том числе, вместе со знаменитыми землепроходцами и мореходами, и Григорий Иванович Тотменин:

Не позднее 1654 (162) г. июля 5.– Челобитная служилых людей Якутского острога о хлебном и денежном жаловании за службы на «заморских реках».

Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьют челом холопи твои твоей государевы дальной вотчины, великие реки Лены Якутцково острогу дети боярские – Костька Стефанов Дунай, Воинко Богданов, Кирилко Терентьев Ванюков, казачьи пятидесятники – Микифор-

ко Аргамаков, Ивашко Бурлак, Тренька Смирнягин, десятники казачьи – Кондрашка Моисеев, Семенка Чюфарист, Друганко Прокопьев, Матюшка Ярыгин, Фетька Офонасьев, Сенька Иванов Брусеин, Богдашко Олексеев, рядовые служилые люди – Фторышка Федоров Катаев, ***Гришка Иванов Тотменин****, Ивашко Сергиев, Данилко Лукьянов Скребыкин, Ивашко Семенов Жирко, Якунка Микитин, Архипко Иванов, Юрко Иванов, Фетька Осипов, Юрасимко Цыпандин, Ивашко Кормалин, Демка Дуров, Фомка Кондратьев, Русинко Никонов и во всех место детей боярских, пятидесятников, и десятников, и рядовых служилых людей.*

*По твоему, государеву, указу посылают нас, холопей твоих, из Якутцкого острогу твои, государевы, стольники и воеводы и дияки на твои, государевы, дальные службы на двоегодные и на троегодные для твоих, государевых, ясашных соболиных зборов за море на Ковыму, на Алазейку, на Индигирку реку, на Оленек реку, на Ламу, на Охоту реку. А дают, государь, нам, холопям твоим, твое, государево, денежное жалованье всего на 2 годы, а держат нас, холопей твоих, на твоих, государевых, дальных службах лет по 5-ти и по шти, и по 7-ми и больши. А твоего, государева, денежного и хлебново жалованья к нам, холопям твоим, на те реки не присылают и на перемену нам, холопям твоим, служилых людей из Якутцкого острогу за безлюдством не посылают. И мы, холопи твои, на тех дальных реках за морем должимся у торговых людей, емлем деньги из великих ростов и покупаем хлеб – пуд муки ржаной по 10-ти и по 12-ти рублев. Да мы ж, холопи твои, покупаем чарки на ноги по рублю и по 40-ку алтын, а сукна белово аршин по 20-ти алтын и по 20-ти по 5-ти алтын, а топоры по полутора рубли и по 2 рубли. От тое, государь, нужи мы, холопи твои, обдолжали великими долги, от торговых людей от кабал окупитца нечем, стоим и мучим живот свой на правеже. А как мы, холопи твои, приедем с твоих, государевых, дальных служеб и бьем челом тебе, великому государю, и приносим челобитные к твоим, государевым, стольникам и к воеводам, и к дияком в Якутцком остроге о твоем, государеве, заслуженных лет о хлебном и денежном жалованье, и твои, государевы, стольники и воеводы, и дияки нам, холопям твоим, в твоем, /**л. 37**/ государеве, в заслуженных лет в хлебном и в денежном жалованье отказывают, что де в твоей, государеве, казне хлеба и денег нет.*

Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй нас, холопей своих, бедных и разоренных, вели, государь, нам бедным, свое государево заслуженных лет хлебное и денежное жалованье выдать, чтоб мы, бедные, от торговых людей по кабалам на правеже замученым не были и в конец не погибли, и твоей бы, государевы, службы не отбыли.

Царь, государь; смилуйся [5, док. 168].

В 1670 году Семен Дежнев после девятнадцати лет безвыездной службы в Анадырском остроге был направлен в Москву с грузом собранного им «рыбьего зуба» – моржовых клыков, ценность которых была очень высокой в Московском государстве. Обратим внимание, что в составе

его сопровождающих была большая группа промышленных людей, среди которых мы видим и **Герасима (Ярасимка) Тотменина**:

1670 года июля 20. Подорожная казачьему атаману Семену Дежневу на проезд из Якутского острога в Москву с ясачною соболиною казною и роспись промышленным людям, которые отпущены с государевой казной в провожатых.

Лета 7178 году, июля в 20 день, по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца указу с великие реки Лены из Якутцкого острогу, по дороге через Ленской волок до Илимского острогу, и до Сибирских городов, до Енисейского и до Кетцкого острогов и до Нарыма, и до Сургута, и до Тобольска, и до Тюмени, и до Туринского острогу, и до Верхотурья, и до руских городов, до Солекамской, и до Кайгородка, и до Соли Вычеготцкой, и до Устюга Великого, и до Тотьмы, и до Вологды, и до Ярославля, и до Переславля Залесскова, и до Москвы ис Сибири, с великие реки Лены, от Якутцкого острогу якутцким и тунгуским, и остятцким князцом, и тотарским мурзам, и ясоулом, и их улусным кочевным якутом, и тунгусом, и остяком, и тотаром да в сибирских же и в руских городех по ямом ямщиком, а где ямов нет, всем людем без имены чей хто нибудь, чтоб есте давали Якутцкого острогу атаману казачью Семену Дежневу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца Якуцкого острогу и иных сторонных рек под ясачную и поминочную и десятинную и пенную соболиную казну и под всякую великого государя мяхкую рухлядь и под него, Семена, и под служилых людей, и под целовальников подводы, летним водяным путем вверх реки дощаник доброй, на чем великого государя казну поднять мочно да кормщиков и гребцов вниз реки и вверх против воды в дощаник поскольку человек пригоже, чтоб за теми кормщики и за гребцы на реках той великого государя казне простою и задержанья, и порухи за безлюдством не было, а летним сухим путем с телеги и с хомуты и с проводники, а зимним путем с санями и с хомуты, и с проводники ж великого государя под ясачную казну давали б подводы, на чем бы великого государя соболиную казну мочно было поднять, атаману казачью Семену Дежневу да казаком девяти человеком да дву человеком целовальником по подводе человеку, везде, не издержав ни часу. По указу великого государя без прогонов послано та великого государя соболиная казна и всякая мяхкая рухлядь с великие реки Лены из Якуцкого острогу к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу, к Москве. Роспись промышленым людем, которые отпущены великого государя с казною: ... ***Ярасимко Тотменин*** *...* [5, док. 54].

Как мы видим, судьба тобольских казаков Тотмениных, служивших в Якутии, была разной. И не все из них вернулись домой в Тобольск.

Но, тем не менее, по данным за 1661 год мы видим в станице пеших казаков атамана Мурзы Выходцева двух представителей этой фамилии:

Васка Романов Тотмянин.

Истомка Иванов Тотмянин [8, л. 111].

Вполне вероятно, что Григорий Иванович и Истомка Иванович могли быть родными братьями.

А в 1672 году в именных казачьих списках Енисейска мы обнаруживаем еще одного Ивановича – Тотменина Федора Иванова сына (1, с. 852).

Конечно, это может быть простым совпадением – находим же мы в документах, датируемых годом спустя, имя Тотменина Ивана Титова – томского пешего казака, служившего здесь с окладом 5 четей с осьминой ржи, 2 чети овса, 1,5 пуда соли; в 1672 году со службы сбежал (1, с. 581).

Но в то же время мы находим документы, которые в определенной степени подтверждают нам степень родства между некоторыми представителями этой фамилии.

Вот один из примеров: в тобольских окладных книгах 1686, 1687, 1688 и 1689 гг. отмечены тобольские казаки, отправленные в Дауры в 1684 году. А в тобольской смотреной книге 1689 года имеется информация, у кого из тобольских казаков кто из сыновей, братьев или племянников отправлен в Дауры в 1684 году. Следовательно, если выписать из вышеуказанных книг всех, кто был отправлен в Дауры в 1684 году, и исключить повторные имена при записи одних и тех же людей в указанных книгах, можно получить список тобольских казаков, защищавших Албазин во время героической второй обороны, так как в 1684 году казаки отправлялись из Тобольска в Дауры только в составе отряда казачьего головы Афанасия Ивановича Бейтона, а основу гарнизона Албазина во время его второй героической обороны составили пришедшие на помощь албазинцам казаки этого отряда, набранные из казачьих детей, братьев и племянников Тобольска и городов его разряда. В числе этих героев героической обороны Албазина был и **Офонька Васильев Тотмянин** [9, л. 288]. А имя его отца – Василия Романовича мы только недавно упоминали в числе пеших тобольских казаков станицы атамана Мурзы Выходцева. А это, вполне вероятно, речь идет уже о брате Афанасия Васильевича: «Кондрашка Васильев Тотмянин во 192 году послан в Дауры» [10, л. 161].

А вот сведения о тобольских крестьянах, из состава которых нередко черпались сибирские казачьи резервы:

Верхняя Ницынская слобода Яланская тож на реке Ницe: Ганка Костянтинов сказал родился де он в Тотменском уезде в Толшминской волости жил за Великим Государем во крестьянех в Сибирь пришол во 177м году у него племянник Митка Григорьев [11, л. 423].

Ялуторовские ж слободы пашенные крестьяне живут в слободе Гришка Прокофьев сын Тотменин, в Тотменском уезде волости Старой Тотмы в деревне Погорелове [11, л. 746].

Елфимко Иванов сын Хорзов, в Тотменском уезде Демьянской волости в деревне Косикове [11, л. 781].

Деревня Кривощокова на озере Ивашко Саватиев сын Чюдинов, в Тотменском уезде Толшминской волости в деревне Суровкове [11, л. 787].

Но совершенно не обязательным показателем исторического происхождения тотьмичей (тотемцев) была их фамилия, так в Томске в 1680 году отмечены:

С одной стороны – «**Гришка Степанов Тотменин**. Отец его родом тотменин в пономарях, а он родился на Тотьме и в малых летах с родичами пришел в Томск, где поверстан в пешую службу. Оклад пеший рядовой» [2, с. 176].

С другой стороны – Корюка (Коряка) Андрей (Ондрюшка) Евтифьев, пеший казак десятка Д.Онисимова. **Родом из Тотьмы**, в Томск прислан «по грамоте». Денежный оклад: 4 руб. с четью. Хлебное жалованье: 5 четей с осьминою муки, по чети круп и толокна, женат (1626–1638 гг.). После 18 мая 1631 г. послан на годовую службу в Мелеский острог» [2, с. 147].

Это подтверждает его сын Васка Андреев: «**Отец родом с Тотмы**, в Томск присланы в пешую службу по грамоте государя, а он родился в Томске и верстан в службу в место отца. Оклад пеший рядовой».

Ивашко Федоров сын Чеусов: «**Отец тотменин** и прислан был в Томск по указу государя город ставить, а он родился в Томске и верстан в пешую службу. Оклад пеший, рядовой» [2, с. 181].

А теперь мы подходим к самому главному периоду российской истории, почему Тотьма является городом российских мореходов.

Как мы выяснили на примере Григория Ивановича Тотменина, тотемские мореходы отметились задолго до той даты, которую связывают современные историки с рождением российского флота – и российский флот за много ВЕКОВ до этой «исторической» даты бороздил просторы морей Северного Ледовитого океана. В своем историческом исследовании о российских мореходах 17-го столетия историк Михаил Иванович Белов называет добрый десяток имен покорителей Северного Ледовитого и Тихого океана задолго до прихода на эти побережья посланцев царя Петра. Петр Первый – создатель военно-морского флота. Но это ведь только часть (и не самая большая) российского флота.

И поэтому мы остановимся с вами сейчас на именах тех русских мореходов и русских предпринимателей, организаторов морских вояжей, которые показали пример военным морякам в своей способности организовывать и проводить успешные тихоокеанские морские экспедиции на Алеутские острова и Аляску, благодаря успеху которых эта часть территории Северной Америки вошла в историю географии под именем Русская Америка.

В этом своем исследовании мы опираемся на материалы двух известных книг: Василия Николаевича Берха (Берга) «Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги российского купечества» (СПб, 1823) и Раисы Всеволодовны Макаровой «Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в.» (М., 1968).

1746 год

В. Н. Берх: «В 1746 году отправились за промыслом два судна с дозволения Большерецкой канцелярии, которая, руководствуясь старинными узаконениями о ясаке, посадила на оныя козаков для сбора сего. Первое из этих судов, шитик Иоанн, принадлежало купцам: **тотемскому Федору**

Холодилову, иркутским Трапезникову и Балину и ярославскому Жукову: мореходом был на оном селенгинский купец Андреян Толстых, который в истории первых путешествий к Алеутским островам заслуживает предпочтительное внимание» (по мнению Р. В. Макаровой мореходом был Евтихий Санников и плавание состоялось в 1747 году (см. ниже) – С. В.) [12, с. 11–12].

Макарова Р. В.: «В 1747 г. уже четыре компании отправили свои суда. Компания купцов: **тотемского – Федора Холодилова,** селенгинского – Андреяна Толстых, иркутских – Никифора Трапезникова и Василия Балина, ярославского – Федора Жукова "с товарищи" снарядила шитик "Иоанн"» (мореходом на «Иоанне» был Евтихий Санников, передовщиком – «компанейщик» ярославский купец Федор Жуков – С. В.) [13, с. 47].

1752 год

В. Н. Берх: «Счастливые успехи первых покушений побудили Никифора Трапезникова отправить в сем году опять то же судно: Борис и Глеб, поруча оное в управление курскому купцу Алексею Дружинину» [12, с. 24–25].

Не совсем так. У Р. В. Макаровой имеются подробности: «В том же 1752 г. «Борис и Глеб» в третий раз ушел на промысел. Обязанности морехода и передовщика исполнял **тотемский разночинец Балалаев**.

Вскоре по выходе в море «Борис и Глеб» потерпел крушение у острова Беринга. Команде удалось спастись, за две зимы ею было выстроено новое судно «Авраам». Вместо Балалаева, которого обвинили в гибели «Бориса и Глеба», промышленные люди избрали мореходом «компанейщика» курского купца Алексея Дружинина. Летом 1754 г. Дружинин покинул остров Беринга и отправился на поиски неведомых островов. Он видел «множество» островов, но боялся к ним приставать, по-видимому, из опасения враждебных действий со стороны местных жителей. Поэтому осенью Дружинин возвратился на зимовку снова к острову Беринга. Здесь произошла встреча с только что прибывшим судном другой компании – Никифора Трапезникова «Николаем». С передовщиком его Родионом Дурневым Дружинин вступил в компанию для совместного промысла» [13, с. 52].

1753 год

В. Н. Берх: «В сем году отличнейшие и предприимчивейшие торговцы того времени московский купец Андрей Михайлов Серебренников**, тотемский Федор Холодилов** и тульский Семен Красильников, построя по кораблю, решили отправить оные для открытия новых островов и описания большой землицы: сим именем называли в те времена матерый берег Америки.

...Холодилово судно вышло в море в августе сего года и, следуя правилу прежних путешественников, зашло зимовать на Берингов остров, где и лишилось при опрокинутии байдары, девяти человек экипажа. В июне следующего года вступило оно опять в море, и находилось в великой опасности

от жестокой бури, во время которой открылась в оном сильная течь. К счастию, принесло судно сие неизвестно к какому-то Алеутскому острову, где оно и остановилося зимовать.

Весною приходил к путешественникам сим камчадал с коряком и рассказывал, что их бежало 6 человек с Трапезникова корабля в намерении остаться здесь жить; но как четверо их товарищей изобличены были в непозволенном обращении с женами островитян, то они и убили их на месте преступления. Нам же, продолжали повествователи, позволили они выбрать себе жен, и мы живем здесь с ними весьма дружелюбно.

Сие Холодилово судно, назначенное для открытия новых островов, вместо успеха в настоящем намерении своем собрало только 1 600 бобров и возвратилося в 1755 году в Камчатку» [12, с. 25–28].

Макарова Р.В.: «В один год с «Иеремией» Андрея Серебренникова был снаряжен за пушниной «Иоанн» компании тотемского купца Федора Холодилова. Так как вскоре по выходе судна в море обнаружилось, что мореход Обухов не соответствует своей должности, то управление судном перешло к передовщику, купцу Ф. Жукову. Зиму 1753/54 г. «Иоанн» провел с разрешения морехода компании Е. Югова Григория Низовцева на Беринговом острове» [13, с. 53].

В. Н. Берх: «1758. Московский купец Никифоров, прибывший на Камчатку для торга, усмотрев, что товарищи его получают богатые грузы мягкой рухляди с Алеутских островов, построил в Нижнекамчатске маленький бот и назвал оный Иулианом. Мореходом на судно сие определил он яренского мещанина Степана Глотова, который по искусству и предприимчивости заслуживает особенное уважение. Козак Савин Пономарев отправлен был с Глотовым для приведения в подданство и обложения ясаком жителей Алеутской гряды.

...Козак Пономарев доставил правительству довольно обстоятельную карту Алеутских островов, означа к северо-востоку от Уналашки 8 больших островов. В донесении своем пишет он, что составил оную вместе с промышленником тотемским купцом Петром Шишкиным» [12, с. 35–37].

Есть и другие сведения: *«Позволительному в морской вояж указу московскому купцу Ивану Никифорову и по учиненному им в в собрании контракту за отправлением ево новопостроенного в прошлом 754 м году морского судна в наименовании Святого Иулияна Бот компанейщики купецкие и прочих чинов люди а именно в содержании паев галецкий купец Алексей Тюзнев три пая на оных работники один русский, двое камчедал, тюменский купец Яков Протасов два пая работников двое камчедал, тоболской купец Илья Снегирев три пая на тех паях работники трое камчедал, большеретского острогу казак Василей Плотников два пая на оных один русский, а другой камчедал, иркутского купца Ивана Бечевина прикащик ево Никифор Голодов девять паев на тех паях работников восемь русских да девятой камчедал, соливычегоцкой купец Иван Жилкин один пай на оном камчедал, илимский посадский Матфей Полосков два пая работники двое камчедал, костромской купец Иван Матонкин три пая на оных трое кам-*

чедал, ***тотемский купец Василий Росляков*** *один пай работник камчедал, иркутский купец Никифор Трапезников два пая на оных двое камчадал, тоболской купец Федор Тюменцов один пай на оном камчедал, болшеретского острогу казачей сержант Иван Красилников семь паев на оных один руской да шесть камчедал, коллежского ассесора и Сибирской губернии табашных зборов содержателя Козмы Матфеева повереннои Сергей Дружинин три пая на оных один русский двое камчадал, тоболской посадский Иван Соловьев один пай на оном камчадал,* ***тотемский купец Иван Гурылев*** *три пая на тех паях камчадалы, устюжанин Михей Окулов один пай работник его камчедал, крестьянин Денис Петров два пая на оных один русский другой качедал...»* [7, док. 29].

«За оковку судна и за ковку двух якорей **тотемскому купцу Ивану Всевидову** который ныне в Болшеретску умре дать пай...» [7, док. 29].

Благодаря публикации статьи «О камчатской экспедиціи, 1758 года. (Рукопись XVIII века) [14, с. 148–174] мы узнаем и некоторые «пикантные» особенности промысловой деятельности того времени – попытки утаивания от казны особо ценных мехов – тех самых черных лисиц, которыми прославились острова, названные в честь этого Лисьими, и которые стали гербовым символом города Тотьмы: в 1780 году императрица Екатерина Вторая утвердила герб Тотьмы – чёрная американская лиса на золотом поле в знак того, что «жители сего города в ловле сих зверей упражняются».

Но, как показывают факты данной статьи и документы, тотемцы «со товарыщи» упражнялись не только в этом...

1 сентября 1762 года сибирского гарнизона поручику Недозрелову, исполнявшему обязанности командира Камчатки, «нижнекамчатского острога морской тоен» Герасим Холщевников (то есть, по сути, тойон морского селения в устье реки Камчатка – С. В.) сообщил о том, что пятью верстами ниже устья реки Камчатки было разбито штормом судно купца Никифорова с товарищами – «Святой Иулиан», на котором Степан Глотов и Савин Пономарев доставили большой груз пушнины.

В ходе расследования, начатого капралом сибирского гарнизона Недозреловым (вероятно, приходившегося родственником командиру Камчатки), казаком Иваном Секериным и приказчиком Нижнекамчатского острога Григорием Низовцовым, были выяснены и некоторые подробности этого «вояжа»: было выявлено вооруженное столкновение с алеутами:

«Тамошней незнаемой народ с первого их на оной прибытия вступили к ним навстречу со своими стрелами (которые также как и алеутский народ имея в шестиках укрепленные кости и каменье острые мечут из досок) и учиня приступ усилились было всех прибить и ранили Пономарева в правое плечо, Глотова в грудь да в левое плечо, камчедал Игнатья Уваровского в правую ногу, Степана Уваровского убили до смерти, а протчих притом Господь спас...».

На обратном пути на Камчатку *«быв в пути имели превеликие недостатки в воде и в пище так что и последнюю с ног обувь варили и в пищу употребляли а из имевших работников будучи там на островах умер Соли Вычегодской крестьянин Петр Строганов да Большеретского острога камчадал Иван Сивцов в море утонул».*

Судно в шторм было выброшено на берег в районе реки Чажмы. Казачий пятидесятник Иван Расторгуев обследовал судно, от которого практически мало что осталось, пришел к выводу, что восстанавливать его нецелесообразно, но оставшиеся на судне снасти и такелаж *«приказано хранить обретающемуся на устье Камчатки реки у присмотра соляной выварки нижнекамчатского острогу казаку Козме Чижевскому обще с тамошним тоеном Герасимом Холщевниковым».*

Но 24 декабря 1762 года штормом последние остатки судна также разбило и разметало доски и шпангоуты по всему побережью.

К счастью (либо, наоборот, к несчастью, как посмотреть), но вся пушнина, добытая промышленниками на острове Унимак, была спасена.

И первого декабря 1762 года **посадский города Тотьма Иван Всевидов** и устюжский крестьянин Яков Клыковский принесли «ея императорскому величеству извинения о утаении» шкур чернобурых лисиц, которые, согласно указу, должны были непременно принадлежать казне.

Следствие выявило, что шесть чернобурых лисиц присвоил илимский посадский Матвей Петров Полосков. Четыре – устюжский крестьянин Василий Ворошнин. Для «сыску их» посланы казак Иван Иконников с товарищем.

Затем свидетельские показания дали **тотемский посадский Михайло Холодилов** и того же города **крестьянин Михайла Коровкин**: двенадцать лисиц было отдано ими для «отвозу» в Большерецкий острог **тотемскому купцу Петру Казаринову**, который вез их «со шкарбом ево в малом чемоданчике», не подозревая о том, что находится внутри.

Как выяснилось в дальнейшем, все шестнадцать промышленников со «Святого Иулиана» получили свою долю чернобурок: у Степана Глотова их было пять, по четыре – у **тотемского посадского Стефана Каплина**, лальского посадского Якова Норицына, иркутского посадского Алексея Софронова, тобольского разночинца Козмы Барнашева.

Затем добавляется еще одно имя – устюжский крестьянин Иван Чирков.

Вскоре находятся и «сысканные лисицы»: *«а имянно у вологодских купцов Ивана Хомутинникова одну купленную им от крестьянина Якова Клыковского за двести рублев, Алексея Карнилцова семь, в том числе им купленные у того ж Клыковского три, устюжского крестьянина Харитона Силуянова четыре, **тотемского купца Василья Черепанова** взятые в ево лавке положенные яко б за незнаемо от **тотемского посадского Ивана Всевидова** без печати и без дальнего всякого прикрывательства токмо в чемодане в белом холщевом мешке четыре, яренского крестьянина Андрея Щапина четыре, тобольского посадского Ивана Соловьева при квартире ево сысканные в сенях под полом четыре ж привезенные с пути и объяв-*

ленные при репорте от казаков Ивана Иконникова Игнатья Студенцова, а им отданные в толбачовском острошке от илимского посадского Матвея Полоскова шесть, устюжского крестьянина Василья Ворошнина четыре, собою без всякого препятствия к привозу и объявлению в приказную избу ***тотемского посадского Петра Шишкина*** *собою ж им при допросе объявленные четыре, всего тридцать четыре зверя в силу именных поведений взяты в казну ее императорского величества...».*

Но это была всего лишь малая толика добычи – то, что было схоронено от казны.

Еще тысяча шкур лисиц высочайшего класса должна была поступить в казну с оценкой в Москве. А это когда еще будет?!

И чтобы не останавливать процесс, трое представителей компании – вологодский купец Иван Буренин, яренский купец Иван Томилов **и приказчик тотемских купцов Пановых Семен Шергин** отправляются в Москву сопровождать драгоценный груз.

Их полномочия подтверждают гороховского купца Василия Опарина приказчик Иван Плотников, тульский купец Семен Красильников, яренский купец Стефан Тырин, иркутских табачных сборов содержателя Егора Собенина поверенный Иван Котельников, **тотемский купец Василий Росляков,** лальский купец Афанасий Чебаевский, яренский купец Афанасий Суханов, вологодский купец Василий Кульков**.**

10 октября 1762 года в Нижнекамчатске **тотемский купец Иван Дмитриев Всевидов** уступает свой пай за 800 рублей **тотемцу Дмитрию Федорову Тропину**.

В 1762 году **тотемский купец Степан Яковлевич Черепанов** сообщал об этом плавании в Большерецкую канцелярию: судно «Захарий и Елизавета» было построено на собственные средства шуйского купца Стефана Посникова, тульского Семена Красильникова, вологодского Семена Кулкова, яренского Стефана Тюрина. Построено оно было на Камчатке и имело «длины шесть сажен печатных, в ширину по палубе шесть аршин с половиной».

И «29 сентября того году всего в сороки двух человек, да один камчадалский сын, которой взят был отцом ево с собою из устья Нижней реки, и вояжировались».

На «Андреяне и Наталье» камчадал Андреян Колегов, **тотемский посадский Алексей Чюлошников,** суздальский крестьян Иван Кокин, камчадал Левашев [14].

Приняты на «Андреян и Наталью» промышленники с разбитого судна «Св. Петр и Павел» яренского купца Степана Тырина посадские: **тотемский Иван Шошев,** устюжский Стахей Кладовников, соливычегодский крестьянин Никифор Шабалин, устюжский крестьянин Кирило Жезлов [7, док. 26].

1763 год

Из справки Большерецкой канцелярии о плавании «Св. Иоанна – устюжского чудотворца» морехода и передовщика Алексея Воробьева:

«И прибыв на Алеуцкой ясашной большей остров, на котором по согласию компанейщиков и половиншиков вознамерились зимовать, в которой зимовке за оскудением корму едва не погибли голодною смертию, от которого голоду и от великих зимнею порою порги (пурги – С. В.) в переходах из артели замерзло, акочюне[в], Устюжской провинции Двинской трети Устьевской волости крестьянин Петр Прокопьев Копылов, Яренского уезду Полевцкой волости крестьянин Петр Федоров Перкушев, ***Тотемского уезду Суептувской волости деревни Жилкина крестьянин Стефан Григорьев Покасков,*** *тобольской посацкой Данило Кошуков, тобольской же посацкой Иван Иванов Тюленев з голоду помре, да двое камчедал Тигиля реки: Тубалову острошку камчедал Кирило Филипов Ивановых замерз, Каменного острошку Анисим Кузнецов з голоду помре, устюжской посацкой Иван Путилов з голоду помре»* [7, док. 19].

1762 год

В. Н. Берх: «Вышеупомянутая складственная компания, отправлявшая в 1759 году судно Захария и Елисавет, с присоединившимися к оной новыми товарищами иркутским Никифором Трапезниковым (который имел большое число паев в двух судах), лальским Василием Поповым**, тотемским Яковом Протасовым,** соликамским Иваном Лапиным и проч. отправила четыре судна с тем, чтобы они, осмотрев все острова Алеутской гряды и подле матерого берега Америки лежащие, избрали удобнейшее место для промысла. План сей экспедиции был весьма обширен; но, по несчастному стечению обстоятельств, три судна погибли со всеми бывшими на оных людьми, а последнее, хотя и возвратилось, но не вознаградило даже издержек.

Суда сии именовались: 1) Захария и Елисавета, находившееся под командою курского купца Алексея Дружинина; 2) Св. Троицы, под командою Ивана Коровина; 3) неизвестного имени, под командою штурманского ученика Медведева. Но как называлось четвертое судно, и кто оным командовал, того не мог я найти во всех помянутых записках, а известился только, что принадлежало Трапезникову.

…Дружинин, предполагая найти более выгод на малом острове Иналаке, перебрался туда с своим отделом, и хотя от живших там тридцати алеут и не приметил никаких неприятностей, однако же построил из предосторожности крепостцу и содержал в ней беспрерывный караул. В один день отправил Дружинин пять человек осмотреть расставленные клепцы и по уходе их разсудил с остальными, ***Степаном Корелиным, Дмитрием Брагиным, Григорием Шавыриным, Иваном Коковиным*** *и еще одним промышленным, коего имя неизвестно, посетить жилища островитян. Побыв там несколько времени, начали уже они собираться домой; вдруг один* ***алеут ударил Дружинина дубиною по голове****,* ***а остальные, кинувшись на него, зарезали его ножами.*** *После сего напали они на Шавырина; но он, имея при себе топор, оборонялся оным и бежал в свое зимовье. Коковин, находившийся в сие время вне шалаша, был также окружен, повергнут на*

землю, и уже островитяне начали колоть его костяными ножами своими, как вдруг прибежал к нему на помощь Корелин и, разогнав сих неистовых алеутов, спас своего товарища. Дикие обитатели острова Уналашки действовали заодно, по обдуманному плану; ибо около сего же времени напали они на остальные две артели и убили всех без исключения. Ни одному из несчастных россиян сих не удалось избегнуть смерти.

...Несчастные промышленники сии, претерпев еще множество разных нападений и бедствий, достигли уже в марте следующего года до корабля Ивана Коровина в таком изнурении сил, что ***Шавырин испустил вскоре дух свой****, а остальные, изнуренные болезнями, вывезены были впоследствии на корабле Соловьева в Камчатку»* [12, с. 57–62].

Кавалеры золотой медали «За полезные обществу труды» с изображением императрицы Екатерины II:

Буренин Иван (1767 г.) – вологодский купец
Буренин Федор (1768 г.) – вологодский купец
Голиков Иван Илларионович (1788 г.) – иркутский купец
Красильников Иван (1776 г.) – камчатский купец
Красильников Иван Тимофеевич (1776 г.) – московский купец
Красильников Семен (1764 г.) – тульский купец
Куликов (Кульков, Кулаков) Иван (1764 г.) – вологодский купец
Кульков Василий – вологодский купец
Кульков Федор Афанасьевич (1776 г.) – вологодский купец
Никифоров Иван (1764 г.) – московский купец
Лапин Иван Саввич (1767 г.) – соликамский купец
Лебедев-Ласточкин Павел Сергеевич (1779 г.) – якутский купец
Орехов Афанасий (1764 г.) – тульский купец
Панов Григорий (1764 г.) – тотемский купец
Панов Петр (1764 г.) – тотемский купец
Попов Василий (1764 г.) – лальский купец
Рыбинский Федор Никифорович (1776 г.) – московский купец
Сабинин Егор (1764 г.) – московский купец
Серебренников Андрей Михайлович (1776 г.) – московский купец
Снигирев Илья (1764 г.) – тобольский купец
Суханов Афанасий (1764 г.) – яренский купец
Титов Андрей (1764 г.) – тотемский купец
Томилов Иван (1764 г.) – яренский купец
Трапезников Никифор (1776 г.) – иркутский купец
Чебаевский Афанасий (1764 г.) – лальский купец
Шапкин Василий (1764 г.) – вологодский купец
Шелихов Григорий Иванович (1788 г.) – рыльский купец
Шилов Василий Иванович (1767 г.) – великоустюжский купец [12, с. 68–69, 94].

30 марта 1764 года*: «Прибыло ж к нам к судну 30 числам марта конпании вологоцкого купца Кулкова от разбитого их тамошними алеутами судна в одной байдаре промышленный:* ***тотемской посадской Стефан***

***Корелин, того ж города крестьяне Дмитрей Брагин, Григорей Шаверин**, устюжской крестьянин Иван Коковин, итого четыре человека, которыми привезено было с собою две винтовки, да одна фузея казенная, а лядунка была компанейская бес патронов, о которой объявили при том, что де оная фузея бывшего на кульковском судне казака Афанасья Перебякина**,** да у них же было собственного винтовочного мятого пороху с осмину фунта. А о судне объявили ж, что судно купцов Кулкова с товарыщ и на острову Уналашке на восточном носу тамошними алеутам и до основания разорено, разбито и созжено; а люди все, кроме их и до их приходу прежде пришедших трех человек камчедал, итого семи человек, убиты; а они де Корелин с товарыщи спасения получили по отходе от артели и по убитии их товарищев на хребтах, при которых две винтовки и фузея казака Перебякина имеются ныне при них Корелине с товарыщи, и по такому над ними учиненному неблагополучию, приняв их на свое судно»* [15, док. 8].

*«И носило в море 20-го до 28-го числа апреля. Между оным в море, волею божиею, один промышленной **тотемской крестьянин Иван Месников помер**».*

И тогда «...призвав всемогущаго господа бога в помощь, я, **Коровин, и со мною** устюжане: крестьяне Иван Коковин, Данило Мусорин, **тотемских: посадской Стефан Корелин, крестьянин Дмитрей Брагин** из барабары, взяв собственный свои копья, выбежали к ним, которых теми отгоняли, и из оных двух человек до смерти закололи; а напротиво того и те народы своими стрелками, при том и жестоко, нас ранили, так что и принуждены были обратится, а инных и бесчювственных от тяжких ран едва и живы х в барабару свою привели» [15, док. 9].

В. Н. Берх: «**Тотемские купцы Григорий и Петр Пановы** отправили в сем году судно Петр и Павел из Нижнекамчатска, которое, доходя до дальних Алеутских островов, возвратилось в 1766 году с 350 бобрами, 560 черными лисицами, 513 сиводушками и 170 красными» [12, с. 72].

Из рапорта Соловьева, с которым отправились в тот «вояж» пятьдесят пять человек: *«Ис того острошка отбыл я марта 7 числа и прибыл в острожек Икалгинской. А 9-го числа в том острожке умер из моей команды руской Козма Мякишев**.** Потом побыв у них и отбыл. А в том разъезде от тамошних народов никаких шалостей не видал, ибо я, охраняя себя, и с ними обходится дружески имел при том крепкую предосторожность. И прибыл в гавань марта 15-го числа. Во время моего отбытия при гавани помер из работных руской Козма Чешков; а в протчем имелось быть благополучно. Точию по прибытии объявлено и усмотрел я ис команды моей **многие от цынги болны, ис коих в том же марте и померли: Василий Неклюдов, Иван Шахов, Иван Петров, Антон Пономарев, Павел Куимов, Вавила Чупров. Апреля в разны е числа померли: Федор Дьяконов, Афанасий Дьяконов же, Иван Куропутов, Григорий Соболев, Иван Гузнищев, Осип Просвирнин, Константин Бабаевской, Дмитрий Холодилов, камчедал Михайло Павлуцкой. Мая в разные же числа померли: Семен Шишев (устюжанин – С. В.), Стефан Лесков, Егор Жуков, Дмитрий Шумилов***

(устюжанин – С.В.), Алексей Шилов (устюжанин – С.В.), Галактион Высоцкой».

Позже умерли ***русские Яков Черуюсаев, Герасим Андреевский, устюжанин Андреян Шульгин****.*

«К сему репорту вместо морехода и передовщика тоболскаго посадскаго Ивана Максимова Соловьева ево прошением ***тотемец посадской Стефан Григорьев Коровин*** *руку приложил»* [15, док. 10].

Макарова Р. В.: «Принципы организации компаний мы находим в «валовых контрактах», договорах, которые заключали участники компаний. В таком контракте отражены все стороны промысловой деятельности компании: количество паев и их владельцев, вербовка рабочей силы, назначение морехода и передовщика и их обязанности, число работных людей на каждом паю и др. Прежде всего, устанавливалось количество основных паев. Эти паи распределялись «между главными компанейщиками», принимавшими участие в строительстве и снаряжении судна. Как правило, «главными компанейщиками» были купцы. Тот из них, кто имел наибольшее число паев, считался главой компании и его именем она называлась. Например, в компании тульского купца Семена Красильникова, созданной 23 сентября 1765 г. и снарядившей на промысел судно «Владимир», 40 основных паев распределялись следующим образом:

Пайщики	Число паев
Семен Красильников	13
Илья Мальцов, приказчик тотемского купца Петра Панова	8
Алексей Дружинин, курский купец	7
Петр Тырин	2
Григорий Елагин, тотемский крестьянин	2
Герасим Мушников, московский купец	1
Алексей Аркашов	1
Андрей Захаров	1
Алексей Постников	1
Семен Барнашев, разночинец	1
Федор Рукавишников, суздалец	1
Иван Мостовский, сольвычегодский посадский	1
Осип Фоминский, тотемский крестьянин	1
Итого	40

После установления основных паев определялось число «суховых» паев. В отличие от первых такие паи не обеспечивались работными людьми. Обычно число «суховых» паев было невелико (в компании Красильникова

их было всего пять). Они распределялись следующим образом: один пай, как обычно, выделялся в пользу церкви, второй «за мореходство» (т. е. за командование судном) тотемскому посадскому человеку Михаилу Холодилову; третий – его товарищу, передовщику (приказчику компании и фактическому распорядителю промыслом) лальскому посадскому человеку Стефану Кисельникову...» [13, с. 100].

Макарова Р.В.: «В 1767 г. компания **Ивана Попова, Василия Лапина и Семена и Тимофея Красильниковых** «с товарищи» снова снарядила на пушной промысел судно «Андреян и Наталья». Мореходом его был выбран посадский человек из Соликамска Лука Вторушин» [13, с. 69].

Берх В. Н.: «В сем году **тотемские купцы Григорий и Петр Пановы** отправили опять судно свое Петр и Павел. Оно возвратилось чрез три года с весьма богатым грузом, состоявшим из 5 000 бобров, 4 000 бобровых хвостов и 1 100 голубых песцов. Сие же самое судно, как видно по первым запискам, отправлено было и в третий раз, но о возвращении онаго нет никаких известий» [12, с. 82].

1768 год

В. Н. Берх: «Компания купцов тульского Ивана Засыпкина, оружейника Афанасия Орехова и тобольского Ивана Мухина отправила в сем году судно Николай, которое возвратилось в 1773 году с 2 450 бобрами, 1 348 хвостами и 1 127 голубыми песцами».

Мореходом был **тотемский купец Степан Черепанов** [12, 85].

В.Н. Берх: «По запискам Тимофея Шмалева видно, что в 1772 году отправилось еще на острова судно, принадлежавшее **тотемским купцам Петру и Григорию Пановым**; но как называлось сие судно и когда возвратилось, о том не мог я отыскать никаких сведений» [12, с. 96–97].

Макарова Р. В.: «Судно «Михаил» снарядила на пушной промысел компания тотемского купца Алексея Холодилова. Еще четыре года назад купец Федор Холодилов (дядя Алексея Холодилова) готовил это судно к отправке на острова, но бегство морехода **купца Алексея Чулошникова с венгром Беньевским** и смерть Федора Холодилова задержали его отправку. Командование «Михаилом» было поручено штурманскому ученику Дмитрию Полутову и **передовщику, тотемскому крестьянину Дмитрию Брагину**» [13, с. 74].

1777 год

В. Н. Берх: «Компания купцов рыльского Григория Шелехова, московского Ивана Соловьева **и тотемских Григория и Петра Пановых**, снарядив в сем году судно, названное ими Варфоломеем и Варнавою, отправила оное из Нижнекамчатска на Алеутские острова. О плавании сего судна нет никаких известий, а упомянуто только, что оно возвратилось в 1781 году с небогатым грузом, оцененным в 58 т. руб. [12, 101–102].

Подробности от Р.В. Макаровой: на судне «Александр Невский» (которое тотемские купцы Панову приобрели у московского купца Василия Серебренникова) мореходом был назначен Шеин, передовщиком – Соснин,

от камчатской администрации был прикомандирован сержант Белехов [13, с. 76].

«Андрей Первозванный» ушел в море под командой Гаврилы Пушкарева. Передовщиком был определен енисейский купец К. Самойлов.

«Варфоломей и Варнава» принадлежало компании московского купца Ивана Савельева и тотемских купцов Пановых. Мореходом был назначен **камчатский мещанин Степан Корелин** (в недавнем еще житель Тотьмы), **передовщиком – Петр Всевидов.** Нижнекамчатская приказная изба направила на острова сержанта Куимова и казака Бочкарева [13, с. 77].

1778 год

В. Н. Берх: «Тотемские купцы Григорий и Петр Пановы, отправлявшие уже несколько судов на Алеутские острова, вступили в сем году в товарищество с **Арсением Кузнецовым** (известным читателю моему по путешествию графа Беньевского) и, построив судно, названное по имени Св. Николая, отправили оное из Петропавловской гавани на Алеутские острова. Судно Св. Николай пробыло на островах семь лет; но зато богатый груз вознаградил терпение компанионов. На судне сем вывезено было бобров 2 521, хвостов 1 487, выдр 230, лисиц черных 469, сиводушек 881, красных 2 083 [12, с. 103].

В 1779 году купцы Василий Серебренников, Никифор Трапезников и Федор Буренин продали свои паи **приказчикам тотемских купцов Пановых – сольвычегодскому купцу Василию Посельскому и тотемскому купцу Ивану Рыбникову** – и прекратили промысловую деятельность [13, с. 79].

1780 год

Компания **тотемского купца** Алексея Холодилова в этот год отправила на восток судно «Михаил» под командой морехода Мухоплева и передовщика – камчатского купца Л. Нагаева. [13, с. 80]**.**

1781 год

...В сем же году отправлено было **тотемским купцом Алексеем Поповым** судно Св. Алексий, которое по пятилетнем отсутствии возвратилося с грузом из 882 бобров, 660 хвостов, 147 выдр, 73 черных лисиц, 220 сиводушек, 1 276 красных, 470 голубых песцов, 73 голубых нориков и 2 352 котов. [12, с. 108].

1783 год

В. Н. Берх: «В сем году отправлено под командою подштурмана Степана Зайкова судно якутского купца Лебедева-Ласточкина Св. Павел. Весь капитал онаго состоял из 65 паев. Имев случай получить валовой контракт судна сего, означу для любопытного читателя все количество паевщиков или хозяев.

Купцов якутских: Лебедева-Ласточкина – 34 пая, Ефима Попова – 1, Григория Дежуринского – 1, Елисея Завьялова – 1, калужских: Ивана Коротаева – 1, Василия Невежина – 1, вологодских: Михаила Исаева – 1,

Василия Шапкина – 2, Василия Кулькова – 1, **тотемских: Михаила Губинского – 1, Федора Никулинского – 2, Арсения Кузнецова – 1,** тюменского Василия Кривошеина – 1, тульского Михаила Душакова – 2, соликамского Ивана Лапина – 2, курского Алексея Полевого – 1, иркутского Ивана Большакова – 2, холмогорского Дмитрия Сорокина – 1, заводчика Ивана Савельева – 5, мещан: якутского Савы Чебыкина – 1, малиыжского (так в тексте – С. В.) Спиридона Буракова – 1, надворного советника Петра Будищева – 2. Итого 65» [12, с. 109–110].

1785 год

В. Н. Берх: «Теперь можно заметить, как постепенно ослабевала предприимчивость бывшего в Сибири купечества. В 1784 году не было ни одно судно отправлено в море. Значительные прибыли, полученные многими из участвовавших в сем промысле, побудили их, оставя оный, наслаждаться в покое приобретенным состоянием. Другие, претерпев несколько неудач, должны были остановить промысел, в котором им счастье не благоприятствовало. В сем году отправлен был из Нижнекамчатска тотемским купцом Пановым галиот, именовавшийся Св. Георгием. Возвращение оного последовало через два года, но вывезенные меха удивят читателя: они состояли в 1 388 котах и 183 голубых песцах» [12, 114].

И еще одна страница камчатской истории, связанная с Тотьмой. В составе 47-го Камчатского флотского экипажа, героически защищавшего в августе-сентябре 1854 года Петропавловский порт от англо-французов, а затем участвовавших в сражении с англо-французской эскадрой в заливе Де-Кастри, были и выходцы из Тотемского уезда Вологодской губернии.

Тотемский уезд. Долговицкая волость

Горлышев Илья Афанасьев сын (1811) – матрос 1-й статьи, уроженец Вологодской губернии Тотемского уезда Госьнерецкого (Усть-Стрелицкого?) удельного приказа Долговицкой волости деревни Ермолинской (на р. Кокшеньге), из крестьян, в 1850–1851 гг. участвовал в кругосветном плавании на корвете «Оливуца», в 1853–1854 гг. на корвете «Оливуца» на переходе в порт Гонолулу, в мае 1855 г. в заливе Де-Кастри на этом же корвете участвовал в действительном сражении с англо-французской эскадрой [17, л. 131].

Миньковская волость

Власов Михей Ивлев сын (1818) – матрос 1-й статьи, уроженец Вологодской губернии Тотемского уезда Миньковского волостного правления Горского сельского общества деревни Жилкиной, из казенных крестьян, в 1850–1853 гг. участвовал в кругосветном плавании на транспорте «Двина» и участвовал на нем в обороне Петропавловского порта в 1854 г., в 1855 г. на корвете «Оливуца» участвовал в сражении в заливе Де-Кастри [17, Л. 156].

Заячерицкая волость

Котов Давид Осипов сын (1825) – матрос 1-й статьи, уроженец Вологодской губернии Тотемского уезда Спасского приказа Заячерицкой волости (на реке Заячьей) деревни Махова из удельных крестьян, в 1848–1849 гг. в кругосветном плавании на транспорте «Байкал», на котором служил в 1854–1855 гг. и участвовал в сражении в заливе Де-Кастри [17, л. 191].

Вполне возможно, что эта история участия тотьмичей в развитии Северо- и Дальнего Востока России будет продолжена и с участием наших современников – ведь в строительстве городов и поселков, создании мощной рыбной промышленности и других отраслей народного хозяйства, развитии образования, здравоохранения, культуры принимали участие все регионы России, а какая-то часть уроженцев Северо- и Дальнего Востока обрела себе постоянное место жительства в ваших дивных краях и вошла уже в историю добрых дел на вашей древней русской земле, овеянной славой великих русских землепроходцев и мореходов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века: биобиблиогр. словарь / отв. ред. И. П. Каменецкий; сост.: И. П. Каменецкий, Д. А. Ананьев, Е. В. Комлева [и др.].– Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2020.
2. Томск в XVII веке: документы и материалы. Приходные и Расходные книги Томского города 30 гг. XVII в. / Сост. В. А. Есипова.– Томск: изд-во Томского ун-та, 2001.
3. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 141.
4. РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206.
5. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах [Текст]: Сборник документов о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке / Сост. М. И. Белов; Аркт. Научно-исследовательский институт Главного управления Северо-морского пути при Совете министров СССР.– Ленинград; Москва: Изд-во Главсевморпути, 1952.
6. *Демин, Л. М.* Семен Дежнев.– М.: Молодая гвардия, 1990.– (Жизнь замечательных людей: ЖЗЛ).
7. Челобитная служилых людей Якутского острога о хлебном и денежном жаловании за службы на «заморских реках». // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. [электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XVII/1600-1620/Otk_russ_mor_sev_cost_azii/161-180/168.phtml?id? (дата обращения: 01.12.2022).
8. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 409. Л. 111. «Книги имянные тоболским ржуником и детем боярским и съезжей избы подьячим и служилым всяких чинов людем и оброчником и юртовским служилым татаром что кому оклад великих государей хлебного жалованья и соли ко 169 году».
9. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 858. Л. 288.

10. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1048. Л. 161. Книги имянные тоболским всяких чинов служилым людям и ружникам и оброчникам и юртовским служилым татаром з денежными оклады 7201 (1693) году.
11. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261. Переписная книга Тобольского уезда 1683 г.
12. *Берх, В. Н.* Хронологическая история открытия Алеутских островов или Подвиги российского купечества.: С присовокуплением Исторического известия о меховой торговле.– СПб.: тип-я Н. Греча, 1823.
13. *Макарова, Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в.– М.: Наука, 1968.
14. О камчатской экспедиции 1758 года (рукопись XVIII века) // Щукинский сборник: вып. 5.– М., 1906.
15. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке [Текст] / Под ред. доктора исторических наук А. И. Андреева.– М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1948.
16. *Оглоблин, Н. Н.* Путевые записки морехода И. Соловьева. // Русская старина.– 1892.– №№ 9–10.

Медведев Игорь Борисович,
архитектор, реставратор памятников Тотьмы,
г. Москва

ДЕКОР НА ФАСАДАХ КАМЕННОЙ КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ X–XVII ВЕКА (1-я ЧАСТЬ)

Во многих научных статьях последнего времени рассказывается о керамическом архитектурном декоре на фасадах памятников рубежа XIX–XX веков (от эклектики до стильного модерна). В этих статьях подробно рассматривается творчество лучших мастеров и этапы развития возглавляемых ими керамических производств. Нередко обращается внимание и на керамический декор специалистов советского времени.

Автору данной статьи кажется интересным вспомнить давний фасадный декор от времени становления каменной архитектуры на Руси до позднего средневековья. Любопытно проследить, какой декор, где и сколь долго использовался на памятниках, а какой, казалось бы, канул в лету, а потом расцвел в новом материале в продолжительном времени. Занимаясь полвека реставрацией, автор имел возможность профессионально познавать церковную архитектуру прошлого. При этом обращал внимание не только на общее решение и строительную технику сооружений, но пытался разобраться и в архитектурном декоре. В результате, хотелось бы поделиться пониманием того большого значения, которое декор, покраска фасадов, а иногда и сюжетная наружная роспись, имели для восприятия внешнего облика архитектурного сооружения. Именно

о декоре и его применении на фасадах разновременных культовых архитектурных памятников России пойдет речь в данной статье.

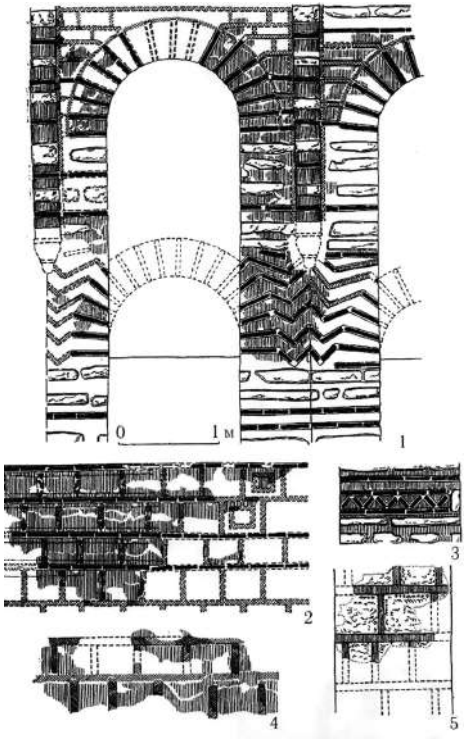
Надо сразу заметить, что от ранней каменной архитектуры Руси сохранились только культовые сооружения, а жилые постройки известны лишь по археологическим раскопкам.

Вспомним раннюю историю государства – конец X века. Недавно Киевская Русь приняла Христианство. Начавшееся каменное культовое строительство являлось новым, совсем неизвестным делом для деревянной страны. Благодаря связям Киева с Византией, в том числе и родственным (Великий князь Владимир Святославич был женат на сестре Византийских императоров), к возведению главного каменного храма на Руси удалось привлечь зодчих из Константинополя. О каменной Десятинной дворцовой церкви Успения конца X века известно немного (церковь была полностью уничтожена в нашествие Батыя в 1240 году). В результате раскопок удалось довольно условно реконструировать план и габариты сооружения, но уже с обстройкой галереями 1030-х годов. Церковь была сложена из терракотовой плинфы (довольно тонкой, от 25 мм). Счастливой археологической находкой стал небольшой фрагмент закомары с зубчиками, аналогичными зубчатому карнизу церкви Панагии Халкеон в Салониках (1028 г.). На нашей закомаре и многих мелких деталях найдены следы наружной обмазки – это цемянка, известь с примесью мелко толченого кирпича. «Судя по многим одинаковым фрагментам, стена была окрашена в охристо-красный цвет, а места сочленения форм отмечались белыми линиями. На фрагменте закомары уцелела орнаментированная раскраска зубчиков» [2, с. 173]. Были найдены и части наружных тяг с живописным растительным орнаментом по штукатурке. По местам находок (вокруг древнего ядра) приходится считать, что обнаруженный декор, скорее всего, принадлежал фасадам пристроенной галереи 1030-х годов. Нужно подчеркнуть, что этот украшенный орнаментальной живописью декор не позднее 1240 года. Вот и все объективное, что можно поведать о «предтече» каменного строительства на Руси. Некоторые исследователи отождествляют Десятинную церковь с хорошо сохранившимся Спасским собором Чернигова, но скорее всего, это излишне смело, данных об объемно-пространственном решении Десятинной церкви явно недостаточно.

Казалось бы, можно думать о полном влиянии приглашенных зарубежных мастеров на архитектурное решение каменных построек – в основном, грандиозных соборов. Но это не так, в приоритете оказалось мнение заказчика. Прежде всего, от прибывших мастеров требовалось построить соборы с обширными хорами. Предполагалось, что помещения хоров будут использоваться для пышных церемоний княжеского двора, тем самым расширялись функции собора как общественного сооружения. С подобными задачами пришлые строители на своей родине в это время уже не сталкивались. Надо подчеркнуть и самую важную роль новых каменных соборов – они должны были стать главными со-

оружениями столиц княжеств мощного раннефеодального государства, которое раскинулось на огромной территории Восточной Европы.

Наиболее значительными соборами той поры являлись постройки Ярослава Мудрого, который, в конце концов, соединил в своих руках управление всей Русской землей. Это весьма сложные храмы святой Софии в Киеве и Великом Новгороде. Очевидно, что Ярослав Мудрый получил сильную строительную артель из Византии, которую мог подкрепить мастерами, работавшими на Спасском соборе Чернигова у своего брата Мстислава. Удивительно, но сравнение двух грандиозных Софийских соборов с одновременными византийскими сооружениями показывает, что прямых аналогий им в Византии нет. Одной из причин этого было использование отличных от византийских местных строительных материалов. На Руси не было мрамора, а везти громоздкие колонны из Константинополя было нереально, пришлось довольствоваться столпами и пилястрами из своих материалов. Таким образом, несколько иной характер задания заказчика и иные условия строительства привели к появлению сооружений во многом другого, отличного от храмов Византии облика.

Ил. 1. Собор Софии в Новгороде. Декор фасадов. (1. Центр. апсида, 2. Сев. апсида, 3. Лопатка зап. фасада, 4. Южн. апсида, 5. Интерьер) (сост. Г. М. Штендер)

Ввиду последних событий, вспомнить особенности Новгородской Софии оказалось гораздо проще, чем Софии Киевской и Спасского собора Чернигова.

Новгородский Софийский собор – это выдающееся сооружение эпохи Киевской Руси (строительство начато 1045, а завершено в 1050 году). Он был главным общественным зданием и политическим символом Великого Новгорода. Практически целиком сохранившийся до наших дней храм, является крестово-купольным, пятинефным, пятиглавым и трехапсидным сооружением. Новгородская София строилась следом за Киевской и, почти точно, теми же мастерами. Новгородский храм чуть

меньше по размерам и является как бы сокращенной репликой Киевского. При возведении применялась смешанная кладка из камня и плинфы на цемяночном растворе, в арках и сводах использовалась техника кладки с характерным для Константинополя и Киева «утопленным рядом». Скорее всего, в Новгороде было тяжело наладить массовое производство плинфы, поэтому широко применялась местная известковая плита и булыжный камень. Керамическую плинфу употребляли очень экономно, в основном для кладок сводов и арок, она так же применялась в наружном декоре *(ил. 1).* «Первоначально собор не имел сплошной штукатурки ни внутри ни снаружи. Барабаны и апсиды имели декоративную обработку, производившуюся во время строительства – косые ряды плинфы, имитация квадровой кладки отпечатком веревочного шнура, роспись по сырой обмазке, имитация рядов кирпича окраской раствора в технике фрески» [3, с. 95]. На фасадах «широко использовались расчерчивание и раскраска лицевых повехностей стен с целью создания иллюзии регулярной кладки из плинфы и камня» [2, с. 237]. Тем самым поверхность стен Новгородской Софии отличалась от Софии Киевской. Особую организацию получила алтарная часть собора. Главная апсида сделана граненой, на ее ребрах помещены полукруглые вертикальные тяги на консолях. Рассуждая о декоре фасадов Новгородской Софии важно помнить, что ее первоначальный облик был иным, более сложным по характеру. Стены собора оставались неоштукатуренными сто лет (до середины XII века). Грубая каменная кладка на розовом цемяночном растворе и «гладкая затертость» местами, придавали поверхности стен удивительную живо-

Ил. 2. Собор Софии в Новгороде. Декор алтарных апсид

писность. Как и на фасадах галереи Десятинной церкви, на Софии есть декоративные зубчики, окаймляющие закомары и арочки барабанов под куполом, сейчас они мало заметны под поздней штукатуркой. Можно сказать, что первоначально собор выглядел приветливее, «радостней» и, наверное, даже легче. Ныне оштукатуренный известью собор смотрится значительно суровее и суше. К сожалению, теперь лишь незначительные фрагменты раннего декора остаются открытыми на восточном фасаде и позволяют представить, как декоративно выглядел собор сразу после завершения строительства *(ил. 2).* Помня, что заказчиками обоих Софийских соборов был Ярослав Мудрый, а в строительстве участвовали одни и те же мастера, можно было бы ожидать копийного повторения киевского образца, но этого не произошло. Следует подчеркнуть, что строители, прежде всего, придали оригинальность наружному облику Новгородской Софии и этот облик стал образцом для местных зодчих.

Здесь хотелось бы заметить, что главный западный фасад собора издревле украшают трофейные Магдебургские врата, а над ними располагается обширная фресковая композиция, занимающая всю высоту осевого прясла стены *(ил. 3).* Когда появилась первая роспись над главным входом в собор не известно, но, думается, это являлось важным событием в декоративном оформлении Софии. В 1528 году ради увеличения фрески на главном фасаде собора заложили окна западной галереи. Это показывает, насколько была важна фасадная живопись, если ради нее решили «затемнить» главный неф галереи. Правда, века через два, применяя новые материалы, строители соорудили более грандиозный

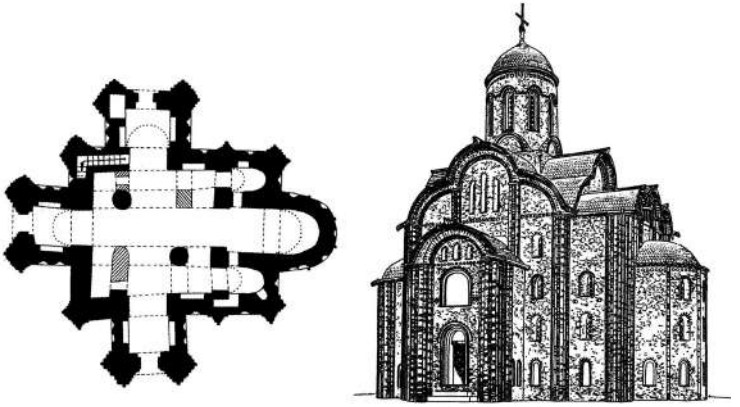
Ил. 3. Собор Софии в Новгороде. Обширная фресковая композиция над главным входом

Ил. 4. Церковь Параскевы Пятницы в Новгороде, 1207 г.

оконный проем, но много ниже, для освещения пространства главного нефа уже под хорами, то есть парадный проход в храм.

Одним из последних значимых сооружений домонгольской поры в Новгороде является церковь Параскевы Пятницы 1207 года *(ил. 4).* Отреставрированный в начале 1960-х памятник относится к типу «башнеобразных» храмов рубежа XII–XIII вв., которые в разной степени сохранились еще в Смоленске и Чернигове. Многие подобные храмы известны по реконструкциям на основе археологических раскопок. Особенность этих памятников – динамично направленная ввысь композиция, стремление

Ил. 5. Церковь Параскевы Пятницы в Новгороде.
План и аксонометрия (реконструкция на 1207 г. Г. М. Штендера)

к «центричности» и симметрии. Их очень характерная деталь фасадов – трехлопастное завершение четверика. Весьма примечательно, что во всем этом наблюдается решительный отход от византийских канонов. Надо заметить, что характерное завершение упомянутых памятников можно считать прообразом завершения многих будущих храмовых строений на Руси. Удивителен алтарь церкви, важным «новгородским» новшеством явился отказ от «выраженных» вовне боковых круглых апсид, они организованы уже внутри, а центральная апсида напротив выдвинута на восток *(ил. 5).* Окна и ниши храма Параскевы сгруппированы в вертикальные ряды, что подчеркивает центричность здания. Из кирпичного декора фасадов церкви нужно отметить пояс небольших декоративных нишек в основании лопастного завершения стен и такой же ряд на стенах притворов, а также вертикальные двухуступчатые ниши в нижней части фасадов храма. Входы в притворы церкви были оформлены перспективными порталами с полуциркульными архивольтами, включающими обломы из лекального кирпича и украшенные внешней зубчатой «бровкой». Такие же детали украшают большие арочные ниши над порталами. Выше тройных окон расположен аналогичный декор с рядом знакомых зубчиков, который базируется на внутренних обломах «пучковых» пилястр притворов. Известно, что тимпаны больших арочных ниш притворов и даже ниши в нижней части стен церкви были расписаны (долго сохранялся фрагмент композиции со св. воином на восточной нише дьяконника, также есть сведения о росписи в большой нише над южным порталом – «Коронование Богородицы»). Особо восторгают нетипичные для Новгорода мощные «пучковые» пилястры, в сложном профиле которых применен лекальный кирпич и, конечно, восхищает обнаженная смешанная кладка стен – чередование рядов известняка, ракушечника и плинфы. В таком эмоциональном восприятии облика памятника большая заслуга реставратора объекта Г. М. Штендера, под руководством которого изучены и спасены многие сооружения средневековой Руси. Нельзя не отметить покрытие кровель притворов весьма декоративным деревянным лемехом. Несомненно, облик и некоторые конструктивные особенности Пятницкой церкви повлияли на архитектуру храмовых сооружений Новгорода трех будущих столетий.

Безусловно, многовековое лихолетье после нашествия Батыя привело к ослаблению Русского государства. Почти во всех регионах страны бурная хозяйственная деятельность и масштабное строительство практически прекратились. Некоторым исключением оставался Великий Новгород. На протяжении нескольких столетий вплоть до конца XV века в Новгороде продолжали строить храмы в технике грубой каменной кладки с небольшим количеством кирпича, который использовали в основном в верхней части и именно для декора. К середине XIV века в городе сложился почти каноничный тип приходского храма – четырехстолпный, одноглавый, с одной апсидой алтаря и трехлопастным завершением фасадов *(ил. 6).* Как правило, фасады разбиты лопатками и

Ил. 6. Церковь Петра и Павла в Новгороде, 1406 г. Реставрация на время возведения

Ил. 7. Церковь Петра и Павла в Новгороде, 1406 г. Цветовые пятна изображений святых в нишах

Ил. 8. Церковь Петра и Павла в Новгороде, 1406 г. Детали терракотового декора

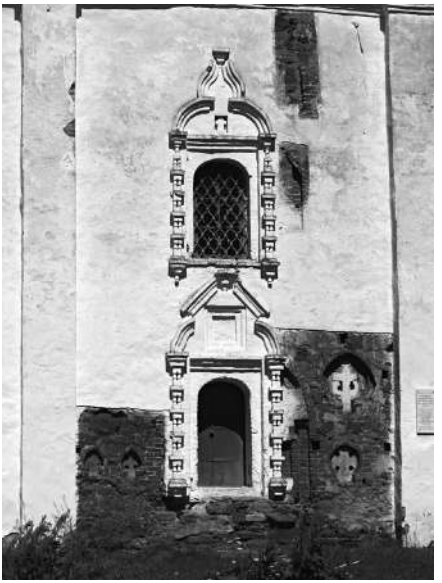
соответствуют внутреннему членению столбами, то есть, каждый фасад разделен на три прясла. Под трехлопастным завершением проходят ползучие декоративные арки, связывающие между собой лопатки. Благодаря более щедрому использованию кирпича появилась возможность обогатить декоративное убранство фасадов. Аркатура на апсиде, «бровки» с теми же зубчиками над окнами и нишами, широкая полоса сложного орнамента под основанием купола, фигурные кресты на стенах – этот набор декоративных элементов из кирпича делает средневековые храмы Новгорода весьма нарядными. Очень живописны разбросанные по фасаду ниши с изображенными на их внутренней поверхности святыми (фреска). Эти цветовые пятна значительно оживляли средневековые фасады новгородских церквей *(ил. 7).* Порталы и оконные проемы иногда имеют стрельчатые завершения, возможно, это некоторое влияние готической архитектуры соседних земель. Весьма характерны для этого времени объемные кресты из известняка, заглубленные в разнообразные по величине и форме ниши нижней части фасадов *(ил. 8).* Во 2-й половине XV века заметное увеличение роли кирпича за счет уменьшения естественного камня вызвало появление на фасадах многоярусных полос узорной кирпичной кладки, включающих узкий и широкий поребрики, а также бегунец *(ил. 9).* Интересно, что начинают и завершают широкие полосы кирпичного декора те же ряды с зубчиками, но не «консольные» как в древности, а уже утопленные в кладку. Именно этот позднее повсеместно распространенный декор стали называть «поребриком». Следует опять отметить, что первоначально фасады храмов не были затерты раствором, а их естественная каменно-кирпичная фактура была открыта. Впоследствии все церкви были оштукатурены. Правда, некоторые памятники во 2-й половине XX века были блестяще отреставрированы на время их возведения *(ил. 6–8),* другие, сильно перестроенные, были оставлены в позднем решении, но с обнаженными выявленными деталями первоначального декора *(ил. 10).* Все это весьма наглядно иллюстрирует «сложную» жизнь архитектурного сооружения во времени.

Ил. 9. Церковь Дмитрия Солунского в Новгороде, 1462 г. Реставрацией выявлен начальный кирпичный декор, но поздняя обмазка скрывает цвет фасадов

Здесь необходимо подчеркнуть, что недаром Новгородская научно-реставрационная школа всегда считалась одной из лучших в стране.

Но вернемся в раннее средневековье, в западную часть Древней Руси – Полоцкое княжество. Наиболее удивительной «домонгольской» постройкой этих мест является Борисоглебская церковь Коложского монастыря в Гродно *(ил. 11).* Церковь сложена из плинфы (использовалась обычная порядовая кладка, распространённая во 2-й половине XII столетия). Памятник отличается удивительным внешним обликом – неоштукатуренные фасады декорированы глазурованными майоликовыми панно, преимущественно в форме крестов, а также вставками из отполированных гранитных и гнейсовых валунов разных цветов *(ил. 12).* Майоли-

Ил. 10. Церковь Рождества Богородицы в Новгороде, 1379 г., перестроена в XVII в. Реставраторы выявили остатки начального декора и цвет фасада

Ил. 11. Церковь Бориса и Глеба (Коложская) в Гродно, 2-я пол. XII в. Вид с северо-востока

Ил. 12. Церковь Бориса и Глеба (Коложская) в Гродно, 2-я пол. XII в. Каменный и майоликовый декор (Крест на Голгофе)

ковые детали декора, наверное, древнейшие, которые можно видеть на фасадах строений русских городов. Стены храма двойные, во внутреннем слое между кирпичами вмурованы многочисленные кувшины-голосники, облегчающие кладку и придающие помещению особые акустические свойства. Легенды приписывают возведение храма местному зодчему Петру Милонеге. Крыша и купола были покрыты цветной глазурованной черепицей, также известно, что пол был набран из керамических плиток сложных конфигураций.

Совершенно иное строительство развернулось на северо-востоке Руси, где находилась Залесская земля, которая принадлежала переяславскому (позднее киевскому) князю Владимиру Мономаху. В ее главных городах в Суздале, Ростове и Владимире в первые годы XII века началось каменное строительство. От тех строений почти ничего не осталось. В Суздале археологически были выявлены остатки шестистолпного храма, построенного из плинфы в знакомой технике кладки с «утопленным рядом». Очевидно, строителями были присланные Владимиром Мономахом мастера, работавшие на юге, которые после завершения строительства вернулись обратно на родину и строительство в Залесской земле прервалось. К сожалению, о характере декора храмов рассуждать не приходится, археологи в земле ничего «декоративного» не обнаружили.

Монументальное строительство возобновилось лишь в середине XII века при князе Юрии Долгоруком. Он враждовал с Киевом, и обратился за строителями в далекий Галич. Строительным материалом стала уже не обожжённая плинфа, а природный известняк. Прибывшие мастера возвели два четырехстолпных собора-близнеца в Переяславле-Залесском и в Кидекше под Суздалем. Оба они построены в прекрасной белокаменной технике, стены четверика расчленены плоскими лопатками и прорезаны вытянутыми оконными проемами. У хорошо сохранившегося собора в Переяславле декоративные элементы завершают алтарные апсиды, это арки на консолях, несущие карниз с поребриком, увенчанный профильными обломами на северной апсиде и прекрасной ордерной орнаментальной резьбой на центральной и южной. Сложный карниз

с рядом городков, поребрика и профильными обломами венчает барабан храма с восемью узкими вертикальными окнами *(ил. 13).* Фасадный декор применен очень ограниченно и во многом совпадает с деталями, найденными археологически в самом Галиче. Очень интересно предположение, что приехавшие из Галича мастера за время работы смогли подготовить квалифицированных местных помощников, что окажется немаловажным в будущем.

Ил. 13. Собор Спасо-Преображения в Переяславле-Залесском. 1152–1156 гг.

В конце 50-х годов XII века в новом центре Северо-Восточной Руси, Владимире, происходит резкое усиление строительной деятельности. Сюда из Суздаля князь Андрей Боголюбский (сын Юрия Долгорукого) перенес столицу и начал энергично обстраивать город. Значительное усиление политической роли княжества в общерусских делах вызвало необходимость в строительстве более крупных и «торжественных» сооружений, которые своим обликом свидетельствовали о могуществе Владимирского князя, диктовавшего свою волю князьям большинства русских земель. Имевшаяся в городе строительная артель не могла удовлетворять таким высоким требованиям. Князь Андрей Боголюбский пригласил новых зодчих, которых прислал император Фридрих Барбаросса[53]. Считается, что мастера происходили

[53] **Фридрих Барбаросса (Рыжебородый) 1122–1189.** С 1147 – герцог Швабии. Участник Второго Крестового похода (1147–1149), благодаря своей доблести завоевал всеобщее уважение. С 1152 – король Германии. С 1155 – император Священной Римской Империи. При Фридрихе Барбароссе средневековая Священная Римская империя была на пике своего расцвета и военной мощи, но внутри она оставалась фактически раздробленной. Убедившись, что заальпийские земли за последние десятилетия стали фактически независимы от империи и активно сопротивлялись немецкому господству, Барбаросса решил утвердить его вновь. Он вступил в двадцатилетний конфликт и совершил пять военных походов на Рим. За это долгое время менялись Папы, объединялись сопротивлявшиеся северо-итальянские земли (Ломбардская лига), но события развивались с переменным успехом. В главном сражении последнего пятого итальянского похода (1176) Фридрих потерпел поражение, поэтому ему пришлось уменьшить притязания и пойти на большие уступки. Он подписал перемирие и в 1178 году отправился в Бургундию, где короновался в Арле как Бургундский король. Конфликт с Ломбардской лигой постепенно улаживался. В 1183 году был подписан мир. В 1189 году Фридрих Барбаросса принял участие в Третьем крестовом походе в Святую землю вместе с королем Франции Филиппом II Августом и

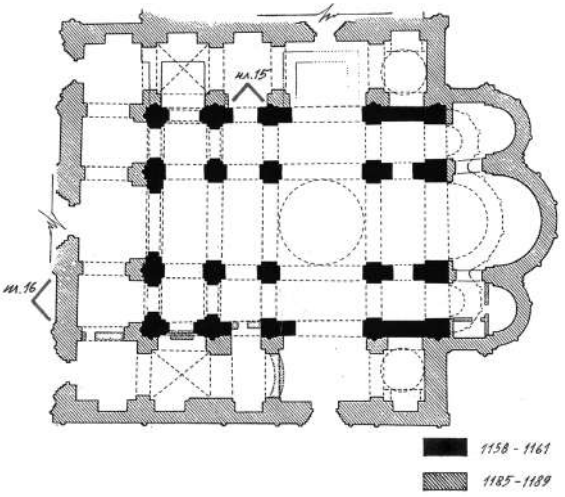
из южной Германии или северной Италии. Так, в северо-восточной Руси в 60-х годах XII века сложилась сильная строительная организация, в которой могли совместно работать западноевропейские, галицкие и местные мастера. Именно в это время владимиро-суздальское зодчество достигло своего высшего расцвета.

Наиболее значительным объектом стал городской белокаменный Успенский собор 1158–1161 гг. *(ил. 14 заливка).* Это был шестистолпный, одноглавый храм с крестово-купольной системой сводов. Его фасады,

---

королем Англии Ричардом Львиное Сердце. При переправе через реку Селиф император Фридрих Барбаросса, будучи облачён в тяжёлые доспехи, упал с коня, был подхвачен бурным течением и захлебнулся в воде. Смерть предводителя заставила многих крестоносцев повернуть назад, а те, кто остались, оказались неспособны отвоевать Иерусалим. Фридрих Барбаросса – физически очень крепкий человек, обладавший живым умом, приятный и даже очаровательный собеседник, превосходный рыцарь, жадный до трудных предприятий и славы, честный и щедрый государь, добрый и твёрдый в вере христианин. Впрочем, он был не лишен и недостатков, свойственных тогдашним монархам – суровость, гнев, иногда жестокость в достижении целей и, конечно, безмерное властолюбие. Однако он никогда не мечтал о необыкновенных предприятиях и бурных успехах. Всё, за что он брался, было реально и продуманно. Поэтому удача часто сопутствовала ему даже в самых сложных делах, но главная мечта его жизни – возродить прежнее могущество империи Карла Великого – осталась неосуществлённой. Фридрих Барбаросса создал многочисленную для своего времени европейскую армию, главной силой которой являлась высоко организованная тяжёлая рыцарская конница. Фридрих признан классиком военного средневекового искусства. Германское рыцарство стало примером для подражания многим другим национальным рыцарским организациям. Рыцарь Фридрих Барбаросса свято придерживался феодального права на звание рыцаря. По его указу право на рыцарский поединок со всеми его атрибутами имел лишь тот, кто был рыцарем по происхождению. Перевязь, рыцарский пояс и золотые шпоры мог носить только рыцарь. Эти предметы являлись излюбленными наградами немецких рыцарей, которыми их поощрял король. Прославившийся в молодости во втором крестовом походе и проживший активную жизнь Фридрих Барбаросса, на склоне лет всё более склонялся к новому походу в Святую землю. В конечном итоге, он так или иначе, обрёл вечный покой за эту идею освобождения гроба Господня. Нам Фридрих Барбаросса интересен как властитель далеких земель, связанный неведомыми контактами с Владимирским князем Андреем Боголюбским (1111–1174). Об этом вскользь поведал историк В. Н. Татищев (1686–1750), опираясь, скорее всего, на затерянные ныне документы. Известно «легкое» отношение корифеев исторической науки к работам Татищева, но осязаемые факты в виде шедевров владимирского зодчества 2-й половины XII века свидетельствуют о несомненных связях между далекими странами. Еще одним весомым доказательством довольно тесных контактов являлись наплечные украшения князя Андрея – удивительный шедевр романского ювелирного искусства *(ил. 35)*. Эти реликвии на протяжении столетий благоговейно хранились в Успенском соборе Владимира, а в 1930-е были проданы на запад. В 2011 году сотрудники Лувра ненадолго привозили их «погостить» во Владимир – город, где покоятся останки Святого Благоверного князя Андрея Боголюбского. Интересно, чем были обусловлены эти неблизкие (расстояние) контакты и сколь просто было их осуществить в середине XII века. По качеству и количеству построек, можно догадаться, что далекие европейские строители были явно «не из последних» и прибыли немалым числом. А если вспомнить, что они возвели еще и Золотые ворота Владимира, то есть принимали участие в фортификационных работах, наверное, следует уже рассуждать о тесных взаимоотношениях между государствами христианского мира в столь раннюю пору. Это может находиться в связи и с Крестовыми походами Фридриха Барбароссы на Святую землю. Тут же в памяти всплывает наименование плана быстрого захвата фашистской Германией СССР в 1941 году – «Операция Барбаросса».

завершавшиеся закомарами, членились лопатками с полуколоннами, которые были украшены резными базами и капителями. Собор был довольно высок и строен. Типологические черты собора несомненно совпадают с принятыми на всей Руси, очевидно, прибывшие иноземные мастера должны были, как всегда, считаться с требованиями заказчиков, не желавших отступать от освященных уже вековой традицией образцов. В то же время, белокаменная кладка, перспективные порталы и прочие архитектурные детали выдавали их романское происхождение.

Ил. 14. Успенский собор во Владимире. План (заливка – 1158–1161; штриховка – 1185–1189)

После городского пожара 1185 года, Успенский собор был «деликатно» расширен зодчими Всеволода III (добавлены чуть пониженные галереи с трех сторон и увеличенный алтарь *(ил. 14 штриховка).* Примечательно, что наружные стены первоначального собора оказались сохраненными внутри обстройки. Исследователями прошлого века на их внешней поверхности были выявлены прекрасные декоративные детали

Ил. 15. Успенский собор во Владимире построен князем Андреем Боголюбским в 1158–1160 годах. Уже в 1161 году был расписан

фасадов сооружения Андрея Боголюбского, 800 лет благополучно сохранявшиеся в интерьере нового собора. Прежде всего, это аркатурно-колончатый пояс со стройными колонками, консолями, и «квадратными» романскими капителями, окружавший собор 1161 года на уровне хоров *(ил. 15).* **(Этот пояс – характерная деталь, которая отсюда пройдет через всю историю ранней владимиро-суздальской архитектуры, а затем войдет в архитектуру Московского государства и просуществует на фасадах чуть ли не до времени Петровских нововведений, но чаще уже в усложненном керамическом исполнении).** Знакомясь с этими удивительными фрагментами декора, стоит обратить внимание на хорошо сохранившуюся орнаментальную роспись внешних откосов оконного проема и фланкирующие его сюжетные живописные композиции (ростовые фигуры пророков со свитками). Здесь необходимо восхититься, что это именно наружная фасадная роспись, доказывающая, что подобный живописный декор (фреска) был возможен, несмотря на суровый климат владимирской земли. Нужно заметить, что это самые древние сохранившиеся сюжетные композиции на внешних стенах церковных строений страны. Подобные фасадные украшения применялись и позднее, а именно, на фасадах обстройки собора Всеволода III. Реставраторы XIX века при разборке поздних контрфорсов с западной стороны нашли сохранившуюся под ними наружную раскраску в поясе с колонками, промежутки между колонками были заняты живописными фигурами святых *(ил. 16).* Конечно, их состояние было ужасно – несколько столетий они находились под воздействием сурового климата и живопись безусловно подвергалась поновлению. Успенский собор, возвышавшийся на краю детинца над рекою, по сей день виден за несколько километров подходящим к городу с восточной и южной стороны. Интересна догадка, объясняющая различный уровень поясов, на южном фасаде он заметно ниже *(ил. 17).* Естественно, что тем самым увеличивалась верхняя часть фасада над поясом, а уменьшенная нижняя часть скрывалась окружавшими невысокими строениями. Поэтому при восприятии снизу (от пристани на реке) и издалека (с воспетой Муромской

Ил. 16. Успенский собор во Владимире. Следы росписи на поясе обстройки Всеволода III, возможно 1189 г. (вопр.).

Ил. 17. Успенский собор во Владимире 1158–1160 гг.; 1189 г.

дороги) собор на горе становится еще грандиозней. Несомненно, что выделение цветом аркатурно-колончатого пояса делало его издалека заметней. Очень любопытна археологическая находка, поступившая в ГИМ в 1908 году. Это обломок белокаменного архитектурного украшения с изображением птицы Сирин со следами красной краски. Доктор исторических наук Н. Н. Воронин [1, с. 373] относил его к архитектурным украшениям храмов Владимирской земли домонгольского времени. Воронин также считал важнейшим новшеством архитектурной декорации храмов Андрея Боголюбского введение резного камня, чуждого древней киево-византийской архитектуре. Известно, что греческая и русская церковь вообще отрицательно относилась к изобразительной пластике. Напротив, этот вид убранства характерен для архитектуры романского мира. Тут необходимо отметить, что стены собора Андрея Боголюбского хоть и скупо, но уже украшены первыми скульптурными горельефными изображениями на Руси. Они были столь ценны, что некоторые из них со старых стен бережно перенесли на фасады обстройки Всеволода III. Закончить разговор об Успенском соборе следует описанием декора барабанов глав. По периметру стен барабанов кроме венчающего карниза с рядом городков пущен тот же аркатурно-колончатый пояс, но больших размеров. На малых и большом барабанах в промежутке между колоннами «через раз» находятся щелевидные окна. Ниже будет поведано, что через три столетия подобное решение световых барабанов станет весьма популярно.

На южном краю Владимира, недалеко от величественного Успенского собора, на княжеском дворе в 1190-е годы был выстроен пышно

Ил. 18. Дмитровский собор во Владимире. Кон. XII в.

убранный резным камнем Дмитровский собор. Этот собор – безусловно, важнейшее сооружение времени княжения Всеволода III (1177–1212 гг.), довершившего дело Андрея Боголюбского – авторитет Владимирского князя получил общерусское признание. Типологически Дмитровский собор принадлежит к небольшим четырехстолпным, одноглавым трехапсидным храмам Владимирской земли середины XII века. В отличие от соборов Юрия Долгорукого он более «строен» и пропорциями ближе к постройкам Андрея Боголюбского. Дмитровский собор горизонтально членится на три практически равные части, при этом исследователи считают, что чем выше, тем богаче и пышнее становится декор стен. Обнаженный низ оживлен лишь большими порталами и сложным резным фризом с аркатурно-колончатым поясом на уровне хоров. В отличие от легких и стройных колонок на постройках Андрея Боголюбского они отягчены орнаментальной резьбой. Здесь отказались от живописных орнаментов и написанных ростовых святых. Вместо этого простенки между колонками заполнили сюжетной резьбой и горельефными скульптурами *(ил. 18).* Все это вместе превращает пояс в эффектную широкую горизонтальную ленту. Средний ярус здания, над поясом, прорезан узкими ок-

Ил. 19. Дмитровский собор во Владимире. Стены покрашены, а рельефы выбелены. (сн. кон. XIX в.)

нами, оставляющими широкие плоскости стен сплошь занятыми рядами рельефов. Фасад расчленяют пилястры с полуколонной на сложной базе и увенчанной резной капителью. Все перечисленное показывает, что это уже следующий этап декоративного решения фасадов. В заключение можно упомянуть недатированную красноватую фоновую покраску стен Дмитриевского собора, с выделением рельефов побелкой *(ил. 18 и 19).* Трудно говорить о возможной раскраске резьбы, но есть и черно-белые фотографии начала XX века, где очевидно, что рельефы на стенах выглядят темнее фона *(ил. 20 и 21).* Остается надеяться, что «реставраторы» прошлого владели аргументами для столь различных решений фасадов Дмитровского собора.

Ил. 20. Дмитровский собор во Владимире. Возможная покраска рельефов (сн. нач. XX в.)

Ил. 21. Дмитровский собор во Владимире. Возможная покраска рельефов (сн. нач. XX в.)

Ил. 22. Соборная площадь в Московском Кремле.
Слева направо: церковь Ризположения, соборы Успенский и 12 Апостолов

Можно было бы и не уделять столько внимания покрашенным рельефным деталям декора, но думается, что наряду с живописью на фасадах это показывает стремление мастеров тем самым усилить впечатление от величественной архитектуры раннего средневековья. Пройдет около пяти веков, и фасады на Руси по той же причине «расцветут» весьма сложным раскрашенным уже кирпичным декором, а иногда и удивительной цветной майоликой, обильно покрывающей некоторые кирпичные строения.

Аркатурно-колончатый пояс, о котором говорилось немало, как декор будет применен вновь через триста лет во 2-й половине XV века на Успенском соборе Московского Кремля *(ил. 22)*. Это объясняется просто – призванный из Болоньи зодчий был послан во Владимир для изучения древних соборов, дабы приблизить свое творение к традиционному подобающему на Руси облику. Забавно, но это новое строительство, отчасти, как и в древности, было связано с женитьбой Великого князя московского Ивана III на представительнице византийского императорского дома Софии Палеолог. Так, декор, родившийся в домонгольскую пору, перекочевал на главный собор нового центра Руси. В Московском соборе, не имеющем хоров, аркатурно-колончатый пояс пропущен на уровне нижних окон. Щелевидные окна нижнего света расположены как раз в простенках между колонок пояса. **Можно считать, что это следующий после Владимирских соборов случай, когда фрагмент аркатурно-колончатого пояса с окном внутри выглядит как его обрамление, то есть наличник.**

Ил. 23. Благовещенский собор в Московском Кремле

На рубеже XV–XVI веков ансамбль Московского Кремля претерпевает значительные изменения, перестраиваются соборы и церкви. На фасадах этих строений присутствует аркатурно-колончатый пояс (зачастую уже керамический) – у Благовещенского собора 1489 г. на уровне окон второго этажа *(ил. 23)*, а у собора Чудова монастыря 1503 г. на уровне окон второго света *(ил. 24)*. Алтарные апсиды церкви Ризположения 1486 г. выше подклета украшены таким же поясом, но с килевидной арочной перемычкой *(ил. 22)*. Исключение составляет лишь Архангельский собор 1508 г., фасады которого решены в декоративной стилистике итальянского ренессанса, хотя и здесь уже полюбившийся декор обрамляет узкие окна барабанов глав *(ил. 25 а)*.

Ил. 24. Собор Чудова монастыря в Московском Кремле (сн. нач. XX в.)

Аналогично украшены барабаны уже упомянутых соборов Благовещения и Чудова монастыря, их узкие оконные проемы обрамлены колонками, а широкие простенки украшены проще – лишь арками без колонок. Позднее в XVII веке Соборная площадь Кремля окончательно сформируется надстройкой колокольни Ивана Великого и возведением Патриарших палат с собором Двенадцати Апостолов. На верхнем этаже всех объемов этого строения – опять аркатурно-колончатый пояс, но пущенный уже в два ряда и обрамляющий окна и нижнего, и верхнего света *(ил. 22).*

Ил. 25 (а). Архангельский собор в Московском Кремле.

Ил. 25 (б). Архангельский собор в Московском Кремле. Реконструкция на время возведения

Хотелось бы вернуться к украшению главного собора Кремля – Успенского (1479 г.). По сторонам и выше его главных входов исследователями XIX века были зафиксированы «графья» – прорись живописных фресковых композиций с остатками красочного слоя *(ил. 26),* сохранившиеся и поныне. Считается, что эта живопись появилась в середине XVI века. Также весьма эффектны фрески над алтарными апсидами собора в трех восточных закомарах *(ил. 27).* Датировать эту фасад-

Ил. 26. Успенский собор в Московском Кремле. Фиксация графьи наружных фресок по сторонам от входов

ную живопись трудно, но скорее всего, что росписи в этих местах были задуманы еще при строительстве собора в XV веке. Строители нарочито утрировали «толщину» восточных угловых лопаток, что позволило осуществить большой вынос кровли над фресками для их защиты *(ил. 23).* Апсиды, наоборот, сделали весьма малоразвитыми. Это улучшило обзор высоко расположенной живописи с близкого расстояния.

Можно рассуждать не только об украшении наружных стен памятников росписями, не менее любопытна ранняя окраска фасадов ныне побеленных строений, расположенных на соборной площади Московского Кремля. Возможный пример этого – проект-реконструкция фасадов Архангельского собора с выкрашенными в «глубокий» бордово-красный цвет стенами с прекрасными выбеленными деталями на их фоне *(ил. 25 б).* Еще совсем недавно можно было наблюдать воочию раскраску «под кирпич» плоскости стены на одной из граней колокольни Ивана Великого (грань примыкала к звоннице и не активно воспринималась, поэтому было дозволено не оставлять ее белой, а выкрасить «на XVII век» по настоянию реставраторов). Примечательно, что этот «красный» цвет стен

Ил. 27. Успенский собор в Московском Кремле. Фрески на восточном фасаде

всех ярусов колокольни, упомянутый в «Записках о Московии» Генриха фон Штадена и запечатленный на некоторых старых иконах с видом Кремля, был подтвержден натурными исследованиями 1970-х годов.

Вернемся к аркатурно-колончатому поясу. Естественно, что после сооружений Кремля описанный фасадный декор церквей распространился по Москве и соседним регионам. Можно говорить, что на фасадах соборных и приходских храмов XVI–XVII веков зачастую применялся колончатый пояс, реже на стенах и очень часто на кирпичных барабанах глав.

Замечательным примером подобного украшения фасадов являются многие памятники Ярославской земли, в частности Ростова Великого. На городском соборе Успения, который довольно близок по времени возведения и объемно-пространственной схеме к одноименному Московскому, подобный декор расположен на плоскости стен точно между рядами окон нижнего и верхнего света *(ил. 28).* На фасадах стройной надвратной церкви Иоанна Богослова (1683 г.), в том же ансамбле «Ростовского кремля» – точно такой же пояс, но уже набранный из керамических деталей. Он пущен посредине четверика *(ил. 29),* стены которого заканчиваются весьма декоративным «пощипцовым» покрытием. Интересно, что алтарные апсиды упомянутых памятников украшены одинаковыми вытянутыми пятиугольными нишами, хотя между ними без малого 200 лет.

Хотелось бы закончить первую часть повествования, посвященного декору на фасадах каменных церквей, подробным описанием своего любимого памятника предпетровской России *(ил. 30).* Сретенская надвратная церковь Борисоглебского монастыря под Ростовом, построенная в 1680 году, вобрала в себя все, что связано с понятием русского наци-

Ил. 28. Успенский собор в Ростове Великом

Ил. 29. Церковь Иоанна Богослова (1683 г.) в Ростове Великом

Ил. 30. Сретенская надвратная церковь (1680 г.)
в Борисоглебском монастыре под Ростовом

онального стиля в церковной архитектуре. Ее богато декорированные, обращенные к дороге ворота не могли не привлекать внимание проходящих. Над воротами с неравными проездами (один у́же другого) высится пятиглавый храм с двумя симметрично поставленными по сторонам круглыми башнями. С главной северной и с западной стороны храма устроены открытые галереи. Тут повторяется объемная композиция надвратной церкви Иоанна Богослова в «Ростовском кремле», но Сретенская церковь менее стройна и воспринимается несколько тяжелее. Основной куб ее разделен лопатками не на три, а на два равных членения, причем, лопатки доходят только до аркатурно-колончатого пояса, «загнанного» здесь под карниз четверика храма. Собственно, карниза и нет, его заменяет этот скромный пояс с тремя бусинами на колонках, обходящий все здание. На трех фасадах очень четко выделяются два окна, обрамленные типичными для XVII века «узорчатыми» наличниками. Боковые главки покоятся на тонких кирпичных барабанах, весьма декоративных благодаря широкому поясу украшений из лекального кирпича. Самое интересное, что в нижней части барабанов расположен аркатурный пояс, но без колонок, для них попросту не хватило высоты. Вот центральный барабан выше, и место для колонок есть, но разбивка получилась хаотичной, пять щелевидных окон разбросаны бессистемно – на северной стороне их два, на остальных сторонах света по одному. Тем не менее, окна охвачены колонками, а широкие простенки только с арками, которые чуть больше, чем арка пояса над окном.

Приоритет декоративных задач не менее выражен и в оформлении башен *(ил. 31).* Четко разделенные на этажи горизонтальными тягами, они украшены большим количеством разнообразных окон в нарядных наличниках, очень милы круглые бойнички-стрельницы. Особенно хочется отметить самые верхние окна башен, обведенные кирпичным полувалом, перебитым тремя бусинами, в этом оконном наличнике, конечно, нельзя не узнать звено аркатурно-колончатого пояса четверика храма. Разнообразный кирпичный декор церкви и башен создает нежную игру светотени. Галерея церкви и обрамление ворот покрыты сложным сплошным узором, характерным для лучших образцов русской архитектуры XVII века. Декорация столбов, арок, карнизов, ширинок при всей кажущейся запутанности декора имеет, однако, строгий порядок, и все его разнообразие составляется из нескольких типов профилированных «фасонных» кирпичей. Очень красивы арки проездов ворот. Несущие их столбы-опоры украшены разнообразными терракотовыми балясинами и колонками. Перемычки между опорами декорированы «вислым каменьем», ниже арок по оси ворот расположены богато украшенные киоты. Любуясь декором некогда открытой северной галереи, трудно отделаться от мысли, что это – тоже аркатурно-колончатый пояс, но более развитый и значительно усложненный. Его одинаковые колонки с дыньками и перехватами фланкируют широкие проемы и узкие простенки с полихромными изразцами в квадратных ширинках и в тимпа-

Ил. 31. Сретенская надвратная церковь.
Северный вход в Борисоглебский монастырь. Северная галерея.
(Цветное фото С. М. Прокудина-Горского. 1911 г.)

нах кокошников. В декоре некогда открытых проемов галереи применен тот же архитектурный прием, как и у ворот – висячая на арках «гирька». Не менее богат парапет галереи, сплошь украшенный рядом ширинок с изразцами, который опирается на широкий фриз, набранный деталями из фасонного кирпича.

Ныне фасады памятника раскрашены в два цвета: плоскости стен – желтая охра, а декор побелен. Думается, что это результат недавней «реставрации», когда из многочисленных слоев была выбрана незатейливая покраска ампирного времени. Все бы хорошо, но вот перед нами диковинная цветная фотография С. М. Прокудина-Горского 1911 года, на которой запечатлена более выразительная раскраска именно воротной группы с башнями *(ил. 31).* Плоскости стен побелены, а выступающие детали декора из лекального и фасонного кирпича выделены приглушенным бордовым цветом, где-то он чередуется с побелкой. При этом четверик храма желтый с белым декором. Кровли на фото окрашены «ярью» в зеленый цвет. Наверное, «светотеневого» восприятия побеленного памятника было недостаточно, поэтому столь очевидно творческое отношение мастеров прошлого к покраске керамического декора. Да и нередкое обильное применение изразцовой майолики на фасадах свидетельствует о желании предельно разнообразить «фасадную красоту». Довольно частую раскраску церквей подтверждают и черно-белые фото-

Ил. 32. Сретенская надвратная церковь.
Северный вход в Борисоглебский монастырь (сн. нач. XX в.)

графии XIX века, зачастую на них можно заметить различные оттенки покраски стен и деталей фасадов *(ил. 32).*

Все остальные фасады Сретенской церкви решены много скромнее. Галерея на западной стороне с простыми трехцентровыми перемычками, стены декорированы несложными поясами поребрика, бегунца и рядом нишек. Венчает галерею трехобломный карниз, образованный напуском рядов кирпича и полувалика. Даже квадратные ширинки на парапете западной галереи заняты простейшими белокаменными фигурными вставками, а не полихромными изразцами. На памятнике последней четверти XVII века этот декор смотрится совсем уже архаичным *(ил. 33).*

На этом придется прервать 1-ю часть статьи. В ней было рассказано о становлении и развитии каменного культового зодчества в некоторых основных центрах страны на протяжении нескольких столетий, за которые страна сильно менялась, даже территориально – на каком-то этапе истории эти части страны были единым государством, а потом становились «ближним» зарубежьем. Описанные памятники хорошо знакомы автору, рядом с ними прошла его жизнь. Особое внимание всегда уделялось декорации фасадов, поэтому хочу позволить себе сделать некоторые выводы:

1. Декор на фасадах несомненно имел большое значение для восприятия архитектурного сооружения. Объемный декор за счет свето-

Ил. 33. Сретенская надвратная церковь в Борисоглебском монастыре под Ростовом. Западная галерея

тени хорошо был заметен на плоскости стен. Характерным явлением было стремление во все времена обозначить этот декор еще и цветом. Зачастую стены были окрашены, при этом иногда контрастно, цветом выделялся декор. Повторюсь, в многочисленных напластованиях слоев покраски стен практически всегда присутствует колер, иногда он сразу после обмазки, и его можно достаточно точно датировать и обосновать возможное цветовое решение реставрации памятника. Разобраться в слоях покраски именно декора сложнее, часто это заводило исследователей в тупик, первоначальные «авторские» идеи были давно забыты и «реставраторам» проще было все побелить известковой побелкой. Поэтому сложилось, наверное, ошибочное мнение, что все церкви на Руси были «белые». Смею заявить, что некоторые из них были «активно» раскрашены по первому слою обмазки, покрывавшей кирпич, то есть сразу после строительства. Прекрасный пример того, часто упоминаемая в описательных документах и заметная на многих фасадах памятников XVII века раскраска «в шахмат». Она хорошо сохранилась и на церкви Одигитрии 1698 г. в том же «Ростовском Кремле» *(ил. 34).* Венчает раскрашенный четверик этого храма простейший колончатый пояс, на барабане он усложнен «двойными» арками с широким «бегунцом».

2. Фасады некоторых рассмотренных в статье памятников были украшены наружной сюжетной фресковой росписью, иногда сразу после

Ил. 34. Церковь Одигитрии (1698 г.) в Ростове Великом

возведения, иногда несколько позже. Это «живописное декорирование» достойно особого внимания, потому как считается довольно редким явлением. Скорее всего, проблема была в трудности сохранения наружной росписи в нашем суровом климате, а то, что она присутствовала на фасадах разновременных сооружений примеров довольно много.

3. Аркатурно-колончатый пояс как самый «активный» фасадный декор получил широкое распространение в XVI веке в срединной части Руси. Можно сказать, что выполняемые уже из керамики детали пояса являлись предвестником «дивного узорочья» на фасадах храмов России XVII столетия. Правда, после революционных Петровских

Ил. 35. Парадный наплечник (armilla) князя Андрея Боголюбского. Подарок императора Фридриха Барбароссы. XII век. Лувр. Франция

нововведений аркатурно-колончатый пояс был на долгое время забыт. Вновь он неожиданно появится в архитектуре середины XIX века (творения К. А. Тона) во времена стремления к осознанию национального стиля в искусстве Российской империи и в частности в храмовой архитектуре.

К О Н Е Ц 1-й части

Во второй части статьи сначала речь пойдет о керамическом фасадном декоре, сложившемся на основе белокаменных орнаментальных резных поясов храмов раннемосковского зодчества XIV–XV веков. Затем будет рассказано о применении разнообразной майолики на фасадах памятников церковной архитектуры, и наконец, будут приведены удивительные примеры исполнения стильного барочного и классического декора именно в керамическом материале.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воронин, Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 1 (XII столетие) – М.,1961.

2. *Комеч, А. И.* Древнерусское зодчество конца X – начала XII в.– М., 1987.

3. *Мильчик, М. И.* Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области.– СПб., 2014.

4. *Раппопорт, П. А.* Древнерусская архитектура.– СПб., 1993.

Раздел VII

РЕЦЕНЗИИ

НЕКОТОРЫЕ ОТКЛИКИ НА МОНОГРАФИЮ «НИКОЛАЙ РУБЦОВ НА ТОТЕМСКОЙ ЗЕМЛЕ»

Николай Рубцов на Тотемской земле: 12+ /
[авторы основного текста и составители:
Г. А. Мартюкова, А. М. Новосёлов];
ВРО ОДОО МАН «Интеллект будущего»,
Тотемское музейное объединение.–
Вологда: Древности Севера, 2021.– 503 с.: ил.
ISBN 978-5-93061-185-4

Алексей Новосёлов, директор Тотемского музейного объединения, старший преподаватель кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета, соавтор, составитель, председатель редакционно-издательской коллегии книги «Николай Рубцов на Тотемской земле», Тотьма:

В январе 2022 года[54] вышла в свет монументальная и, наверное, самая внушительная по габаритам и объёму книга, когда-либо выпускавшаяся о Тотьме – «Николай Рубцов на Тотемской земле». Сложили эту книгу мы с моей коллегой по Тотемскому музейному объединению, заведующей музеем Николая Рубцова в селе Никольском Галиной Алексеевной Мартюковой, а выпустило в свет – издательство «Древности Севера» при поддержке Фонда президентских грантов и администрации Тотемского муниципального района.

Поворотным моментом для того, чтобы от других тем уйти к Рубцову, стало наше памятное путешествие по рубцовским местам Алтая летом 2018 года, состоявшееся благодаря поддержке программы «Музеи Русского Севера» компании «Северсталь». Кроме того, свою роль сыграло невероятное неравнодушие двух удиви-

[54] Издание было подписано в печать в 2021 году, и потому в выходных данных стоит именно этот год. Однако справедливым будет отметить, что выход в свет состоялся всё-таки в 2022-м.

тельных людей, попечителей музея Рубцова в селе Никольском – Тамары Даниловой и Алексея Тищенко. Они поддержали идею Галины Алексеевны написать такую книгу – отказать я никак не мог, учитывая, насколько нежно люблю все рубцовские места нашего района и литературную географию вообще. Да и момент, чтобы опубликовать ценные материалы, хранившиеся в музее Рубцова в записях (в том числе на аудиокассетах и прочих устаревших носителях информации) определённо настал.

Схема книги родилась сразу: биографический очерк с этапами творческого пути поэта в Тотьме и Николе, история сохранения памяти на протяжении 50 лет после ухода Николая Рубцова, список рубцовских адресов – и всё это в сопровождении фотографий, карт и архивных материалов. Согласно географии распределились темы: я взял Тотьму, моя соавтор – Николу.

Наши попечители были готовы всячески поддержать издание книги и даже предлагали внести свой финансовый вклад, но мы решили попробовать замахнуться на президентский грант – и со второй попытки вместе с Алексеем Огарковым выиграли его. Конечно, nobody's perfect, но всё-таки думается, что за презентованный итоговый результат более чем трёхгодичных трудов не стыдно.

Во-первых, с точки зрения литературной географии работа проведена огромная, в том числе установлены связи определённых точек на карте со стихами. Кому-то это кажется неважным – и эта позиция имеет право на существование. Я как поклонник литературной географии мыслю иначе. Благодаря этой книге появилось полное и исчерпывающее обоснование для появления в наших краях полноценного музея-заповедника Николая Рубцова как самостоятельного учреждения, а не придатка к музеям Тотьмы.

Во-вторых, чрезвычайно важно, что материалы, собиравшиеся годами в музее Рубцова, опубликованы и введены в оборот, иногда – со всеми особенностями речи местных жителей в виде «нуко» и тому подобных выражений.

В-третьих, удалось восстановить летопись тотемского «рубцоведения» на протяжении полувека, которую ещё не составлял никто. А ведь факты, связанные с тем, как быстро в нашем городе был, например, установлен памятник Рубцову (спустя 14 лет после гибели поэта!), уже стали историей, которую можно осмысливать.

И особенно тепло оттого, что не уйдёт в прошлое история школьного музея Николая Рубцова в Тотьме – красивая, тёплая, основанная на энтузиазме педагога Маргариты Афанасьевны

Шананиной и её многочисленных учеников, часть из которых пришла на презентацию. Было очень трогательно, когда участники литкружка видели себя на фото, подходили, благодарили. Да, наверное, единицы из этих людей стали работниками культуры и как-то связали жизнь с творчеством Рубцова. Но в жизни каждого из этих простых тотьмичей история, связанная с тем, как они писали друзьям поэта и потом встречали их в своей школе, с гордостью показывая экспозицию музея, наверняка будет светлым и важным эпизодом.

Альбом был презентован в Никольском, Тотьме, Вологде (дважды), Москве (дважды, в том числе на книжном фестивале «Красная площадь» под стенами Кремля), Санкт-Петербурге, Архангельске (целых пять раз). Более 300 зрителей в общей сложности смогли познакомиться с книгой. Среди них – люди, которые помнят Николая Рубцова: вдова писателя Василия Белова Ольга Белова, соученик по Кировскому техникуму Николай Шантаренков, «добрый товарищ» по флоту и литинституту Сергей Шмитько, ученицы Никольской школы Манефа Нехаева и Екатерина Сергеева, подруга гражданской жены поэта Генриетты Меньшиковой Мария Попова, знакомая Н. М. Рубцова по Череповцу Галина Березина.

Фолиант вошёл в список 50 лучших региональных изданий по итогам конкурса Ассоциации книгоиздателей России (АСКИ) «Лучшая книга года – 2021» и стал победителем регионального конкурса «Вологодская книга года» в номинации «Книга книг. Лучшая книга года».

Ниже представлены некоторые отзывы, пришедшие в адрес создателей книги за тот год, что минул с момента её издания. Благодарим всех, кто нашёл возможность написать тёплые слова, высказать замечания и предложения. За всё добро расплатимся добром!

Елена Рубцова, дочь поэта Николая Рубцова, Санкт-Петербург:

Поздравляю весь дружный коллектив Тотемского музейного объединения с выходом новой книги «Николай Рубцов на Тотемской земле»! Это заслуга всех, кто трудился многие годы по сбору информации о Н. Рубцове и изучении творческого наследия. В первую очередь, конечно, это Маргарита Афанасьевна Шананина, за что мы всегда ей будем благодарны. Она создала первый музей по творчеству Н. Рубцова. У меня в архиве есть фотографии, когда моя матушка ездила на встречу детдомовцев в Тотьму, организо-

ванную Маргаритой Афанасьевной, а потом с трепетом рассказывала мне свои впечатления.

Спасибо Галине Алексеевне Мартюковой за такую многолетнюю вдумчивую исследовательскую работу, вылившуюся в данную книгу. Это огромный кропотливый обобщающий труд за 30-летие существования музея. Хочется также вспомнить и поблагодарить всех сотрудников, работавших в разные годы в никольском музее, и Юлию Павловну Ерыкалову, директора Тотемского музейного объединения в былые времена, Алексея Михайловича Новосёлова за то, что взялся за такой нелегкий труд.

Также огромное спасибо отзывчивым тотьмичам за помощь и память, а особенно, дорогим землякам, жителям села Никольского и окрестных деревень, которые передали свои воспоминания и чем могли, от души делились.

Сердечно благодарю всех за доброе отношение и сохранение памяти о Николае Рубцове, русском поэте, который всегда любил свою Родину и воспел ее в своих стихах!

Сергей Багров, писатель, друг Н. М. Рубцова (1936–2022)

Листаю книгу и осознаю тот огромный труд, какой внесли в выпуск ее два составителя – Алексей Новоселов и Галина Мартюкова. Книга получилась широкоформатной, богато иллюстрированной, даже какой-то праздничной, но главное – открывающей дверь в мир Рубцова. Мир притягательный, но суровый. И такой необходимый всем нам.

Елена Романова, заведующая музеем «Литература. Искусство. Век XX», Вологда:

Вчитываемся в прекрасную книгу, созданную нашими коллегами из Тотемского музейного объединения и издательством «Древности Севера»: «Николай Рубцов на Тотемской земле». Удивительный труд, не только по скрупулезности собранных материалов... Даже не хочется говорить «материалы собраны скрупулезно», но – нежно. Когда читаешь, складывается впечатление, что просыпавшееся временем подобрано до последнего зернышка. И что важнее всего – каждое имя, всякий человек. Удивительная книга, в которой Николай Рубцов не столько главный герой, сколько – контраст, повод, жемчужина. Он как бы объединяет, сохраняет всех этих замечательных людей, которые его воспитывали, учили. Книга без сомнения может быть интересна не только тем, кто любит поэта, но и тем, кому интересна жизнь, и в конкретной местности, и в конкретный час.

Сколько всего совершили наши коллеги из Тотемского музейного объединения лишь за несколько лет, и сколько еще планируют совершить! Книга оказалась потрясающе красивым (и невероятно увесистым – и по весу духовному, и по весу прозаически материальному) итогом этих свершений. Это настоящее «вспоможение» всем, занимающимся творчеством поэта и просто любящим его стихотворения. Не говоря уж о том, какой это удивительный срез жизней, времени, прошлого и будущего! Можно многому поучиться здесь, особенно тому, может быть, самому главному, как любить свою малую и большую Родину и как не разделять Родину на большую и малую, когда просто – все вместе: родная земля.

Николай Бушенёв, поэт, г. Череповец:

Книга «Николай Рубцов на Тотемской земле» достойна многих восторженных слов и все они вмещаются в один эпитет: книга – з а м е ч а т е л ь н а я!

Замечательная во многих отношениях. Это тот случай, когда прекрасная форма и глубокое содержание гармонично сочетаются. Красочное, шикарное, подарочное издание, которое действительно является драгоценным подарком, его приятно держать в руках, испытывать наслаждение, рассматривать, перелистывая книгу. Но важнее всё же содержательная – познавательная и духовная – ценность книги, глубина её погружения в жизненный и творческий мир великого поэта, скрупулёзность и любовность описания тех мест и событий, которые явились истоками его творческого вдохновения и освящены, озарены его лирическим гением.

Поражает, изумляет и вызывает глубокое уважение колоссальный, добросовестный, самоотверженный труд огромного и сплочённого коллектива образованных и мудрых людей, стремящихся сохранить духовную память России и транслировать, передать её будущим поколениям.

Несомненно, основной труд по созданию этой книги, фактически энциклопедии жизненного и творческого пути Николая Рубцова, лёг на плечи двух человек, организаторов творческого проекта, составителей и авторов подавляющей части текста этой книги – Алексея Михайловича Новосёлова и Галины Алексеевны Мартюковой. Огромная благодарность и низкий поклон им за это.

Большое значение имеет, конечно, и экспертная оценка огромного собранного и скомпанованного логически материала многих людей – редакторов книги, опытных учёных и научных работников.

Поражают уже сами цифры участников творческого проекта: в нём задействованы десятки людей, только список фотографов включает 21 фамилию. Перелопачен огромный материал из музейных фондов.

Но реализация такого грандиозного проекта, безусловно, не была бы возможной и без государственной поддержки, без правительственных грантов. Книга издана в рамках проекта «Деревня непогашенных огней» на средства гранта Президента Российской Федерации при финансовой поддержке администрации Тотемского муниципального района.

Издание, очевидно, не только «литературно-художественное», но и, возможно даже в первую очередь и в большей степени документально-биографическое. Кроме того, предпринята попытка воспроизвести ту историческую среду и обстановку, в которой формировался и рос, а затем и в полной мере проявился могучий самобытный талант Николая Рубцова.

Стихи Николая Рубцова, приведённые в книге – это своего рода литературно-художественные, поэтические иллюстрации к тем событиям и местам, которые документально или с помощью воспоминаний и фотографий отображены в книге.

При издании такой большой книги сложно было полностью избежать шероховатостей, отдельных неточностей, стилистических и языковых погрешностей. Думаю, что не стоит их перечислять в моём отзыве. Если будет возможность переиздать книгу или хотя бы подготовить её электронный вариант, указанные погрешности можно было бы легко устранить. Книга в целом состоялась и, несомненно, заняла достойное, очень важное и высокое место в рубцововедении, в русском культурном и духовном пространстве.

Но блестящая реализация издательского проекта, причём с поддержкой на государственном и общественном уровне, это ещё половина дела. Важно продвижение содержания и идей книги через сеть библиотек, школ, интернета. И здесь тоже нужна государственная поддержка, чтобы книга «Николай Рубцов на Тотемской земле», может быть не в столь красочном, подарочном виде, а в адаптированном варианте дошла бы до массового читателя, чтобы пропагандировалось духовное и культурно-художественное наследие Николая Рубцова.

Людмила Новикова, член Союза писателей России, Санкт-Петербург:

Издание книги «Николай Рубцов на Тотемской земле» – связующая нить между прошлым и будущим. Это надежда на сохранение духовности, душевности и человечности в масштабах всей России!

Мария Белова (Нехаева), одноклассница Николая Рубцова, Вологда:

Очень тронута вашим трудом. Книга как ураган ворвалась в мою жизнь!

Читала два дня без отрыва. Теперь нет сна. Прошла с Колей от семилетки до нашего времени. Очень литературным получился наш выпуск: Рубцов и Мартюков и ещё не поэты, но способные писать стихи.

Помнятся уроки Елизаветы Алексеевны Аносовой (она замещала, будучи директором школы). С какой нежностью и любовью она прививала нам любовь к родному краю. Как в зеркале отражаются её уроки в поэзии Рубцова. Я его не видела взрослым. Для меня он так и останется Колей с яркими лучистыми глазами, привлекательной улыбкой, способным на уроке сразу выполнять три задачи: слушать учителя, читать художественную литературу под крышкой парты, сидя под носом учителя, и давать многозначительные замечания товарищам на уроке по ходу бесед учителя и ученика.

Вы для меня и многих раскрыли поучительно, разносторонне Колю взрослого. Спасибо Вам за такую огромную, кропотливую работу!

В вашей книге прослеживается описание тонкостей быта в нашем крае. Это войдёт в историю, и потомки с восторгом будут читать об этом.

Читая книгу с любовью вспоминала годы, прожитые 70 лет назад.

Фотографии, отзывы старожилов, схемы и др.– все, как через тьму и туман вырвалось на солнышко.

Ещё раз спасибо за то, что вы можете беречь нашу историю.

Желаю Вам здоровья, благополучия, творческих успехов в работе.

Валентина Забродина, Краснодар:

Низкий поклон всем авторам и составителям книги «Николай Рубцов на Тотемской земле» за ваш кропотливый труд в издание этой книги. Формат и оформление впечатляет и вызывает восхищение. Читала не отрываясь. Каждая страница захватывает дух от знакомых мест, домов, имён, связанных с нашим замечательным земляком великим потом Н. Рубцовым. Узнала много нового, доселе мне неизвестного.

Читая книгу, я всей душой и сердцем пребывала на своей малой родине, среди своего народа.

Огромное спасибо за такой бесценный для меня подарок.

Татьяна Оборина, Тотьма:

Спасибо Галине Алексеевне Мартюковой, Маргарите Афанасьевне Шананиной, Марине Николаевне Кошелевой. Спасибо всем, благодаря кому появилась книга «Николай Рубцов на Тотемской земле», появилась именно в таком формате, в таком виде, в таком оформлении.

В год культурного наследия и народного творчества, а именно так назван 2022 год, она, как нельзя лучше, будет иллюстрировать данное направление. Её можно просто полистать, наслаждаясь невероятной красотой фотографий: как пейзажей, так и лиц на старых снимках. Можно перечитать стихи и на фотофоне понять всю их глубину.

Перечитать воспоминания и явственно услышать голоса из прошлого. Увидеть много знакомых лиц и порадоваться новой встрече. И, наконец, открыть ещё много нового!

Татьяна Новосёлова, краевед, д. Маныловский Погост:

Хочу поблагодарить авторов новой книги «Николай Рубцов на Тотемской земле» – Мартюкову Галину Алексеевну и Алексея Михайловича Новосёлова. Я получила от них эту книгу в подарок. Надо сказать, очень увесистый подарок! Конечно же, сразу захотелось полистать страницы новой книги. Книга сама по себе привлекает внимание: глянцевая бумага, замечательные фотографии, среди которых выделяются фотографии Андрея Васильевича Кошелева, они очень украсили книгу.

Вчитываюсь в содержание книги. Замечаю, что много нового для меня материала о тех местах, где бывал Николай Рубцов, о тех людях, с которыми ему приходилось общаться. Много документального материала. Думается, что непросто было собрать всё это множество накопленного материала о Н. Рубцове, непросто и представить его в определенной системе. Авторам это удалось сделать, на мой взгляд. Очень хорошо, что размещена информация о том человеке, который первым стал собирать в Тотемском районе материал для создания школьного музея Н. М. Рубцова – Маргарите Афанасьевне Шананиной. А уж, какой информацией о поэте владеет Галина Алексеевна Мартюкова, знаю из её же уст. Заслушаешься!

Хочется сделать небольшое замечание: как-то так получилось, что в ряд фотографий о местах пребывания Н. М. Рубцова на Тотемской земле не попало ни одно фото деревни Черепаниха. А ведь Николай Михайлович не мог побывать в те годы в селе Никольском, минуя Черепаниху. Он видел почти такие же пейзажи, что видим и мы сейчас. Любовался Сухоной и ее берегами, добротными домами, отдыхал под черемухой, что растет вблизи дома В. В. Коренева.

Благодарю авторов книги за собранный материал о Николае Рубцове, думаю, что книга найдет своего читателя!

Тамара Данилова, председатель попечительского совета мемориального музея Н. М. Рубцова, Санкт-Петербург:

Поздравляем Вас! И в Вашем лице всех тех, кто был причастен к работе над книгой и всех тотьмичей!

Сердечно благодарим за такой подарок! А это подарок всем исследователям, поклонникам и любителям поэзии Николая Рубцова!

И Вы не успеете, как говорится, глазом моргнуть, как книга разойдется!

Сколько сердец уже радостно бьётся в ее предвкушении!

Ещё раз поздравляем и категорически согласны (так говорил мой научный руководитель) с тем, что это очень веское обоснование для создания музея-заповедника Николая Рубцова как самостоятельной структуры.

Доброго пути книге!

Николай Астафьев, член Союза писателей России, Санкт-Петербург:

Только для того, чтобы перелистать и просмотреть эту в прямом и переносном смысле весомую книгу размером 23×30 и толщиною 4 сантиметра, требуются часы. А чтобы собрать воедино все уникальные воспоминания и фотографии людей, в той или иной мере знавших поэта, а также – органично дополняющие текстовой материал фотографии незабываемых пейзажей Вологодчины, вдохновлявших поэта XX века Николая Рубцова – были нужны годы.

Фотографии предоставили два десятка авторов, среди которых совершенно особое место занимают дышащие поэзией работы фотохудожника Андрея Кошелева, который свои последние годы проживал в селе Никольском, где со своей женой Мариной основал музей «Журавли» АНО КПЦ «Бирюзовый дом».

Чувства, которые породила эта воистину уникальная книга, оказались многообразны. Во-первых, я узнал, что ещё лет двад-

цать тому назад нынешней заведующей мемориальным музеем Николая Рубцова в селе Никольском Галине Алексеевне Мартюковой пришла счастливая идея – записать и собрать воспоминания сельчан о земляке, сиротское детство которого, а отчасти и отрочество, прошли на берегах рек Толшмы и Сухоны. Именно сюда, в село Никольское, а также в старинный русский город Тотьму он испытывал потребность приезжать и подолгу жить в зрелые годы. Здесь рождались стихи, приоткрывающие духовные истоки его короткой (в житейском понимании), но богатой событиями – биографии.

Здесь проживали дорогие его сердцу товарищи и друзья, с которыми он познакомился в детдоме, учился в начальной школе, а затем – хоть и недолго – в Тотемском лесотехническом техникуме. Впереди у него были годы странствий, поисков себя: учёба в горнохимическом техникуме, служба на Северном флоте, жизнь и работа в Ленинграде, на Кировском заводе, посещение ЛИТО «Нарвская застава», знакомство с молодыми питерскими поэтами. Здесь же летом 1962 года в самиздате «Бэ-Та» по предложению и при активном участии Бориса Тайгина у Николая Рубцова появилась на свет его первая поэтическая книжечка «Волны и скалы», ставшая своеобразным творческим пропуском в столичный Литинститут имени А. М. Горького.

Директор Тотемского музейного объединения Алексей Михайлович Новосёлов, узнав о замысле Г. А. Мартюковой, счёл необходимым подключиться к воплощению оригинального замысла, став верным и незаменимым помощником в сложившемся творческом тандеме. Сегодня совершенно очевидно, что без участия в проекте этого человека книга о житии Рубцова оказалась бы неполной. По его инициативе значительно расширилась география книги, что отразилось не только на ее названии, вынесенном на обложку, но и нашло оригинальное художественное воплощение в форзацах, где представлены карты Рубцовских мест на Тотемской земле и в окрестностях села Никольского.

Консультантами главных составителей упомянутой книги, активный период создания которой пришёлся на 2018–2021 годы, стали дочь поэта Елена Николаевна Рубцова (Санкт-Петербург) и известный литературовед из города Череповца Леонид Николаевич Вересов.

Стихи Николая Рубцова, широко использованные в книге, органично вписываются в общий замысел составителей – объёмно воссоздать пунктир его жизни на Тотемской земле. Они автобиографичны, и наряду с изумительными фотопейзажами Андрея

Кошелева, вызывают у читателя эффект присутствия. Каждый читатель, прикоснувшийся к книге, невольно испытывает потребность побывать в заповедных местах, воспетых поэтом, разделить с ним неизбывное чувство любви и признательности к Матери-России.

Можно порадоваться, что на карте Тотемской земли появилась ещё одна духовная точка, связанная с именем Рубцова – дом-музей одного стихотворения, расположенный в деревне Аникин Починок. Этот дом был увековечен Николаем Рубцовым в замечательном стихотворении «Русский огонёк» (1964). Поздней осенью 1963 года поэту пришлось добираться двадцать километров пешком от посёлка Гремячий (на Монзенской железной дороге) до села Никольского. Не дойдя до Николы семь километров, Рубцов вынужден был постучаться в дом Марии Богдановой. Он запечатлён в книге на стр. 486.

Два года назад ставшему знаменитым дому стукнуло 100 лет. После кончины хозяйки он стал быстро ветшать, и тогда петербургских попечителей мемориального музея Н.М. Рубцова в селе Никольском Алексея Тищенко и Тамару Данилову посетила блестящая идея – вложить деньги в восстановление дома, и найти дополнительную финансовую поддержку для его полной реставрации, чтобы превратить его в полноправный филиал Никольского музея. Немало времени ушло, чтобы обрести сторонников, решить все организационные вопросы и открыть дом-музей в новом статусе январским днём 2022 года в рамках первого «Зимнего Рубцовского костра на реке Толшме». Попечители из Санкт-Петербурга оказали свою действенную поддержку и при издании этой уникальной книги, которую захочется ещё много раз открывать и перечитывать. Сделанная с любовью, она оживляет атмосферу места, где рождались поэтические шедевры воистину всенародно любимого поэта Николая Михайловича Рубцова.

Остаётся добавить, что книга «Николай Рубцов на Тотемской земле» была издана в рамках проекта «Деревня непогашенных огней» на средства гранта Президента Российской Федерации при финансовой поддержке администрации Тотемского муниципального района. Мы видим, что в названии проекта просвечивает классическая строка Николая Рубцова: «В этой деревне огни не погашены» и это не случайно.

Хочется верить, что благодаря выходу этой книги, в селе Никольском, воистину главном Рубцовском месте России, будет создан Государственный музей-заповедник, который вдохнёт в него новую жизнь!

Раздел VIII

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

Правдина Мария Борисовна,
кандидат культурологии,
учёный секретарь МБУК «Тотемское музейное объединение»,
г. Тотьма

ВОПЛОЩАЯ СТУДЕНЧЕСКИЕ МЕЧТЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЛЕТНЕМ МУЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ЛАГЕРЕ В ТОТЬМЕ

Тотемское музейное объединение уже не первый год становится базой для студенческих практик российских вузов. К нам приезжали студенты-реставраторы из Московского государственного академического художественного института им. В. И. Сурикова под руководством А. А. Козьмина, студенты-социологи и антропологи Санкт-Петербургского государственного университета и Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств НИУ ВШЭ под руководством Л. Я. Рахмановой, студенты-культурологи Вологодского государственного университета (ВоГУ) под руководством Л. А. Якушевой.

Имея за плечами этот опыт, руководство музея замахнулось на организацию Летнего музеологического лагеря в Тотьме. Что стало причиной? Наверное, нереализованная студенческая мечта об идеальной практике руководителей проекта – директора Тотемского музейного объединения Алексея Новосёлова и учёного секретаря Марии Правдиной. А ещё поддержка увлеченных преподавателей. Партнерами проекта выступили профильные музеологические кафедры столичных вузов страны – Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ, Москва) и Санкт-Петербургского государственного института культуры (СПбГИК). Они на конкурсной основе отобрали студентов и магистрантов, ставших впоследствии участниками лагеря. Очень плодотворной оказалась идея объединить музеологический лагерь со студенческой практикой культурологов 2 курса ВоГУ, уже имевших подобный опыт в предшествующем году.

Участники летнего музеологического лагеря. Знакомство. 6 июля 2022. Фото автора

Руководители проекта со стороны музея были абсолютно убеждены, что любое успешное дело должно иметь практическое применение. А перед музеем стоит сложная задача – приспособление памятника федерального значения комплекса купца Холодилова под музейные нужны. Кроме технической стороны вопроса, важно наполнить пространство новыми смыслами. И в этом сотрудники музея решили положиться на помощь будущих коллег.

В Тотьме с 4 по 15 июля 2022 года работали 7 бакалавров и магистров кафедры музеологии РГГУ под руководством заведующей кафедрой, кандидата исторических наук, доцента М. С. Стефко, 5 бакалавров и магистров кафедры музеологии и культурного наследия СПбГИК под руководством доктора культурологии, профессора А. Н. Балаш и кандидата культурологии, доцента Ю. В. Зиновьевой, 12 студентов II курса кафедры теории, истории культуры и этнологии под руководством кандидата культурологии, доцента Л. А. Якушевой.

Темой, объединившей всех, стала «Проектная деятельность – инструмент развития муниципального музея в малом городе». Участникам предлагалось разбиться на проектные группы по интересам, по возможности составив сборные команды, придумать идеи, как приспособить гаражи, внутренние дворы усадьбы Холодилова, бывший изолятор тюремного замка под общественные, выставочные пространства, оформив грантовую заявку. Еще одна важная задача на перспективу – разработка подходов к созданию

Проектная команда, занимавшаяся разработкой концепции открытого хранения фондов. 7 июля 2022. Фото автора

концепции открытого хранения фондов. В этой работе участникам помогали примкнувшие к лагерю преподаватели НИУ ВШЭ кандидат социологических наук Л. Я. Рахманова и доктор философии Н. В. Ссорин-Чайков. Результаты работы групп были представлены на защите проектов, по итогам жюри выявило победителей. Участие в творческом процессе и интеллектуальная конкуренция придавали дополнительную эмоциональную окраску всему происходящему. О впечатлении изнутри и первых итогах писали педагоги [1, 2, 3].

Размышляя над итогами лагеря, хочется констатировать, что в целом опыт оказался удачным именно благодаря взаимозаинтересованности и учету интересов всех сторон.

Что же получили студенты от опыта проживания в лагере?

- Практическую базу для тех теоретических знаний, которые получаются ими в вузе.
- Возможность придумать идею и участвовать в ее реализации.
- Сделать что-то по-настоящему нужное в профессии.
- Опыт жизни «на земле» в малом городе.
- Тренировка жизненных навыков (самостоятельность в быту, опыт сотворчества и решения конфликтных ситуаций, борьба за лидерство и отстаивание своих интересов, умение услышать и договориться).
- Приобщение к традициям другой музеологической / культурологической академической школы.

• Возможность развить свои способности (пленэры для увлеченных фотографией, рисунком и живописью).

• Расширение кругозора.

• Опыт работы в смешанных командах и публичной защиты проекта.

• Познавательный летний отдых.

Не остались внакладе и вузы. Они:

• Обрели партнерские связи с музеем и базу практики.

• Получили возможность реальной профориентации студентов.

• Смогли привлечь музей к вузовским проектам.

• Увидеть наглядные примеры из жизни успешных выпускников.

• Повысить качество профессионального образования.

• Повысить уровень «насмотренности» преподавателей.

• Обрели радость профессионального общения с представителями музея и других академических школ.

А что же музей приобрел в итоге? Прежде всего, летний музеологический лагерь – это результат проектной деятельности, осуществленной частично на средства Президентского фонда культурных инициатив (проект «Дело в людях») и Благотворительного фонда Владимира Потанина (программа «Эффективная филантропия», центр развития музеев малых городов и сёл «Лоция»). Небольшой коллектив музея заинтересован в аккумулировании новых идей, направленных на его развитие, сотворчество с мыслящей молодежью, укрепление профессионального братства и формирование среды ценителей, из которой в будущем можно будет черпать профессиональные кадры и привлекать к проектам мотивированную команду волонтеров-единомышленников. Еще одним важным результатом работы лагеря стало портфолио из проектов, часть заявок из которого была доработана и подана на действующие конкурсы. Сейчас мы находимся в ожидании результатов экспертизы. Знания и компетенции преподавателей вузов очень помогают музею в работе: они никогда не отказываются дать научные консультации или стать экспертами Школы музейного развития «За границами столиц» – ежегодного образовательного проекта для музейщиков малых городов и сёл.

Объективности ради невозможно умолчать об имеющихся «минусах». Организация студенческих лагерей и практик – это:

во-первых, дорогостоящее удовольствие, т.к. необходимы средства на проживание и питание участников;

во-вторых, дополнительная нагрузка на небольшой коллектив

Ю. В. Зиновьева, М. С. Стефко и А. Н. Балаш участвуют в обновлении экспозиции Купеческого зала краеведческого музея ТМО. 9 июля 2022. Фото автора

музея, вынужденный в течение двух недель отвлекаться от текущей деятельности, которую приходилось выполнять во внерабочее время;

в-третьих, вклад в будущее с отложенным эффектом, положительный результат которого не всегда очевиден;

в-четвертых, большая ответственность, т. к. надо постоянно контролировать процесс и проявлять заботу о жизни и безопасности студентов.

Участники и организаторы летнего музеологического лагеря в Тотьме. 15 июля 2022. Фото О. В. Федотовского

Суммируя все «плюсы» и «минусы», мы приходим к выводу, что все же стоит продолжать начатое и искать новых партнеров, новые темы и форматы, потому что все эти эксперименты способствуют развитию музея и формируют его положительный имидж. Нам очень приятно, что наши выводы поддержаны авторитетным мнением А. Н. Балаш, охарактеризовавшей наш лагерь как «музей-лабораторию» и высоко оценившей «уникальный опыт радикальной открытости музея» [4, слайд 35].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Стефко, М. С.* Тотьма: летний лагерь // Мир музея.– 2022.– № 8 (420).– С. 46-47.

2. *Зиновьева, Ю. В.* Музейные проекты объединяют. Летний музеологический лагерь в Тотьме //Санкт-Петербургский государственный институт культуры. [официальный сайт] URL: https://www.spbgik.ru/novosti/institute/muzeynye-proekty-obedinyayut-letniy-muzeologicheskiy-lager-v-totme-/ (дата обращения: 23.01.2023).

3. *Якушева, Л. А.* Студенческая практика как инновационная площадка Тотемского музейного объединения.– См. статью в текущем разделе настоящего сборника.

4. *Новосёлов А. М., Правдина М. Б.* Тотемское музейное объединение: продолжаем не унывать и развиваться (хотя делать это стало значительно сложнее). Презентация к докладу на пленарном заседании Школы музейного развития «За границами столиц» 2022 // Лоция – Центр развития музеев. [официальный сайт]. URL: // https://locia-totma.ru/materials/sociocultural-projects/ (дата обращения: 23.01.2022).

Якушева Людмила Алентиновна,
кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда

СТУДЕНЧЕСКАЯ ПРАКТИКА КАК ИННОВАЦИОННАЯ ПЛОЩАДКА ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Вологодские культурологи с момента образования отделения на факультете иностранных языков в 2001 году сформировали свою интеллектуальную диаспору и профессиональную физиогномику. За 20 лет сложилась учебная модель взаимодействия (сюда отнесем организацию учебного процесса и внеучебной деятель-

ности) по принципу большой Семьи, кафедры-Дома, поэтому культуролога можно легко распознать по креативной включенности в процесс, пристрастию к смысловой игре и словесной метафоре. В лучших своих выпускниках кафедра нашла единомышленников, талантливых организаторов и успешных менеджеров в культурной сфере региона.

В данной публикации речь пойдет об организации учебных практик для студентов, обучающихся по специальности «управление в социокультурной сфере», которые стали возможны благодаря сотрудничеству Вологодского государственного университета и Тотемского музейного объединения.

К осмыслению предлагается как методика профессионального становления культурологов в сфере музейной деятельности, так и опыт современного социального взаимодействия, без которого нельзя представить развитие музея на данном историческом этапе.

Обратим внимание на ряд принципов, которые определили успешность состоявшихся в 2021 и 2022 гг. учебных практик студентов ВоГУ:

1. Переформатирование. Учитывая сокращение часов учебной контактной деятельности в вузе и то, что часть времени обучения

Студенты и кураторы музейного интенсива. 2021 год

в 2020–2022 гг. проходила в дистанционном формате, от организаторов потребовалась разработка такой модели практической деятельности, которая бы являла собою интенсив не по названию, а по качеству установок и скорости выполнения заданий.

2. Календарный график. Выездные семинары / лагеря / практики требуют долгой тщательной подготовки. Так, организационный период первой ознакомительной практики студентов-культурологов включал в себя не менее 5 предварительных встреч и планомерную подготовку в течение 5 месяцев.

3. Слаженность командной работы в формате проектной деятельности: наличие целеполагания, этапов и методики осуществления задуманного, прогнозирование результатов и наличие сметы проекта.

4. Четкое распределение обязанностей и кураторство на каждом этапе практической деятельности студентов; осуществление личностно-ориентированных педагогических технологий, принципов педагогики сотрудничества в ходе осуществляемой деятельности (составление карточек экспресс-заданий, ведение дневников практики, организация групповых летучек и т. п.).

5. Осуществление профессионального роста студентов, за счет освоения культурологических методов анализа (а именно: установление временного, исторического и художественного контекстов взаимодействий) и участия в современных музеологических практиках (организации выставочного пространства, работе с фондовой системой КАМИС, разработке интерактивных образовательных программ, социальном проектировании).

Первая практика 2021 года была **ознакомительной**. Кураторы (директор ТМО А. М. Новоселов, ученый секретарь ТМО М. Б. Правдина и доцент ВоГУ Л. А. Якушева) назвали ее выездным музейно-образовательным интенсивом «**Современные формы фондово-хранительской, научно-экспозиционной и музейно-педагогической работы в музее».**

Рабочий план интенсива предполагал 2 этапа. *Первый этап* – максимальное погружение обучающихся в деятельность отдельно взятого раздела / филиала музейного объединения. Эта задача решалась с помощью корректировки смыслового посыла обширной экскурсионной программы. Студентам был представлен не только содержательный пласт имеющихся музейных экспозиций, но и показан творческий потенциал каждого экспозиционного комплекса во взаимодействии и перспективе. Например, была презентована программа «Соль земли», нацеленная на вовлечение

Работа с архивными материалами

различных слоев населения в процессы изучения и сохранения истории Малой родины. Результаты выставочной деятельности куратора Ольги Полоцкой (проект «Фантастические твари») были представлены как итоги сотрудничества музея с молодежными объединениями и подростками города Тотьмы. Особое внимание практикантов привлекла выставка «Свобода быть собой», посвященная Ф. М. Вахрушову – художнику-академисту, который предпочел столичную жизнь глубинке. Студенты познакомились с отдельными этапами творчества, особенностями стиля и мировоззрения художника, историей написания отдельных картин. Параллельно были представлены все этапы работы куратора данной выставки Марии Правдиной, демонстрирующие путь от замысла к воплощению, была показана специфика экспонирования от фрагментарного любования предметом / картиной до цельного восприятия фигуры и творчества выдающегося тотьмича.

То есть, в каждом отдельном случае (а это были 10 экскурсий) студентам демонстрировался как сам экспозиционный материал, так и информационный ресурс той или иной выставки во взаи-

Участники летнего музеологического лагеря –
студенты отделения культурологии ВоГУ. Июль 2022 г.

модействии с другими проектами, инновационными идеями по вовлечению неформальной молодежи к работе музея, использованию опыта городских НКО, социальных инициатив активных горожан.

Второй этап музейного интенсива предполагал работу студентов (по их личному выбору) по 3 разным направлениям музейной деятельности. Каждая из групп получила творческое задание, которое выполняла в течение нескольких дней. По итогам работы состоялась творческая защита проектов в форме открытой дискуссии, на которой обсуждалась специфика, качество и результативность усилий рабочей группы.

Отправившиеся изучать музейно-педагогические программы под руководством экскурсовода ТМО Анатолия Пахнина должны были за 5 дней создать мультимедийную игру «Тот город зелёный и тихий», посвящённую Тотьме 1950–1970-х годов. Научно-экспозиционной группе (куратор – зам. директора по научной работе ТМО Наталья Коренева) было предложено разработать варианты для грядущей реэкспозиции зала краеведческого музея, посвящённого

творчеству художника Ф. М. Вахрушова. Студенты, пришедшие на работу в музейные фонды (кураторы – главный хранитель фондов Ольга Полоцкая и к. к., ученый секретарь ТМО Мария Правдина), самостоятельно смогли поработать в операционной системе КАМИС, которая позволяет оцифровывать музейные экспонаты. Эта группа обучающихся занималась описанием предметов, поступивших от дарителей, готовила экспертные заключения с обоснованием приёма или отказа в приёме экспонатов в музейный фонд.

Практика 2022 года была *проектной*, то есть, принципиально другой по своим задачам и воплощению. Поскольку к вологодской группе были присоединены студенческие команды из Москвы и Санкт-Петербурга, был предложен формат **музеологического лагеря**. Кроме того, если для студентов из Вологды практика была обязательной, то команды из Москвы (РГГУ, куратор доцент М. С. Стефко) и Санкт-Петербурга (СПбГИК кураторы профессор А. Л. Балаш, доцент Ю. В. Зиновьева) формировались на основе дополнительного конкурсного отбора и по желанию. По замыслу организаторов совместная деятельность должна была привести к взаимному перекрестному «опылению» идеями, навыками, знаниями. На деле процесс адаптации к командной работе оказался сложнее, и было сформировано 6 групп, вместо планируемых 4.

Главной целью работы в мини-коллективах стало создание 5 экспозиционных комплексов в пространстве усадьбы купцов Холодиловых, переданных ТМО в 2021 году. Проекты оформлялись в виде заявок на конкурс Президентского фонда культурных инициатив.

Конечно, в ходе реализации программы музеологического лагеря мы задавались вопросами: почему такие образовательные программы не являются повсеместными/традиционными? Как представляется, здесь ответ кроется не только в наличии финансирования (студенческие стажировки стали возможны за счет привлечения ТМО грантовских средств, в частности, по программе Фонда Президентских грантов «Дорогами русских Колумбов»), но и в отсутствии запроса со стороны самих музеев, отказа в создании подобной базы практики, методического сопровождения командной деятельности студентов.

В итоге, можно констатировать, что все заявки (например, «ОблаГАРАЖивание», «Жизнь у реки», «В Тотьме поневоле» и др.) по преобразованию средового пространства усадьбы Холодиловых были не только сформированы, обсуждены и оформлены по соответствующему стандарту, но и прошли конкурсную экспертизу

Тюремный замок. Перезагрузка

опытных музейных сотрудников (которые сами являются победителями профессиональных конкурсов, грантодержателями и экспертами фондов). Локальные задачи учебной практики также были выполнены: 1) были освоены методики проектной деятельности; 2) сформировано понимание специфики деятельности малых территорий; 3) отработаны навыки командной работы вне зависимости от влияния различных научных школ и вузов; 4) приобретены профессиональные компетенции в области музейной работы.

К положительным результатам сотрудничества ВоГУ и ТМО можно отнести и то, что ребята группы УСС-31 (направление «Управление в социокультурной сфере») стали частью образовательного эксперимента, который длится уже не первый год. Помимо практик, ребята продолжают занятия по социальному проектированию в рамках прикладной культурологии, и, как представляется, намеченная точка роста личностного, стала для ребят-культурологов точкой отсчета профессионального.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Музееведение: методические указания / Сост. Л. А. Якушева.– Вологда: ВоГУ, 2019.– 21 с.

2. Социокультурная практика – 2008: Учебно-методическое пособие / К. А. Антонян и др.– СПб.: Астериона, 2008.– 60 с.

3. *Якушева, Л. А., Новоселов, А. М.* Пусть вначале будет дело: ознакомительная практика студентов как инновационный ресурс // Вестник Вологодского государственного университета. Серия : исторические и филологические науки.– 2021.– № 4 (23). С. 117–119.

СОДЕРЖАНИЕ

Новосёлов Алексей Михайлович, директор МБУК «Тотемское музейное объединение», старший преподаватель кафедры теории, истории культуры и этнологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»
ПРЕДИСЛОВИЕ 3

Оришина Ирина Геннадьевна, заведующая музеем церковной старины МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ. К 80-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВИЧА ПОКЛАДА 11

Раздел I

ТОТЬМА И ТОТЕМСКИЙ КРАЙ. ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЭТНОГРАФИЯ 22

Пугач Иван Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
УКАЗНЫЕ ГРАМОТЫ НА ТОТЬМУ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII в.: ТЕМАТИЧЕСКИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 22

Пахнин Анатолий Владимирович, заведующий отделами «Музей мореходов» и «Музей Ивана Кускова» МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
УЧАСТИЕ ТОТЬМИЧЕЙ В ПРОМЫСЛОВЫХ ЭКСПЕДИЦИЯХ НА АЛЕУТСКИЕ ОСТРОВА В СЕРЕДИНЕ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА 27

Николаев Иван Романович, научный сотрудник МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма – г. Москва
НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О БЫТОВАНИИ АНСАМБЛЯ ДОМА КУПЦА ХОЛОДИЛОВА И ТЮРЕМНОГО ЗАМКА г. ТОТЬМЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД 44

Коноплев Владимир Андреевич, ведущий архивист КАУ ВО «Государственный архив Вологодской области», г. Вологда
ТОТЕМСКОЕ РЕЧНОЕ СУДОСТРОЕНИЕ В КОНЦЕ XVIII в. ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ 60

Никитина Елена Михайловна, доцент кафедры архитектуры и градостроительства ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», архитектор-реставратор, г. Вологда
ЕЩЁ РАЗ ПРО ТОТЕМСКОЕ БАРОККО 62

Кузнецова Светлана Васильевна, заведующая отделом природы, научный сотрудник МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ДЕЛО О ПРОДАЖЕ 22 СУДОВ, НАЗЫВАЕМЫХ КАЮКАМИ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ КРЕСТЬЯНАМ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА МАКАРОВУ, СИВКОВУ, КОРКИНУ И ЩУКИНУ. ОБЗОР ИСТОЧНИКА 68

Овчинникова Наталья Андреевна, заведующая отделом информационно-поисковых систем КАУ ВО «Государственный архив Вологодской области», г. Вологда
РЕВИЗСКИЕ СКАЗКИ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ 79

Иванов Фёдор Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина», г. Сыктывкар, Республика Коми
ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РЕКРУТСКОЙ ПОВИННОСТИ В УЕЗДАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1831–1874 гг. (НА ПРИМЕРЕ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ) 85

Лейман Ирина Игоревна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, заведующий кафедрой связей с общественностью и рекламы ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина», г. Сыктывкар, Республика Коми
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУПЕЧЕСТВА ТОТЬМЫ ВО ВТОРОЙ ТРЕТИ XIX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ «ВОЛОГОДСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ») 89

Полоцкая Ольга Владимировна, главный хранитель фондов МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ КУПЕЧЕСКОЙ ВДОВЫ Е. П. КОКОРЕВОЙ (1793–1867) 94

Фирсова Наталья Игоревна, старший научный сотрудник отдела фондов МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
НАГРУДНЫЕ ЗНАКИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ 98

Елисеев Евгений Борисович, независимый исследователь, г. Тотьма
ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА. ТОТЕМСКИЙ ЖИВОПИСЕЦ ИВАН ВАГЕНОВ. (ОПЫТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ) 105

Притчина Валентина Алексеевна, ветеран музейного дела, независимый исследователь, г. Тотьма
ИЗ ИСТОРИИ ШЕБЕНЬГСКОГО ПОГОСТА ТОТЕМСКОГО УЕЗДА 118

Притчина Валентина Алексеевна, ветеран музейного дела, независимый исследователь, г. Тотьма
ЖИЗНЬ СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА В ВОСПОМИНАНИЯХ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА НИКИФОРОВСКОГО 126

Галушкина Вера Николаевна, заведующая отделом искусства и традиционной народной культуры МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ОТНОШЕНИЯ МОЛОДЕЖИ С РОДИТЕЛЯМИ В ТОТЕМСКОМ УЕЗДЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЧАСТУШКИ 137

Гросс Александра Владимировна, заведующая музейно-выставочным центром «На Большой Садовой» МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ГОНЧАРСТВО НА ТОТЕМСКОЙ ЗЕМЛЕ 146

Улитова Анастасия Сергеевна, старший научный сотрудник Государственного исторического музея, г. Москва
«АРХИТЕКТУРНЫЕ ШВЕЙКИ» РУССКОГО СЕВЕРА (ТОТЕМСКИЙ И СОСЕДНИЕ РЕГИОНЫ) 156

Тарашнина Татьяна Шихбалаевна, ведущий архивист обособленного структурного подразделения «Вологодский областной архив новейшей политической истории» Государственного архива Вологодской области, г. Вологда
РУКОВОДИТЕЛИ ТОТЕМСКОГО УЕЗДНОГО КОМИТЕТА РКП(б) – ВКП(б) 163

Дилакторская Елена Станиславовна, кандидат геолого-минералогических наук, член Союза писателей России, г. Санкт-Петербург
КРАТКИЙ ОБЗОР ПИСЕМ, АДРЕСОВАННЫХ СОВРЕМЕННИКАМИ ТОТЬМИЧКЕ НАТАЛИИ ДИЛАКТОРСКОЙ, С 1915 ПО КОНЕЦ 1980-х гг. (АРХИВ ИРЛИ РАН) 169

Дилакторская Елена Станиславовна, кандидат геолого-минералогических наук, член Союза писателей России, г. Санкт-Петербург
ТОТЬМИЧКА НАТАЛИЯ ДИЛАКТОРСКАЯ И ВИТАЛИЙ БИАНКИ. ДРУЖБА И СОТРУДНИЧЕСТВО 178

Макарова Ольга Николаевна, научный сотрудник отдела фондов МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ОТ МАХОВОЙ ПИЛЫ ДО «УРАЛА». КОЛЛЕКЦИЯ ПИЛ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ИСТОРИЯ ПОСТУПЛЕНИЯ 187

Филиппова Елена Валерьевна, заведующая архивным отделом МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ОБЗОР КОЛЛЕКЦИИ ПЛЕНОЧНЫХ НЕГАТИВОВ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ 195

Норина Наталья Павловна, научный сотрудник отдела фондов МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
КОЛЛЕКЦИЯ БОТАНИЧЕСКИХ МУЛЯЖЕЙ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ. СОСТАВ И ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ 203

Пригодина Ольга Борисовна, заместитель директора по науке ГБУК АО «Каргопольский музей», г. Каргополь, Архангельская область
МОИ ТОТЕМСКИЕ КОРНИ 207

Раздел II
РУССКИЙ СЕВЕР:
ИСТОРИКО-АРХИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 214

Черкасова Марина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии ФГБУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
СКОМОРОХИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ 214

Матасова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;
Ручкина Анна Юрьевна, магистрант кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, преподаватель кафедры истории и МХК Школы ЦПМ
СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБ АРОМАТАХ В ЖИТИЯХ ВОЛОГОДСКИХ СВЯТЫХ ... 226

Ромашкина Светлана Николаевна, ведущий искусствовед отдела по изучению истории и культуры Русского Севера культурно-исторического центра «Светочъ», г. Великий Устюг, Вологодская область
ИКОНОПИСЦЫ ДУХОВНОГО ЗВАНИЯ ВЕЛИКОГО УСТЮГА XVIII ВЕКА 232

Квирам Анна Александровна, младший научный сотрудник отдела этнографии Национального музея Республики Коми, г. Сыктывкар
ВЫСТАВКА «КРЕСТ – ХРАНИТЕЛЬ ВСЕЯ ВСЕЛЕННЫЯ»: К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ ФОТОГРАФИЙ ДУХОВЕНСТВА ИЗ СОБРАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ 242

Стародубов Юрий Валерьевич, руководитель благотворительного просветительского краеведческого проекта «Строгановский амбар», г. Москва – г. Тутаев
РУКОПИСНЫЙ АКАФИСТ ПРЕПОДОБНОМУ ИОАСАФУ КАМЕНСКОМУ ИЗ ЧАСТНОГО СОБРАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ 1940-х ГОДОВ 249

Вишнякова Дарья Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской Академии наук, г. Сыктывкар, Республика Коми
САНИТАРНЫЕ УСЛОВИЯ, МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ И МЕРЫ БОРЬБЫ С ИНФЕКЦИОННЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ В г. УСТЬ-СЫСОЛЬСКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. 255

Вербин Олег Гавриилович, главный хранитель историко-краеведческого музея, г. Полярный, Мурманская область
АРХИТЕКТУРНЫЕ ЛИКИ АЛЕКСАНДРОВСКА 259

Гришина Светлана Викторовна, сотрудник Благотворительного фонда «Центр возрождения культурного наследия «Крохино», г. Вологда
ОСВЕЩЕНИЕ ТЕМЫ ПРЕДСТОЯЩЕГО ЗАТОПЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ БЕЛОЗЕРЬЯ В СВЯЗИ СО СТРОИТЕЛЬСТВОМ ВОЛГО-БАЛТА В РАЙОННОЙ ПРЕССЕ В ПЕРИОД С 1950 ПО 1962 гг. 264

Зверева Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской Академии наук, г. Пермь
ЛЕКСИКА ОБРАБОТКИ ЛЬНА, ПРЯДЕНИЯ И ТКАЧЕСТВА В ПЕРМСКИХ И ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ 270

Раздел III

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКОГО СЕВЕРА И ВОПРОСЫ ЕГО СОХРАНЕНИЯ 275

Федоринова Ирина Леонидовна, независимый исследователь, г. Тольятти, Самарская область;
Пригодина Ольга Борисовна, заместитель директора по науке ГБУК АО «Каргопольский музей», г. Каргополь, Архангельская область
НАПРЕСТОЛЬНЫЕ РЕЗНЫЕ КРЕСТЫ С ШЕСТИЛЕПЕСТКОВЫМИ РОЗЕТКАМИ КОНЦА XVII–XVIII вв. НОВЫЕ АСПЕКТЫ ТЕМЫ 275

Миронова Ирина Николаевна, заведующий Ивангородским филиалом ГБУК ЛО «Музейное агентство» – Ивангородский музей, г. Ивангород, Ленинградская область;
Коновалова Ирина Владимировна, старший научный сотрудник Ивангородского филиала ГБУК ЛО «Музейное агентство» – Ивангородский музей, г. Ивангород, Ленинградская область
РУССКИЙ СЕВЕР ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА БИЛИБИНА В КОЛЛЕКЦИИ ИВАНГОРОДСКОГО МУЗЕЯ 282

Лобзова Раиса Викторовна, ведущий научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации, г. Москва;
Лисенкова Юлия Юрьевна, кандидат искусствоведения, независимый исследователь, г. Москва
ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИЗРАЗЦОВ XVIII ВЕКА ИЗ ВЕЛИКОГО УСТЮГА 288

Антропова Ирина Анатольевна, Журавлева Анастасия Ивановна, Максименко Жанна Аркадьевна, Сирро Сергей Владимирович, Торопов Вячеслав Юрьевич, Государственный Русский музей, г. Санкт-Петербург
ИНТЕРЬЕР ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНИЯ ВАЖИНСКОГО ПОГОСТА НА МАТЕРИАЛАХ ОБСЛЕДОВАНИЯ 2022 ГОДА 295

Филимонов Владимир Альбертович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Память Поколений», доцент кафедры связей с общественностью и рекламы Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Республика Коми;
Иванов Фёдор Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Память Поколений», доцент кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Республика Коми
«КНИГА ПАМЯТИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ» КАК КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ПРОЕКТ 302

Раздел IV

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО СЕВЕРА 307

Дидковская Наталья Александровна, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии, начальник Медиацентра ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль
СИМВОЛИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ РУССКОГО СЕВЕРА: МЕТАПРОСТРАНСТВО И ЭСТЕТОСФЕРА 307

Лемак Анна Юрьевна, учитель русского языка и литературы МОУ «СОШ № 1», г. Вологда
СВЯЗЬ ЧЕЛОВЕКА И РОДИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.М. РУБЦОВА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА СТИХОТВОРЕНИЯ «ПРИВЕТ, РОССИЯ») 312

Раздел V

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ 317

Черненко София Сергеевна, студентка 3 курса отделения культурологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет».
Научный руководитель – Пугач Иван Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»
КАЛЕНДАРНЫЙ ЦИКЛ И ТОПОГРАФИЯ БРАКОВ В ВОЛОГДЕ В 1620/21 ГОДУ 317

Лобашева Арина Сергеевна, студентка 2 курса отделения культурологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет».
Научный руководитель – Якушева Людмила Алентиновна, кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»
СОЦИАЛЬНЫЕ ФОТОПРОЕКТЫ ВОЛОГОДСКИХ АВТОРОВ: О. ЗАЖИГИН, А. КИРИЛОВСКИЙ, М. ТРАПЕЗНИКОВ 322

Лаврухина Софья Константиновна, студентка 3 курса отделения культурологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет». Научный руководитель – Якушева Людмила Алентиновна, кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»
ИЗУЧЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА ТОТЕМСКИХ ХУДОЖНИКОВ Ф. М. ВАХРУШОВА И К. Г. АНДРЕЕВА 328

Раздел VI
КНИГА В КНИГЕ 333

Вахрин Сергей Иванович, член Союза писателей России, Союза кинематографистов России, Русского Географического общества, г. Елизово, Камчатский край
ВЫХОДЦЫ ИЗ ТОТЬМЫ В ИСТОРИИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 333

Медведев Игорь Борисович, архитектор, реставратор памятников Тотьмы, г. Москва
ДЕКОР НА ФАСАДАХ КАМЕННОЙ КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ X–XVII ВЕКА (1-я ЧАСТЬ) 354

Раздел VII
РЕЦЕНЗИИ 384

НЕКОТОРЫЕ ОТКЛИКИ НА МОНОГРАФИЮ «НИКОЛАЙ РУБЦОВ НА ТОТЕМСКОЙ ЗЕМЛЕ» 384

Раздел VIII
ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ 395

Правдина Мария Борисовна, кандидат культурологии, учёный секретарь МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ВОПЛОЩАЯ СТУДЕНЧЕСКИЕ МЕЧТЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЛЕТНЕМ МУЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ЛАГЕРЕ В ТОТЬМЕ 395

Якушева Людмила Алентиновна, кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
СТУДЕНЧЕСКАЯ ПРАКТИКА КАК ИННОВАЦИОННАЯ ПЛОЩАДКА ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ 400

Научное издание

РУССКИЙ СЕВЕР - 2023: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Сборник работ VII Всероссийской научной конференции

Составитель и редактор
***Полоцкая** Ольга Владимировна*

Подписано в печать 00.02.2023. Формат 60×84/16.
Гарнитура Cambria. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 24,18.
Тираж 500. Заказ 1032.

ООО ПФ «Полиграф-Периодика».
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.
Тел. 8 (8172) 72-61-75. E-mail: price@pfpoligrafist.com